

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-07-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-07-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Подковырин Ю.В. Смысловые параметры сюжета литературного произведения	1
Шуйская Ю.В., Арефьев Н.А., Власова М.В., Шестов Н.А. Медиаменеджмент корпоративных университетских СМИ США как инструмент public relations вуза (на примере СМИ университетов Лиги Плюща)	13
Чичина М.О., Григорьева Н.А. Лингвокультурологический и лексический анализ статьи А.Н. Толстого «Родина»	26
Данилина О.В. Из опыта использования медиатекстов на занятиях РКИ в группе студентов-филологов 4 курса МГУ-ППИ (Шэньчжэнь)	42
Гофштейн О.Г., Рудакова С.В. Специфика художественных историософских взглядов В. К. Кюхельбекера (по материалам «Европейских писем»)	51
Мурзина О.В., Грабельников А.А., Цицинов А.Ю. Онлайн-кинотеатры как новые медиа	61
Ли Ц. Переводческая этика в свете китайской экологической модели перевода	69
Ширлина Е.Н., Костина Н.И., Костина Д.М. Дидактический потенциал интеллектуальных игр при обучении поисковому чтению	79
Иванова В.В. Концептуальный анализ нарративной стратегии текста выступления пропагандистского характера с позиции постлакановского психоаналитического подхода	89
Шагбанова Х.С. Концепты «эмоция» и «emotion» в русской и английской языковых картинах мира	98
Гуркова А.В. Лексические показатели преувеличения и преуменьшения времени английского языка (на материале художественных текстов)	108
Авати С., Больберан М., Саад Х., Махмуд Ахмад М., Хезла Л. От перехода к трансформации: ограниченность, маска и идентичность в «Чуде» Р. Дж. Паласио	117
Чэнь С. Структурно-семантические особенности аббревиации в русском образовательном дискурсе	128
Кожемякина В.А. Этнофолизмы в китайском языке как отражение расовой и этнической идентичности: вопросы политической корректности	137
Митрович К.З. Формы литературной игры у П.Г. Вудхауза (на примере романа «The Code of Woosters»)	149
Гофштейн О.Г., Рудакова С.В. Особенность видения настоящего и будущего в «Дневнике» В. К. Кюхельбекера	161
Красников Я.Е. Нарративные особенности пьесы А. П. Чехова "Чайка"	171
Савина Е.С. Юридические метафоры и образные сравнения как стилистический способ характеристики общества Германтов в романе М. Пруста	181
Тимохов А.Д. Стратегии транскреации в локализации видеоигр (на материале игры «Team Fortress 2»)	194
Алексеева М.Е. Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере	210

вопросительных и относительных местоимений)

Сотникова Е.Е., Попова Л.Г. Структурные виды вторичных антропонимов в английских и русских публицистических текстах.	221
Орлова Т.Г. Структурно-семантические особенности и национальная специфика английских и русских пословиц со значением «предусмотрительность», «осторожность»	231
Папченко А.Ю. Об актуальных тенденциях развития языкового конфликта в Каталонии	245
Пушкарева Ю.Г., Жарникова А.В., Щербакова А.А. Дискурсивная функция анемонимов в современном коммуникативном пространстве	254
Гуань Ц. Лингвистический анализ концепта КОРРУПЦИЯ в политическом дискурсе русского языка	265
Ван И. Концептуальный анализ лексемы «облако» в русской и китайской лингвокультурах	274
Англоязычные метаданные	286

Contents

Podkovyrin Y.V. Semantic parameters of the plot of a literary work	1
Shuiskaya Y.V., Aref'ev N.A., Vlasova M.V., Shestov N.A. Media management of corporate university media in the USA as a public relations tool of a university (using the example of Ivy League University media)	13
Chichina M.O., Grigorieva N.A. Linguoculturological and lexical analysis by article of A.N. Tolstoy "Motherland"	26
Danilina O. From the experience of using media texts in RFL classes in a group of 4th-year philology students of Shenzhen MSU-BIT University	42
Gofshtein O.G., Rudakova S.V. Specifics of V. K. Kuchelbecker's artistic historiosophic views (based on the materials of his European Letters)	51
Murzina O.V., Grabel'nikov A.A., Tsitsinov A.Y. Online cinemas as new media	61
Li T. Translation ethics in the light of the Chinese ecological model of translation	69
Shirlina E.N., Kostina N.I., Kostina D.M. Didactic potential of intellectual games in teaching scanning	79
Ivanova V. Conceptual analysis of the narrative strategy of the text of the propaganda speech from the position of the post-Romanov psychoanalytic approach	89
Shagbanova K.S. "Emotion" in the Russian and English language pictures of the world	98
Gurkova A.V. Lexical indicators of exaggeration and understatement of the time of the English language (based on the material of literary texts)	108
Aouati S., Boulberhane M., Saad H., Ahmad Mahmood M., Hezla L. From Transition to Transformation: Liminality, Mask, and Identity in R. J. Palacio «Wonder»	117
Chen X. Structural and semantic features of abbreviation in Russian educational discourse	128
Kozhemyakina V.A. Ethnophaulisms in the Chinese language as a reflection of racial and ethnic Identity: Issues of political Correctness	137
Mitrovich K.Z. Literary Expression Elements in P.G. Wodehouse's Literature (based on the novel "The Code of Woosters")	149
Gofshtein O.G., Rudakova S.V. The peculiarity of the vision of the present and the future in V. K. Kuchelbecker' "Diary"	161
Krasnikov Y.E. Narrative features of A. P. Chekhov's play "The Seagull"	171
Savina E. Legal Metaphors and Figurative Comparisons as a stylistic way of characterizing the Society of Guermantes in M. Proust's novel	181
Timokhov A.D. Transcreation Strategies in Video Game Localisation (based on "Team Fortress 2")	194
Alexeeva M. Animacy and Referential Status as Factors of Asymmetric Object Marking in Modern Hebrew (based on Interrogative and Relative Pronouns)	210
Sotnikova E.E., Popova L.G. Structural types of secondary anthroponyms in English and Russian journalistic texts.	221

Orlova T. Structural and semantic features and national specificity of English and Russian proverbs with the meaning "foresight", "caution".	231
Papchenko A.Y. Current trends in the development of the language conflict in Catalonia	245
Pushkareva Y.G., Zharnikova A.V., Shcherbakova A.A. The discursive function of anonyms in the modern communicative space	254
Guan Q. Linguistic Analysis of the Concept of CORRUPTION in the Russian Political Discourse	265
Wang Y. Conceptual analysis of the lexeme "cloud" in Russian and Chinese linguocultures	274
Metadata in english	286

Litera

Правильная ссылка на статью:

Подковырин Ю.В. — Смысловые параметры сюжета литературного произведения // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40933 EDN: HVPHTH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40933

Смысловые параметры сюжета литературного произведения

Подковырин Юрий Владимирович

ORCID: 0000-0002-9306-4331

кандидат филологических наук

доцент, кафедра теоретической и исторической поэтики, Российский государственный гуманитарный университет; доцент, кафедра русского языка и литературы, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

141446, Россия, г. Москва, Мясницкая площадь, 6

✉ mail1981@list.ru

[Статья из рубрики "Герменевтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.40933

EDN:

HVPHTH

Дата направления статьи в редакцию:

31-05-2023

Дата публикации:

07-06-2023

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является сюжетная организация литературного произведения, рассмотренная в герменевтическом ракурсе, а именно как один из аспектов актуализации смысла литературного произведения. В работе на материале ряда произведений, относящихся к эпическому роду литературы, исследуются смысловые параметры сюжетно-событийной организации произведения. В статье выявляются и описываются различия между жизненно-этическим способом осмысления сюжета, связанным с ценностной позицией героев, и эстетическим способом осмысления сюжета, связанным с ценностными установками автора и реципиента. В последнем случае сюжет понимается как динамический аспект инкарнации (воплощения) художественного смысла. Научная новизна статьи определяется тем, что в ней впервые сюжетно-событийная организация литературного произведения рассматривается в связи со специфическим способом актуализации художественного смысла, определяемым в

данной работе как инкарнация. Под инкарнацией смысла в статье понимается его «претворение» в бытие (жизнь) героя как целое. Если в жизненном контексте осмысления последовательность событий ("сюжет" жизни) соотносится персонажем с частным и незавершённым горизонтом смыслового будущего, то в эстетическом контексте осмысления сюжет выступает как артикуляция целостного смысла бытия героя, как его "судьба". В результате интерпретации текста сказки братьев Гримм "Гензель и Гретель", а также новеллы Э. А. По "Маска красной смерти" автор статьи показывает, что посредством сюжетной артикуляции в эстетическом смысловом "измерении" произведения разнородные моменты смысла собираются, увязываются в последовательное единство.

Ключевые слова:

смысл, сюжет, событие, персонаж, автор, эпика, художественность, герменевтика, инкарнация, интерпретация

В предлагаемой статье категория сюжета рассматривается в связи с проблемой специфики смысла литературного произведения. Следует отметить, что в литературоведении имеется огромное количество работ, посвящённых семантике какого-либо определённого сюжета или группы сюжетов или сюжета как такового (от Аристотеля [1] до М.М. Бахтина [2, с. 284-286, 304-305], О.М. Фрейденберг [3], М. Bal [4, p. 154-187] и др.), однако в этих работах на первом плане оказывается сюжет, а не смысл литературного произведения в его специфике (это характерно и для тех исследований, в названии которых соединяются слова сюжет и смысл, например, в книге И.В. Силантьева «Сюжет и смысл» [5]). Первенствующее положение среди работ, в которых категория сюжета рассматривается с позиций герменевтики, занимает книга Поля Рикёра «Время и рассказ» [6] (подробный анализ концепции Рикёра, представленной в этой книге, дан, в частности, в работе Е.И. Ляпушкиной [7]). Однако и в исследовании Рикёра особенности построения сюжета в «вымышленном рассказе» (2-й том книги) непосредственно не увязываются со спецификой художественного смысла, с вопросом о том, чем этот смысл отличается от других типов смысла. Недостаточная прояснённость той роли, какую сюжет играет в актуализации смысла литературного произведения, на наш взгляд, обуславливается тем, что специфика художественной смысла остаётся, во многом, неясной. Таким образом, **цель** наших разысканий в данной статье: *в ыявление и описание параметров обусловленности сюжетной организации литературного произведения спецификой бытия художественного смысла*. Для достижения данной цели необходимо, на наш взгляд, решить следующие **задачи**: 1) прояснить специфику категории события в эстетико-герменевтическом ракурсе; 2) выявить различия в способах соотношения сюжета и смысла в жизненном («жизненно-этическом» в терминологии Бахтина) и художественном семантическом «измерениях» литературного произведения. Обращение к материалу эпики обусловлено тем, что именно в текстах этого рода художественной словесности сюжетное начало проявляется наиболее непосредственно, и его выявление не требует специальных оговорок. В следующих работах мы планируем рассмотреть смысловые параметры сюжета на материале лирических и драматических текстов.

Специфику художественного смысла мы в данной работе определяем посредством понятия **инкарнации** (воплощения) [8, с. 93; 9; 10]. Поскольку данное понятие (и явление)

уже подробно было рассмотрено нами в других работах [\[11; 12; 13\]](#), то в этой статье мы ограничимся только кратким определением. Инкарнация смысла – это особый способ его актуализации в акте эстетического общения между автором, героем и реципиентом литературного художественного произведения, представляющий собой «претворение» смысла в бытие (жизнь) героя как целое. Этому осмысленному бытию присуща не только пространственно-временная расположенность [\[13, с. 139-156\]](#), но и *событийность*. В данном случае это понятие (различные подходы к понятиям и феноменам события и событийности представлены, в частности, в следующих изданиях: [\[14; 15, с. 7-15; 16\]](#)) описывает жизнь в её *динамике*, в аспекте *перехода возможностей в действительность*.

Событие, рассмотренное в герменевтической перспективе, представляет собой претворение в действительность некоторой смысловой возможности, ведущее к необратимой трансформации всего семантического целого бытия личности. При этом *изнутри* жизненного смыслового контекста (с позиции персонажей) событие (и сюжет – как цепь событий) представляет собой семантическую трансформацию, относящуюся к *части* жизни и не являющуюся окончательной (то есть не относящейся к бытию личности как *целому*). При переходе же от жизненного к эстетическому ракурсу осмысления событийности изменяется семантический контекст. «Вненаходимость» (Бахтин) осмысливающих позиций автора и читателя осмысливаемому «жизненному миру» героев даёт возможность участникам эстетической коммуникации интерпретировать этот мир и, в том числе, совершающиеся в нём события, как целое. Таким образом, в эстетическом ракурсе осмысления событие (или последовательность событий) истолковывается не как *частная* смысловая трансформация (или ряд трансформаций) жизни героев, а момент инкарнации смысла их жизни как *целого*. И целого не статического, а – *динамического*. В свете сказанного нам представляется значимым обратиться к размышлениям О.М. Фрейденберг о «долитературном» периоде развития сюжета. Исследовательница, в частности, пишет: «герой делает только то, что семантически сам означает» [\[3, с. 223\]](#), таким образом, сюжетные мотивы выступают как «действенная форма персонажа» [\[3, с. 223\]](#). Данное положение принимается в работах по исторической поэтике [\[17, с. 58\]](#) как довольно точно описывающее природу сюжета на синкретической стадии развития литературы. Однако, на наш взгляд, данное положение учёного может быть отнесено не только к произведениям архаической эпохи, но и к художественной литературе в целом. То, что герой «делает», осмысливается им самим и, отчасти, читателем, в отношении к *частному* смысловому контексту ситуации. Собственно, действия героя и порождают, в большей или меньшей степени, этот контекст. В эстетическом же смысловом контексте действия героя проецируются на смысл *целого* (на то, что герой «семантически сам означает»), выступают в качестве моментов инкарнации смысла этого целого.

Категория сюжета связана, как уже было определено выше, с динамическим аспектом инкарнации смысла. Инкарнация предполагает не только то, что смысл некоторым образом – посредством пространственно-временного расположения – конкретизируется [\[18\]](#). Смысл в акте инкарнации предстаёт также и как *свершение*. Отдельные смысловые моменты (полюса) в произведении определённым образом соотносятся друг с другом, иерархически упорядочиваются именно посредством события (сюжета как событийного целого). Именно через событие смысл с-бывается, претворяется в жизнь. Рассмотрим особенности динамического аспекта инкарнации смысла на материале текста, сам жанр которого (сказка) выдвигает сюжетно-событийный аспект поэтики на первый план, а именно – «Гензель и Гретель» из сборника сказок братьев Гримм (Братья Гримм. Гензель и Гретель // Братья Гримм. Сказки. Пер. с нем. Г. Петникова. М.: Правда, 1987. С. 61-67. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц). Элементы

инкарнированного смысла рассказа могут быть описаны с помощью данного ряда оппозиций:

жизнь – смерть

отец (и мать) – мачеха

ребёнок (дети) – старуха

обжитое пространство – (дикий) лес

тело – кость

хлебные крошки – голыши (камни)

дом родной – дом-ловушка (гроб, могила)

кошечка, голубка – печная труба

звук, производимый человеком – звук, производимый предметом

полнота – худоба

прозорливость, ум – близорукость, слепота

еда – голод (объедки),

богатство (сокровища) – бедность

и т.д.

Выделенные «вехи» художественного смысла в инкарнированном смысловом плане произведения представлены теми или иными образно-хронотопическими элементами художественного мира. Сразу следует отметить, что отнесение тех или иных смысловых элементов к определённому ряду или полюсу до тех пор, пока мы опираемся только на образно-хронотопический «план» инкарнации, является предварительным, отсылает, скорее, к культурной и языковой традиции. *Именно событие единственным, характерным именно для данного произведения образом, соотносит друг с другом отдельные элементы смысла, приобщая их бытию личности*. Так, в «Гензеле и Гретель» выделенные образно-смысловые элементы так или иначе репрезентируют универсальную для рассказа смысловую оппозицию жизни и смерти, живого и мёртвого. Однако вне связи с событием данная оппозиция (как и все прочие, связанные с ней) имеет достаточно неопределённый, предварительный характер. Именно событием утверждается, какой ряд смысловых элементов оказывается ценностно маркированным, выдвигается на первый план. Так, для понимания смысла «Гензеля и Гретель» значимо не только то, что смерть образно-хронотопически сопоставлена с жизнью (на это указывает уже то, что герои сказки живут на границе миров – на «опушке» леса), но и то, что в сказе имеет место победа жизни над смертью. Выдвижение на первый план первого из обозначенных нами (левого) ряда образно-смысловых элементов осуществляется в произведении именно посредством события. Вместе с тем необходимым элементом динамического смыслового целого произведения являются события, демонстрирующие претензию смерти на то, чтобы победить жизнь. Первое такое событие (удвоенное), это, собственно, решение родителей убить собственных детей – увести их в лесную чащу и оставить там одних. В этом событии дети (представляющие собой восходящую жизнь) противоестественным образом приносятся в жертву ради взрослых

(жизни заходящей). Смерть в этом событии как бы занимает законное место жизни. Характерно, что инициатором убийства выступает «мачеха» – персонаж также «подменный»: негативная замена матери. Встреча в лесу со старухой, заманивающей в свой дом детей и питающейся ими, по сути, представляет собой усиленный семантический «дублет» начального события. И здесь мы сталкиваемся со смертью, пожирающей жизнь, противоестественно претендующей на победу над ней. Следует отметить, что мёртвое для победы над живым принимает в сказке формы последнего. Так, мачеха говорит детям, что в лес они отправятся, чтобы нарубить дров (по всей видимости, для печи, очага – источника жизненной, производительной деятельности в доме). На самом же деле, как это знает читатель, да и сами Гензель и Гретель, цель этой прогулки: смерть. Старуха в лесу (воплощение смерти) заманивает своих жертв-детей едой (субстанцией жизни). Её избушка «сделана (...) из хлеба, крыша на ней из пряников» (с. 64), внутри избушки детей встречает «вкусная еда» (с. 65) на столе. Итак, во-первых, смерть в сказке не просто сосуществует рядом с жизнью, но и претендует на то, чтобы занять её место. Во-вторых, эта претензия связана с тем, что смерть принимает облик жизни, отдельных её значимых атрибутов (то есть опять-таки заступает на место жизни). Победа жизни над смертью, по-видимому, имеет смысл, только если смерть как бытийный аспект обнаруживает себя, вторгается на «территорию» жизни.

В то же время, ряд событий, непосредственно соотнесённых с победой жизни над смертью, связан с тем, что жизнь входит на «территорию» смерти и, в свою очередь, некоторым образом уподобляется ей. Сравним две прогулки героев в лес. Первая заканчивается для детей удачно, так как Гензель разбросал по дороге «голыши» (камни), по которым героям удалось найти дорогу домой. Однако во время второй прогулки Гензель, как мы помним, разбрасывает по дороге крошки. Птицы склевывали крошки, и дети не смогли найти путь к дому. Камень – мёртвый предмет, тогда как хлебные крошки – части еды, связанной с жизнью. То, что птицы склёвывают крошки – совершенно естественно, соответствует логике жизни. Когда дети действуют согласно этой логике – они приближаются к смерти. То же самое приближение к смерти имеет место в эпизоде с поеданием «съедобной» избушки старухи-ведьмы. И тут герои действуют соответственно логике жизни – и оказываются у смерти в ловушке. Однако когда в облике и поведении детей появляется нечто, соответствующее смерти, – это ведёт их к спасению. Так, Гензель просовывает старухе сквозь прутья клетки «косточку» (с. 66) (атрибут смерти) вместо пальцев – и старуха откладывает трапезу, так как Гензель «всё не жиреет» (там же). Гретель умерщвляет старуху таким же образом, каким старуха хотела убить саму девочку – «запекает» в печи. Победа над смертью осуществляется как её фактическое умерщвление. При этом в качестве орудия используется (уже по назначению) очаг – один из ключевых, как уже было отмечено, атрибутов жизни, её производительных сил.

Когда дети счастливо возвращаются домой, их встречает отец, а мачеха, как выясняется, уже умерла. Сам факт смерти мачехи в сказке никак не объясняется. Однако в контексте художественного целого эта смерть выглядит неизбежной – она «рифмуется» со смертью старухи: обе героини являются инкарнацией «смертного» плана смыслового целого. Победа жизни над смертью как сюжетно утверждаемый момент инкарнируемого смысла обуславливает и гибель мачехи. При этом в сказке сюжетно побеждается, уничтожается не столько смерть как таковая (например, лес как область, приближенная к «полюсу» смерти, продолжает существовать), сколько необоснованная претензия смерти на победу над жизнью. Чтобы художественно утвердился, «сбылся» именно такой смысл сказки, необходимо чтобы в её событийное целое входили моменты (отдельные события), демонстрирующие противоестественную попытку смерти

«поглотить» (в случае старухи – буквально) жизнь, встать на её место. Таким образом, в динамическом смысловом целом произведения, как мы попытались показать, сцепляются друг с другом, взаимно «взвешиваются» и располагаются относительно друг друга элементы инкарнированного смысла (представленные теми или иными аспектами эстетического бытия).

Жизнь и смерть, живое и мёртвое образуют смысловые полюса и многих других произведений, в том числе – новеллы Э.А. По «Маска красной смерти» (*По Э.А. Маска красной смерти. Пер. с англ. Р. Померанцевой. URL: <http://www.lib.ru/INOFAANT/POE/maska.txt>*). Сопоставление живого и мёртвого выражено в новелле прежде всего хронотопически: Красная смерть захватывает все владения принца Просперо, кроме монастыря, в котором принц укрывается вместе с тысячей своих приближённых. Границы монастыря очень основательны («Здание (...) было опоясано крепкой и высокой стеной с железными воротами»): они обозначают предел между областями смерти и жизни. Однако противопоставление сфер жизни и смерти усиливается и атмосферой внутри монастыря: принц и его спутники проводят время в удовольствиях, вместо того чтобы предаваться скорби и раздумьям. Однако граница между жизнью и смертью проходит и внутри монастыря. В седьмой комнате из числа тех, которые составляют покои принца, «стояли гигантские часы черного дерева». Эти часы бьют каждый час, напоминая веселящимся придворным о движении времени и, следовательно, о смерти. Когда раздавался бой часов, «вальсирующие пары невольно переставали кружиться, (...) бледнели лица даже самых беспутных», а те, кто был постарше и порассудительней, невольно проводили рукой по лбу, отгоняя какую-то смутную думу». Когда же «бой часов умолкал, (...) тотчас же веселый смех наполнял покои; музыканты с улыбкой переглядывались, словно посмеиваясь над своим нелепым испугом, и каждый тихонько клялся другому, что в следующий раз он не поддастся смущению при этих звуках». В представленном описании реакции спутников принца на бой часов, движение, весёлый смех, улыбка как атрибуты жизни, противопоставлены неподвижности, бледности как атрибутам смерти. С этими же репрезентациями смерти соотносятся и такие ценности, как мысль, рассудок. Граница между жизнью и смертью здесь уже не пространственная, а поведенческая и психологическая.

Таким образом, в новелле выделяются смысловые моменты (они же – части эстетической реальности), относящиеся к полюсу смерти и к полюсу жизни. Ценностно-иерархическое отношение между этими полюсами, как и в «Гензеле и Гретель», устанавливается событием, точнее, сюжетом как событийным целым. Однако в новелле По, в отличие от сказки из сборника братьев Гримм, событием, соотносящим данные смысловые полюса, является, по всей видимости, победа смерти над жизнью. Действительно, в финале новеллы Красная смерть в образе ряженого проникает в стены монастыря, где укрывается принц и его спутники, после чего все персонажи умирают, а Красная смерть обретает полную власть над художественным миром («над всем безраздельно воцарились Мрак, Гибель и Красная смерть»).

Вместе с тем динамический аспект инкарнации смысла в новелле По только очень грубо может быть описан с помощью приведённой выше «формулы» (победа смерти над жизнью) и требует более подробного анализа. Финальному событию в произведении (гибели всех персонажей и воцарению Красной смерти) предшествует целый ряд других: 1) решение принца укрыться в стенах монастыря и укрепление стен и ворот; 2) принц Просперо созывает своих спутников на «бал-маскарад, великолепней которого еще не видавали»; 3) описание седьмой (черно-красной) комнаты и эбеновых часов – это событие на уровне «самого рассказывания»; 4) появление «новой маски»,

сопровождающееся двенадцатью ударами часов; 5) смерть принца в чёрной комнате от «взора» ряженого; 6) разоблачение «новой маски».

Сосредоточимся на двух первых событиях. Укрепляя стены монастыря, принц буквально отгораживается от смерти. Но отгораживается он от неё не только пространственно, но и поведенчески: предаваясь в своём убежище различным «удовольствиям». Таким образом, граница между жизнью и смертью в мире новеллы представлена не просто существующей, а установленной по воле человека, искусственно. Живые дистанцируются от смерти, исключают её не только из своего повседневного опыта, но и из мыслей.

Следующее событие – организация принцем бала-маскарада – онтологические утверждает новые семантические соответствия в тексте. Монастырь – пространство жизни – предстаёт миром иллюзии, сна, бреда. Семантика жизни онтологически соотносится с семантикой иллюзии, «маскарада». Ещё более усиливает и, в то же время, семантически «остранняет» оппозицию жизни и смерти описание устройства покоев для бала, оформленных при участии самого принца Просперо. Обратим внимание только на несколько важных моментов. Обустроивая седьмую (самую западную) комнату, принц явно организует её как пространство смерти («только в этой комнате окна отличались от обивки: они были ярко-багряные - цвета крови», «на галерее, окружавшей анфиладу, против каждого окна стоял массивный треножник с пылающей жаровней», «в западной, черной, комнате свет, струившийся сквозь кроваво-красные стекла и падавший на темные занавеси, казался особенно таинственным и столь дико искажал лица присутствующих, что лишь немногие из гостей решались переступить ее порог»). В эту же комнату помещаются часы эбенового дерева, которые, как мы уже отметили, напоминают спутникам принца о времени и смерти. Получается, что принц сам помещает атрибуты смерти внутрь своего убежища. Однако смерть здесь предстаёт как декорация. Принц противопоставляет себя смерти, придавая ей иллюзорный, театральный облик. Однако и жизни, как уже было отмечено выше, придаётся в монастыре характер иллюзии. Декорируя смерть, принц пытается дистанцироваться от неё, но, по сути, театрализуя и жизнь, упраздняет границу между этими ценностями.

Следующим событием новеллы становится появление «новой маски», обликом напоминающей Красную смерть. Событийность данному действию (в появлении «маски» на маскараде, в принципе, нет ничего событийного) придаёт реакция принца и его спутников. Что же вызывает у них «страх, ужас и негодование»? Можно предположить, то, что маска представляет смерть как нечто конкретное (именно Красная смерть!) и реальное («Маска (...) столь точно воспроизводила застывшие черты трупа, что даже самый пристальный и придирчивый взгляд с трудом обнаружил бы обман»), а не символическое и театральное. Если жизнь в пространстве монастыря представляет собой иллюзию, то смерть заявляется на этот маскарад как неожиданная истина. Характерно, что встреча «маски» с принцем, заканчивающаяся смертью последнего, происходит в чёрной, западной комнате, являющейся «декорированной» инкарнацией смерти.

Событие «разоблачения» маски содержит, помимо прочего, некую странность. Именно когда спутники принца обнаруживают, что под «жуткой маской» ничего нет, они перестают сомневаться, что Красная смерть проникла на «маскарад». Почему так происходит? И в кругозорах персонажей, и в эстетическом контексте осмысления семантика смерти, через событие разоблачения «маски», соотносится с семантикой пустоты. Вместе с тем, феноменологически маска-смерть (эта связь подчёркивается и в заглавии новеллы) подобна «маскараду» жизни. Сюжет новеллы показывает, как отшатываясь от ужаса смерти, уходя от её истины в иллюзию, жизнь онтологически

уподобляется смерти.

Описание финального события – полного триумфа Красной смерти в мире новеллы – сопровождается двумя характерными подробностями. Во-первых, «бражники» в «пиршественных залах» умирают «в тех самых позах, в каких настигла их смерть». Эта подробность указывает на сходство, по крайней мере, внешнее – их прижизненного и посмертного бытия. Во-вторых, вместе с принцем и спутниками умирают и «декорации» смерти (и жизни) в его покоях: «угасла жизнь эбеновых часов, потухло пламя в жаровнях».

Таким образом, в новелле По действительно изображается событие победы смерти над жизнью, но над жизнью мнимой, иллюзорной. В смысловом целом произведения победа смерти соотносится с онтологическим утверждением истины и отрицанием иллюзии. Такое соотношение смысловых моментов (полюсов) в новелле устанавливается посредством события (точнее, сюжета как событийного целого).

Последовательность изображения событий в тексте также имеет герменевтическое значение, так как определяет траекторию инкарнации смысла, направление его осуществления. Так, в «Гензеле и Гретель» первоначальным событием является попытка родителей (точнее, мачехи, отец в этом событии играет пассивную роль) избавиться от детей как от «лишних ртов». Толкуя смысл данного события несколько обобщённо, можно сказать, что оно обозначает претензию смерти (мёртвого аспекта бытия) на то, чтобы занять место живого. Первая попытка, благодаря сообразительности Гензеля, разбросавшего по дороге камни, оказывается неудачной. Однако вторая увенчалась успехом: птицы съели разбросанные Гензелем крошки и дети заблудились в лесу. Это событие делает возможным следующее – встречу со старухой-ведьмой. Таким образом, как мы уже отмечали выше, чтобы семантика победы жизни над смертью (точнее, над необоснованными претензиями мёртвого на то, чтобы занять место живого) осуществилась, нужно, чтобы смерть обнаружила себя, зашла на «территорию жизни». В свою очередь для победы над смертью жизнь (в образе детей) должна войти на её территорию, непосредственно встретиться со смертью. Победа, которую дети одерживают над старухой-ведьмой, начинается с поражения. Старуха посредством еды (атрибута жизни) заманивает детей в дом-ловушку. Смерть здесь опять-таки атакует жизнь, уподобляясь ей. Обман, иллюзия и в ситуации заманивания детей в лес, и в момент встречи со старухой-ведьмой обнаруживают себя как атрибуты смерти. Однако дети (инкарнация семантики жизни) побеждают смерть (семантический план которой воплощается образами мачехи и старухи), как уже было отмечено, уподобляясь ей. Так, старуха пытается заманить Гретель в печь, однако сама оказывается обманутой и сожжённой. Смерть побеждается тем, что умерщвляется или же умирает, как мачеха (о связи событий смерти старухи и мачехи мы писали выше). Сказка обнаруживает тавтологичность словосочетания «победа жизни над смертью». Жизнь не по случайности одерживает верх, она по сути своей – победна. Тогда как онтологическое место смерти – низ, поражение. Вектор инкарнации смысла, выражающийся в сюжете, идёт от отрицаемого семантического полюса (смерти) к утверждаемому (жизни). И это вектор, направленность (синтагматика) инкарнации имеет онтологизированный, необходимый (а не случайно-вероятностный) характер. В контексте инкарнации каждое событие выступает не просто как причина последующих или следствие предыдущих, а представляет собой необходимый момент смыслового целого. Сама последовательность расположения событий образует динамический аспект инкарнации и предопределяет траекторию истолкования. Поскольку семантика целого в сказке братьев Гримм связана именно с победой жизни над смертью, раскрывающей иерархию этих ценностей в

художественном мире, то начальные события должны были выдвинуть смерть на первый план, представить её претензию на значимость, господство над жизнью.

В новелле «Маска Красной Смерти» оппозиция жизни и смерти ведёт к другой, для текста По столь же значимой, оппозиции – истины и иллюзии. Торжество смерти как истины над иллюзорной, «декоративной» жизнью в финале новеллы опять-таки предполагает, что начальные события обозначают семантический «вес» иллюзии. При этом если в начале мы наблюдаем противоречие жизни и смерти, то в финале (с событием разоблачения «маски») обнаруживается онтологическое подобие мнимой жизни и смерти (это объединяющее качество – пустота, сведение полноты личностного бытия к внешнему аспекту). Жизнь в новелле По не случайным и несчастливым образом побеждается смертью. Будучи иллюзорной, она уподобляется смерти, в самой себе обнаруживает «смертные» черты (не случайно «Маска Красной смерти» таинственным и не объясненным в тексте образом оказывается сразу внутри монастыря, где укрываются принц и его спутники) и этим самым сама ниспровергает себя. В финале семантика смерти (как истины) событийно утверждается, тогда как семантика жизни (как иллюзии) ценностно отрицается.

В связи с рассматриваемым аспектом связи инкарнации смысла и сюжета нам представляется важным обратиться к обоснованию **судьбы** как эстетической категории в работе об авторе и герое М. М. Бахтина. Учёный противопоставляет «жизнь» героя (внутреннюю направленность его поступков на *предстоящие* смыслы; «изнутри себя целями регулируемая жизнь» [8, с. 235]) и «судьбу» (создаваемая «автором-зрителем» с позиции вневходимости «определённость своего бытия, своего лика в бытии» [8, с. 235]). Судьба – это сбывшийся, «отложившийся» [8, с. 235] смысл жизни героя, жизнь героя как осмысленное целое: «Судьба – это не я-для-себя героя, а его бытие, то, что ему дано, то, чем он оказался» [8, с. 236]. В «измерении» судьбы отдельные поступки героя осмысливаются не изнутри – целями, желаниями, нуждами, а извне (с позиции автора и читателя) – контекстом целого. Именно в контексте судьбы становится очевидно, что герой «поступает так, потому что он таков» [8, с. 237] (ср. с приведённым ранее суждением О.М. Фрейденберг о соотношении героя и его действий). Бахтин обращается к категории «судьбы» в рамках размышлений о «классическом» [8, с. 235] типе характера, но его идеи, как нам представляется, имеют более широкую сферу применения. Мы считаем, что категория *судьбы*, в бахтинском её понимании, образует смысловой фундамент литературоведческой категории сюжета. Судьба как «суд бытия» [19, с. 35] представляет собой динамический аспект инкарнации смысла.

В смысловом плане, порождаемом активностью автора и читателя, *последовательность событий*, семантических отрезков – это осуществление (инкарнация) *целостного* смысла жизни героя в аспекте его *синтагматики*. Смысл всегда инкарнирован в литературном произведении как нечто неоднородное (ему присуща «поляризация» – Л.Ю. Фуксон [20, с. 292]), но эта неоднородность смысла выражена в произведении двояко. С одной стороны, смысл развёртывается как «мир» – некое *расположение* ценностей (пространственно-временное), «семантических полей», их зримое многообразие (на синкретической стадии эволюции поэтики только формальное). Этот аспект инкарнации можно назвать *центробежным* (в направлении *многообразия* семантики). С другой стороны, эти разнородные ценности собираются, увязываются в *последовательное целое* действующим героем, который, переходя границы семантических полей, соединяет различные смысловые планы. Этот аспект инкарнации можно определить как *центростремительный* (в направлении *целостности*). Именно так, совершая поступки,

герой постепенно осуществляет то, что «сам означает», а именно – целое сюжета-судьбы как *синтагматически* развёрнутой инкарнации смысла.

Библиография

1. Аристотель. Об искусстве поэзии / Пер. В. Г. Апелльрота. М.: Гослитиздат, 1957. 183 с.
2. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / Сост. И.В. Пешков. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
3. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 445 с.
4. Bal M. Narratology: introduction to the theory of narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2017. 205 p.
5. Силантьев И. В. Сюжет и смысл. М.: Изд. дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. 142 с.
6. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1-2. Пер. с франц. Т. В. Славко. М.: Университетская книга, 1998-2000.
7. Ляпушкина Е. И. Литературная герменевтика: теория и практика. СПб.: Росток, 2020. С. 222-230.
8. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 69-263.
9. Тюпа В. И. Инкарнация смысла ("Рождество" Набокова) // Производство смысла. Сборник статей и материалов памяти Игоря Владимировича Фоменко. Тверь, 2018. С. 333-342.
10. Фуксон Л. Ю. К вопросу о специфике смысла художественного произведения // Фуксон Л. Ю. Толкования: сборник научных статей. Кемерово: КемГУ, 2018. С. 22-26.
11. Подковырин Ю. В. Феномен художественной инкарнации смысла (на материале рассказа А. П. Чехова «Актёрская гибель») // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 16. С. 137-144.
12. Подковырин Ю.В. Визуальные аспекты раскрытия смысла в литературном произведении (на материале рассказа А. С. Грина "Безногий") // Litera. 2021. № 6. С. 9-15. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.6.35762.
13. Подковырин Ю. В. Инкарнация смысла литературного произведения. Монография. М.: Эдитус, 2022. 201 с.
14. Событие и событийность: сборник статей. Под ред. В. Марковича и В. Шмида. М.: Издательство Кулагиной-Intrada, 2010. 296 с.
15. Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь. Под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. 316 с.
16. Schmid W. Mental Events.Changes of Mind in European Narratives from the Middle Ages to Postrealism. Hamburg: Hamburg University Press, 2021. 440 p.
17. Бройтман С.Н. Теория литературы / Бройтман С.Н., Тмарченко Н.Д., Тюпа В.И. Т.2. Историческая поэтика. М., 2004. 368 с.
18. Подковырин Ю. В. Пространственность и временность художественного смысла // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Якознание. Культурология. 2022. № 6-2. С. 172-181. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-172-181.
19. Фуксон Л. Ю. Толкования: сборник статей. Кемерово: КемГУ, 2018. 199 с.
20. Фуксон Л. Ю. Ценностная структура (литературного) произведения // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С.

290-292.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Смысловые параметры сюжета литературного произведения», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения теоретических основ литературоведения, а именно смысловых параметров сюжета. В предлагаемой статье категория сюжета рассматривается в связи с проблемой специфики смысла литературного произведения. Следует отметить, что в литературоведении имеется огромное количество работ, посвящённых семантике какого-либо определённого сюжета или группы сюжетов или сюжета как такового, однако в этих работах на первом плане оказывается сюжет, а не смысл литературного произведения в его специфике, таким образом, настоящая работа является одной из первых, в которых рассматривается подобная проблематика.

Целью работы является выявление и описание параметров обусловленности сюжетной организации литературного произведения спецификой бытия художественного смысла.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В заключении представлены результаты исследования и его перспективы. Однако, следует подчеркнуть, что заключение не отражает в полной мере те задачи, которые ставил автор, не является квинтэссенцией проведенной работы, а скорее представляет собой продолжение основной части повествования.

Отметим, что автор не указывает на объем и принципы выборки практического материала исследования. Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены научные труды как на русском языке, так и на иностранном. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов, а также смещению работ на русском и иностранном языках. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории литературы. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Смысловые параметры сюжета литературного произведения» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шуйская Ю.В., Арефьев Н.А., Власова М.В., Шестов Н.А. — Медиаменеджмент корпоративных университетских СМИ США как инструмент public relations вуза (на примере СМИ университетов Лиги Плюща) // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40722 EDN: BKGXCW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40722

Медиаменеджмент корпоративных университетских СМИ США как инструмент public relations вуза (на примере СМИ университетов Лиги Плюща)

Шуйская Юлия Викторовна

ORCID: 0000-0002-6752-3063

доктор филологических наук

профессор, кафедра теории и практики журналистики, современных медиакоммуникаций, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

111024, Россия, г. Москва, ул. Шоссе Энтузиастов, 21, оф. 322

✉ shujskaya@yandex.ru**Арефьев Никита Алексеевич**

магистр, кафедра истории журналистики и литературы, Московский университет имени А.С. Грибоедова

111396, Россия, г. Москва, ул. Зеленый Проспект, 66а

✉ nikar99@yandex.ru**Власова Мария Владимировна**

магистр, кафедра истории журналистики и литературы, Московский университет имени А.С. Грибоедова

111396, Россия, г. Москва, ул. Зеленый Проспект, 66а

✉ maxaw@yandex.ru**Шестов Никита Александрович**

магистр, кафедра истории журналистики и литературы, Московский университет имени А.С. Грибоедова

111396, Россия, г. Москва, ул. Зеленый Проспект, 66а

✉ badpolitik@mail.ru[Статья из рубрики "Журналистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.6.40722

EDN:

BKGXCW

Дата направления статьи в редакцию:

11-05-2023

Дата публикации:

10-06-2023

Аннотация: Предметом исследования является университетская пресса вузов США, входящих в так называемую «Лигу Плюща» - неформальное объединение старейших высших учебных заведений страны. Объектом исследования является медиаменеджмент корпоративных СМИ университетов как инструмент public relations в среде студентов, выпускников и потенциальных абитуриентов. Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как способы формирования индивидуального профиля конкретного средства массовой информации, а также его вклад в имидж конкретного университета. Особое внимание уделяется вопросам формирования контента университетских СМИ и их взаимодействия с традиционной медиасистемой, а также вариантам их развития в СМИ более широкого профиля. Основными выводами проведенного исследования являются полученные в ходе сопоставления образцов университетской прессы Лиги Плюща данные о закономерностях формирования имиджа типового студента и выпускника вуза. Особым вкладом авторов в исследование темы является выработка конкретных рекомендаций по медиаменеджменту корпоративных изданий на примере университетской прессы, которые могут быть применены и в отечественной практике. Новизна исследования заключается в обобщении медиапрактик университетской прессы США и формулировании рекомендаций по созданию имиджа студента, выпускника и преподавателя на страницах университетской прессы. Также особый интерес представляет практика создания современного конвергентного СМИ на базе традиционного формата прессы, существовавшего с XIX столетия.

Ключевые слова:

университетская пресса, корпоративная пресса, имидж, медиаменеджмент, пресса США, Лига Плюща, студенческие СМИ, конвергентные СМИ, конвергентная редакция, public relations

Студенческие средства массовой информации представляют собой уникальную и самобытную форму СМИ, которая традиционно привлекает внимание исследователей. Так, в отечественной науке студенческие газеты, журналы, телеканалы и интернет-СМИ различных вузов рассматриваются в аспекте их методической полезности [\[19\]](#), дизайна [\[17\]](#), образа студента [\[10\]](#), стилистических особенностей языка [\[18\]](#), роли в поддержании бренда вуза [\[9\]](#) и т.д. В фундаментальном исследовании Н.Д. Гребенниковой представлен скрупулезный анализ студенческой прессы США [\[11\]](#) с середины 70-х гг. по 2010-е гг. При этом в отечественной науке отсутствует обобщение опыта университетской студенческой прессы США в аспекте формирования имиджа вуза и преобразования СМИ из локального в авторитетный источник общегосударственного уровня. В связи с этим актуальной задачей представляется анализ университетской прессы колледжей и

университетов так называемой «Лиги Плюща». Показательно, что в актуальных реалиях конвергентной прессы, когда бумажное издание сопровождается медиаконтентом сайта, университетские СМИ «Лиги Плюща» сохраняют преемственность с традицией вуза и каждого выпускника и преподавателя, которому посвящен материал, позиционируют как члена университетского сообщества. С целью охарактеризования типологических особенностей университетской прессы «Лиги Плюща» и экстраполирования их опыта на отечественные университетские СМИ проведен обзорный анализ контента интернет-сайтов соответствующих газет и журналов за 2022 г. с учетом разницы в периодичности выхода: у некоторых университетов их корпоративное СМИ является ежемесячным, у некоторых – ежедневным. В целях выявления «лица» конкретного университета в отображении его прессы и принципов его формирования от каждого СМИ было отобрано по 12 номеров, для ежедневных и еженедельных – за период активной приемной кампании, май-июль 2022.

«Лигой Плюща» называется неформальное объединение старейших университетов США, в которую входят «восемь учебных заведений: Брауновский, Гарвардский, Йельский, Колумбийский, Корнелльский, Пенсильванский, Принстонский университеты и Дартмутский колледж. Большинство из них было основано еще до провозглашения независимости Соединенных Штатов. В наши дни именно отсюда начинается путь на политический олимп не только для американцев, но и для многих представителей мировой элиты. Хотя «Лигой Плюща» сегодня называют сами учебные заведения, изначально это название носили их студенческие спортивные команды» [\[7\]](#). В западных рейтингах эти учебные заведения часто занимают лидирующие позиции, а члены американской политической элиты являются, по большей части, выпускниками этих вузов.

Привлекательность университетов Лиги Плюща основана не только на традициях этих вузов, их престижности и уровне подготовки обучающихся, но и на их самопозиционировании в информационном пространстве. Старейшие газеты и журналы университетов Лиги Плюща являются образцом вузовской прессы, а многие из изданий стали неотъемлемой частью американской медиасистемы и глобальной индустрии СМИ.

В этом смысле актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения и анализа специфики «бумажных» медиа «большой восьмерки» для понимания миссии и целей современной вузовской периодики в условиях стремительного развития новых медиа и социальных онлайн-платформ. Опыт старейших университетов может быть полезен отечественным вузам, студенческой прессе и профессиональным корпоративным изданиям.

Основные принципы прессы университетов Лиги Плюща были заложены два столетия назад. Безусловно, газеты и журналы вузов стремительно развиваются, трансформируясь в мультиплатформенные медиа; контент таких изданий успешно монетизируется. Однако, именно традиции являются определяющим фактором их популярности не только в студенческой и преподавательской средах, но и в более глобальных масштабах.

Лига Плюща первоначально была неформальным объединением, не имевшим цели развития образования или сотрудничества. В результате в нее объединены чрезвычайно разные по своей концепции и направленности университеты, которые готовят студентов по различным специальностям и направлениям. Состав университетов – чрезвычайно диверсифицированный.

Несмотря на критику системы Лиги Плюща, ее университетами вдохновляются многие будущие студенты и их родители. В создании медиаобраза университета важную роль играет университетская пресса, которая пишет о студенческой жизни.

На сегодняшний день медиаактивы университетов Лиги Плюща типологически состоят из газетно-журнальной периодики, непериодических печатных изданий, новых медиа и аккаунтов в социальных сетях.

От доступной и актуальной для обучающихся информации зависит эффективность образовательного и воспитательного процессов в учебных заведениях. Кроме того, студенческие медиа отчасти формируют гражданскую позицию будущих профессионалов в тех или иных областях. Университетские СМИ необходимы для того, чтобы наиболее полно и разносторонне освещать как внутриинститутские события, так и, в целом, то, что интересует студентов и преподавателей. Кроме того, важно рассказывать учащимся о возможностях, которые предоставляет тот или иной вуз. И, наконец, вузовская пресса позволяет продемонстрировать творческие способности студентов.

То есть, вузовская пресса – это информационные ресурсы, созданные студентами и преподавателями для студентов и преподавателей. Благодаря таким медиа, создается информационное пространство (экосистема) университета, непосредственно влияющая на имидж заведения.

Болкунов А. считает, что «вузовская пресса – это корпоративные газеты и журналы, официально рассказывающие о жизни института, целевой аудиторией которой являются администрация и преподаватели этого вуза, а периферийной – студенты и абитуриенты» [\[8, с. 84\]](#). В университетах Лиги Плюща большое значение придается имиджу университета, и собственное СМИ в данном контексте – необходимый атрибут университетской корпоративной политики и инструмент public relations данного вуза.

По мнению Красновой Т. и Прудникова Е., основными задачами вузовской газеты являются: создание информационного пространства, которое формирует благоприятный имидж института; воспитание гражданской позиции; оригинальность и креативность подачи информации; представление в газете руководителей структуры, преподавателей, показ их принципов и позиций [\[14\]](#). Пресса университетов Лиги Плюща формирует позитивный образ университета, исподволь создает впечатление интенсивной студенческой жизни и формирует желание присоединиться к университетскому сообществу.

Университетская пресса учебных заведений Лиги Плюща представляет собой совокупность печатных и онлайн-СМИ, принадлежащих к типу специализированных изданий. Концепция таких изданий неразрывно связана с их принадлежностью к пространству университета. В то же время интересно, что такая пресса, как правило, не выходит за пределы целевой аудитории университета, его будущих студентов (абитуриентов) или выпускников.

Университетская пресса, как отмечает В.В. Максимов, имеет направленность, в первую очередь, на тех, кто учится непосредственно в данном университете: «Во-первых, в качестве целевой аудитории данного вида СМИ следует назвать сам коллектив конкретного вуза. ... Если учесть, что среднестатистическое количество членов университетской корпорации насчитывает несколько десятков тысяч человек, которые к тому же распределены в континууме университетской жизнедеятельности так, что между людьми, малыми и большими группами возникают разрывы во времени и пространстве,

то становится понятным, что без многотиражки просто не обойтись. Она действительно позволяет объединить всех причастных к корпоративной жизнедеятельности путем оперативного информирования о том, что уже состоялось и что планируется в ближайшее время. Здесь, на обозримом пространстве еженедельной газеты достаточно плотно и внятно сообщается о самом существенном, интересном и полезном» [\[15, с. 133\]](#).

Р.В. Зинин также указывает на необходимость наличия определенной целевой аудитории в университетских изданиях: «Бесспорным преимуществом таких изданий в сфере культуры является высокий коэффициент доверия к источнику информации. Важным отличительным признаком этого канала является сегментация целевой аудитории, что позволяет создавать контент, максимально учитывающий социально-психологические характеристики потребителя, его запросы в сфере культуры. Данное положение открывает изданиям широкие перспективы привлечения рекламодателей» [\[12, с. 101\]](#).

В версии 2020-х гг. пресса Лиги Плюща выступает в следующем формате: у каждого университета есть некое центральное СМИ в печатном виде (обычно журнал или газета) и сопровождающий его конвергентный сайт с возможностью включить видеофрагменты, фото и т.д.

По мнению ученых, университетские СМИ рассчитаны на строго определенную аудиторию. И этой аудитории информация, предоставляемая СМИ, должна быть релевантной. В случае университетской прессы – это обращение к целевой аудитории потенциальных студентов и студентов действующих, а также выпускников. Университетские газеты и журналы университетов Лиги Плюща характеризуются следующим образом:

1. Это газеты и журналы, ориентированные на аудиторию преподавателей и студентов в качестве «первого порядка» и аудиторию абитуриентов, выпускников и их родственников «второго порядка»;
2. В актуальных реалиях пресса всех университетов Лиги Плюща представляет собой печатные издания, расширенная и дополненная конвергентная версия которых представлена на соответствующих сайтах;
3. Команда создателей этих СМИ включает в себя переменную часть, состоящую из студентов-энтузиастов, и постоянную – профессиональных журналистов и редакторов;
4. Миссия и цель данных СМИ – максимально освещать деятельность студентов и всех, кто имеет отношение к университетам. Ни одно из таких СМИ не освещает новости общенационального характера или международные новости, если в них не принимает участие студент, профессор или выпускник соответствующего университета.

С учетом потребностей современной аудитории для газетно-журнальной периодики американских вузов «большой восьмерки» также характерны следующие параметры:

1. За основу взяты традиционные форматы «бумажных» СМИ.
2. Формируется не только информационная, но образовательная и культурная среды университетов.
3. Взаимодействие осуществляется между производителями и потребителями контента.
4. Элементы медиа взаимосвязаны и взаимозависимы.
5. Переход одного элемента системы оказывает влияние на видоизменения всех

остальных.

6. Каждый из элементов медиасистемы университета представляет собой «довольно сложную композицию, отвечающую запросам студентов и преподавателей» [\[12, с. 101\]](#).

Все эти элементы экосистемы университетской прессы являются динамическими и масштабными. То есть информационная цепочка может быть сколь угодно длинной, интерпретация бывает и полярной, а сервисы коммуникаций и СМИ затрагивают как отдельных индивидов, так и целые сообщества.

В университете Лиги Плюща в «ядро» медиасистемы входят не только сайты, но и ежемесячные или еженедельные полноцветные журналы. Основными задачами таких изданий является сторителлинг и привлечение новой аудитории за счет качественного и полезного контента. По мнению С.Г. Корконосенко [\[13, с. 94\]](#), сущность ролевой характеристики журналистики как раз и заключается в выявлении ряда социальных обязанностей, которые СМИ выполняет в соответствии с общественными запросами и ожиданиями. Журналистика (в том числе, и университетская) по своей природе социальна и поэтому призвана осуществлять свою деятельность во имя максимально полного взаимодействия различных сегментов аудитории.

Так, журнал Колумбийского университета "Columbia Magazine" выходит с 1978 года, и основной его аудиторией безусловно являются студенты и выпускники этого вуза. Журнал выходит четыре раза в год. В целях формирования образа студента Колумбийского университета журнал пишет о достижениях нынешних и бывших обучающихся в различных областях. Обычно такие материалы сопровождаются указанием на код группы, к которой принадлежит герой статьи. Наряду с вниманием к успехам студентов и выпускников журнал уделяет пристальное внимание к освещению жизни университетского кампуса с фокусом на преемственности традиций вуза.

В целом, "Columbia Magazine" сосредоточен на освещении научной жизни университета и исследований, проводимых профессурой и студентами. Эти статьи занимают большую часть содержания каждого выпуска. Особое внимание уделяется спортивным успехам студентов и выпускников.

Тем самым, "Columbia Magazine" формирует соответствующий образ студента/выпускника Колумбийского университета – это, в первую очередь, талантливый и очень успешный молодой человек. Он добивается внушительных результатов в политике, науке, искусстве, спорте. И, при этом, всегда остается представителем университета: даже у выпускников прошлых лет обязательно указывается нумерация группы, в которой они учились, чтобы подчеркнуть их принадлежность к легендарному вузу.

Журнал "Columbia Magazine" выпускается ежеквартально, в цвете, в каждом выпуске от 98 до 116 полос. Содержание журнала – успехи выпускников и студентов университета Колумбия во всех областях: наука, спорт, искусство и пр. Журнал не распространяется в рознице, он рассчитан, главным образом, на внутреннее употребление.

"Harvard Business Review" – журнал с еженедельными выпусками и регулярно обновляемым сайтом. Он распространяется в разных странах мира, в том числе и в России, а тематика материалов выходит за пределы успехов выпускников и включает в себя экономические материалы, истории о бизнесе

"Harvard Business Review" стал журналом широкого профиля, который уже перешел за пределы формата внутренней университетской прессы. Он стал журналом широкой

бизнес-тематики, связанным уже с экономическими вопросами. Поднимаются темы преодоления кризиса, борьбы с последствиями пандемии, различные экспертные ответы на вопросы и лайфхаки. Например: «Мир в душе: как справиться со стрессом и начать действовать. В турбулентные времена важно обращать внимание не только на внешние события, но и на внутреннее состояние — свое и окружающих. Чтобы не сломаться, не пасть жертвой обстоятельств, сохранить душевный покой и силы для роста и развития, необходимо следить за собственным эмоциональным состоянием и подставлять плечо близким, поддерживать доброжелательную атмосферу в коллективе и помогать друг другу справиться со стрессом» [16]. Фактически, сегодня это скорее журнал о бизнесе, чем образец университетской прессы, однако связь с брендом университета и его выпускниками поддерживается через название журнала

“Yale News” – также одно из старейших студенческих СМИ США. Газета выходит с 1878 года. На сегодняшний день это издание является частью университетского медиахолдинга. Содержание газеты во многом напоминает концепцию “Columbia Magazine” – в нем также освещаются академические и научные успехи выпускников и студентов Йельского университета. Материалы в газете, на сайте издания сопровождается видеоподкастом, аудиоподкастом. “Yale News” – уже не просто «бумага», а современное конвергентное медиа.

Газета “The Daily Princetonian” выходит с 1876 года и является второй по старшинству университетской газетой в США. По сравнению с “Yale News”, “The Daily Princetonian” посвящает значительно больше страниц вопросам студенческой жизни Принстона: ее корреспонденты рассказывают о различных праздниках и буднях в университете, описывают подробности студенческих вечеринок, публикуют комиксы студентов.

Контент газеты рассчитан именно на внутриуниверситетскую аудиторию. Это, как правило, описание не обязательно выдающихся достижений выпускников, но и обычной студенческой жизни. Формат газеты значительно менее академичен: присутствуют шутки, карикатуры, комиксы.

Тиражи университетских газет составляют от 10 до 25 тысяч экземпляров. У различных выпусков тиражи варьируются, также, в зависимости от событий – так, например, в дни выпусков, когда университет принимает большое количество гостей (родителей выпускников, родственников и пр.), а также в дни конференций и мероприятий, когда приезжает множество внешних гостей, не имеющих отношения к университету, тираж газеты повышается, так как выпуски раздаются бесплатно, в руки всем желающим.

У каждой газеты университетов Лиги Плюща можно выделить собственное лицо: так, “The Daily Princetonian” – газета о жизни университета, его локальных новостях, праздниках и отдыхе, уделяющая значительно меньше времени вопросам науки. В “Penn Today” освещаются вопросы общественной политики и науки, во многом не коррелирующие с тематикой выпускников и студентов университета. Освещаются вопросы общего характера, политические и общественные новости.

В “Yale News” широко освещаются вопросы студенческой жизни – общественной и научной, конференций, встреч и различные мероприятия официального характера. Это газета, по своему наполнению напоминающая “The Daily Princetonian”, при этом имеющая более официальный характер.

Таким образом, в ведущих американских университетах формируется благоприятная атмосфера для самореализации молодых авторов-любителей и профессиональных журналистов. Студенческие редакции начинают конкурировать с профессиональными

газетами и журналами по своей оперативности и качеству публикаций.

В целом, бумажная периодика университетов Лиги Плюща довольно успешно реализуется как бизнес-модель, что дает ей ту степень независимости, которая позволяет редакциям вузовских газет и журналов публиковать резонансные материалы и быть активными акторами в информационном пространстве США.

Университеты Лиги Плюща, являясь некой обособленной средой, обладают комплексом специфических уникальных медиапрактик, на которые влияют особенности межкультурных связей, обусловленных, в свою очередь, наличием студентов из разных стран. Именно поэтому для большей части газет и журналов вузов «большой восьмерки» характерен оптимальный баланс тематической, стилистической репрезентации, содержательного наполнения и архитектуры медиа.

Издания университетов Лиги Плюща имеют две основные информационные задачи, которые так или иначе влияют на форматы газет и журналов. Во-первых, под целевой аудиторией вузовской прессы традиционно подразумевается студенты и профессорско-преподавательский коллектив конкретного университета. Газеты и журналы действительно позволяют объединить всех причастных к университетской жизнедеятельности посредством оперативного информирования о том, что уже состоялось и что планируется в ближайшее время.

Во-вторых, в качестве второй задачи следует назвать воздействие на разнородную группу читателей, которые не принадлежат к сообществу конкретного заведения, но проявляют интерес к его деятельности, традициям, спортивным достижениям и так далее.

Одна из существенных особенностей прессы университетов Лиги Плюща заключается в их предельной близости с аудиторией – например, в “The Cornell Daily Sun” или “The Daily Princetonian” нет существенной разницы между авторами текстов и их читателями: любой человек, причастный к университету имеет возможность написать и опубликовать статью или комментарий.

Наконец, фундаментальные старейшие университеты Нового Света нацелены на трансляцию своих ценностей, идеалов, стандартов и норм в общество, государственные институты и представителям бизнес-элиты. То есть, в качестве базовой коммуникативной стратегии СМИ университетов Лиги Плюща выступает своеобразная «нарративная установка», которая проявляется в виде тщательного и последовательного выстраивания собственной истории, в искусстве создания мифов вокруг Йеля, Гарварда и Принстона. Таким образом, «университетские медиа осмысляются как пространство междискурсивного взаимодействия» [\[15, с. 131\]](#).

Опыт медиаменеджмента университетов Лиги Плюща является чрезвычайно ценным для организации отечественной университетской прессы, формирующей имидж студента и/или выпускника. В отечественной практике отсутствуют случаи преобразования студенческого СМИ в СМИ муниципального или федерального уровня с сохранением преемственности и традиции. Отчасти это феномен следует связать с отсутствием «градообразующих университетов», распространенных в реалиях США, а также с дискретностью истории прессы, характерной в том числе и для других газет – например, газета «Коммерсантъ» представляет собой возобновление одноименного проекта, существовавшего до революции и т.д. Соответственно, опыт нарратива студенческих СМИ «Лиги Плюща» и основного посыла исторической преемственности может быть применен в качестве фундамента студенческих СМИ в новейшей истории государства.

Студенческие газеты и журналы в российской практике обычно представляют собой инициативный проект самих студентов и преподавателей, во многих случаях не поддерживаются администрацией университета или не известны ей. Опыт генерации новостного и рекреативного контента с концентрацией на достижениях людей, имеющих отношение к определенному вузу, мог бы помочь в том числе в формировании внутригосударственного и международного имиджа крупнейших университетов страны.

Библиография

1. Columbia Magazine // URL: <https://magazine.columbia.edu/> (дата обращения: 10.05.2023)
2. Harvard Business Review // URL: <https://hbr.org/> (дата обращения: 10.05.2023)
3. Penn Today // URL: <https://penntoday.upenn.edu/> (дата обращения: 10.05.2023)
4. The Cornell Daily Sun // URL: <https://cornellsun.com/> (дата обращения: 10.05.2023)
5. The Daily Princetonian // URL: <https://www.dailyprincetonian.com/> (дата обращения: 10.05.2023)
6. Yale News // URL: <https://news.yale.edu/> (дата обращения: 10.05.2023)
7. Биттон Дж. Гид по университетам Лиги Плюща // RobbReport. № 11, 2017. // URL: <https://robb.report/stil-zhizni/24282-gid-po-universitetam-ligi-plyushcha/>
8. Болкунов А.Н. Типология студенческой прессы России XXI века // Известия Саратовского университета. Т. 9. Сер. Социология. Политология, вып. 4. Саратов, 2009. С. 83-87.
9. Виноградова К.Е., Кащук А.А. Роль корпоративных студенческих СМИ в поддержании бренда вуза // Брендинг как коммуникативная технология XXI века. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией А. Д. Кривоносова. 2018. С. 68-71.
10. Головачёва А.Л. Образ студента в университетских печатных изданиях. история и современность // Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления. Материалы IX Международной научной конференции. Под общей редакцией А.В. Баранова и Е.Н. Многолетней. Саратов, 2021. С. 374-381.
11. Гребенникова Н.Д. Студенческая пресса США как образовательный и типологический феномен. Дисс. ... к.ф.н. Ростов-на-Дону, 2013. 176 с.
12. Зинин Р.В. Специализированные издания в сфере культуры: «Диалог журналистики и рекламы» // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки, 2016. № 21 (242). С. 98-102.
13. Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М.: Аспект Пресс, 2001. 332 с.
14. Краснова Т.В., Прудникова Е. В. Информационное наполнение студенческой газеты как средство формирования имиджа института // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 4-2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13482> (дата обращения: 10.05.2023).
15. Максимов В.В., Найдён Е.В., Серебренникова А.Н. Дискурсивные особенности современной университетской газеты // Известия Томского политехнического университета. № 4. Томск, 2012. С. 131-134.
16. Мир в душе: как справиться со стрессом и начать действовать // https://hbr-russia.ru/paid_mixes/mix_27672/ Дата обращения 09.05.2023
17. Ровина А.С. Дизайн корпоративного печатного издания (на примере студенческой газеты «Журфакты») // Корпоративные медиа в процессе реализации государственной политики Республики Беларусь. Материалы международной

научно-практической конференции. Минск, 2022. С. 197-200.

18. Салахова А.О. Молодежный жаргон в студенческих СМИ // Филологические этюды. сборник научных статей молодых ученых Всероссийской научной конференции. В 3-х частях. Саратов, 2020. С. 165-169.
19. Стеценко Н.М. Вузовские медиа как практическая реализация знаний по курсу «Русский язык и культура речи» // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков. Материалы V Международной научно-методической конференции в рамках VIII Международного научного форума ДНР «Инновационные перспективы Донбасса: инфраструктурное и социально-экономическое развитие». Донецк, 2022. С. 165-170.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Медиаменеджмент корпоративных университетских СМИ США как инструмент public relations вуза (на примере СМИ университетов Лиги Плюща)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей функционирования медиа в ведущих университетах Америки.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения и анализа специфики «бумажных» медиа «большой восьмерки» для понимания миссии и целей современной вузовской периодики в условиях стремительного развития новых медиа и социальных онлайн-платформ.

В исследовании автор рассматривает типологические особенности прессы в университетах, а также их роль в профессиональном становлении студентов-журналистов.

Статья является новаторской, одной из первых в теории российской журналистики, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение и описание.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. В заключении не представлены конкретные выводы, которые коррелировались бы с поставленными задачами.

Практическим материалом послужила периодика, выходящая в университетах, однако автор не указывает какой объем выборки и какого временного периода был отобран для проведения анализа.

Библиография статьи насчитывает 13 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка

литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов. Так, работы на русском языке смешаны с иноязычными трудами, традиционно располагающимися в конце списка, алфавитный принцип выстраивания библиографии не соблюден. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Общее впечатление от работы смешанное, работа слабая, тема, заявленная в заглавии, не полностью коррелирует с содержанием, тема не раскрыта, авторская концепция не выражена, приращение научного знания практически отсутствует. Работа по своей сути слабонаучна.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по журналистике и теории языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Медиаменеджмент корпоративных университетских СМИ США как инструмент public relations вуза (на примере СМИ университетов Лиги Плюща)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после доработки текста.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой работы локализована и ориентирована на анализ медиаменеджмента корпоративных университетов США. Автор обращает внимание на типологические особенности университетской прессы «Лиги Плюща». Думаю, что выбранная магистраль представляет некий научный интерес и может быть составить конкурентный вариант в массе смежных тематически критических наблюдений. Как отмечает автор исследования, «университетская пресса учебных заведений Лиги Плюща представляет собой совокупность печатных и онлайн-СМИ, принадлежащих к типу специализированных изданий. Концепция таких изданий неразрывно связана с их принадлежностью к пространству университета. В то же время интересно, что такая пресса, как правило, не выходит за пределы целевой аудитории университета, его будущих студентов (абитуриентов) или выпускников». Работа компилятивна, чередование информативных блоков и собственно аналитических позволяет создать удачный вариант разверстки темы. Объективный тон научной наррации проявляется, например, в следующих фрагментах: «Лигой Плюща» называется неформальное объединение старейших университетов США, в которую входят «восемь учебных заведений: Брауновский, Гарвардский, Йельский, Колумбийский, Корнелльский, Пенсильванский, Принстонский университеты и Дартмутский колледж. Большинство из них было основано еще до провозглашения независимости Соединенных Штатов», или «основные принципы прессы университетов Лиги Плюща были заложены два столетия назад. Безусловно, газеты и журналы вузов стремительно развиваются, трансформируясь в мультиплатформенные медиа; контент таких изданий успешно монетизируется. Однако, именно традиции являются определяющим фактором их популярности не только в студенческой и преподавательской средах, но и в более глобальных масштабах», или «журнал Колумбийского университета "Columbia Magazine" выходит с 1978 года, и основной его аудиторией безусловно являются студенты и выпускники этого вуза. Журнал выходит четыре раза в год. В целях формирования образа студента Колумбийского университета журнал пишет о достижениях нынешних и бывших обучающихся в различных областях. Обычно такие материалы сопровождаются

указанием на код группы, к которой принадлежит герой статьи. Наряду с вниманием к успехам студентов и выпускников журнал уделяет пристальное внимание к освещению жизни университетского кампуса с фокусом на преемственности традиций вуза» и т.д. Стилистая составляющая данного сочинения соотносится с научным типом: «*“Yale News”* – также одно из старейших студенческих СМИ США. Газета выходит с 1878 года. На сегодняшний день это издание является частью университетского медиахолдинга. Содержание газеты во многом напоминает концепцию *“Columbia Magazine”* – в нем также освещаются академические и научные успехи выпускников и студентов Йельского университета. Материалы в газете, на сайте издания сопровождается видеоинтервью, аудиоподкастом. *“Yale News”* – уже не просто «бумага», а современное конвергентное медиа». Думается, что материал уместно использовать при изучении СМИ зарубежных стран, установлении типологически родственных изданий, оценки публицистического стиля. Серьезных фактических неточностей не выявлено, автор старается консолидировать взгляд на адекватную оценку медиапространства СМИ «Лиги Плюща», объективно дать конструктивную оценку деятельности периодических изданий указанной конгломерации. Терминологическая база исследования унифицирована, категориальный аппарат вводится в текст правильно и уместно: например, «у каждой газеты университетов Лиги Плюща можно выделить собственное лицо: так, *“The Daily Princetonian”* – газета о жизни университета, его локальных новостях, праздниках и отдыхе, уделяющая значительно меньше времени вопросам науки. В *“Penn Today”* освещаются вопросы общественной политики и науки, во многом не коррелирующие с тематикой выпускников и студентов университета. Освещаются вопросы общего характера, политические и общественные новости», или «издания университетов Лиги Плюща имеют две основные информационные задачи, которые так или иначе влияют на форматы газет и журналов. Во-первых, под целевой аудиторией вузовской прессы традиционно подразумевается студенты и профессорско-преподавательский коллектив конкретного университета. Газеты и журналы действительно позволяют объединить всех причастных к университетской жизнедеятельности посредством оперативного информирования о том, что уже состоялось и что планируется в ближайшее время», или «фундаментальные старейшие университеты Нового Света нацелены на трансляцию своих ценностей, идеалов, стандартов и норм в общество, государственные институты и представителям бизнес-элиты. То есть, в качестве базовой коммуникативной стратегии СМИ университетов Лиги Плюща выступает своеобразная «нарративная установка», которая проявляется в виде тщательного и последовательного выстраивания собственной истории, в искусстве создания мифов вокруг Йеля, Гарварда и Принстона» и т.д. Структура текста выдержана в рамках научного проекта, внутренняя логика поддерживается на протяжении всей работы. Финально автор заключает, что «медиаменеджмента университетов Лиги Плюща является чрезвычайно ценным для организации отечественной университетской прессы, формирующей имидж студента и/или выпускника. В отечественной практике отсутствуют случаи преобразования студенческого СМИ в СМИ муниципального или федерального уровня с сохранением преемственности и традиции. Отчасти это феномен следует связать с отсутствием «градообразующих университетов», распространенных в реалиях США, а также с дискретностью истории прессы, характерной в том числе и для других газет...». Вывод имеет расширительный характер, следовательно, тема может быть пролонгирована в новых работах, в новых исследованиях медиаменеджмента университетских СМИ, причем не только ориентированных на США. Основные требования издания учтены, наличного текста достаточно для раскрытия вопроса; цель исследования достигнута, задачи исследовательского типа решены. Статья «Медиаменеджмент корпоративных университетских СМИ США как инструмент public relations вуза (на примере СМИ

университетов Лиги Плюща)» может быть опубликована в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чичина М.О., Григорьева Н.А. — Лингвокультурологический и лексический анализ статьи А.Н. Толстого «Родина» // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40922 EDN: BSSJWH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40922

Лингвокультурологический и лексический анализ статьи А.Н. Толстого «Родина»

Чичина Марина Олеговна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка, Московский государственный институт международных отношений

119454, Россия, Московская область, г. Москва, проспект Вернадского, 76

✉ m.chichina@my.mgimo.ru

Григорьева Наталья Антоновна

старший преподаватель, кафедра русского языка, Московский государственный институт международных отношений

119454, Россия, Московская область, г. Москва, проспект Вернадского, 76

✉ n.grigorieva@my.mgimo.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.40922

EDN:

BSSJWH

Дата направления статьи в редакцию:

04-06-2023

Дата публикации:

13-06-2023

Аннотация: Цель данного научного исследования – лингвокультурологический и лексический анализ статьи «Родина», опубликованной А. Н. Толстым в 1941 году. Впервые сделан пофразовый анализ текста статьи. В процессе изучения идиостиля писателя и публициста А.Н. Толстого выявлена взаимосвязь между смысловыми частями статьи «Родина» (обращением к историческому прошлому России, описанием настоящего – борьбы с фашизмом в годы Великой Отечественной войны, предсказанием будущего – Победы 1945 года) и стилями речи (художественным, с использованием древнерусской

лексики, газетно-публицистическим и художественным, с фрагментом древнерусской сказки «Бой на Калиновом мосту»). По итогам проведенного исследования авторами были сделаны выводы. Методика комплексного пофразового анализа статьи «Родина» позволила авторам выявить слова, словосочетания, предложения, семантика которых наиболее важна для понимания смысла статьи: «Родина», «земля оттич и дедич», «Сдюжим!», «Свершайте!», «добро побеждает зло». Для их обозначения впервые в лингвокультурологии авторы предлагают научное определение «лексико-семантические вехи», скрепляющие и объединяющие весь текст. Поскольку данное научное исследование является междисциплинарным, оно может вызвать интерес у лингвокультурологов, литературоведов, преподавателей русского языка и русской литературы, преподавателей русского языка как иностранного.

Ключевые слова:

лингвокультурологический анализ текста, лексический анализ, средства художественной выразительности, лексико-семантические вехи, Алексей Николаевич Толстой, Родина, оттич и дедич, Сдюжим, Свершайте, добро побеждает зло

В МГИМО МИД России, преподавателями которого являются авторы данной статьи, изучение творчества Алексея Николаевича Толстого входит в курс обучения магистрантов-иностранцев русскому (аспект «лингвокультурология»). Целью данного научного исследования является комплексный лингвокультурологический и лексико-семантический анализ статьи А.Н. Толстого «Родина».

Творчество любого писателя неразрывно связано с его биографией. Во время Первой мировой войны А.Н. Толстой служил военным корреспондентом газеты «Русские ведомости», считал, что Россия должна вести войну до победного её завершения русской армией. Он был против Брестского мира, в результате подписания которого советская Россия вышла из войны, в то время как победа в Первой мировой войне была совсем близко. После Октябрьской революции, которую сначала дворянин Алексей Толстой не принял, он эмигрировал, но уже в 1923 году вернулся в Советский Союз, потому что не смог жить на чужбине.

В конце двадцатых – начале тридцатых годов у многих было предчувствие новой большой войны. «В период Испанской войны Толстой был в Испании, и эта поездка убедила его в неизбежности столкновения советского народа с фашистами. Он понял, что правители некоторых западных стран сочувственно относятся к набиравшей силы фашистской Германии и надеются с её помощью расправиться с Советским Союзом, поэтому все попытки советского правительства заключить антифашистский союз с Западом, предпринятые после поражения Испании, оказались неудачными» [\[2, с. 11\]](#).

Во время Великой Отечественной войны Алексей Толстой написал более ста статей, но дата публикации статьи «Родина» – особая, потому что в этот день, 7 ноября 1941 года, состоялся знаменитый парад Советской армии на Красной площади, который стал свидетельством силы духа и мужества советских солдат. Осенью 1941 года фашистские войска были всего в нескольких десятках километров от столицы нашей родины, офицеры и солдаты Красной армии, принимавшие участие в этом параде, сразу уходили на фронт, чтобы защитить Родину от фашистов. На страницах газет «Правда» и «Красная звезда» в тот день были репортажи об этом военном параде, сводки с фронтов и статья А. Н. Толстого «Родина».

Актуальность данного научного исследования обусловлена несколькими факторами:

1) ранее не был осуществлен подробный, пофразовый

лингвокультурологический и лексико-семантический анализ текста статьи А.Н. Толстого «Родина»;

2) проведено комплексное исследование текста статьи

«Родина»: выявлены её смысловые части, определен речевой стиль каждой из них, проанализирована семантика лексики, значимой для понимания как отдельных частей, так и всей статьи А.Н. Толстого;

3) существует лишь несколько научных трудов, посвященных особенностям идиостиля А.Н. Толстого, поэтому необходимо было выявить особенности индивидуального стиля статьи «Родина» (1941 г.),

3) авторами предложено научное определение «лексико-семантические вехи»,

4) в дни, когда объединённый Запад вновь предпринимает попытки вести гибридную и прокси-войну против Российской Федерации, статья А.Н. Толстого приобретает новое звучание, вдохновляя россиян выстоять в этой борьбе,

5) статья имеет и практическую значимость, так как результаты исследования могут быть использованы преподавателями литературы, лингвокультурологии, русского языка, русского языка как иностранного на своих уроках и семинарах, посвящённых изучению творческого наследия А.Н. Толстого.

Научная новизна . 1) Впервые в лингвокультурологии и литературоведении предлагается комплексный пофразовый анализ статьи А.Н. Толстого «Родина» (лингвокультурологический и лексико-семантический). 2) Впервые в лингвокультурологии нами предлагается *научное определение «лексико-семантические вехи»* – значимые для понимания смысла статьи слова, скрепляющие и объединяющие весь текст, семантика которых помогает читателю, как по вехам, прийти к пониманию сути идейного замысла автора. По нашему мнению, методика выявления «лексико-семантические вех» текста может быть применена на семинарах по изучению языка СМИ при анализе газетно-публицистических статей, очерков, речей политиков и дипломатов. Данная методика работы с текстом может использоваться на уроках русского языка и русского языка как иностранного в вузах, на уроках русской литературы в школах и вузах, когда необходимо проанализировать небольшие, по объёму, художественные тексты – рассказы, повести.

Прежде чем объяснить, почему мы предлагаем ввести научное определение «лексико-семантические вехи», необходимо сказать о том, чем является понятие «Родина», по мнению лингвокультурологов. «Родина» – это *значимый концепт* для понимания и осмысления русской картины мира, отражённой в русском языке. «Национально-культурная специфика концепта «родина» определяется детерминантой – базовой для русской культуры константой *родная земля*, которая восходит к древнейшим мифологическим архетипам [\[15,170-181\]](#).

Напомним, что, по определению Ю.С. Степанова, «*концепт есть некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нём человека*» [\[15, 40-43\]](#). В разные исторические эпохи русские люди с любовью относились к своей земле, которую, если это было необходимо,

то защищали от врагов.

В.И. Карасик писал о трёхчастной структуре концепта – *понятийном, образном и ценностном* [8, 3-16]. С. Г. Воркачëв тоже выделял три составляющие концепта: есть «*понятийная*», отражающая его признаковую и дефиниционную структуру, *образная*, фиксирующая когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и *значимостная*, определяемая местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также этимологические и ассоциативные характеристики» [3, 115-224]. Мы разделяем мнение таких учёных, как А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачëв, которые *обращают внимание на этносемантическую специфику концептов*. Значимостная составляющая при этом играет важную роль, определяя степень этносемантической специфики концепта. Для россиян Родина – это не просто страна, в которой ты родился, а важное духовно-нравственное понятие, влияющее на формирование мировоззрения народа, поэтому концепт «Родина» является одним из важнейших.

Ещё одним известным научным термином лингвокультурологии является определение «*ключевые слова*». Ввела это понятие в научный лексикон Вежбицкая: «ключевые слова» – особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры», например в русской культуре *судьба, душа, воля* » [13, 81].

Мы предлагаем при проведении комплексного лингвокультурологического и лексического анализа газетно-публицистических статей, очерков или речей политиков и дипломатов использовать *научное определение «лексико-семантические вехи»*. Под «вехой» подразумеваются *не только слова, но и словосочетания, предложения, которые важны для понимания смысла всей статьи, очерка или речи политика или дипломата*. Например, к «лексико-семантическим вехам» в статье А.Н. Толстого относятся восклицательные предложения «*Сдюжим!*», «*Ничего, мы сдюжим!*», «*Свершайте!*», повествовательное предложение с фразеологизмом «*они сломали себе шею под Москвой*», словосочетания «*земля оттич и дедич*», «*добро побеждает зло*». Мы выбрали такое название для научного определения неслучайно. У «лексико-семантических вех» – особая смысловая нагрузка и важная практическая значимость: они, как дорожные вехи, помогают читателю продвигаться вперёд, к постижению сути конкретного замысла автора статьи, очерка или речи политика, дипломата.

3) В ходе исследования нами выделено три части статьи А.Н.

Толстого «Родина», каждая из которых имеет свои стилевые и лексические особенности.

В первой части, обращаясь к культурно-историческому прошлому нашей страны и напоминая этапы формирования русского государства, А.Н. Толстой описывает, как строилась Русь, рассказывает о жизни наших предков, силе и мощи их характера. Древнерусская лексика, используемая писателем в этом фрагменте статьи, воспринимается органично, принося особый национальный колорит.

Во второй части статьи А.Н. Толстой меняет тональность: он рассказывает о борьбе советского народа с фашистской Германией, вводя в текст газетно-публицистическую лексику, чтобы усилить эмоциональное воздействие на читателя. Во этой части есть и научная лексика, с помощью которой автор описывает достижения русских учёных девятнадцатого века.

В третьей части писатель пишет о будущей Победе советского народа в Великой

Отечественной войне и прибегает к жанру русской народной сказки, появляется лексика, свойственная художественной литературе и устному народному творчеству.

Таким образом, в статье «Родина», которая, по нашему мнению, является шедевром не только отечественной журналистики, но и русской литературы А.Н. Толстой проявил мастерство владения словом и как публицист, и как писатель.

4) Анализируя статью «Родина», мы обратили внимание на то, какую роль в композиционном оформлении статьи играет понятие «время». А.Н. Толстой расширяет временные рамки статьи «Родина». Дата публикации в советских газетах – 7 ноября 1941 года, тогда враг почти вплотную подошёл к Москве, а советские солдаты героически защищали столицу. Однако писатель был уверен в Победе советского народа над фашизмом во Второй мировой войне, об этом он пишет в третьей части статьи. Своим предвидением А.Н. Толстой расширил временное действие статьи «Родина» до 9 мая 1945 года – Дня Победы. К сожалению, до этого дня сам писатель не дожил, он умер в феврале 1945 года.

Перейдём к лингвистическому и лингвокультурологическому анализу текста.

Как было отмечено выше, в первой части статьи, А.Н. Толстой обращается к древнерусской истории. Мы выделили следующие *лексико-семантические вехи* : словосочетание «*оттичи и дедици* » – отцы и деды, восклицательные предложения «*Сдюжим!* », «*Ничего, мы сдюжим!*», то есть «*Одолеем!*», «*Победим!*» . Неслучайно писатель-публицист использует этот глагол в форме 1 лица, во множественном числе. Издавна наши предки все вместе защищали Родину, когда враг покушался на неё. В семантике глагола «*сдюжим* » передана писателем сила духа всего народа: «Наша земля немало поглотила *полчищ* , наезжавших на неё *наильников* . На Западе возникали империи и гибли. Из великих становились малыми, из богатых – нищими. Наша родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть её. Так же без следа поглотит она и эти *немецкие орды* . Так было, так будет. *Ничего, мы сдюжим !..*», ведь «нет такого *лиха* , которое уселось бы прочно на плечи русского человека». Для описания силы противника, с которым раньше боролись наши предки, А.Н. Толстым используются слова с древнерусским колоритом – «*полчища* », «*наильники* », «*лихо* ». «*Немецкие орды*», – такую негативную оценку дает писатель противникам советских солдат.

Обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка Владимирѣ Даля»: «сдужать, *юж* . и *зап.* помогать, быть здоровым; сдужать *зап.* осилить, одолеть» [6, с. 168]. Есть несколько вариантов написания и произношения глагола «сдюжить». Так, в новгородской, курской, орловской губерниях он имеет значение *осилить, одолеть* ; «сдюжать»; (в саратовской, тамбовской, воронежской губерниях) означает *смочь, быть в силах* ; «сдужать , сдужить » (в южных губерниях) известны в том же значении. Происходит глагол от праславянского *dužь* , что значит «*силён, способен выдерживать* » [14]. Ёмкий по смыслу глагол «сдюжить» относится к безэквивалентной лексике, так как невозможно перевести слово на другие языки без утраты значения одной из сем. Восклицательное предложение «*Ничего, мы сдюжим !..*», то есть *одолеем, победим*, несмотря на трудности, по нашему мнению, является *важной лексико-семантической вехой первой части статьи «Родина»* .

Ещё одна «лексико-семантическая веха» статьи А.Н. Толстого – словосочетание «*земля оттич и дедич* »: «Земля оттич и дедич – это те берега полноводных рек и лесные поляны, куда пришел наш пращур жить навечно» [16, с. 446]. Как известно, в русской

традиции род ведётся по отцу, слово старших мужчин в семье всегда считалось законом, к отцам и дедам всегда прислушивались и уважали. Интересно, что в Владимир Даль упоминает о том, что у слов *отчичь* и *дедичь* есть ещё одна сема – защитник Родины, патриот: «**Отчичь** , -и. сын и родовой наследник отца своего. *Отчичь* и *дедичь*. Белополье. // **Отчичь** , сын отчизны своей, патриотъ» [\[6, с. 724\]](#).

«Родина – это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создаёт своими руками для себя и своих поколений. Это – вечно отмирающий и вечно *рождающийся поток людей, несущих свой язык, свою духовную и материальную культуру и неколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле* ».

В этой развёрнутой метафоре писатель обращает внимание на роль русского языка в жизни народа, его аккумулятивную функцию. Особенно значимым этот фрагмент статьи «Родина» становится тогда, когда вспоминаешь, что А. Гитлер и другие идеологи «Третьего рейха» хотели уничтожить не только русскую культуру, но и культуру славян, цыган, евреев: «Фашизм враждебен всякой национальной культуре, в том числе и немецкой. Всякую национальную культуру он стремится уничтожить, стереть самую память о ней», – пишет в своей статье А.Н. Толстой [\[16, с. 445\]](#).

Обратим внимание на слово *Родина* , ставшее названием статьи писателя и отражающее её главную идею. «В узусе лексема родина – полисемант, имеет два лексико-семантических варианта (ЛСВ): 1. Страна. В которой человек родился и гражданином которой является. 2. Место зарождения, произрастания, возникновения чего-либо» [\[15\]](#). В статье А.Н. Толстого речь идёт о ЛСВ-1.

Слово *родина* , помимо названия, встречается в статье в И. п. – 6 раз; в Р. п. (*родины*) – 4 раза; в Д. п. (*родине*), в В. п. (*родину*), в Тв. п. (*родиной*), в П. п. (*на родине*) – по 1 разу. Можно утверждать, что и по смыслу, и по частотности употребления это слово (со всеми его словоформами) – самое важное в статье. Синоним к слову *Родина* – *Отчизна* . Значение слова *Отчизна* – *земля отцов , дарованная Богом (Отче – Бог , вспомним молитву «Отче наш » , Отче и Отчизна – однокоренные слова)*. В тексте статьи «Родина» нет слова «Отчизна», но с помощью метафоры А.Н. Толстым передана о том, что в народе живёт «*вера в законность и неразрушимость своего места на земле* », то есть упоминание о том, что Родина каждому даётся свыше.

Ещё один синоним к слову *Родина* – *Отечество (земля отцов)*. В описании А. Толстого Отечество «предстает в неповторимых национальных образах мира: «*пахнущий ржаным хлебом дымок из занесённой снегом избы* », «*берега полноводных рек и лесные поляны* », «*дремучая природа* ». В этих штрихах к портрету родной земли – и природа, и климат, и образ жизни. Они, в свою очередь, согласно научным изысканиям Г. Гачева, определяют национальный характер, внешний облик, культурные традиции и исторические судьбы народа» [\[4\]](#).

Окказиональным синонимом к слову «родина» является в статье А.Н. Толстого лексема «гнездо». Значение «лексико-семантической вехи» «*птенцы одного гнезда* », выраженной с помощью метафоры, можно понять, внимательно проанализировав предложение: «*Гнездо наше, родина возобладала над всеми нашими чувствами* ». Так, А.Н. Толстой кратко и образно описал важную особенность национального менталитета – сплочённость всего многонационального народа России для защиты Отечества в дни противоборства с врагом. Известно, что во всех войнах (с Османской империей,

Наполеоном в 1812-1814 годах, в Первую мировую, во Вторую мировую) противники *называли русскими* не только этнических русских, но представителей других народов (белорусов, татар, осетин, чеченцев, ингушей, якутов, казахов, белорусов, армян и других), входящих в состав России, а потом и СССР. Почему? Об этом хорошо сказал известный философ И.А. Ильин: «И если я считаю моей родиной – Россию, то это означает, что я по-русски люблю, созерцаю и думаю, по-русски пою и говорю; что я верю в духовные силы русского народа и принимаю его историческую судьбу своим инстинктом и своею волею. Его дух – мой дух; его судьба – моя судьба; его страдания – моё горе; его расцвет – моя радость» [\[7\]](#).

Алексей Толстой затрагивает ещё одну важную проблему: *«В мирные годы человек, в довольстве и счастье, как птица, купающаяся в небе, может далеко отлететь от гнезда и даже покажется ему, будто весь мир его родина. Иной человек, озлобленный горькой нуждой, скажет: «Что твердите мне: родина! Что видел я хорошего от неё, что она мне дала?»*. Надвинулась общая беда. *Враг разоряет нашу землю и всё наше вековечное хочет назвать своим. Тогда счастливый и несчастный собираются у своего гнезда. Даже и тот, кто хотел бы укрыться, как сверчок, в тёмную щель и посвистывать там до лучших времён, и тот понимает, что теперь нельзя спастись в одиночку* » [\[16, с.444\]](#).

В этом фрагменте Толстой описывает отношение разных людей к родине в мирное и военное время, описывая их психологию разных людей и характеризуя с помощью метафор и эпитетов: *«озлобленный горькой нуждой», «счастливый», «несчастный», «тот, кто хотел бы укрыться, как сверчок»*. Проанализируем: одни – это сторонники космополитизма, так называемые *счастливые*, которым в мирное время кажется, что *«будто весь мир родина* » (в 30-40-е годы двадцатого века таких было мало, но в 90-е годы того же века космополитов стало больше). Почему? В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к статье другого писателя Валентина Распутина, опубликованной в 1992 году. Размышляя, как и его предшественник на литературном поприще А.Н. Толстой, о настоящем и будущем России, В.Г. Распутин беспокоился о том, что западные идеологи решили «ввести в действие мощный пропагандистский механизм денационализации с помощью сильнодействующих соблазнов, во-первых, богатыми западными витринами и, во-вторых, свободой от совести, морали и от всякой ответственности, – словом, духовно и морально изъять россиянина из *его отечественного гнезда*», соответствующим образом обработать, обесточить от всякой патриотической энергии и направить против неё же, России» [\[16, с. 2\]](#). Интересно, что В.Г. Распутин использует ту же метафору, что и А.Н. Толстой (*Родина – «гнездо»*), дополняя её эпитетом – *«отечественное гнездо»*.

Можно ли людей, которые эмигрировали, не чувствуя кровной связи с Россией, покинули родину в трудную для страны минуту, назвать *счастливыми*? Отвечая на этот вопрос, хотим поспорить с А.Н. Толстым и возразить ему. Нет, потому что без родины человеку жить счастливо трудно. Судьбы многих эмигрантов, которые покинули Россию после революции, складывались по-разному. Одни – такие, как писатель И.А. Бунин, философы П.И. Флоренский, И.А. Ильин не были космополитами, они уехали из России вынужденно, но темой их произведений и философских размышлений всё равно оставалась Родина. Они продолжали оставаться русскими, без России им жилось нелегко.

Вторая группа эмигрантов – это те, кто уезжал в двадцатом веке из СССР, по собственному решению, стремясь к комфорту и легкой жизни. Можно ли этих людей назвать *счастливыми*? Сколько людей, столько, наверное, и определений понятия «счастье», но, по нашему мнению, их точнее было бы назвать не счастливыми, а

беспечными , так и не понявшими, что значит в жизни человека родина.

Третий тип характера, описываемый А.Н. Толстым, – это люди труда, на которых во все времена держалась страна. В предвоенные годы в СССР шла индустриализация, рабочие трудились, не жалея сил, потому что страна продолжала восстанавливаться после Первой мировой и разрушительной Гражданской войн, агрессии стран Антанты. Были ли в предвоенное время среди рабочих «озлобленные» люди, как пишет А.Н. Толстой, потому что жили трудно, небогато? Наверное, были. Важно разобраться в семантике этого эпитета. Сравним: *злой человек* (постоянный признак, черта характера) – *озлобленный человек* (временный признак, не являющийся чертой характера), озлобленность быстро проходит.

Ещё один эпитет, использованный А.Н. Толстым в этом фрагменте, – *несчастные* . Позволим себе не согласиться с этим определением писателя. Тех, кому жилось непросто в предвоенные годы, и тех, кто вынес на своих плечах восстановление страны после долгих лет войн и разрушений, нельзя назвать *несчастливыми* . Во-первых, потому что они сами себя таковыми не считали. Во-вторых, потому что их жизнь была героической: сначала, не жалея своих сил, работали на благо Родины, во имя будущего детей и внуков, а потом защищали Отечество от фашизма, став победителями во Второй мировой войне.

Следующие предложения из статьи А.Н. Толстого «надвинулась общая беда, враг разоряет нашу землю и всё вековечное хочет назвать своим», «...теперь нельзя спастись в одиночку», «мы, живущие в это лихолетье, – хранители и сторожа родины нашей» обращены «к специфической стороне национального самосознания – соборности, способности объединиться перед лицом большой опасности , выступить всем миром в защиту общих интересов и спасти Отечество» [\[10, 691\]](#). В соборности, способности объединиться в военное время видит А.Н. Толстой особенность менталитета не только наших предков, живущих во времена Древней Руси, но и многонационального советского народа.

Почему фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз? Алексей Толстой отвечает на этот вопрос. Во-первых, потому что Советский Союз – это вся та же историческая Россия, которая веками была для разных правителей Западной Европы «лакомым куском»: привлекала территория огромной страны, её природные богатства. Во-вторых: они намерены «...нашу родину назвать Германией, изгнать нас навсегда из нашей земли «оттич и дедич», как говорили наши предки » [\[16, с. 446\]](#).

Сразу после этих слов писатель вводит в текст образ *пращура* . «Словарь русского языка» С.И. Ожегова так объясняет значение этого слова: «пращур, -а, м. (книжн.) Отдалённый предок, родоначальник» [\[9, с. 449\]](#).

Этимология слова *пращур* восходит к праславянскому *praskjur ъ , в древнерусском языке писалось *пращурь* . В тексте статьи «Родина» эта лексема встречается 4 раза, в сочетаниях:

- 1) «Земля оттич и дедич – это те берега полноводных рек и лесные поляны, куда пришёл наш *пращур* жить навечно»;
- 2) «Многое мог увидеть *пращур* , из-под ладони глядя по солнцу...»;
- 3) «Недаром *пращур* плёл волшебную сеть русского языка...»;

4) «*Пращур наш, глядя посолонь, наверно, различил в дали веков эти дела народа своего и сказал тогда на это: «Ничего, мы сдюжим...»*».

С помощью кратких прилагательных Алексей Толстой передаёт мощь характера нашего древнего предка: «Он был *силён и бородат*, в *посконной длинной рубахе*, *солёной на лопатках, смышлён и нетороплив*, как вся дремучая природа вокруг него» [16, с. 446]. Обращение к опыту прошлого даёт силы потомкам, особенно, когда они вспоминают о том, что пращурам приходилось осваивать не благоприятную для жизни землю, а край с разнообразным, местами суровым климатом, а для этого нужны были гигантские силы сильных духом людей.

А.Н. Толстой пишет о том, что после ослабления Киева в борьбе с монголо-татарами, именно Владимиро-Суздальская Русь сыграла огромную роль в дальнейшем формировании и становлении централизованного православного русского государства, в которое постепенно вливались представители других народов и культур: «...Владими́ро-Сузда́льской Руси пришлось почти четыре столетия бороться и с Золотой Ордой, и с Тверью, и с Рязанью, с Новгородом, собирая и укрепляя землю. Во главе этой борьбы встала Москва» [16, с. 447].

Автор статьи «Родина» удивительно поэтично пишет о русском языке. Идиостилю писателя, по нашему мнению, свойственно сочетание простоты формы выражения мысли и глубины содержания. Этому писатель, по собственному признанию, учился у А.С. Пушкина. А. Н. Толстой писал: «Каждая мысль в художественном воплощении имеет только одну-единственную формулировку, такую, где сочетания слов образуют как бы кристалл» [17]. Писатель называл А.С. Пушкина «*звездой*», путеводной звездой русской литературы: «*наступил блистательный век русской литературы и искусства, открытый звездой Пушкина*», – пишет он в статье «Родина».

А.Н. Толстой описывает словотворчество нашего народа, используя образные эпитеты и сравнения: «*Дивной вязью он плёл невидимую сеть русского языка: яркого, как радуга вслед весеннему ливню, меткого, как стрела, задушевного, как песня над колыбелью, певучего и богатого*». Русский язык сложен, поэтому оправданно появляется эпитет *дивная вязь*, как напоминание о не менее сложном арабском языке. Русский язык передает все оттенки чувств, и, вот, рождается сравнение: он «*яркий, как радуга вслед весеннему ливню*». Не раз упоминалась классиками русской литературы способность народа выражаться точно и метко, а в случае необходимости использовать слово как оружие, отсюда появляется сравнение: русский язык – «*меткий, как стрела*». Если сопоставить наш язык с другими, то можно подметить его плавность, мелодичность. А.Н. Толстой пишет: «*задушевный, как песня над колыбелью, певучий и богатый*». Отметим, что использование сравнений так же, как и эпитетов, свойственно идиостилю публицистических статей писателя. Русские пословицы – *мудрые*, загадки – *хитрые*, былины – *торжественные*, сказки – *героические, волшебные, бытовые и пересмешные*. С помощью этих средств художественной выразительности писатель подчёркивает мудрость, порой хитрость, смекалку русского народа.

Лексический анализ статьи А.Н. Толстого «Родина» позволяет нам прийти к выводу о том, что автор умело сочетал три стиля речи: лаконичный газетно-публицистический, образный художественный и экспрессивный разговорный, – в этом заключается, по нашему мнению, ещё одна особенность идиостиля писателя и публициста.

Подобное мнение высказала и А. Александрова: «Публицистика А.Н. Толстого уникальна по своей художественности, информационной насыщенности, представляет собой

образец текстов публицистического жанра. Язык его статей ярок, экспрессивен, в нём сочетаются талант писателя-художника и незаурядного публициста, оратора, критика, учителя, патриота...» [\[1, с.228\]](#).

Являясь великолепным писателем, автором трилогии «Хождение по мукам», исторического романа «Пётр Первый», А.Н. Толстой в публицистической статье «Родина» использует аллюзии на произведения русской классической литературы. Россия – литературоцентричная страна, А.Н. Толстой придерживался этого мнения, он написал в своей статье о воспитательной функции русской литературы: *«Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа . Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов »* [\[16, с. 447\]](#).

Выше было отмечено, что А. Толстой считал вершиной русского литературного творчества творения гениального А. С. Пушкина. Он являлся не только «Солнцем русской поэзии» (как сказал В. Одоевский), но и «солнечным центром русской истории» (как утверждал В. Непомнящий). Русское искусство XIX века было признано эталоном, *«оно стало мировым и во многом повело за собой искусство Европы и Америки »* (А. Толстой). Идеологи фашистской Германии хотели убедить мир в отсталости русской культуры и самым жестоким способом пытались искоренить русскую культуру. У фашистов была такая ненависть к их вечному оппоненту А.С. Пушкину, что, видя где-нибудь его портрет, например, на стене в классе сельской школы, они стреляли в портрет классика.

В тексте статьи «Родина» есть аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России». Сравните: *«С этих стенна пылающую Москву хмуро глядел обречённый Наполеон»* (у А. Н. Толстого) [\[1, с. 448\]](#).

«За что ж? Ответствуйте: за то ли,

Что на развалинах пылающей Москвы

Мы не признали наглой воли

Того, под кем дрожали вы? (у А.С. Пушкина) [\[11, с.222\]](#)

Есть аллюзии на лирическое отступление о птице-тройке из поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души»: *«Настало время, когда европейским державам пришлось потесниться и дать место России в красном углу. Сделать это их заставил русский народ, разгромивший Наполеона»* [\[16, с.448\]](#).

Классик русской литературы, заканчивая лирическим отступлением «о птице-тройке» первый том поэмы, писал: *«Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства »* [\[5, с. 575\]](#).

Ещё одной особенностью идиостиля А.Н. Толстого, отраженной в статье «Родина», является использование в публицистике и научной лексике. Вспоминая достижения отечественной науки, А.Н. Толстой с помощью перифразы, рассказывает о великих открытиях Ивана Ползунова (1766 г., *«паровая машина изобретена в России »*), используя научные термины, пишет об исследованиях Василия Петрова (1803 г., *«вольтова дуга »*), А.С. Попова (1886 г., *«беспроволочный телеграф »*). Это лишь

некоторые факты, свидетельствующие о научном потенциале России до революции, не говоря уже о научных достижениях двадцатого века. Толстой всегда интересовался наукой (вспомним романы «Гиперболоид инженера Гарина», «Аэлита»). Он структурно организует статью так, что публицистическая статья приобретает ещё и энциклопедический характер.

Двадцатый век писатель определил так: «Наш век – это суровая, железная борьба за свою независимость, за свою свободу и за право строить по своим законам своё общество и своё счастье» [16, 445]. В этом предложении нет тавтологии, писатель намеренно несколько раз употребил притяжательное местоимение «свой» в разных родах, падежах и числе: «свою независимость», «за свою свободу» (ж.р., В.п., ед.ч.), «по своим законам» (м.р., Д.п., мн.ч.), «своё общество», «своё счастье» (ср.р., В.п., ед.ч.). С помощью лексического повтора А.Н. Толстой усиливает эмоциональное воздействие на читателя. Напомним, что с июня 1941 года по день открытия второго фронта в 1944 году на западном направлении сражений Второй мировой войны только одна страна – Советский Союз – стала вести бескомпромиссную борьбу за свою Родину, свои идеалы, своё будущее против фашистской идеологии, против намерений Третьего рейха, подчинившего себе многие европейские страны, установить в мире свои антигуманные законы, бесчеловечный порядок, лишив большинство стран мира независимости, свободы и права говорить на родном языке.

Алексей Толстой в статье «Родина» (ноябрь 1941 года) пишет о том, что идёт «тяжёлая, решающая нашу судьбу, борьба», «месяцы тяжёлой борьбы». С древних времён русский народ называл тяжёлые годы для Родины «лихолетьем»; так и сказал о войне с фашизмом и Алексей Николаевич Толстой.

Опытный писатель понимал, что его статью будут читать не только в СССР, но и за рубежом, поэтому он обратился не только соотечественникам, друзьям, но и недругам. Он напоминал о том, что псевдоценностям идеологии фашизма и «особому виду безликих биржевых ценностей, брошенных в тотальную войну», противостоит не только официальная советская социалистическая идеология, но и сакральная идеология «Москва – Третий Рим», о которой знали не только священники Русской Православной Церкви, но и простые люди: «Москва мыслилась как хранительница и поборница незапятнанной правды: был Рим, была Византия, теперь – Москва», «сердце русской национальности», центр отечественной культуры [16, с.448]. В атеистическое советское время нельзя было открыто писать о вере, поэтому автор использует вместо слова православие словосочетание «незапятнанная правда». Кстати, командующим западным фронтом советских войск был Георгий Константинович Жуков, святым покровителем которого был Георгий Победоносец, и основные бои за Берлин были завершены 6 мая 1945 года в день прославления Святого Георгия, на это число в тот год пришлась и православная Пасха. Как говорят военные, на войне атеистов нет

А.Н. Толстой был уверен в том, что история повторится и что советские войска, как и некогда русские во время войны с Наполеоном, победят своего противника. Писатель ждал того момента, когда Советская армия, разгромив Гитлера, войдёт в столицу Германии, – в Берлин. Битва под Москвой показала всему миру, что фашизм будет побеждён. Во фрагменте статьи «Родина», повествующем об этом, автор использует фразеологизм, сравнительные конструкции, эпитеты и метафоры, усиливая эмоциональное воздействия на читателя: «Они сломали себе шею под Москвой», потому что Москва – это больше, чем стратегическая точка, больше, чем столица государства. Москва – это идея, охватывающая нашу культуру во всём её национальном движении.

Через Москву – наш путь в будущее». Писатель оказался прозорливым, за этой победой последовали другие победы Великой Отечественной и Второй мировой войнах. По нашему мнению, *«они сломали себе шею под Москвой»*, – это ещё одна «лексико-семантическая веха» статьи «Родина».

Далее А.Н. Толстой обращается к истории Древней Руси. С помощью эпитетов он описывает войско князя Игоря – *«красные щиты князя Игоря в половецких степях»*, войско князя Дмитрия Донского – *«установленные под хоругвями Дмитрия Донского мужицкие копья на Куликовом поле»*. Так кратко и образно Толстой вспоминает этапы борьбы русского государства за свою независимость. Князь Александр Невский – молодой и отважный, который не проиграл ни одного своего сражения, был издавна любим и почитаем на Руси. *«Кровью залитый лёд Чудского озера»* – с помощью этой метафоры А. Толстой напоминает о Победе русского войска, которая восхищает русских и страшит противников России, напоминая им о словах Великого князя А. Невского – *«Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет»*.

В своей статье А. Толстой упоминает и царя Ивана Грозного. Его значимость для истории России, по мнению писателя, в том, что царь раздвинул пределы русской земли *«от Сибири до Варяжского моря»*, а в Москву при нём, благодаря торговле, стекались огромные богатства *«из Европы, Персии, Средней Азии, Индии»*. Алексей Николаевич писал о причинах создания им драматической повести «Иван Грозный»: *«Она была моим ответом на унижения, которым немцы подвергли мою родину. Я вызвал из небытия к жизни великую страстную душу – Ивана Грозного, чтобы вооружить свою «рассвирепевшую совесть»* [\[18\]](#). Напомним, что до сих пор на европейские языки (английский, французский, испанский, итальянский) прозвище царя Ивана Васильевича переводится как *Ужасный*, а не как *Грозный* – грозящий врагам в случае опасности для Руси. На жизнь и деятельность царя Ивана Васильевича по-прежнему в западной историографии и литературе до сих пор смотрят предвзято, без объективности.

«Творчество А. Толстого военных лет: статьи, выступления, диалогия «Иван Грозный» свидетельствуют о том, что писатель глубоко верил в возможности русского народа, в его внутренние силы, в способность в кризисные периоды своей истории собраться с духом, встряхнуться, подняться во весь богатырский рост и в очередной раз заявить миру о своих возможностях и, как в своё время писал историк В. Ключевский, выйти на широкую дорогу мировой истории» [\[2, 28\]](#).

Ещё одной важной лексико-семантической вехой статьи «Родина» является восклицательное предложение: *«Свершайте!»*. Этим призывом Алексей Николаевич Толстой заканчивает своё размышление об ответственности его современников за будущее Родины: *«И вот смертельный враг загораживает нашей родине путь в будущее. Как будто тени минувших поколений, тех, кто погиб в бесчисленных боях за честь и славу родины, и тех, кто положил свои тяжкие труды на устройство её, обступили Москву и ждут от нас величия души и велят нам: «Свершайте!»*

В третьей части статьи, размышляя о будущей Победе, Алексей Николаевич Толстой обращается к русской народной сказке, потому что именно в этом виде устного народного *добро всегда побеждало зло*, неизбежно торжествовала справедливость. Надо отметить, что многие русские народные сказки, знакомые нам с детства, дошли до нас в изложении этого писателя.

Используя развёрнутую метафору, А. Толстой описал грядущую победу советского народа над фашистской Германией и её союзниками – модернизированным «Чудом-юдом

двенадцатиглавым» двадцатого века: «Как Иван в сказке, схватился русский народ с Чудом-юдом двенадцатиглавым на калиновом мосту» [16, с. 450]. Писатель был уверен в том, что сама русская земля удивительным и непостижимым для рационального ума способом всегда помогала и помогает священной борьбе народа с противником: *«Разъехались они на три прыска лошадиных и ударились так, что земля немало поглотила полчищ наезжавших на неё насильников . На Западе возникали империи и гибли. Из великих становились малыми, из богатых – нищими. Наша родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть её. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет »* [16, 450].

Заканчивается статья А.Н. Толстого восклицательным предложением: *«Ничего, мы сдюжим!.. »*. Мы считаем, что это одна из самых важных «лексико-семантических вех» статьи, которая не раз повторяется писателем.

Советский народ сдюжил. 9 мая 1945 года закончилась Великая Отечественная война, Советский союз победил фашистскую Германию. 2 сентября 1945 года, благодаря помощи Советской армии и союзников, была разгромлена на Корейском полуострове армия милитаристской Японии – союзницы Германии. Так закончилась Вторая мировая война.

В двадцать первом веке в мире, к сожалению, есть сторонники идей неофашизма. Статья Алексея Толстого актуальна еще и потому, что её можно рассматривать и как предупреждение тем, кто сегодня вынашивает планы полномасштабной агрессии против России.

Изложим кратко выводы нашего исследования:

1) авторы данного научного исследования разделяют мнение других учёных о том, что «Родина», несомненно, является важным лингвокультурологическим концептом, отражающим особое отношение русских людей к своему Отечеству,

2) «лексико-семантическими вехами» статьи А.Н. Толстого «Родина» являются: восклицательные предложения «Сдюжим!», «Ничего, сдюжим!», «Свершайте!»; повествовательные предложения «Ничего, сдюжим...», повествовательное предложение с фразеологизмом «Они (фашисты – примеч. авторов научного исследования) сломали себе шею под Москвой»; словосочетания «земля оттич и дедич»; метафора –«птенцы одного гнезда»;

3) статья «Родина» является ярким воплощением идиостиля А.Н. Толстого, который умело сочетал даже в публицистической статье разные стили речи:

- обращение к древнерусской истории (использование древнерусской лексики),

- описание борьбы советского народа с немецким фашизмом во время Второй мировой войны (актуализирована газетно-публицистическая лексика, наблюдается также использование в этой части научной лексики),

- метафорически изображена Победа над фашизмом (обращение к жанру русской народной сказки, где добро побеждает зло);

3) временные рамки статьи расширены, так как в 1941 году А.Н. Толстым описана Победа Советского Союза во Второй мировой войне 9 мая 1945 года.

Материалы данного научного исследования можно использовать при обучении русскому

языку, русской литературе, лингвокультурологии в вузах; при обучении русскому языку как иностранному в вузах; на уроках русского языка и русской литературы в школах с целью изучения творчества писателя Алексея Николаевича Толстого.

Библиография

1. Александрова А. Л. Творчество А.Н. Толстого в современных исследованиях // Вестник ТеГУ. Серия Филология. – ТеГУ, 2015. – N 1, 361 с. – с. 283 – 289. – С. 288.
2. Бороздина П.А. А.Н. Толстой в современном прочтении: полемические заметки // Берегиня 777. Сова, 2013. – N 1 (16). – с. 69 – 84. – С. 28.
3. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997. – N 4, 159 с. – С. 115-124.
4. Гачев Г. Национальные образы мира: курс лекций / Георгий Гачев; «Академия». – Москва: Издательский центр «Академия», 1998. – 429 с.
5. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 5. Роман-эпопея «Мёртвые души» / Н.В. Гоголь – Москва: Государственное издательство Художественной литературы, 1959. – 576 с. – С. 575.
6. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Даль; «Русский язык». – Москва: «Русский язык» Т. 1-4. – 1978–1980. – Том IV. Р – V. – 1980, 683 с. – С. 168.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т.10. Национальная Россия Глава 15. Любовь к Родине / И.А. Ильин – Москва: издательство «Русская книга», 1999. – 503 с. – С. 363.
8. Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001. – С. 3–16.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. Под ред. члена-корреспондента АН СССР Н.Ю. Шведовой; «Русский язык». – Москва: Изд-во «Русский язык», 1987, 796 с. – С. 499.
10. Петровцева Н.Ю., Евсецова Е.А. Ориентация концепции национальной идентичности в творчестве А.Н. Толстого на гражданско-патриотические ценности // «Мир науки, культуры и образования». – 2019. – N 6 (79) – с. 691-693 – С. 691.
11. Пушкин, А.С. Евгений Онегин. Стихотворения и поэмы. Проза. Драматургия – Азбука. Санкт-Петербург, 2013. – 1354 с. – С. 222.
12. Распутин, В.Г. Послужить России // «Мир женщины». – 1992. – N 1, 68 с. – С. 2.
13. Семёнова, А.В. Лингвоспецифические концепты как фактор образования английского языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., МГУ. – 2018 – С. 81.
14. Словарь русского языка: в 4-х томах. (МАС) Т. 3 (П – Р) / под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва: АН СССР, Институт русского языка, изд-во Русский язык, 1985 – 1988. – С. 750.
15. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., изд-во «Языки славянской культуры». – 1997. – 825 с. – С. 40-43.
16. Толстой, А.Н. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 6. – Москва: Библиотека «Огонёк». Издательство «Правда», 1972. – 462 с.
17. Толстой, А.Н. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Публицистика. Как я работаю – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 710 с. – С. 131.
18. Толстой, А.Н. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. Краткая биография –

Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 710 с. – С. 89–90.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лингвокультурологический и лексический анализ статьи А.Н. Толстого «Родина», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей творчества писателя на материале статьи. Статья посвящена изучению творчества Алексея Николаевича Толстого в контексте лингвокультурологии.

Целью данного научного исследования является комплексный лингвокультурологический и лексико-семантический анализ статьи А.Н. Толстого «Родина».

Новизна рецензируемой работы заключается в том, что в статье в лингвокультурологии и литературоведении предлагается комплексный пофразовый анализ статьи А.Н. Толстого «Родина», а также автор предлагает научное определение понятие «лексико-семантические вехи», в том числе описывают методику работы с небольшими художественными текстами, которая ф быть легко тиражирована.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В заключении представлены результаты исследования и его перспективы.

Теоретические положения проиллюстрированы практическим материалом из рассматриваемой статьи писателя.

Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаю, что обращение к зарубежным источникам, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории литературы. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов.

Статья «Лингвокультурологический и лексический анализ статьи А.Н. Толстого «Родина» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Данилина О.В. — Из опыта использования медиатекстов на занятиях РКИ в группе студентов-филологов 4 курса МГУ-ППИ (Шэньчжэнь) // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40931 EDN: BUQYMW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40931

Из опыта использования медиатекстов на занятиях РКИ в группе студентов-филологов 4 курса МГУ-ППИ (Шэньчжэнь)

Данилина Ольга Вячеславовна

старший преподаватель, Центр русского языка, МГУ-ППИ в Шэньчжэне
518172, Китай, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ olgadanilina@mail.ru

[Статья из рубрики "Дидактика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.40931

EDN:

BUQYMW

Дата направления статьи в редакцию:

13-06-2023

Дата публикации:

14-06-2023

Аннотация: В последнее время особое значение в методике и практике преподавания РКИ приобретает понятие языковой среды, ключевым компонентом которой является учебник, сопровождаемый материалами культурологического характера, в том числе медиатекстами. Понимаемый как «динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» (Н. А. Кузьмина), медиатекст является основной единицей членения медиапотока и объединяет различные виды продукции СМИ. С учётом современного этапа развития технологий использование медиатекстов на уровнях владения языком B2-C1, характеризующихся широкой коммуникативной компетенцией, пониманием нюансов межкультурного общения, представляется целесообразным и желательным. Хотя некоторые аутентичные интернет-тексты требуют сформированности у иностранных учащихся-реципиентов коммуникативной компетенции, близкой к возможностям носителей языка, они необходимы для решения определенных методических задач. В

связи с этим работа с аутентичным постом на тему интеллигентности с сайта «Пикабу» в группе студентов-филологов 4-го курса МГУ-ППИ предварила обсуждение темы на материале рецензий на книгу Д.С. Лихачёва «Письма о добром и прекрасном». Выбранный медиатекст позволил учащимся анализировать, интерпретировать высказывание, давать ему оценку. Обсуждение смысловой стороны текста активизировало их критическое мышление. Обсуждение языковой стороны текста позволило привлечь внимание студентов к его стилистическим и жанровым особенностям. Мотивация учащихся при обсуждении темы на материале поста повысилась, поэтому последовавшее изучение текста письма Лихачева прошло в атмосфере заинтересованности. Таким образом, работа с минимальным по объёму, но максимально репрезентативным для современного российского медиапространства аутентичным материалом доказала свою мотивирующую и познавательную ценность. Использование медиапродуктов рассмотренного типа на занятиях по русскому языку на продвинутом этапе — способ повысить мотивацию учащихся при обсуждении сложных социокультурных и языковедческих проблем.

Ключевые слова:

методика РКИ, медиатекст, аутентичные материалы, языковая компетенция, коммуникативная компетенция, пост, интеллигентность, мотивация, рецензия, стилистика

Как известно, в последнее время особое значение в методике и практике преподавания русского языка как иностранного приобретает понятие языковой среды [\[1, 2\]](#), ключевым компонентом которой является учебник, сопровождаемый достаточным количеством самых разнообразных материалов языкового и культурологического характера, в том числе и медиатекстами [\[3\]](#). Интерес исследователей к изучению проблем медиаречи, особенностей функционирования языка в сфере массовой коммуникации постоянно возрастает, причем проблемами медиатекста в современном языкознании занимается значительное количество лингвистов [\[4-8\]](#). В частности, Н.А. Кузьминой медиатекст понимается как «динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций». Исследователь отмечает, что медиатекст, «являясь основной единицей членения медиапотока», объединяет «такие разноплановые и многоуровневые понятия, как газетная статья, радиопередача, телевизионные новости, интернет-реклама и прочие виды продукции СМИ» [\[4, с.6\]](#). Все эти жанры обычно вызывают живой интерес у представителей молодого поколения, поэтому не удивительно, что студенческая аудитория с большим энтузиазмом реагирует именно на такого типа тексты, в случае если они предлагаются в качестве дополнения к используемым учебникам и учебным пособиям.

В эпоху эволюции медиакультуры у иностранных учащихся университетского возраста также отмечается повышение интереса именно к аутентичным материалам, фигурирующим в российском медиапространстве. В связи с этим особенно актуальным представляется опыт ознакомления студентов с такими современными жанрами СМИ, как реклама, блог, пост или мем [\[9, с.45; 10\]](#).

На сегодняшний момент в методике преподавания РКИ обсуждается вопрос о привлечении аутентичных текстов СМИ даже на начальном этапе обучения [\[11, 12\]](#). На уровнях же B2-C1, характеризующихся широкой коммуникативной компетенцией и пониманием многих нюансов межкультурного общения, использование подобных

материалов представляется просто необходимым [\[13-16\]](#). Некоторые аутентичные интернет-тексты могут зачастую требовать сформированности у иностранных учащихся-реципиентов коммуникативной компетенции, близкой к возможностям носителей русского языка. Однако даже такие тексты могут оказаться исключительно полезными для решения определенных методических задач. В связи с этим хотелось бы поделиться опытом работы с такого рода медиатекстами в группе филологов 4-го курса университета МГУ-ППИ, группе, как раз соответствующей высокому уровню владения языком (B2).

В программу студентов-филологов 4 курса входит обучение написанию рецензии. Основная работа ведется по пособию для иностранных учащихся «Русский язык в текстах о филологии» А.В. Величко и Л.П. Юдиной. Изучение раздела «Рецензирование» имеет своей целью ознакомление учащихся с этим жанром научного текста, с разными видами рецензий, в том числе с рецензией на жанр художественной публицистики, отличающейся свободой композиции и разнообразием использованных языковых средств [\[17\]](#). В пособии А.В. Величко и Л.П. Юдиной для анализа учащимся предлагаются две рецензии на книгу Д.С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном» (авторы А. Пестунова и И. Фоняев). Внимание студентов привлекается к таким особенностям рецензий, характерным для публицистических текстов, как наличие противопоставлений, использование предикативных наречий, инверсий и риторических вопросов. В качестве дополнительного материала для ознакомительного индивидуального чтения в пособии предлагается отрывок из «Воспоминаний Д.С. Лихачева».

Для того чтобы анализ рецензии был более предметным, показалось целесообразным сначала познакомить студентов с первоисточником — отрывком из книги Д.С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном». Помимо реализации задачи приблизить учащихся к предмету, знакомство с отрывком из книги Д.С. Лихачева имело своей целью расширение культурологических знаний четверокурсников, развитие их профессиональной компетенции, улучшение общего владения языком через обсуждение актуальной проблемы, важной именно для студентов-гуманитариев. Для работы на уроке было выбрано письмо 12 «Человек должен быть интеллигентен!» [\[18\]](#).

В связи с тем что тематика этого письма может восприниматься отстранённо представителями молодого поколения, хотелось сначала разобрать её на примере текста более близкого молодёжной аудитории жанра. К работе был привлечен аутентичный текст СМИ — пост (то есть сообщение, публикуемое на форумах, сайтах и в интернет-сообществах) на тему интеллигентности. Представители молодого поколения чувствуют себя более органично, читая подобные тексты, им ближе и доступнее этот жанр, с которым они ежедневно сталкиваются в медиапространстве. Кроме того, визуальный материал обычно привлекает взгляд учащихся в буквальном смысле этого слова. Студентам был предъявлен популярный в интернет-пространстве пост с сайта «Пикабу» — информационно-развлекательного сообщества, публикующего шутки и мемы, забавные фото и видео, познавательные статьи и интересные комментарии [\[19\]](#).

Пост, представлявший собой комментарий к мему, вызвал живой интерес учащихся. Выбор материала был обусловлен его тематической востребованностью, а также провокационной заостренностью (всегда интересной для представителей молодого поколения) в предъявлении стереотипного представления об интеллигенции.

Языковая компетенция студентов, обучающихся уже на четвертом курсе филологического факультета, позволила им почувствовать как эксплицитно, так и имплицитно выраженные нюансы стилистического и культурологического характера.

Кроме того, в процессе работы с предложенным медиатекстом студенты обратились к дополнительным интернет-ресурсам в поисках заинтересовавшей их информации общекультурного плана, расширили свой список значимых для истории литературы и философии имен.

Обсуждение смысловой стороны текста активизировало критическое мышление учащихся (отметим, кстати, что умение критически воспринимать и оценивать информацию, которая транслируется СМИ, в наши дни можно назвать одним из важнейших социальных навыков). Обсуждение велось с учётом следующих вопросов:

- Насколько актуальна проблема интеллигентности в наши дни?
- Какими чертами, на ваш взгляд, должен обладать интеллигентный человек?
- С чем связано появление комического стереотипного представления об интеллигентном человеке?
- Каким образом история и культура той или иной страны влияют на понимание интеллигентности?
- Согласны ли вы с тем, что за внешне безобидной (даже несерьёзной) формой может стоять обсуждение важной социальной и духовной проблемы?

Дискуссия позволила учащимся формировать и развивать свои собственные коммуникативные способности. Стоит отметить, что материалы подобного рода действительно позволяют обучать студентов различным формам самовыражения, что особенно актуально на современных уроках русского языка как иностранного.

Обсуждение языковой стороны текста также было чрезвычайно полезно для студентов. В процессе анализа поста внимание учащихся было привлечено к стилистическим и жанровым особенностям представленного медиатекста. Поскольку на предыдущих этапах обучения студенты-филологи уже знакомились с особенностями публицистических текстов самого широкого спектра функционирования, им было интересно обратить внимание на особенности как представленного медиатекста, так и ему подобных: специфику вебсайта и жанров мема и поста; использование визуальных эффектов (логотипа, картинки, символов, в том числе смайла); использование заголовка и подзаголовка, особенности шрифта, использование курсива, альбомное или зеркальное расположение на странице; цвет и расположение ссылок; особенности авторского стиля (использование лаконичных предложений, графических средств (тире, заглавных букв), инверсии, анафоры, парцелляции; экспрессивность сообщения, использование языковой игры); особенности лексики (в том числе преобладание слов с позитивными или негативными коннотациями); особенности звукового ряда и внутреннего ритма текста; сочетание логичности и эмоциональности (то есть активизацию у читателя как интеллектуального, так и эмоционального отклика); сочетание функций информирования и воздействия на читателя.

В ходе обсуждения учащиеся самостоятельно отметили, что заголовком поста является риторический вопрос с тремя вопросительными знаками, создающими определенную эмоциональность: «Много среди нас интеллигентов???)» Студенты отметили, что вопрос задаёт тему поста в ракурсе противопоставления «неинтеллигентного» человека «интеллигентному», что в конце предложения автор использует закрывающуюся скобку, символизирующую улыбку, что создаёт иронический эффект: заданный вопрос представляется серьёзным, в то время как ответ — нелепым, ироническим.

Студенты предположили, что автор поста намеренно включает себя в круг «интеллигентов», используя личное местоимение «нас», что создаёт неформальность тона. Учащиеся отметили, что длина поста способствует удержанию читательского внимания и интереса, так как более длинные тексты могут насторожить настроенного на отдых читателя своей серьезностью. Студенты обратили внимание на ряд однородных членов во втором предложении, на то, что перечисление начинается с фамилии великого писателя, а заканчивается словом сниженного стилистического яруса, что усиливает уже созданный иронический эффект. Повторяющаяся языковая ошибка («...различает Гоголя от Гегеля, Гегеля от Бебеля...»), по мысли учащихся, возможно, является преднамеренной. Студенты высказали мысль о том, что созвучие в ряду однородных членов помогает автору показать, что для неинтеллигентного человека все перечисленные слова означают одно и то же. Учащимся показалось, что последнее многоточие, в отличие от двух предыдущих, не имеет иронического характера, а приглашает читателя к совместному размышлению о том, много ли истинных интеллигентов среди посетителей этого сайта. Студенты поняли, что приложенная картинка является карикатурой, на которой изображен «интеллигент». Они заметили контраст черно-белого костюма и бордового напитка внутри бокала, предположили, что это вино, гармонирующее с моноклем — главным атрибутом так называемого «интеллигента». Учащиеся отметили противопоставленность самого текста, в котором говорится о внутреннем мире интеллигентного человека, картинке, указывающей на его внешний вид. Так, по мысли студентов, автор подводит читателя к идее текста: интеллигентного человека в первую очередь определяют его поступки, его внутреннее наполнение, а не внешний вид.

Студенты сделали вывод о том, что, несмотря на то что пост относится к таким категориям, как «мемы», «анекдот», «прикол» и «стёб», автору удастся донести глубокие мысли до по-настоящему интеллигентных читателей.

Выбранный медиатекст предоставил учащимся возможность не только анализировать и интерпретировать высказывание, но и давать ему оценку (что было особенно интересно по отношению к тексту, имплицитно уже транслирующему фоновую оценочную информацию). Пост вызвал живой интерес, мотивация учащихся повысилась, и они чувствовали себя более комфортно при знакомстве со сложной проблемой, связанной с важными духовными аспектами жизни человека. Под чтение 12-го письма «Человек должен быть интеллигентен!» была подведена определённая эмоциональная база.

Благодаря вышеописанной подготовительной работе знакомство непосредственно с текстом письма Лихачева прошло в атмосфере заинтересованности. Интерес учащихся к материалу проблемного характера был уже активизирован, бурное обсуждение письма «Человек должен быть интеллигентен!» сконцентрировалось вокруг следующего вопроса: «Согласны ли вы с тем, что социальный долг человека — быть интеллигентным?»

Анализ языковых особенностей 12 письма был особенно интересен в сопоставлении с только что проведённым комплексным анализом текста другого жанра. Учащимся было предложено ответить, к примеру, на следующие вопросы:

- Какие признаки публицистического стиля вы можете отметить в 12-ом письме?
- Какие выразительные средства помогают автору воздействовать на эмоциональную сторону читателя?
- Какие ключевые слова помогают понять направление движения авторской мысли?

Завершающим этапом работы с первоисточником стало выполнение письменного задания — написания эссе на тему «Нужна ли интеллигентность в наши дни?» Последующие занятия были посвящены уже непосредственно знакомству с особенностями рецензии на литературное произведение (в частности, на жанр художественной публицистики) и подготовке рецензии на 12-е письмо Лихачева.

Таким образом, работа с минимальным по объёму, но максимально репрезентативным для современного российского медиапространства аутентичным материалом доказала свою мотивирующую и познавательную ценность. Работая с подобным видом языкового продукта, учащиеся погружаются в более близкую с точки зрения ментальности молодого человека среду, которая людьми этого поколения воспринимается более органично. Использование медиапродуктов рассмотренного типа на занятиях по русскому языку на продвинутом этапе — это способ повысить мотивацию учащихся при обсуждении сложных социокультурных и языковедческих проблем.

Приложение:

1. Работа студентки Ян Вэнь (МГУ-ППИ, филфак, 4 курс, группа 2), выполненная по итогам урока (приводится с сохранением авторского стиля).

Интеллигентность

На вопрос, какими качествами должен обладать интеллигентный человек, нет однозначного ответа. Учёные также по-разному отвечают на этот вопрос, в том числе и Д.С. Лихачёв.

По мнению Лихачёва, интеллигентный человек обладает такими положительными качествами, как уважение к другим людям, способность к пониманию, бережное отношение к природе, воспитанность и т.д.

Ещё Д.С. Лихачёв обращает внимание читателей на то, что каждый человек имеет социальный долг перед самим собой — быть интеллигентным. Я полностью разделяю мнение великого учёного. Поскольку интеллигентность нужна в современном обществе, каждый из нас обязан выполнить этот социальный долг.

Современный мир развивается достаточно быстро: появляются новые технологии, постоянно производятся новые товары. Всё больше людей замечает, что многие из нас зачастую не могут устоять перед этими соблазнами. Стремясь к богатству и новизне, мы постепенно забываем, что такое интеллигентность. Правонарушения, невоспитанность, загрязнение природы — всё происходит у нас на глазах.

Это явление напоминает мне роман «Разгром», где все люди, будь то аристократы или простые крестьяне, поддаются лишь своим инстинктам. Это было страшное время беспорядка и произвола, время, которое, возможно, ещё повторится в истории человечества.

Потенциал страны не столько в её экономической или военной мощи, сколько в поведении и моральных качествах её граждан. Будучи членами современного общества, мы обязаны быть (или по крайней мере постараться быть) интеллигентными. Пользуясь благами развития современного мира, мы одновременно имеем перед ним долг. Надеюсь, что в нашем сердце будут царить свет и любовь!

Библиография

1. Журавлева Н. А. Языковая среда как обучающий фактор и резерв повышения эффективности краткосрочного обучения русскому языку [Текст]: дис. ... канд. пед. наук. 13.00.02. / Н. А. Журавлева. — Харьков, 1981. — 223 с.
2. Богомолов А. Н., Дунаева Л. А. Аутентичный текст и аутентичная языковая среда в обучении русскому языку как иностранному [Текст] / А. Н. Богомолов, Л. А. Дунаева // Русский язык за рубежом. — 2018. — № 5. — С. 94–100.
3. Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы) / М. Н. Вятютнев. — М.: Рус. яз., 1984. — 144 с.
4. Современный медиатекст [Электронный ресурс]: учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. — 3-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2014. — 416 с.
5. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность современных СМИ: тенденции развития [Текст] / Н. А. Кузьмина // Медиадискурс: новые явления и новые подходы: коллектив. моногр. / под ред. Н. А. Кузьминой. — Омск, 2010. — С. 446.
6. Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М. И. Володиной. — М.: Академический Проект, Альма Матер, 2008. — 760 с.
7. Шмелева Т. В. Авторское начало медийного текста: удельный вес // Язык. Дискурс. Текст: V Международная научная конференция, посвященная юбилею проф. Г.Ф. Гавриловой : Труды и материалы. Ч. I / Педагогический институт Южного федерального университета. — Ростов-на-Дону: АкадемЛит. 2010. — С. 325–327.
8. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В. В. Красных; МГУ им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — 350 с.
9. Азимов Э. Г. Информационно-коммуникационные технологии в обучении РКИ: состояние и перспективы [Текст] / Э. Г. Азимов // Русский язык за рубежом. — 2011. — № 6(229). — С. 45–55.
10. Михайлов С. Н. Использование сетевых дневников в процессе овладения РКИ [Текст] / С. Н. Михайлов // Русский язык за рубежом. — 2006. — № 3(197). — С. 76–79.
11. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании русского языка как иностранного на начальном этапе (уровень А1, А2) / С. С. Хромов, Н. А. Гуляева, В. Г. Апальков, Н. К. Никонова // Открытое образование. — 2015. — № 2(109). — С. 75–81.
12. Чубарова О. Э. Творческий подход к созданию учебных текстов: лингвометодический аспект (начальный этап обучения) [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. / О. Э. Чубарова. — М., 2007. — 265 с.
13. Богомолов А. Н. Методика обучения русскому языку и культуре речи инофонов среднего и продвинутого этапа обучения по материалам аутентичных медиатекстов / А. Н. Богомолов // Проблемы преподавания курса Русский язык и культура речи в вузах: Круглый стол (Международная научно— практическая конференция). М., МГУ имени М.В. Ломоносова, 21 октября 2016 г. — М.: Научный консультант, 2016. — С. 153–157.
14. Дунаева Л. А. Информационные и коммуникационные технологии в обучении иностранных учащихся гуманитарных специальностей научному общению [Текст]: Монография / Л. А. Дунаева; МГУ им. М. В. Ломоносова, Филол. ф-т. — М.: МАКС Пресс, 2006. — 292 с.
15. Носонович Е. В. Методическая аутентичность в обучении иностранным языкам [Текст] / Е. В. Носонович // Иностранные языки в школе. — 2000. — № 1. — С. 11–16.

16. Носонович Е. В., Мильруд Р. П. Параметры аутентичного учебного текста [Текст] / Е. В. Носонович, Р. П. Мильруд // Иностранные языки в школе. — 1999. — № 1. — С. 18–23.
17. Русский язык в текстах о филологии: пособие для иностранных учащихся [Текст] / Величко А. В., Юдина Л. П. — М.: Рус. яз. Курсы, 2008. — 254 с.
18. Лихачев Д. С. Письмо двенадцатое «Человек должен быть интеллигентен!» // Письма о добром и прекрасном [Электронный ресурс]. URL: <https://pub.wikireading.ru/13972> (дата обращения: 05.04.2021).
19. Сайт «Пикабу» [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/mnogo_sredi_nas_intelligentov_4001908 (дата обращения: 07.04.2021).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Из опыта использования медиатекстов на занятиях РКИ в группе студентов-филологов 4 курса МГУ-ППИ (Шэньчжэнь)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду увеличивающейся роли медиа в современном мире, а также актуальным вопросам изучения русского языка как иностранного. Несомненно, интерес исследователей к изучению проблем медиаречи, особенностей функционирования языка в сфере массовой коммуникации постоянно возрастает, причем проблемами медиатекста в современном языкознании занимается значительное количество лингвистов, несмотря на это рецензируемая статья имеет научную новизну.

Работа является практикоориентированной, так как автор описывает методику работы с аутентичными материалами на начальном этапе обучения, что, несомненно, приведет к повышению мотивации обучающихся и их интересу к современному разговорному языку, употребляемому в медиасреде.

Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики.

Практическим материалом явился опыт работы автора со студентами в университете, однако не приведена репрезентативная выборка и статистические данные об апробации методики, описываемой автором, что является слабой стороной рецензируемой работы.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования.

Библиография статьи насчитывает 19 источников, среди которых представлены научные

труды исключительно на русском языке. Считаем, что труды китайских ученых обогатили бы исследование по особенностям изучения русского как иностранного китайцами. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по методике обучения. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Из опыта использования медиатекстов на занятиях РКИ в группе студентов-филологов 4 курса МГУ-ППИ (Шэньчжэнь)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гофштейн О.Г., Рудакова С.В. — Специфика художественных историософских взглядов В. К. Кюхельбекера (по материалам «Европейских писем») // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.41003 EDN: CVSNNHC
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41003

Специфика художественных историософских взглядов В. К. Кюхельбекера (по материалам «Европейских писем»)

Гофштейн Олег Георгиевич

ORCID: 0000-0002-0419-6456

аспирант, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ zavuch@magpedcol.ru

Рудакова Светлана Викторовна

ORCID: 0000-0001-8378-061X

доктор филологических наук

профессор, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ rudakovamasu@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.41003

EDN:

CVSNHC

Дата направления статьи в редакцию:

15-06-2023

Дата публикации:

16-06-2023

Аннотация: Вопрос о художественной историософии – проблема, активно обсуждаемая в последние десятилетия. Историософия – область интереса историков, философов и социологов. Художественная же историософия напрямую связана с эстетической стороной произведений, это сфера интересов литературоведов; изучая ее, они по-

новому осмысливают текст, его образы и сюжеты, включая их в разнообразные социальные, исторические, нравственно-философские процессы, выявляя особенности авторского взгляда на явления жизни – настоящего, прошлого и будущего. Именно в таком аспекте рассмотрено одно из малоизученных произведений русского романтика, представителя декабристского движения В. К. Кюхельбекера. Материалом исследования выступает повесть В. К. Кюхельбекера «Европейские письма». В основу предложенной работы положены приемы историософского анализа литературных произведений и историко-типологический метод, суть которого состоит в изучении творчества конкретного автора, в данном случае романтика В. К. Кюхельбекера, в определенный период его эволюции. Научная новизна предлагаемого исследования обусловлена тем, что вопросы историософии в «Европейских письмах» В. К. Кюхельбекера не рассматривались в научной литературе. В процессе анализа «Европейских писем» выявляется необычный взгляд автора на категории прошлого, настоящего, будущего, позволяющий смоделировать образ идеального социального мира, с одной стороны, а с другой – дать развернутую характеристику социально-исторических процессов, имеющих место в европейской и русской жизни, современного Кюхельбекеру периода, подчеркнув особенный мессианский путь России.

Ключевые слова:

Кюхельбекер, художественная историософия, Европейские письма, эпистолярная форма, путешествие, утопия, Европа, Россия, мессианство, идеал

Вопрос, касающийся изучения художественной историософии активно обсуждается в своевременной филологии. Такие исследователи, как С. А. Голубков [\[3\]](#), В. Ю. Даренский [\[4\]](#), Н. В. Зайцева [\[5\]](#), Н. В. Капустин [\[6\]](#), И. А. Киселева, К. А. Поташова [\[8\]](#), А. А. Матевосян [\[11\]](#), С. А. Никольский [\[12\]](#), О. Ф. Русакова [\[15\]](#), Т. Е. Сорокина [\[18\]](#), убедительно показали, что понятия «историософия» и «художественная историософия» не идентичны, что историософия – область интереса прежде всего историков, философов и социологов, а художественной историософией интересуются литературоведы. Художественная историософия дает возможность по-новому взглянуть на произведение, соотнося его содержание с историческими, политическими, нравственно-философскими процессами общественного развития, выявляя таким образом новые смыслы.

Начало 20-х годов XIX столетия в России отмечено активным развитием повествовательной литературы и изменением стилевых принципов, которые использовались в практике создания художественных произведений русскими писателями. Литературный процесс в первой четверти XIX века отличается тем, что это было время взаимодействия различных литературных направлений, это была эпоха кардинальных перемен в области литературной жизни, причем эти перемены происходили стремительно. Если в начале века ведущее положение в литературе занимала именно поэзия, она была определяющим родом, авторы именно в лирических произведениях, в первую очередь, реагировали на происходящие в обществе, культуре изменения, именно в стихотворениях ставились и осмысливались ключевые вопросы современности. Если мы говорим о литературе 1820-х гг., то она становится несколько иной, даже сам процесс чтения приобретает иной характер. Об этом размышляет в своей статье «Взгляд на современное направление русской литературы» С. П. Шевырев: «Круг действия литературного, круг читателей распространяется более и более; тесен был он

еще во времена Ломоносова; стал шире и шире во времена Екатерины; распространился еще более при Карамзине; достиг до самых отдаленных слоев читающего общества при Пушкине: это круг волн, разливающийся быстро от камня, брошенного в их середину. При Ломоносове чтение было напряженным занятием; при Екатерине стало роскошью образованности, привилегию избранных; при Карамзине необходимым признаком просвещения; при Жуковском и Пушкине потребностью общества» [\[22, с. 12\]](#).

Соответственно литература, творчество стали восприниматься как свидетельство проявления высокой культуры, и автор, создающий литературу, погруженный в литературу, воспринимался как человек образованный, как человек высокого интеллектуального уровня развития и тонкой душевной организации. Мы видим, что именно в этот период русская литература становится все более самобытной, рождаются национальные специфические темы, формируется национальная картина мира. Понятие канона остается в прошлом, начинает формироваться новый тип художественного слова, рождается новый тип автора, для которого национальные вопросы, мнения читателей, публики, общества оказываются не сторонним, а очень важным фактором, автором, для которого история, как и современность, то, чем он живет и дышит.

Необычность «Европейских писем» В. К. Кюхельбекера проявляется в том, что этом произведении соединяются особенности трех жанровых форм. С одной стороны, уже само название намекает на связь с такой формой, как эпистолярная. В европейской и русской литературе конца XVIII – начала XIX века эпистолярная форма становится одной из популярных литературных форм (см. более подробно: [\[10\]](#), [\[14\]](#), [\[21\]](#)). Можно вспомнить, например, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, на которые, бесспорно, опирался и от которых отталкивался в создании своей повести В. К. Кюхельбекер.

С другой стороны, безусловно, учитывается и активно используется вторая жанровая форма, используемая автором в выстраивании сюжета своего произведения, – это путешествие. Жанр путешествий также весьма популярен как в европейской, так и в русской литературе в период конца XVIII – начала XIX века. В виде путевых заметок, путешествий, травелогов появляются как документальные, так и художественные произведения. Самые известные литературные путешествия были созданы Дефо, Свифтом, Смоллеттом, авторами XVIII столетия, которые в своих произведениях, романах, повестях пытались представить, с одной стороны, реальную жизнь, с другой – давали какие-то жестко сатирические оценки, вскрывающие язвы современного мира. Соответственно, в своих текстах-путешествиях, особенно если мы вспомним знаменитое путешествие Гулливера, описанное Свифтом, то мы понимаем, что в его фантастических, аллегорических историях есть намеки на некую идеальную социальную модель, по которой должно идти развитие общества, или же, напротив, в качестве антипримера описывалась модель, которая не должна была быть реализована в современном социальном пространстве. Если мы говорим о российской действительности, то жанр путешествий здесь тоже имеет свою историю, соответственно и свои примеры (см. более подробно: [\[11\]](#), [\[2\]](#), [\[13\]](#), [\[17\]](#)). Популярным этот жанр стал уже в древнерусской литературе, известен он был как жанр хождения (можно вспомнить знаменитое «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (1466–1472)). Все эти традиции Кюхельбекер вбирает и реализует в пространстве своих произведений. Но, наверное, из всех русских текстов наибольшее влияние на формирование замысла Кюхельбекера оказало «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Произведение, с одной стороны, соотносимое с миром настоящим, изображающим реалии социальной, экономической, политической, культурной жизни России конца XVIII столетия, но, с другой стороны, в этом тексте явно ощущается жесткая сатира, обусловленная желанием автора обнажить пороки

современной ему социальной действительности для того, чтобы выработать пути к обретению возможности для реализации новой, как казалось автору, правильной политической модели. Это опыт, безусловно, Кюхельбекером был усвоен и реализован в пространстве его «Европейских писем».

И наконец третий жанр, традиции которого также учитываются автором, – это жанр утопии, с которым связана долгая история формирования как в русской, так и европейской литературе [\[16\],\[20\]](#).

Соответственно соединение черт трех жанров определило специфику повести Кюхельбекера. Но главным для автора, в отличие от его предшественников, становится не столько литературная модель, даже не некий сюжет, не акцентирование внимание на психологических переживаниях главного героя, связанных со встречами или расставаниями (то, что было, например, значимым для произведений Руссо, Гете, Карамзина). В центре внимания Кюхельбекера – прежде всего поиск мира, идеального в социальном отношении, и представление героя, достойного уважения, героя, который может стать примером для подражания.

Повесть В. К. Кюхельбекера «Европейские письма» впервые была представлена для читателя в 1820 г. на страницах журналов «Соревнователь просвещения и благотворения», «Невский зритель», а немного позже и в «Мнемозине». Повесть создается на характерном для утопий принципе диалогического нарратива [\[20, с. 137\]](#) – она состоит из 12 писем «наблюдателя-странника», которые адресованы им другу.

Уже в предисловии автор, обращаясь к читателю, дает ему установку на восприятие последующего рассказа: он предлагает тому, кто решит познакомиться с его произведением, мысленно перенестись в будущее, «...чтоб судить о современных происшествиях, нравах и вероятных их последствиях, должно мысленно перенестись в другое время» [\[9, с. 302\]](#). То есть автор с самого начала заставляет читателя понять, что картины грядущего моделируются им прежде всего для того, чтобы через них, как через призму, лучше разглядеть то, что происходит здесь и сейчас – во времени настоящем.

Автор переносит читателя в далекое будущее. Действие разворачивается в далеком XXVI веке. В роли повествователя выступает молодой американец, решивший отправиться в путешествие в Европу. Он, вместе с читателем, становится свидетелем упадка, видит, как деградируют и приходят в одичание прежде высокоразвитые европейские народы. Изначально Европа для него – мир, связанный с рождением и существованием полярных явлений: «я здесь, в стороне, в стороне, из которой перелились в нашу часть света рабство и просвещение, убийства, грабеж, искусства и науки, инквизиция и кроткое Христово учение, – я в Европе» [\[9, с. 302\]](#).

Главный герой «Европейских писем» Кюхельбекера – это путешественник, молодой человек, его можно назвать благородным рыцарем, который ищет подлинную свободу в обществе, который не принимает пошлую действительность, для которого бессердечные равнодушные люди, лишённые гражданских устремлений, – это нечто невозможное, недопустимое. Мы видим, что герой оказывается противопоставлен автором как европейским дворянам, так и азиатским вельможам, с которыми встречается: «Несмотря на дух рыцарства и вежливость европейского дворянства, гранды испанские в ревности не уступали пашам Сирии и Алжазире... <...>. Супруг говорил с супругою, как с царицею, но запирали ее как невольницу» [\[9, 303\]](#).

В своей повести «Европейские письма» Кюхельбекер для создания своей

историософской концепции использует приемы фантастики. Он, как мы уже сказали, переносит события в далекий 2519 год. И мы видим, что, реализуя в пространстве повести фантастические приемы, автор дает читателю возможность взглянуть на настоящее через призму грядущего, а кроме того, позволяет уйти от цензуры, ибо намеки не очевидны, но для внимательного читателя все упомянутые страны и характеристики их состояния дают возможность понять отношение автора к происходящим в европейском пространстве событиям.

Отправляя своего путешественника в далекий 2519 год, Кюхельбекер заставляет читателя посмотреть на настоящее через призму грядущего и представляет описания целого ряда европейских стран, приходящих к этому моменту в упадок. Читатель видит, как герой-путешественник становится свидетелем крушения тех европейских цивилизаций, которые известны были своей культурой, своим образованием, своими достижениями в самых разных сферах в предшествующий период. Испания, Генуя, Рим описываются в ситуации разрушения, в ситуации, когда эти пространства, бывшие некогда центрами европейской мысли, торговли, политики, культуры, переживают состояние глубочайшего упадка, Париж и Лондон вообще исчезли.

Анализируя художественное своеобразие «Европейских писем, Н. А. Стафеева обратила внимание на то, что Кюхельбекер «использует прием бинарных оппозиций», которому «подчиняется сопоставление прошлого и настоящего», «разрушение – гармония» [\[19, с. 183\]](#).

Кюхельбекер задумывается над целым рядом общественных, философских, политических вопросов, важнейшие среди которых – это вопросы о рабстве, о политической и духовной свободе, о равноправии в обществе. И мы видим, как автор, обращаясь к прошлому, размышляя о настоящем и заглядывая в будущее, предлагает свое понимание истории и человека, он интересным образом обыгрывает знаменитую фразу Архимеда: «Дайте мне точку вне земли, я сдвину землю с ее оси». Мы видим, что для Кюхельбекера эта мысль реализована в контексте не физики, а политики и культуры, а потому оказывается неприемлема: «Сохрани нас боже от таковой мысли!» [\[9, с. 302\]](#). Автор задается вопросом и пытается на него найти ответы, подсказав и своему читателю, к чему могут привести непродуманные, неразумные поступки, реализованные в области истории, в области общественно-политической жизни отдельной страны и Европы в целом. Примечательны записи, оставленные молодым путешественником: «Я видел развалины Неаполя, Мессины, Палермы. Я видел тот волшебный, но обесславленный в истории остров, с коего чудовища Нерон и Тиберий смотрели на цветущие берега Италии. <...> Ныне не существует и самое Портичи <...> и самый Везувий уже выгорел — здесь разрушение истребило самое орудие разрушения» [\[9, с. 316\]](#).

В отличие от своего предшественника А. Н. Радищева, который в «Путешествии из Петербурга в Москву», обнажая болевые точки современной российской крепостнической действительности, выступая против рабства, показывая ужасающие проявления крепостного строя, подводил читателя как мысль о том, что только народная революция может стать средством изменения политической картины мира и улучшения политической и духовно-культурной ситуации в стране, а единственно правильной формой правления – республика, для Кюхельбекера этот вариант оказывается неприемлемым, как неприемлемо то, что происходит во многих европейских странах как раз в середине 20-х годов XIX в., а именно революционные национально-освободительные движения. С точки зрения Кюхельбекера хотя рабство – состояние недопустимое, ибо все люди от рождения равны, природа всем дает равные

возможности, крепостнический строй – это то, что уродует как человека, подчиненного власти, так и человека, наделенного властью. Тем не менее, идея революции как способа решения политических задач по преобразованию политической, экономической, культурной ситуации для Кюхельбекера, как ни странно, несмотря на то, что в последующем он становится одним из ярких представителей декабристского движения, была неприемлема, для него была очевидна бесперспективность подобных революционных движений как в контексте отдельной страны, так и европейского сообщества в целом. И в этом плане позиция героя Кюхельбекера во многом созвучна позиции героя путешественника из Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Оба они считали, что насильственная форма изменения жизни страны и народа неприемлема, она грозит катастрофой и народу и стране: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку» [\[7, с. 20\]](#).

«Европейские письма» во многом дают читателю возможность увидеть, с одной стороны, разочарование автора в революционных европейских движениях середины 20-х гг. XIX в., а с другой стороны, его веру в исключительное положение России, в ее духовное мессианство.

Так мы видим в повести представлена идеальная картина социального устройства, и соотнесено это идеальное общественное устройство с русским миром. Герой Кюхельбекера на руинах прежней европейской цивилизации встречает здесь человека, который знакомит его с русской колонией, правителем которой оказывается Добров, тоже русский по своему происхождению.

Добров представлен в повести Кюхельбекера идеальным правителем. Он во всем и вполне настоящий человек: он откровенен, он приветлив, причем эти качества свои он проявляет не только по отношению к людям такого же статуса, как и он, но и по отношению к людям низшего сословия, в том числе к своим слугам, он трудолюбив и добродетелен. Он образован и просвещен, отличается следованием высоким нравственным принципам, то есть для Кюхельбекера это по сути дела идеальный, истинный человек.

Именно поэтому Добров как идеальный правитель организует общество, в основе которого – принцип равных прав для всех граждан и принцип гармоничного развития личности. И мы видим, что в поселении, которое возглавляет Добров, высоко ценятся гражданские принципы и порывы. Мы видим, что в пространстве этого русского поселения, сохранившего и приумножившего какие-то идеальные, социальные, общественные, культурные и духовные ценности на фоне разрушающейся европейской цивилизации главным становится следования духу просвещения, духу человечности.

Добров проецирует в мир ценности образования, знания, культуры, нравственности. Читатель видит, что в этом пространстве не только государство основано на такой идеальной просветительской модели, эта просветительская модель реализуется и в отдельных структурах, так называемых ячейках общества, – в семье. Автор акцентирует нашего внимания на жене Доброва, это настоящая супруга, находящаяся на одной волне со своим мужем. Она умная, образованная, искренняя, по сути дела становится она правой рукой своего мужа, помогает ему советом и делом. Кюхельбекер в этой повести на примере общины Доброва создает идеальную социальную и семейную модель.

Читатель видит, что в общине Доброва главными принципами, которыми руководствуется правитель, становятся принципы добродетели, человеколюбия и благоразумия, принципы справедливости и снисходительности по отношению к людям. Правитель Добров свой народ, своих людей любит, для него каждый человек значим, каждый оценивается по делам и по убеждениям, и каждый достоин уважения.

В русской общине в описании, как представляет в своих письмах его герой Кюхельбекера, царит равенство. Жители этой общины по-настоящему искренне любят своего правителя, можно утверждать, что здесь реализуется принцип открытого приятия воли старших младшими и принцип естественного подчинения тому, кто умнее, мудрее, опытнее.

Кюхельбекер, акцентируя внимание на Доброве, заставляет понять своего читателя, что преобразование общественной жизни начинается с человека, с человека нравственного, образованного, человека, который вокруг себя организует эстетическую, особую духовную атмосферу, которая как будто заражает всех остальных, делая их совершенней, интереснее, гармоничней.

Гармония личности, гармония общества в понимании Кюхельбекера достигается, в первую очередь, уважением и доверием к человеку.

В основе утопической модели будущего, которая создается на фоне разрушения прежде продвинутого, цивилизованного, процветающего европейского мира, лежат духовными и нравственными принципы, определяющие естественную форму семейных отношений, получившую развитие в общине, управляемой Добровым.

С одной стороны, повесть «Европейские письма» Кюхельбекера – это фантастическая повесть, переносящая читателя в далекое будущее, однако то, как описывает автор Европу, погрязшую в пороках, распадающуюся, дающую ощущение абсолютного упадка, заставляет читателя осознать, что автор говорит не столько о каком-то придуманном мире, сколько в утрированной, в какой-то степени гиперболизированной форме обнажает те реальные общественные пороки, которые характеризуют нынешнее состояние европейских стран. Можно говорить, что в данном произведении автор как бы сталкивает два мира: русская община представлена в утопическом контексте, а процветающая некогда Европа, наоборот, описана в ракурсе антиутопии.

С другой стороны, в этом произведении Кюхельбекер, в отличие от других своих современников, высказывает негативное отношение к восприятию Европы как того мира, который может и должен стать объектом для подражания. Автор как будто доводит до некоего логического и почти абсурдного финала те процессы, которые имели место в европейских странах, и показывает, что эти процессы могут привести эти страны не к эволюции, а к деградации, причем стремительной и страшной. Соответственно, в этом плане мы понимаем, что несмотря на то, что произведение создается в период общественного подъема, несмотря на то, что Кюхельбекер, в отличие от многих своих современников имел возможность побывать в Европе и посмотреть на нее и со стороны, и изнутри, не очаровался представшими перед ним картинами, а испытал совершенно другие эмоции. И, вернувшись в Россию, стал не западником, который бы призывал встать на путь европеизации и активнее следовать тем моделям, которые предлагает европейское сообщество, а выступил в роли славянофила, доказывающего исключительно специфический национальный путь, по которому должна двигаться его страна.

В «Европейских письмах» передается специфический историософский взгляд

Кюхельбекера на настоящее через призму грядущего, в этой повести автор высказывает мессианские идеи относительно будущего России, которая должна стать неким центром возрождения и человека, и социального мира, местом обретения гармонии как между человеком и государством, так в самом человеке.

Библиография

1. Аксенова М. В. «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. И. Греча в контексте русской литературы путешествий XIX века // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 3(7). С. 7-21.
2. Береснева Ж. А. Культурологическая мысль в России в контексте жанра литературного путешествия. М.: ФГБОУ ВО "Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина", 2022. 167 с.
3. Голубков С. А. Литература как художественная историософия // Наука и культура России. 2014. Т. 1. С. 168-169.
4. Даренский В. Ю. Художественная историософия Пушкина как феномен русского национального самосознания // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 71-79.
5. Зайцева, Н. В. Историософия как социокультурный и когнитивный феномен // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2-2(93). С. 165-169.
6. Капустин Н. В. Историософия Чаадаева и русское слово // Русская речь. 2022. № 2. С. 110-117.
7. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Москва: Правда, 1980. 607 с.
8. Киселева И. А., Поташова К. А. набросок Лермонтова «У России нет прошедшего...» в контексте «восточного вопроса»: к проблеме художественной историософии поэта // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 3. С. 265-283.
9. Кюхельбекер В. К. Сочинения. / Сост., подгот. текста, коммент. В. Д. Рака, Н. М. Романовой. Ленинград: Художественная литература, 1989. 576 с.
10. Логунова Н. В. Художественный эпистолярный дискурс и иные разновидности литературного нарратива: к проблеме сопоставления // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 5(153). С. 128-133.
11. Матевосян А. А. Вектор исследования компонентов художественной историософии в исторических романах А. Ф. Вельтмана // Художественная словесность: теория, методология исследования, история. Т.2. Москва: Литера, 2019. С. 64-71.
12. Никольский С. А. К критике консервативной интерпретации истории и обоснованию значимости художественной литературы в становлении отечественной историософии // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 110-121.
13. Погадай Е. В. Жанр литературного травелога как социокультурный феномен // Язык и коммуникация в контексте культуры: Материалы международной научно-практической онлайн-конференции, Ростов-на-Дону, 20 апреля 2022 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет "РИНХ", 2022. С. 339-344.
14. Рогинская О. О. Роман в письмах как тип художественного текста // Текст. Интертекст. Культура: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 4-7 апр. 2001 г.). М., 2001. С. 41-45.
15. Русакова О. Ф. Историософия: толкования предмета и типология // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. № 3. С. 3-28.
16. Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков.

- Ответственный редактор Н. В. Ковтун. Москва: Флинта, 2014. 404 с.
17. Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. 462 с.
  18. Сорокина Т. Е. Художественная историософия как теоретическая проблема. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. 155 с.
  19. Стафеева Н. А. Своеобразие «Европейских писем» В. К. Кюхельбекера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 182–184.
  20. Файзрахманова А. А. Типология жанра литературной утопии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 136–145.
  21. Хроликова В. А. Эпистолярный роман в историко-теоретическом освещении // Litteraterra : материалы V Международной конференции молодых ученых: электронный ресурс, Екатеринбург, 02–03 декабря 2016 года / Главный редактор И.А. Семухина. Выпуск 11. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. С. 7-18.
  22. Шевырев С. П. Взгляд на современное направление русской литературы / С. П. Шевырев // Московитянин. 1842. №1. С. 1-32.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Специфика художественных историософских взглядов В. К. Кюхельбекера (по материалам «Европейских писем»)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса исследователей к вопросам, касающимся изучения художественной историософии, которая дает возможность по-новому взглянуть на произведение, соотнося его содержание с историческими, политическими, нравственно-философскими процессами общественного развития, выявляя таким образом новые смыслы.

Практическим материалом исследования послужили произведения Вильгельма Карловича фон Кюхельбекера, русского поэта и общественного деятеля.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

В вводной части слабо представлена разработанность вопроса в науке. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отражают

проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Источником эмпирического материала послужило произведение «Европейские письма», фантастическая повесть, переносящая читателя в далекое будущее, опубликованная в 1820 году. Рассказ построен в форме диалогического нарратива, состоящего из 12 писем «наблюдателя-странника», которые адресованы им другу.

Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям иностранных ученых по смежным темам обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов литературоведению, отечественной филологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества, а также теории русского языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Специфика художественных историософских взглядов В. К. Кюхельбекера (по материалам «Европейских писем»)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Мурзина О.В., Грабельников А.А., Цицинов А.Ю. — Онлайн-кинотеатры как новые медиа // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.41013 EDN: CYCIWE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41013

Онлайн-кинотеатры как новые медиа

Мурзина Ольга Викторовна

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра журналистики и телевизионных технологий, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина

117997, Россия, г. Москва, ул. Садовническая, 33/1, оф. 214а

✉ 210978@list.ru

Грабельников Александр Анатольевич

ORCID: 0000-0003-1415-8241

доктор исторических наук

профессор, кафедра массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ grab@mail.ru

Цицинов Андрей Юрьевич

кандидат филологических наук

доцент, кафедра журналистики, медиакоммуникаций и рекламы, Московский университет имени А.С. Грибоедова

111396, Россия, г. Москва, ул. Зеленый Проспект, 66а

✉ wanderer999@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.6.41013

EDN:

CYCIWE

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2023

Дата публикации:

17-06-2023

Аннотация: Предметом исследования являются онлайн-кинотеатры (стримминговые сервисы, стримминговые платформы), понимаемые авторами данного исследования как новые медиа. Объектом исследования является совокупность особенностей новых медиа, рассматриваемая на материале стримминговых сервисов на российском рынке. Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как особенности контента онлайн-кинотеатров, их корреляция с новыми медиа и форматным телевидением, выстраивание пользовательской траектории контента и возможность размещения пользовательских отзывов и рецензий. Особое внимание уделяется преобразованию форматного телевидения в неотелевидение с помощью инструментария современных технологий и возможностей конвергентных онлайн-площадок с диверсификацией контента. Основными выводами проведенного исследования является причисление онлайн-кинотеатров к промежуточному варианту новых медиа: реновации особенностей традиционных медиа на новой платформе. В отличие от традиционных кинотеатров, не позиционирующих себя как медиаплатформы, онлайн-кинотеатры позволяют просматривать новостной контент, оперативно отслеживать события в мире и в то же время просматривать развлекательный и познавательный контент в режиме, комфортном для пользователя. Особым вкладом авторов в исследование темы является обращение к онлайн-кинотеатрам с позиции журналистики и медиа, не представленное в отечественной науке ранее. Новизна исследования заключается в рассмотрении стримминговых сервисов в составе медиа и как части современной медиасистемы, включающей в себя как принципиально новые медиа, так и реновацию имеющихся форматов.

Ключевые слова:

новые медиа, онлайн кинотеатры, стримминговые платформы, пользовательский контент, молодежные медиа, неотелевидение, телевидение, медиа, конвергентные СМИ, СМИ

Стремительное развитие технологий и различных форм подачи информации в современном мире приводит к массовому появлению новых медиа – в частности, возникают новые форматы, переосмысляющие преимущества и недостатки традиционных медиа. С конца 2010-х годов в отечественной медиасистеме появились онлайн-кинотеатры (стримминговые сервисы), которые, на наш взгляд, преобразуются в «неотелевидение», функционально замещая и отчасти вытесняя традиционный вариант телевидения.

История телевидения как средства массовой информации в России насчитывает немногим менее 100 лет. В 1929 году появился первый телевизор, способный передавать движущееся изображение на расстоянии, к 1950-м годам в немногих советских семьях появились черно-белые телевизоры, в конце 1960-х началось цветное телевидение. Первоначально телевидение включало в себя два телеканала, называвшихся «программами», вещание которых было ограничено по времени [\[10, 107\]](#).

За несколько десятилетий с конца 1980-х до начала 2020-х гг. телевидение проделало огромный путь: появились сотни телеканалов с диверсифицированным контентом. Н.С. Гегелова вводит понятие «форматного телевидения»: «В наше время телевидение стало неотъемлемой частью жизни многих людей. Выполняя свои социальные функции, оно информирует, в какой-то степени развивает, но по большей части развлекает. При беглом взгляде на еженедельную телевизионную программу становится ясно, что

большинство телепрограмм федеральных каналов носят сегодня развлекательный характер, а их создатели отдают предпочтение форматному телевидению. На современном российском телевидении даже утвердился термин «формат вещания». Этот термин надо понимать как доминирующий в эфире тип телепрограммы, избранный редакцией как приоритетный, ее тематика и стиль подачи» [1, 102]. Форматное телевидение с уклоном в рекреационный контент стало преобладающим типом телевидения в современном мире, однако с 2020 года его начали вытеснять онлайн-кинотеатры – такие сервисы, как Netflix, Ivi, Okko, Start, Kion и им подобные.

А.А. Пухляков указывает на рост популярности онлайн-кинотеатров в связи с пандемией Covid-19 [9]. Вынужденное пребывание в изоляции привело к усталости от контента телеканалов и так называемого «информационного шума». В.П. Полудина определяет информационный шум как «избыточность информации в коммуникативной среде, которая вызывает функциональное расстройство ее систем. Здесь мы исходим из того, что функция и потребность — это парные категории, что позволяет внести в определение фактор субъективности потребителя» [8, 387]. В период карантина «информационным шумом» стали противоречивые сведения о распространении инфекции, необходимости вакцинации, перспективах на будущее и т.п., что в итоге сформировало тенденцию к своеобразному информационному эскапизму: потреблению контента на стримминговых сервисах – онлайн-кинотеатрах.

По данным Telecom Times [7], на российском рынке по данным на вторую половину 2022 года, представлены 9 крупных онлайн-кинотеатров (в порядке убывания популярности в соответствии с количеством подписок): КиноПоиск, Иви, Wink, Okko, Amediateka, More.tv, Start, Kion, Premier. Все они предоставляют возможность просмотра фильмов, сериалов, мультипликационных фильмов без рекламы, в хорошем качестве и с возможностью скачивания контента для дальнейшего просмотра в отсутствие интернета. У каждого сервиса есть свои эксклюзивные фильмы и сериалы, представленные только на нем (так, в 2022 году широко рекламировались сериалы «Вертинский», представленный в подписке Kion, «Манюня», представленный в подписке Okko и т.п.), присутствуют также классические отечественные и зарубежные фильмы и сериалы, позволяющие просмотр с любого сервиса, некоторые – в отсутствие подписки. Таким образом, пользователь самостоятельно формирует просматриваемый контент: выбирает те фильмы и сериалы, которые ему интересны, просматривает их в комфортном для себя темпе, останавливаясь и продолжая по желанию. На платформах доступны отзывы пользователей, рейтинги фильмов и сериалов, а также рекомендации в зависимости от просмотренного контента: кинотеатр предлагает пользователю фильмы, которые, по мнению алгоритмов, заинтересуют его, исходя из того, что он уже смотрел.

Онлайн-кинотеатры становятся все более популярным и распространенным способом потребления медиаконтента: так, проведенный С.О. Лыткиным и Р.Ш. Черкасовым [4] опрос 126 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет показывает, что стримминговые сервисы опережают и телевидение, и обычные кинотеатры, и нелегальные сайты (пиратское скачивание и последующее потребление контента). Представляется, что сравнительно небольшая оплата ежемесячной подписки становится для молодежи более привлекательным способом поиска и просмотра контента, нежели бесплатное скачивание или просмотр на таких сервисах, как Youtube, с включением рекламы. «Преимущество интернета не столько в его способности предлагать нам условную возможность просмотреть тот или иной «контент» бесплатно, но в и том, что мы находимся в шаговой доступности для удовлетворения своей потребности в «эскапизме». Просмотреть многие

кинокартины и сериалы бесплатно возможно, но это достаточно неудобно, в связи с мешающей рекламой, с сомнительным содержанием и низким качеством записи кинокартин, из-за чего мы, как зрители, обращаемся к онлайн-кинотеатрам, которые в достаточно простом и легкодоступном варианте, за не самый большой чек, предоставляют своим клиентам тот продукт, который им нужен» [\[12, 334\]](#).

Рост популярности онлайн-кинотеатров позволяет говорить о них как о новом телевидении – гибридном варианте СМИ, которое совмещает в себе возможности традиционного телевидения вкупе с элиминированием некоторых его недостатков. При этом большинство онлайн-кинотеатров включает в себя также ссылки на просмотр телеканалов в режиме реального времени: пройдя по соответствующей ссылке, пользователь получает возможность смотреть телеканал на мобильном устройстве или компьютере (вместе с включенными в сетку вещания телеканала рекламными вставками). В некоторых сервисах также доступны подборки передач, развлекательных и познавательных шоу, которые можно просматривать, как фильмы, останавливаясь и продолжая в нужный момент.

Большинство стримминговых сервисов поддерживает многопрофильность пользователей, позволяя создавать на одном и том же устройстве взрослый и детский профиль (доступна защита взрослого профиля от просмотра ребенком, например, с помощью пин-кода). Детский профиль включает в себя соответствующий контент: анимационные фильмы, обучающие и познавательные сериалы, кинофильмы для детей.

При широком распространении феномена онлайн-кинотеатров (стримминговых сервисов) он практически не изучен в отечественной науке с позиции журналистики и медиа: немногочисленные исследования посвящены PR самих площадок и стратегиям их продвижения [\[2; 3; 6; 11\]](#), а также правовым аспектам размещения контента [\[5; 13\]](#). Также исследуется вопрос о динамике потребления контента стримминговых сервисов в условиях введения санкций [\[12\]](#): ограничение потребления контента зарубежных стримминговых сервисом стимулировало развитие отечественных, однако взрывного роста не произошло [\[7\]](#).

Стримминговые платформы становятся своеобразной заменой традиционного, «форматного» телевидения у молодой аудитории, активно потребляющей интернет, в силу преодоления двух основных недостатков, присущих ТВ-формату: навязанности контента и отсутствия возможности остановить вещание и вернуться к нему в удобный момент. ТВ-программу в ее классическом варианте не определяет пользователь, он может лишь подключиться в определенный момент, чтобы посмотреть интересующий его фильм или передачу (так, особенностью потребления ТВ-контента 1980-х – 1990-х гг. были опустевшие во время показа популярных фильмов или телесериалов улицы). Онлайн-сервис преодолевает эту проблему, в то же время через отзывы и рецензии формируя своеобразную пользовательскую траекторию просмотра, с которой можно согласиться, но можно и отказаться. Это позволяет преодолеть классическую проблему «нечего смотреть» - перелистывание телеканалов в поиске чего-либо, что действительно может быть интересным. Наличие отзывов, рецензий, комментариев и рейтинга, формируемого пользовательскими оценками, позволяет потребителю самостоятельно решить, интересен ли ему этот контент.

Особенностью онлайн-кинотеатров в современную эпоху стало также «пакетное» потребление сериалов: на ТВ-каналах показывают по одной или две серии в день, и лишь после однократного или неоднократного показа сериала в таком режиме некоторые

телеканалы заполняют дневной эфир нон-стоп просмотром определенного сериала (например, «ТВЦ», «РЕН ТВ», «НТВ»). Онлайн-кинотеатры выкладывают популярные сериалы по серии в неделю, затем после окончания периода постепенного размещения сериала пользователь может посмотреть все серии подряд либо формируя индивидуальную композицию сериала: пропустить определенные эпизоды, сразу перейти к развязке и т.п.

Являясь фактически платформой для интеграции возможностей существовавших ранее медиа (телевидения и интернета как площадки для просмотра медиаконтента), а не новым медиа как таковым, онлайн-кинотеатры, тем не менее, вносят определенный вклад в практику потребления информации и меняют расстановку сил на рынке медиапродукции. Телевидение воспринимается молодой аудиторией как своего рода анонс: увидев фрагмент интересного фильма или сериала на телеэкране и не имея возможности уделить время просмотру незамедлительно, потребитель узнает название фильма и впоследствии смотрит его в онлайн-кинотеатре. Интеграция с любым мобильным устройством позволяет потреблять контент в транспорте, на прогулке, во время занятий спортом и т.д. Некоторый эксклюзивный контент транслируется только на стриминговых сервисах, а финансирование съемок осуществляется самими кинотеатрами: так, широко разрекламированный сериал «Король и шут», посвященный становлению и истории одноименной рок-группы и жизни ее солиста, вышел на «КиноПоиске» и в первой половине 2023 года не транслировался по телевидению.

К чертам новых медиа специалисты относят следующие: «мгновенность и глобальность распространения информации; утрата со стороны медиа контроля над инструментами распространения и обработки информации; участие всех в создании и распространении информации (пользовательский контент, гражданская журналистика, социальные медиа); миниатюризация носителей, оцифровывание и рост объемов массивов общедоступных данных (простота утечки); утрата приватности в Сети, сокращение границ частной жизни; совершенствование технологий манипулирования новостями за счет доступности технологических инструментов; визуальное становится доминирующим, и средства манипулирования картинкой все более совершенными; появление возможности сохранения анонимности авторства в Сети, иллюзия безнаказанности» [\[14, 13\]](#). Для онлайн-кинотеатров характерны миниатюризация носителей (в основном просмотры кинофильмов и телепередач осуществляются пользователями с мобильных устройств), а также доминирование визуального контента. В другом отношении они сохраняют черты традиционных медиа: однонаправленность контента (возможность размещать пользовательский контент отсутствует, однако есть варианты влияния на просмотры через инструменты рейтинга, оценок и отзывов) и частичное сохранение приватности. Зритель может не писать отзывы и не ставить оценки, тем самым не демонстрируя свое имя и мнение другим пользователям, с другой стороны система запоминает алгоритмы его просмотра (досмотрел ли контент до конца, пересматривал ли неоднократно и пр.) и предложить ему похожие по содержанию фильмы и телепередачи.

Вышеперечисленные корреляции с признаками новых медиа позволяют на сегодняшний день причислить стриминговые сервисы к разряду не вполне новых медиа, но скорее реновации традиционного формата, его «перезапуска» для молодежной аудитории. Проведенный анализ позволяет говорить о них как о неотелевидении, своеобразном «фрейме» просмотра как традиционного телевизионного контента, так и пользовательского контента по индивидуальной просмотровой траектории, привлекающей молодежную аудиторию.

Библиография

1. Гегелова Н.С., Грабельников А.А. Российское телевидение: годы реформ. М.: Российский университет дружбы народов, 2022. 225 с.
2. Лобанова С. Н. Актуальные инструменты продвижения для стриминговых площадок // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2023. № 2. С. 37-42.
3. Лобанова С.Н. Продвижение онлайн-сервисов с помощью подписных продаж // Прикладные экономические исследования. 2023. № 1. С. 94-100.
4. Лыткин С.О., Черкасов Р.Ш. Особенности потребления кино молодёжью Архангельска // Актуальные проблемы социального развития. философские и социологические исследования. Материалы V Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых. Архангельск, 2022. С. 495-500.
5. Мельникова В.А. Вопросы правового регулирования онлайн-кинопроката // Цифровая трансформация управления: проблемы и решения – 2022. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 90-93.
6. Моисеенко А.М., Гринева Н.В. Определение оптимальной ценовой стратегии для онлайн-кинотеатров с помощью агентной модели на примере Иви и Кинопоиска // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 2. С. 197-208.
7. Онлайн-кинотеатры в России: большой обзор сервисов от TelecomTimes // <https://vc.ru/media/502331-onlayn-kinoteatry-v-rossii-bolshoy-obzor-servisov-ot-telecomtimes>
8. Полудина В.П. Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5. С. 386-394.
9. Пухляков А.А. Рост популярности онлайн-кинотеатров в связи с пандемией вируса Covid-19 // Бухгалтерский учет, анализ и аудит: прошлое, настоящее, будущее. сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ». Новосибирск, 2022. С. 219-222.
10. Сизикова Ю. Путевой очерк XXI века: новые особенности старого жанра // Медиа: демократия: рынок: Ч. 2: функционирование средств массовой информации в сфере досуга: матер. междунар. науч.-практик. конф. / Под. ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: Астерион, 2010. С. 199-205.
11. Сошникова И.В. Современные тенденции кинодистрибуции. новые технологии продвижения и проката аудиовизуальной продукции // Реклама и PR в России: современное состояние и перспективы развития. Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 164-167.
12. Тотаркулова А.А. Некоторые аспекты нынешнего положения информационной и развлекательной индустрии на территории РФ после введения санкций // Ценовой и кредитно-финансовой механизм стимулирования экономического развития России в современных условиях (мировой опыт и отечественная практика). Материалы всероссийской научно-практической конференции. Карачаевск, 2022. С. 331-336.
13. Хадасевич В.А., Шостак В.В. Актуальные проблемы правового регулирования онлайн-кинотеатров в РФ // Актуальные проблемы частного права. Сборник материалов Международной научно-практической студенческой конференции памяти доцента С.В. Николюкина. Москва, 2022. С. 896-900.
14. Шомова С.А. Новые медиа и «новая этика»: к вопросу о ценностных трансформациях журналистской профессии // Меди@льманах. 2016. № 4 (75). С. 12-

20.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит признать, что онлайн-кинотеатры становятся все более популярным и распространенным способом потребления медиаконтента. Рост популярности онлайн-кинотеатров позволяет говорить о них как о новом телевидении – гибридном варианте СМИ, которое совмещает в себе возможности традиционного телевидения вкупе с элиминированием некоторых его недостатков. Как отмечает автор рецензируемой статьи, «при широком распространении феномена онлайн-кинотеатров (стримминговых сервисов) он практически не изучен в отечественной науке с позиции журналистики и медиа». Следовательно, рассмотрение данного вопроса вполне актуально и востребовано. Работа выстроена с учетом жанра научных изысканий; даже при отсутствии некоей дробной составляющей, текст логически выверен и представляет собой синтез теоретического и практического планов. Привлекает в тексте умение автора аналитически подходить к рассматриваемой проблеме, аргументировать собственный взгляд, точку зрения. Например, это можно наблюдать в следующих фрагментах: «стримминговые платформы становятся своеобразной заменой традиционного, «форматного» телевидения у молодой аудитории, активно потребляющей интернет, в силу преодоления двух основных недостатков, присущих ТВ-формату: навязанности контента и отсутствия возможности остановить вещание и вернуться к нему в удобный момент. ТВ-программу в ее классическом варианте не определяет пользователь, он может лишь подключиться в определенный момент, чтобы посмотреть интересующий его фильм или передачу (так, особенностью потребления ТВ-контента 1980-х – 1990-х гг. были опустевшие во время показа популярных фильмов или телесериалов улицы). Онлайн-сервис преодолевает эту проблему, в то же время через отзывы и рецензии формируя своеобразную пользовательскую траекторию просмотра, с которой можно согласиться, но можно и отказаться», или «являясь фактически платформой для интеграции возможностей существовавших ранее медиа (телевидения и интернета как площадки для просмотра медиаконтента), а не новым медиа как таковым, онлайн-кинотеатры, тем не менее, вносят определенный вклад в практику потребления информации и меняют расстановку сил на рынке медиапродукции. Телевидение воспринимается молодой аудиторией как своего рода анонс: увидев фрагмент интересного фильма или сериала на телеэкране и не имея возможности уделить время просмотру незамедлительно, потребитель узнает название фильма и впоследствии смотрит его в онлайн-кинотеатре. Интеграция с любым мобильным устройством позволяет потреблять контент в транспорте, на прогулке, во время занятий спортом...» и т.д. Методологическая основа исследования находится на границе систематизации данных и эмпирики оценки «стримминговых сервисов». При этом в работе должное количество примеров и отсылок, которые делают текст интересным, а главное целостно представляющим проблемный грейд. Стиль работы соотносится с собственно научным типом, серьезных фактических ошибок не выявлено. Терминологический ряд используется унифицировано: «к чертам новых медиа специалисты относят следующие: «мгновенность и глобальность распространения информации; утрата со стороны медиа контроля над инструментами распространения и обработки информации; участие всех в создании и распространении информации (пользовательский контент, гражданская журналистика, социальные медиа); миниатюризация носителей, оцифровывание и рост

объемов массивов общедоступных данных (простота утечки); утрата приватности в Сети, сокращение границ частной жизни; совершенствование технологий манипулирования новостями за счет доступности технологических инструментов; визуальное становится доминирующим, и средства манипулирования картинкой все более совершенными; появление возможности сохранения анонимности авторства в Сети, иллюзия безнаказанности». Цитаты должным образом вводятся в текст, формальные требования выдержаны. Работа имеет практический характер, она завершена, цельна. В итоге отмечено, что «вышеперечисленные корреляции с признаками новых медиа позволяют на сегодняшний день причислить стримминговые сервисы к разряду не вполне новых медиа, но скорее реновации традиционного формата, его «перезапуска» для молодежной аудитории. Проведенный анализ позволяет говорить о них как о неотелевидении, своеобразном «фрейме» просмотра как традиционного телевизионного контента, так и пользовательского контента по индивидуальной просмотровой траектории, привлекающей молодежную аудиторию». С учетом сказанного тезисую: статья «Онлайн-кинотеатры как новые медиа» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли Ц. — Переводческая этика в свете китайской экологической модели перевода // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40997 EDN: CYJJEB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40997

Переводческая этика в свете китайской экологической модели перевода

Ли Цзясинь

аспирант Высшей Школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова

119415, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Удальцова, 16, кв. 90

✉ dljx999@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.40997

EDN:

CYJJEB

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2023

Дата публикации:

18-06-2023

Аннотация: Как известно, перевод – это вид межкультурного взаимодействия людей, а этические отношения существуют с момента возникновения человеческих отношений. Основная задача переводчика – координировать отношения между различными культурами, языками и субъектами перевода, поэтому роль переводчика тесно связана с этикой с самого начала переводческой деятельности, а деятельность и обязанности переводчика осуществляются этически осознанно. Целью исследования являются описание исследования переводческой этики в Китае и подробное изучение переводческой этики с точки зрения экологической модели перевода. Автор показывает, как ошибочные переводы могут быть вызваны безответственным поведением переводчиков из-за их неправильных этических взглядов и ценностей. В этом процессе автор использует аналитический метод и сравнительный метод. По итогам исследования сделан вывод о том, что в теоретическом плане следует продолжать совершенствовать ценностные и этические аспекты экологической модели перевода; что касается существующей проблемы неправильного перевода, то, по мнению автора, необходимо приложить усилия для создания благотворного цикла переводческой экологии. На фоне

многочисленных перспектив исследования наука о переводе придает важности переводчикам, возвращает к этике и сосредоточивает внимание на отношениях и поведении в системе моральных ценностей. Результаты исследования имеют значение для совершенствования китайской экомодели перевода, развития теории перевода и обучения переводчиков.

Ключевые слова:

переводческая этика, экомодель перевода, переводчик, ответственность, переводческое сообщество, переводческая экология, ценность перевода, процесс перевода, теория переводческой экологии, отбор и адаптация

этика - это один из основных руководящих принципов поведения человека и одно из важнейших требований перевода. Этика - это учение о нравственных проблемах, систематизация и теоретизирование моральных мыслей и взглядов. Изучение переводческой этики помогает прояснить суть переводческой деятельности и установить ценности перевода, что в корне определяет стремление переводчиков и реализацию перевода. Началом изучения этики перевода принято считать конец двадцатого века, когда Антуан Берман, известный французский теоретик перевода, официально ввел вопрос этики в сферу переводоведения, предложив, что одна из фундаментальных задач современных исследований в области теории перевода - дать четкое определение этики перевода, чтобы переводчики могли выйти за пределы закрытого круга языка, литературы и идеологии и приступить к более широкому и глубокому испытанию «чужого» [\[6, с. 75\]](#). Появление этики перевода открыло новый теоретический прорыв в давних дуалистических дебатах о верности и воссоздании, чужом и своем, вольном и буквальном переводе и др., а также расширило теоретические горизонты и пути исследования в науке о переводе. После Бермана этика перевода стала одним из главных вопросов современного переводоведения, как с точки зрения количества и качества результатов исследований, так и с точки зрения влияния этих результатов в академическом мире.

Если речь идет о Китае, то этический взгляд на перевод был отражен уже в древнем Китае. Например, в конце династии Мин и начале династии Цин в Китае наблюдался бум научно-технического перевода, и некоторые этические концепции сопровождали переводческую деятельность в тот период. Например, Сюй Гуанци (徐光启) с грустью чувствовал, что китайская наука отстает от науки других стран, и поэтому стремился переводить западную научно-техническую литературу в надежде использовать плоды западной науки и техники для своей страны и укрепить ее. Это чувство миссии для нации раскрывает ценность его переводческой деятельности и отражает этическую концепцию переводчика - использовать переведенные книги для развития нации.

Несмотря на эту этическую концепцию, в Китае в то время не было исследований по этике перевода. По словам китайского ученого Ян Чжэньюаня, термин «Переводческая этика» в Китае впервые появился в статье «Введение в новые книги в зарубежном переводе» (《国外翻译新书简介》) в журнале «Китайский перевод» (《中国翻译》), № 1, 1998. В этой статье обсуждается книга Эндрю Честермана (Andrew Chesterman) «Мемы перевода. Распространение идей в теории перевода» («Memes of Translation»), а также дискуссия Честермана о переводческой этике в этой книге [\[17, с. 206\]](#). Затем китайские ученые постепенно начали исследовать вопрос переводческой этики.

В 2005 году Ван Дажи первым предложил формальное исследование этики перевода [\[14, с. 47\]](#). Далее он утверждал, что при любом переводе задача переводчика состоит в том, чтобы координировать две родственные культуры, два языка, различные предметы перевода и различные этические отношения, лежащие в их основе, которые носят ярко выраженный исторический, социальный и практический характер [\[15, с. 63\]](#). Потом Люй Цзюнь также предложили, что «цель переводческой этики - установить кодекс поведения для межкультурного взаимодействия. Это концепция направлена на установление добродетельного межкультурного взаимодействия, основанного на признании культурных различий, и уважении к другим культурам, и на принципе равноправного диалога» [\[10, с. 63\]](#)

В процессе исследования переводческой этики китайские ученые в основном находятся под влиянием этических мыслей переводчиков Бермана, Венути, Честермана, Пима и других.

Китайский ученый Оуян Дунфэн обобщил и оценил этическое мышление этих зарубежных ученых таким образом: «рассматривая развитие исследований этики перевода от дуализма Шлейермахера до первого предложения Бермана об "испытании чужим", от пропаганды Венути "сопротивление переводчиков доместикации и невидимости" для подрыва культурной гегемонии до интеграции Честермана этики и науки о переводе и разработки модели исследований этики перевода... Берман опирается на литературоведение и философию, делая акцент на литературности и передаче философского смысла, а Венути - на культурологии постколониального течения. Несмотря на то, что предметом их исследований являются этические установки в переводе, их исследовательские перспективы различны, а цели исследований далеки друг от друга. Однако на более высоком уровне они оба преодолевают разрыв между культурологией и философскими исследованиями, чтобы деинтернализировать родной язык и стремится к «новому», «чужому» переводу. Честерман, с другой стороны, прибегает к этической модели перевода в структуре этики, составляя операционную основу для исследования переводческой этики из контрактуализма, утилитаризма и теории ценностей, восстанавливая первоначальные отношения этики и переводя это исследование из метафизической идеологической дискуссии в конкретное исследование о переводчиках и текстах, и клиентах, и читателях языка перевода, и культурных нормах, и профессиональной этике» [\[11, с. 89\]](#).

Некоторые китайские ученые также объяснили свои взгляды на этику перевода Энтони Пима, например Лю Юньхун обобщила, что его этика перевода ограничивается не единицей перевода и текстовой эквивалентностью на микроуровне, а скорее взаимодействием субъектов на более высоком уровне, и сфера применения этики перевода выходит за рамки традиционного представления о верности, а коннотация расширяется от текстовых отношений до социальных и культурных коммуникационных отношений [\[8, с. 22\]](#).

По экомодели переводчик занимает центральное место в процессе перевода, но только при переводе; если мы говорим о его деятельности до или после перевода, то нельзя сказать, что переводчик занимает центральное место. Это, конечно, совпадает с мнением некоторых современных западных теоретиков перевода. Например, если речь идет о статусе переводчика, то по мнению Гарбовского Н.К. и Костиковой О.И.: «Социальная модель перевода отражает определённое положение субъекта – переводчика – центральной фигуры процесса перевода в многоязычной информационно-

коммуникационной системе в то время, как другие актанты влияют в разной степени на процесс перевода, предопределяют и направляют деятельность субъекта своим отношением к нему и к объекту» [\[2, с. 31\]](#).

Поскольку и китайские, и западные ученые согласны с тем, что переводчик занимает центральное место в переводе, изучение личности самого переводчика становится необходимым.

Ху Гэншэнь предлагает переводчику свободу выбора при переводе, и в то же время он предлагает ответственность переводчика. Ответственность переводчика гарантирует, что переводчики не злоупотребляют имеющейся в их распоряжении властью выбора и переводят по своему усмотрению.

Ответственность переводчика соотносится с ответственностью других. В основном это относится к концепции полной ответственности переводчика в процессе перевода, в акте перевода и в переводческой деятельности, это означает, что переводчик несет особую ответственность за координацию взаимосвязей между переводческим сообществом (людьми), переводческой средой (окружением) и текстом перевода (текстом), чтобы достичь баланса, гармонии, что отвечает требованиям экологической холизмы к переводу через ответственность переводчика за людей, среду и текст [\[3, с. 35\]](#).

В экомодели у переводчиков есть три основные обязанности, а именно: «выживание наиболее приспособленных», то есть попытка сохранить баланс между экологией исходящего языка и экологией переводимого языка; особое внимание к переводческому сообществу и гармонизация отношений между различными аспектами; успех переводчика означает, что переводчики обязаны заботиться о принятии и распространении своих переводов [\[7, с. 99\]](#).

Во-первых, выживание наиболее приспособленных. Согласно определению перевода в экомодели, перевод – это деятельность по адаптации и отбору переводчика. Отношения между переводчиком и его переводом очень тесные, а это значит, что для того, чтобы выжить на рынке в долгосрочной перспективе, переводчик должен находить отличные переводы путем отбора, а отличные переводы – это неизбежно те, которые имеют лучший баланс между экологией исходящего языка и переводимого языка. Поэтому переводчик обязан постараться обеспечить баланс между этими экологиями этих языков, постараться преобразовать языковую экологию, культурную экологию и коммуникативную экологию оригинального текста и постараться сделать так, чтобы преобразованный текст выжил в новой языковой экологии, культурной экологии и коммуникативной экологии.

Как Гарбовский написал в книге, «Первая и главная реальность для переводчика — ситуация общения (коммуникативная ситуация). В этой ситуации переводчик всегда взаимодействует с двумя другими участниками коммуникации — автором исходного текста и получателем текста перевода, обеспечивая межъязыковое посредничество. Он всегда обращен к автору исходного речевого произведения, как бы далеко во времени и пространстве тот ни находился. Даже если речь идет о переводе произведения, созданного много веков назад, переводчик формирует свою этику отношения к автору, которая выражается в том, насколько бережно он относится к мыслям и чувствам автора, его образной системе и стилю. Разумеется, в этом случае речь идет скорее о воображаемом авторе, нежели о реальной личности. Переводчик создает в своем сознании образ автора, с которым и ведет внутренний диалог» [\[1, с. 229\]](#). С одной стороны, это подтверждение центральной позиции переводчика при переводе, а с другой

- демонстрация важности этики. Переводчик обязан создать в своем сознании правильный образ автора и вести с ним диалог, и это требование к уровню компетентности языка самого переводчика. Если переводчик недостаточно компетентен, то ему трудно правильно создать этот образ. Поэтому переводчики, исходя из этических соображений или из ответственности, также должны продолжать самосовершенствоваться и совершенствовать свои навыки, чтобы выжить на рынке.

Например, в книге «Преступлении и наказании» есть такое предложение, касающееся русской религиозной культуры:

Всё зависит от распоряжений Петра Петровича, который, как только осмотрится в Петербурге, тотчас же и даст нам знать. Ему хочется, по некоторым расчетам, как можно поспешить церемонией брака и даже, если возможно будет, сыграть свадьбу в теперешний же мясоед, а если не удастся, по краткости срока, то тотчас же после госпожинок.

Перевод Жу Луна: 他自有它的某些打算, 一心想尽快举行婚礼, 如果可能的话, 甚至在这次圣母升天节的斋期(圣母升天节是基督教节日, 在8月15日, 其斋期在节前的两周内)举行, 要是时间太仓促, 来不及办, 就在过节后立刻举行。

Специальностью Жу Луна был не русский язык, хотя потом он сам выучил русский язык и пересмотрел все свои переводы, его знаний культуры не хватает. Здесь он явно не знает достаточно о православной культуре, чтобы перевести предложение как «Жениться во время госпожинок, а если не удастся, по краткости срока, то после праздника». Но по традиции свадьба в Успенский пост (госпожинки), а тем более венчание, считается большим грехом. Это ошибка, вызванная непониманием Жу Луном русской религиозной культуры.

Во-вторых, Ху рассматривает «переводческое сообщество» и гармонизирует отношения между всеми аспектами в сообществе.

Мы можем еще привести пример Жу Луна. Известный китайский писатель 巴金 (Ба Цзинь) в середине XX века был еще издателем, когда Жу Лун захотел перевести Мопассана, и он купил полное собрание Мопассана на английском языке и даже начал их переводить. Именно Ба Цзинь позже попросил его переключиться на Чехова, и с тех пор в Китае появился великий переводчик русской литературы. До глубокой старости он перевел 16 томов собраний Чехова, а перед смертью продолжал переводить книги Достоевского. Кроме того, Ба Цзинь как издатель очень строго относился к переводам Жу Луна, вносил в его переводы многочисленные исправления и не публиковал ни одного перевода, если Ба Цзинь считал его недостаточно хорошим. Это было влияние издателя на переводчика в переводческом сообществе.

В целом, хороший переводчик должен координировать отношения между различными элементами переводческого сообщества, чтобы между всеми сторонами сообщества сложились гармоничные отношения, для того чтобы максимизировать выживание переводчика и жизнь текста перевода на рынке.

Успех переводчика. Эта обязанность имеет два значения. С одной стороны, переводчики занимаются переводческой деятельностью, руководствуясь необходимостью удовлетворения личных потребностей, стремлением к репутации и богатству, религиозными убеждениями и желанием познать разные виды знаний в мире [\[5, с. 247\]](#). Как Жу Лун сказал: «Когда вы работаете в области перевода, вы не должны быть жадными до славы и богатства; вы должны быть ответственны перед обществом и

читателями. Если я смогу внести свой вклад в дело китайской культуры и литературы, моя жизнь будет прожита не зря» [12, с. 28]. Видно, что целью Жу Луна в его переводческой деятельности было просвещение людей.

Многие современные переводчики руководствуются необходимостью зарабатывать на жизнь, конечно, тоже бывают переводчики, которые руководствуются любовью к переводческой деятельности, это тоже не мало. Однако, как и обычному человеку, переводчику тоже нужно выживать, но если он переводит только для того, чтобы заработать на жизнь, и ему нужна только скорость, независимо от качества перевода, то как такой переводчик сможет долго продержаться на рынке?

В настоящее время незачинного перевода из-за стремления получить максимальную прибыль от перевода - не редкость. Например, некоторые издательства в очередной раз переводят шедевры, делят работу между разными переводчиками, ценя только эффективность и считаясь с прибылью. Например, требует, чтобы перевод и корректура «Братьев Карамазовых» были завершены в течение года.

Еще пример, переводчиком Лун Цзин всего за четыре года было переведено 23 книги, охватывающие широкий спектр дисциплин, включая философию, политологию, экономику, литературу и др.

Бывают и неправильные переводы, вызванные отсутствием ответственности у переводчиков, стремящихся к эффективности, а не к качеству. Профессор Ван Ци с исторического факультета Университета Цинхуа в своей научной книге «Исследование академической истории восточного участка китайско-российской границы: проблема восточного участка китайско-российской границы с точки зрения китайских, российских и западных ученых» («中俄国界东段学术史研究: 中国、俄国、西方学者视野中的中俄国界东段问题»), опубликованной в 2008 году, неправильно перевел многие термины в английских источниках. Например, Ван Ци перевел Chiang Kai-shek на 常凯申 (На самом деле это должен быть 蒋介石, на русском Чан Кайши), Ch ' Tung-tsu на 褚东苏 (Фактический瞿同祖), Jonathan D. Spence на 斯宾塞 (Настоящий实际是乔纳森·德莫特·斯彭斯, китайское имя его 史景迁, на русском Джонатан Д. Спенс).

У успеха переводчика еще есть другое значение – переводчик обязан заботиться о принятии и распространении текста перевода в обществе.

Жу Лун, например, посвятил свою жизнь переводам, особенно русской литературы. Он считал, что хороший переводчик должен всегда думать о читателе при переводе литературы. Например, когда дети Жу Луна переводили повесть Антонины Георгиевны Голубевой (1899-1989) «Мальчик Из Уржума», они отнесли перевод Жу Луна и спросили его мнение, а после прочтения Жу Лун сказал своим детям: «Кто читает детские произведения? Это дети в возрасте около десяти лет. Детская литература, которую мы переводим, должна быть им понятна и интересна. В вашем сердце нет читателей. Так не пойдет! Всегда думайте о ваших читателях». [7, с. 100].

После того как Берман предложил концепцию переводческой этики, зарубежные ученые разработали концепцию переводческой этики в четырех аспектах: нормативность, поведение переводчика, отношения переводчика с другими и ценность перевода [13, с. 54].

Как мы уже говорили, переводчик находится в центре при переводе. Изучение этики перевода является подтверждением этой центральной роли. В результате исследований

в области этики перевода этический выбор переводчика стал более значимым, чем традиционный статус раба языка оригинала или языка перевода, и многие ученые начали глубже изучать роль переводчика, которая в традиционных концепциях преуменьшалась. При изучении этики перевода переводчик несет ответственность, а его этическая позиция и этическое поведение могут иметь важные моральные последствия. Сюй Цзяньчжун, основоположник теории переводческой экологии, изучал поведение переводчиков и отметил, что поведение переводчика может включать в себя покорное и подчиненное поведение, аффинитное поведение, альтруистическое и агрессивное поведение, акты ухаживания за собой, акты самозащиты, самооценки, рефлексивный самоанализ, имитационное поведение, импликацию и поведенческую инфекцию [\[16, с. 200\]](#). Мы можем утверждать, что все эти виды поведения переводчика возникают под влиянием этических взглядов и отражают ценности переводчика.

В своей работе Ху Гэншэнь указывает, что этический взгляд на экологический перевод аналогичен экологической этике, и предлагает четыре принципа этики экологического перевода, основанные на реальном переводе, объекте и предмете исследования экологического перевода, а именно: принципы баланса и гармонии, многомерной интеграции, плюралистического симбиоза (разнообразное сосуществование различных переводов) и ответственности переводчика [\[5, с. 110\]](#),

На протяжении всей истории исследования перевода неоспоримым фактом является то, что путь исследования перевода не был бессистемным, а всегда вращался вокруг двойной логики - факта того, что есть перевод, и ценность того, каким должен быть перевод. Вопрос «что есть перевод» имеет онтологический оттенок и призван раскрыть объективность и определенность перевода, а вопрос «каким должен быть перевод» имеет ценностную форму, чтобы повысить осознание и убежденность в ценности перевода [\[9, с. 43\]](#).

В процессе перевода переводчик, как субъект ценностей, имеет потребности, мотивы, цели и способности, которые влияют на качество перевода. Переводчик не может быть ценностно-нейтральным от выбора перевода до обработки текста, но будет сознательно или бессознательно ограничен ценностным восприятием. Ценности перевода относятся к концепциям, которых переводчики должны придерживаться в своей работе. Эти концепции могут включать уважение к культурным различиям, содействие межкультурной коммуникации, недопущение дискриминации и предрассудков и т.д.

При выборе материалов для перевода и выборе стратегии перевода переводчик неизбежно учитывает различные иерархии ценностей и выполняет переводческую операцию на этой основе индивидуально, так что двух одинаковых текстов перевода быть не может. Выбор поведения переводчика определяется ценностями, а ценности переводчика неразрывно связаны со всеми факторами переводческой экосреды, включая автора оригинала, спонсора, издателя, читателя и т.д. Переводчику трудно отвечать за все стороны одновременно, поэтому выбор определяется высотой ценностей и внутренней иерархией переводческой экосреды. Именно по этой причине ученый Ху в экомодели перевода выдвинул критерий оценки перевода - степень интеграции, отбора и адаптации. Ху предлагает, что степень интеграции, отбора и адаптации- Это относится к синтезу степени «адаптивного выбора», которую переводчик выбирает и адаптирует к языку, культуре, коммуникации и другим аспектам при выполнении перевода [\[4, с. 40\]](#). Лучший перевод - это перевод с высочайшей степенью интеграции, отбора и адаптации. Иными словами, перевод должен стремиться отвечать потребностям читателя, социальной среде, культурной среде целевой страны, а точность перевода должен быть

гарантирована. Степень, в которой эти цели достигаются, - это «Степень интеграции, отбора и адаптации».

Переводческая этика тесно связывается с аксиологией переводчика, поэтому переводческая этика должна основываться на ценностях, а не на обязанностях или правах.

Недостаточно изучать этот вопрос в области экомодели перевода только с точки зрения этических взглядов и четырех принципов. Необходимо также ввести изучение переводческих ценностей, чтобы объяснять и регулировать поведение переводчиков с различных точек зрения, включая этику и ценности. Необходимо приложить усилия для создания добродетельного цикла переводческой экологии. Для этого необходимо усилить руководство и создать правильную систему социальных ценностей, чтобы все участники переводческой экологии, такие как переводчики, издатели и рецензенты, могли установить и соблюдать правильные ценности и этические нормы.

Только таким образом можно обеспечить качество переводческой работы и точность переводов, а также способствовать межкультурной коммуникации и взаимопониманию.

Библиография

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Издательство Московского университета, 2007. – 544 с.
2. Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Перевод и общество // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), 2018, № 1, С. 17-40
3. Ли Цзясинь. Сходства и различия между экопереводоведением и западными теориями перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), 2022, № 2, С. 26-43
4. 胡庚申, 译论研究的一种尝试——翻译适应选择论的实证调查[J]. 外语与外语教学, 2004(4) : 40-44. (Ху Гэньшэнь. Эксперимент в переводоведении – эмпирическое исследование теории выбора адаптации при переводе // Иностранные языки и преподавание иностранных языков, 2004(4). – С. 40-44)
5. 胡庚申. 生态翻译学—建构与诠释(М). 商务印书馆, 2013: 512. (Ху Гэншэнь. Экомодель перевода — построение и интерпретация (М). Коммерческая пресса, 2013. – 512 с)
6. 胡陈尧, 论贝尔曼翻译伦理思想的哲学蕴含[J]. 外国语(上海外国语大学学报), 2022, 45(01):79-85. (Ху Чэньяо, О философских последствиях этической мысли Беллмана для перевода // Иностранные языки (журнал Шанхайского университета международных исследований), 2022, 45(01). – С. 79-85.)
7. 黄晓珊, 生态翻译学视阈下译者的职责——以《契诃夫短篇小说选》汝龙译本中的注释为例[J]. 广东技术师范学院学报, 2014, 35(9):96-102. (Хуан сяошань. Обязанности переводчиков в контексте экологического переводоведения: пример аннотации в переводе Жулуна «Избранные рассказы Чехова» // Вестник Гуандунского технического педагогического колледжа, 2014, 35(9). – С. 96-102.)
8. 刘云虹, 译者伦理: 身份、选择、责任——皮姆《论译者的伦理》解读[J]. 中国翻译, 2014, 35(05):18-23 (Лю Юньхун, Этика переводчика: идентичность, выбор, ответственность – интерпретация статьи Пима «Об этике переводчиков» // китайский перевод, 2014, 35(05). – С. 18-23)
9. 罗迪江. 翻译研究中的价值理性与人文精神[J]. 外语学刊, 2022(02):42-47 (Ло Дицзян. Ценностная рациональность и гуманизм в переводоведении // Журнал иностранных языков, 2022(02). – С. 42-47)

10. 吕俊, 共识性真理与建构主义翻译学——论建构的翻译学之真理观[J]. 外语学刊, 2005(06): 59-65
(Люй Цзюнь. Консенсуальная истина и конструктивистский перевод – О конструктивном взгляде на истину в переводе // Журнал иностранных языков, 2005(06) С. 59-65)
11. 欧阳东峰. 翻译伦理研究的跨学科反思[J]. 社会工作与管理, 2017, 17(2): 88-92. (Оуян Дунфэн. Междисциплинарные размышления об исследованиях переводческой этики // Социальная работа и управление, 2017, 17(2). – С. 88-92)
12. 汝宜陵, 史永利. 爸爸汝龙教我们搞文学翻译[J]. 中国翻译, 1996(4): 29-32. (Жу Илин, Ши Юнли. Папа Рулонг учит нас литературному переводу // Китайский перевод, 1996(4). – С. 29-32)
13. 陶源. 翻译伦理研究述评[J]. 外语教育研究, 2020(2): 54-60. (Тао Юань. Обзор исследований по этике перевода // Исследования в области обучения иностранным языкам, 2020(2). – С. 54-60.)
14. 王大智, 关于展开翻译伦理研究的思考[J]. 外语与外语教学, 2005(12): 44-47. (Ван Дачжи. Размышления о развитии исследований переводческой этики // Иностранный язык и преподавание иностранных языков, 2005(12). – С. 44-47.)
15. 王大智, “翻译伦理”概念试析[J]. 外语与外语教学, 2009(12): 61-63. (Ван Дачжи. Анализ понятия «переводческая этика» // Иностранный язык и преподавание иностранных языков, 2009(12). – С. 61-63.)
16. 许建忠, 翻译生态学, 北京: 中国三峡出版社, 2009. 348 (Сюй Цзяньчжун, Экология перевода. Пекин: Издательство Китайские три ущелья, 2009. – С. 348)
17. 杨镇源, 翻译伦理研究. 上海: 上海译文出版社. 2013. 289 (Ян Чжэньюань, Исследования по этике перевода. Шанхай: Шанхайская переводческая пресса. 2013. – С. 289)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проблема перевода сводится не только к формальной передач данных, но и возможности реинтерпретировать смысл «уже сказанного», без серьезных нарушений этического плана. Автор работы отмечает, что «этика - это один из основных руководящих принципов поведения человека и одно из важнейших требований перевода. Этика - это учение о нравственных проблемах, систематизация и теоретизирование моральных мыслей и взглядов. Изучение переводческой этики помогает прояснить суть переводческой деятельности и установить ценности перевода, что в корне определяет стремление переводчиков и реализацию перевода». На мой взгляд, достаточно удачно выбран срез переводческой деятельности, работа ориентирована на этику в свете китайской модели перевода. Нетривиальный выбор определяет и актуальность данного исследования; при этом работа может стать и неким образчиком для иных моделей, иных языковых систем. Фактический материал изложен последовательно, логично, серьезных сбоев в работе не наблюдается. Автор стремится к созданию некоего, на мой взгляд, диалога с потенциально заинтересованным читателем. Информативные блоки вводятся с учетом формальных требований, с позиций научной целесообразности: например, «в 2005 году Ван Дажи первым предложил формальное исследование этики перевода. Далее он утверждал, что при любом переводе задача переводчика состоит в том, чтобы координировать две родственные культуры, два языка, различные предметы перевода и различные этические отношения,

лежащие в их основе, которые носят ярко выраженный исторический, социальный и практический характер. Потом Люй Цзюнь также предложили, что «цель переводческой этики - установить кодекс поведения для межкультурного взаимодействия. Это концепция направлена на установление добродетельного межкультурного взаимодействия, основанного на признании культурных различий, и уважении к другим культурам, и на принципе равноправного диалога», или «некоторые китайские ученые также объяснили свои взгляды на этику перевода Энтони Пима, например Лю Юньхун обобщила, что его этика перевода ограничивается не единицей перевода и текстовой эквивалентностью на микроуровне, а скорее взаимодействием субъектов на более высоком уровне, и сфера применения этики перевода выходит за рамки традиционного представления о верности, а коннотация расширяется от текстовых отношений до социальных и культурных коммуникационных отношений» и т.д. Статья обладает нужно информационной насыщенностью, авторский же взгляд складывается из уже имеющегося свода данных. Привлекает умение исследователя точно аргументировать тот или иной тезис, допускается компромиссное решение, или верифицированный отказ от имеющегося мнения. Практический характер работы наличен, многие положения стоит тиражировать, вводить в круг научного диалога: «согласно определению перевода в экомодели, перевод – это деятельность по адаптации и отбору переводчика. Отношения между переводчиком и его переводом очень тесные, а это значит, что для того, чтобы выжить на рынке в долгосрочной перспективе, переводчик должен находить отличные переводы путем отбора, а отличные переводы – это неизбежно те, которые имеют лучший баланс между экологией исходного языка и переводимого языка. Поэтому переводчик обязан постараться обеспечить баланс между этими экологиями этих языков, постараться преобразовать языковую экологию, культурную экологию и коммуникативную экологию оригинального текста и постараться сделать так, чтобы преобразованный текст выжил в новой языковой экологии, культурной экологии и коммуникативной экологии». Считаю, что тема исследования раскрыта весьма убедительно, цель работы достигнута полновесно. Стиль сочинения соответствует научному типу, понятия / категории, необходимые для анализа проблемы трактуются единообразно с существующей практикой: «при выборе материалов для перевода и выборе стратегии перевода переводчик неизбежно учитывает различные иерархии ценностей и выполняет переводческую операцию на этой основе индивидуально, так что двух одинаковых текстов перевода быть не может. Выбор поведения переводчика определяется ценностями, а ценности переводчика неразрывно связаны со всеми факторами переводческой экосреды, включая автора оригинала, спонсора, издателя, читателя и т.д. Переводчику трудно отвечать за все стороны одновременно, поэтому выбор определяется высотой ценностей и внутренней иерархией переводческой экосреды». Впечатляет, конечно, и вывод, который дает автор: «недостаточно изучать этот вопрос в области экомодели перевода только с точки зрения этических взглядов и четырех принципов. Необходимо также ввести изучение переводческих ценностей, чтобы объяснять и регулировать поведение переводчиков с различных точек зрения, включая этику и ценности. Необходимо приложить усилия для создания добродетельного цикла переводческой экологии. Для этого необходимо усилить руководство и создать правильную систему социальных ценностей, чтобы все участники переводческой экологии, такие как переводчики, издатели и рецензенты, могли установить и соблюдать правильные ценности и этические нормы». Перспектива изучения вопроса таким образом раскрывается для новых исследований. Основные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке. Рекомендую статью «Переводческая этика в свете китайской экологической модели перевода» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ширлина Е.Н., Костина Н.И., Костина Д.М. — Дидактический потенциал интеллектуальных игр при обучении поисковому чтению // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.41037 EDN: FDGFHK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41037

Дидактический потенциал интеллектуальных игр при обучении поисковому чтению

Ширлина Елена Николаевна

ORCID: 0000-0001-7397-6985

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных и русского языков, Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева

308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Садовая, 13, кв. 6

✉ shirl2005@yandex.ru

Костина Наталья Ивановна

кандидат педагогических наук

доцент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Студенческая, 14

✉ kostina@bsu.edu.ru

Костина Дарья Михайловна

кандидат филологических наук

доцент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Студенческая, 14

✉ kostina_d@bsu.edu.ru

[Статья из рубрики "Дидактика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.41037

EDN:

FDGFHK

Дата направления статьи в редакцию:

19-06-2023

Дата публикации:

20-06-2023

Аннотация: Авторы рассматривают роль поискового чтения в формировании языковых и общеучебных компетенций, навыки, необходимые для поиска нужной информации в тексте, этапы работы над текстом, а также трудности, связанные с обучением поисковому чтению. В центре внимания находится роль активного чтения и элементов геймификации в преодолении этих трудностей. Цель работы заключается в том, чтобы установить, насколько активная предварительная работа с текстом и командная деятельность в условиях соревновательной среды повлияют на мотивацию студентов к обучению поисковому чтению и качество усвоения полученной информации. В статье даются рекомендации по организации обучения поисковому чтению в формате интеллектуальной игры и приводится пример интеллектуальной игры "Что? Где? Когда?" на основе страноведческого текста. Новизна исследования заключается в предложенном авторами подходе к интеллектуальным играм как инструменту не только оценки знаний учащихся, но и формирования у них компетенции поискового чтения. Проведённая со студентами неязыковых специальностей интеллектуальная игра позволила выявить основные преимущества и трудности при использовании подобного формата, найти способы их преодоления, выработать рекомендации по проведению интеллектуальных игр, основанных на работе с текстом. Результаты позволили подтвердить гипотезу о повышении мотивации к обучению чтению через игровую интеллектуальную деятельность, способности концентрироваться на содержании текста без ущерба для плана выражения, а также повышения уровня познавательной активности.

Ключевые слова:

поисковое чтение, геймификация, мотивация, интеллектуальная игра, предтекстовый этап, текстовый этап, послетекстовый этап, междисциплинарная компетенция, активное чтение, эвристическая компетенция

На сегодняшний день чтение остаётся одним из основных средств изучения иностранного языка. Понимание письменных текстов и извлечение из них необходимой информации требуется для подтверждения уровня владения языком в рамках промежуточной и итоговой аттестации на всех ступенях обучения студентов как языковых, так и неязыковых специальностей. Сформированные навыки чтения требуются не только для овладения иностранным языком. Так, в процессе исследовательской работы многие обучающиеся испытывают трудности при подборе литературы и её анализе, например, не могут рационально использовать дополнительную литературу по теме, в результате чего дублируют информацию, вместо того чтобы извлекать из других источников новые данные.

Однако чтение следует рассматривать не только как базовую компетенцию, заключающуюся в способности декодировать текст, но и как комплексный процесс решения проблемы [9, с. 32]. Оно является способностью понимать написанные тексты, анализировать и использовать их для определённых целей, приобретать знания и развивать свой интеллектуальный потенциал, чтобы активно участвовать в общественной жизни [8].

Одна из основных дидактических задач, стоящих перед преподавателями иностранного

языка, заключается в том, чтобы достигнуть баланса между обучением эффективному (быстрому) чтению и качественным усвоением прочитанного. Поэтому большую роль в процессе изучения иностранного языка играет интенсивное, медленное и вдумчивое чтение, которое обеспечивает необходимую степень понимания прочитанной информации и способность отбирать тексты, подходящие для раскрытия определённой темы [\[5, с. 35\]](#).

В соответствии с поставленной целью обычно выделяют четыре вида чтения: 1) просмотровое, основной целью которого является общее знакомство с целью для определения актуальности представленной в нём информации; 2) ознакомительное чтение, которое направлено на понимание общего смысла и выделение ключевой информации; 3) изучающее чтение, которое нацелено на максимально детальное понимание представленной в тексте информации; 4) поисковое чтение, которое ориентировано на поиск в тексте определённой информации [\[4\]](#).

Существуют более подробные классификации. Так, в немецкой лингводидактике выделяют: 1) das überfliegende Lesen (skimming, просмотровое/ ознакомительное чтение); 2) das kursorische Lesen (scanning, поисковое чтение); 3) das intensive Lesen (close reading / detailed reading, медленное чтение / изучающее чтение); 4) das selektive Lesen (селективное чтение); 5) das analysierende Lesen (анализирующее чтение); 6) das redigierende Lesen / Korrekturlesen (редакторское чтение). Альфред Бринк отмечает, что есть ещё один вид – креативное чтение (das kreative/ inspirierende Lesen), которое нацелено не на поиск конкретной информации, а на то, чтобы на основе прочитанного текста сформулировать собственные идеи или гипотезы [\[5, с. 36\]](#).

Для любого вида чтения отмечается важность такого метода, как активное чтение, при котором рекомендуется делать заметки и комментарии в тексте. С их помощью выделяют основные аргументы, непонятную и спорную информацию, показывают логические связи между частями текста. Активное чтение также предполагает синтез полученной после прочтения текста информации, например, передачу содержания текста собственными словами, визуализацию (например, при помощи ментальной карты) или включение полученной информации в более широкий контекст [\[11\]](#).

Поисковое чтение способствует формированию ряда умений: «выделять информацию, относящуюся к определенной теме/проблеме; находить нужные факты, данные, примеры, аргументы; подбирать и группировать информацию по определенным признакам; прогнозировать содержание целого текста на основе известных понятий, терминов и т.п.; ориентироваться в тексте путём выдвижения ряда гипотез; проводить анализ предложений, абзацев; находить фрагменты текста, требующие подробного изучения» [\[2, с. 193\]](#).

Поисковое чтение требует тщательной работы с текстом, включающей в себя три основных этапа: предтекстовый этап, этап непосредственной работы с текстом и послетекстовый этап. На подготовительном этапе происходит снятие языковых и смысловых трудностей, которое должно облегчить поиск нужной информации в процессе работы с текстом. Он включает в себя просмотровое чтение, направленное на выделение темы и главной мысли и активизацию фоновых знаний. Затем следует детальное чтение с элементами анализа, который включает в себя формирование представления о структуре текста, выделение ключевых слов, семантизацию (работу со словарём), синтез, т.е. осмысление и систематизацию прочитанного, а также поиск дополнительной информации. Послетекстовый этап предполагает синтез полученной информации и зачастую представляет собой составление вторичного текста.

Таким образом, работа над текстом является сложной и трудоёмкой, а поисковому чтению предшествуют другие виды чтения. Этот вид работы требует высокой концентрации внимания, которой невозможно достигнуть при отсутствии мотивации. В качестве решения проблемы можно предложить введение элементов геймификации в форме интеллектуальной игры.

В самом общем смысле под технологией геймификации понимают «использование игровых элементов и приемов, применяемых в конструировании игр, в неигровых контекстах для достижения неигровых целей» [\[1\]](#). Принцип геймификации заключается в том, что для достижения неигровых целей используются игровые элементы, такие как набор инструментов и свод правил. При этом не обязательно создавать полноценную игру [\[3, с. 9\]](#).

Основной целью геймификации в обучении является создание у обучающихся устойчивого интереса к процессу обучения и обеспечение их продуктивной деятельности [\[7\]](#). При грамотном использовании геймификации «первоначальное стремление к получению удовольствия от процесса (внешняя мотивация) вполне может перерасти в ситуацию, когда выполнение задач становится значимым само по себе (внутренняя мотивация)» [\[3, с. 9\]](#).

В системе высшего образования элементы геймификации можно вводить на разных этапах образовательного процесса: на этапе постановки цели, разработки учебной программы, методологии и результатов обучения [\[12, с. 256\]](#). То есть, игровые элементы позволяют как развивать определённые навыки, так и оценивать степень их сформированности.

К основным приёмам геймификации можно отнести введение игровых персонажей, ограничение времени на выполнение задания, внедрение нестандартных форм оценивания (таких как игровые очки или бонусы) и т.д. Большинство преподавателей, использующих элементы геймификации, отмечают, что они помогают решить главную проблему: повысить мотивацию к изучению иностранного языка [\[6, с. 388\]](#).

Игровые элементы на уроках иностранного языка нередко бывают представлены в виде интеллектуальных викторин, которые традиционно используются для проверки степени усвоения полученных знаний. Однако они отличаются от обычных викторин тем, что вопросы задаются не общим знаниям, границы которых бывает сложно определить, а по пройденному учащимися материалу. Однако такой вид игровой деятельности можно модифицировать, придав ему более деятельностный характер, и использовать его для формирования определённых учебных навыков, в частности навыков поискового чтения.

Формата интеллектуальной игры при обучении чтению имеет ряд преимуществ:

- 1) повышает мотивацию учащихся за счёт игровой и соревновательной деятельности;
- 2) объединяет в себе все виды речевой деятельности;
- 3) позволяет использовать разные виды чтения;
- 4) формирует у обучающихся ряд значимых общеучебных (междисциплинарных) компетенций, таких как эвристическая компетенция, информационно-поисковая компетенция, умение работать в команде и т.д.;
- 5) развивает навыки работы с аутентичными текстами (учебный текст используется как

- переходная ступень к работе с аутентичным языковым материалом);
- 6) способствует формированию культурологической компетенции;
- 7) хорошо подходит для обобщения и закрепления изученного материала;
- 8) развивает навык синтеза: объединения информации из разных источников.

Благодаря такому формату происходит выход из плоскости текста в сферу знаний, в результате чего текст становится не просто источником информации, а стимулом познавательного интереса и первым звеном в цепочке получения знаний о каком-либо явлении.

Формат интеллектуальной игры имеет не только лингводидактический, но общедидактический потенциал, поскольку позволяет развивать широкий спектр когнитивных и социальных навыков, а также способствует повышению эрудиции и познавательного интереса учащихся.

Однако нельзя не отметить, что проведение занятий в форме интеллектуальной игры имеет ряд трудностей. Во-первых, оно требует много времени на подготовку. Кроме того, обучающиеся могут испытывать страх перед сложностями – ведь даже на родном языке подобные игры предполагают наличие всесторонних знаний и высокого уровня интеллекта. А в случае неудачи мотивирующий эффект может превратиться в свою противоположность.

Для каждой из вышеперечисленных проблем можно предложить решение. В целях экономии времени предтекстовый этап вынести за рамки аудиторной работы. Для этого обучающимся необходимо дать подробные инструкции для работы с текстом. Поскольку для интеллектуальной игры главную роль играет не содержащаяся в тексте информация, а возможности её применения для получения новых данных, для такой работы подходят тексты небольшого объёма и не представляющие трудностей с точки зрения языка. При составлении вопросов важно соблюсти главный принцип: они должны быть написаны более простым языком, чем сам текст. Кроме того, вопросы можно дублировать на русском языке. Специализированный текст или текст большого объёма можно разделить на пронумерованные фрагменты и составить вопросы таким образом, чтобы они соотносились с определёнными фрагментами. Неудача в игре имеет относительный характер и может эффективно использоваться для рефлексии, разбора ошибок и мотивации к более успешной работе в дальнейшем.

Авторы данной статьи адаптировали для учебной ситуации формат интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?». В игре приняли участие три команды по шесть человек, состоящие из студентов неязыковых специальностей первого года обучения. В каждой команде есть капитан, который выбирает одну из версий, прозвучавших за столом, и игрока, который будет её озвучивать.

Игра состоит из трёх туров, каждый из которых включает в себя четыре вопроса на размышление. Вопросы каждого тура связаны с одним из заранее прочитанных игроками текстов. Название текста объявляется в начале тура. Ответ на каждый вопрос содержится в тексте, но сам вопрос не взят из него напрямую. Участникам игры нужно применить логику, чтобы дать правильный ответ.

У команд есть минута на обсуждение и поиск правильного ответа. Обсуждение может вестись как на английском, так и на русском языке. Во время обсуждения команды могут пользоваться своими текстами с пометками.

В конце минуты капитан называет участника команды, который даёт ответ на вопрос на английском языке. Команды отвечают на вопрос по очереди, установленной с помощью жеребьёвки. Если команда не сумеет правильно ответить на вопрос, такая возможность появляется у следующей за ней команды-соперника, поэтому вопрос в течение минуты обсуждают все три команды. После каждого тура жюри подсчитывает очки и сообщает командам промежуточный результат.

За несколько дней до игры участники получают тексты и инструкцию по работе с ними:

1. Прочтите заголовок текста. Какие ассоциации он у вас вызывает? Что вы знаете об этой теме?
2. Прочитайте текст целиком: что вам понятно, а что не очень?
3. Переведите слова и выражения, затрудняющие понимание текста.
4. Разделите текст на логические части. Кратко сформулируйте основную мысль каждой части (можно на русском языке).
5. Попробуйте задать как можно больше вопросов к каждой части текста и ответить на них.
6. Выделите в тексте ключевые слова: это те слова и выражения, в которых заключена основная мысль каждого фрагмента.
7. Выпишите ключевые слова. Через некоторое время попытайтесь вспомнить как можно больше информации из текста, связанной с каждым из ключевых слов.
8. Разделите информацию в тексте на:
  - известную Вам;
  - новую для Вас;
  - информацию, которая Вас удивила (Вы думали иначе);
  - информацию, которая Вас заинтересовала (Вы хотите узнать больше).
9. Обратите особое внимание на реалии: это слова, которые обозначают понятия, отсутствующие в других культурах, например, *boxing day* – второй день Рождества в Великобритании, в который открывают подарки. Сюда также относятся имена собственные: названия городов и районов, имена и фамилии людей, географические названия и т.д.
10. Используйте во время работы с текстом цветные выделители, подчёркивание, сноски, заметки на полях – всё, что позволит вам легко ориентироваться в тексте.
11. Обменяйтесь мыслями по поводу прочитанного с товарищами по команде. Это поможет вам, если вы что-то упустили или неправильно поняли.

Вторая часть инструкций касается самого процесса игры:

1. Внимательно читайте вопрос. Отвечайте только на то, что вас спрашивают.
2. Постарайтесь сразу определить, в каком фрагменте текста нужно искать ответ на вопрос.

3. Разделите задачи между членами команды. Кто-то думает, каким образом вопрос связан с содержанием текста. Кто-то может заниматься поиском нужного слова. Капитан внимательно слушает и анализирует все версии, чтобы в конце выбрать наиболее логичную.

В качестве примера приведём вопросы тура, связанные с содержанием текста "East End" из пособия по страноведению "Spotlight on Britain". Выбор материала был обусловлен тем, что участники команд проходят обучение по разным специальностям, но все изучали тему "English-speaking countries". Вопросы озвучивались ведущим и выводились на экран.

Вопрос 1: One version of how the name of this place in the East End came about is that unscrupulous traders would steal that piece of wardrobe from you at one end and sell it back to you at the other end. Name this place!

Ответ: Petticoat Lane Market

Комментарий: petticoat is an underskirt; the local traders were apparently so light fingered that they could take off your underskirt on the fly and so sly that they could sell it to you without you recognizing it.

Вопрос 2: Attention! We have replaced ONE LETTER in one of the words.

In "The Hollywood Store" you can find sequined slippers, gorgeous saris and salwar kameez. Reconstruct the word we have changed slightly.

Ответ: Bollywood

Комментарий: As you know from the text, there are a lot of Indian stores in the East-End.

Вопрос 3: There are beautiful gardens in the heart of this place. Not surprising, judging by its name. What place is it?

Ответ: Bethnal Green

Комментарий: Bethnal Green was once a country village and used to be a very green place.

Вопрос 4: Attention! X in the question replaces 2 or 3 other words.

In 2012, an article appeared on the Reuters international news agency website with the headline "OMG! X is *brown bread*". This article warns that X is no longer popular and may disappear altogether in the near future. What is X?

Ответ: Cockney rhyming slang, rhyming slang

Комментарий: "brown bread" means "dead" in the rhyming slang.

Опыт проведения игры показал, что все участники были вовлечены в обсуждение. Наиболее успешно с заданиями справились те команды, которые внимательно ознакомились с инструкциями и придерживались принципа активного чтения на этапе предварительной работы с текстом. Участники отметили, что могли ответить на все вопросы, даже на те, на которые у них не получилось дать правильный ответ. Они также выразили желание больше узнать о некоторых фактах, ставших им известными в процессе игры.

Интеллектуальные игры подобного формата могут проводиться на основе

специализированных текстов. Условия игры можно изменять в зависимости от конкретных задач, например, привлекать учащихся к составлению заданий, проводить предтекстовый этап на занятии в формате тренировки и т.д. На послетекстовом этапе можно использовать полученные во время игры данные в качестве источника идей для работы над индивидуальными или групповым исследовательским проектом.

Подводя итоги, отметим, что использование формата интеллектуальной игры в процессе обучения поисковому чтению позволяет решить такие проблемы, как низкая мотивация к обучению чтению, недостаточно высокая концентрация внимания (клиповое мышление), низкая оценка релевантности полученной из текста информации и склонность обучающихся концентрироваться на форме выражения в ущерб содержанию. Азарт игры, успешный результат интеллектуальных усилий и немедленное вознаграждение способствуют развитию информационно-поисковой компетенции, социальных компетенций, а также стимулируют познавательную активность учащихся.

Библиография

1. Евпилова Е.В. Геймификация как средство повышения мотивации к обучению // Одинцовские чтения. М., 2013. URL: <http://evplova.ru/nauchnye-i-metodicheskie-stati/53-gejmifi> (дата обращения: 17.06.2019).
2. Иванова Л.А. Лукомская Е.Л. Технология обучения разным видам курсорного чтения иноязычных текстов студентов нефилологических специальностей // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. М.: МИИ, 2023. С. 188-193.
3. Силаев П.В. Геймификация книг-игр и развитие навыков ознакомительного и поискового чтения на иностранном языке // Проблемы современной лингводидактики. Смоленск, 2019. С. 7-18.
4. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высшая школа, 2005. 255 с.
5. Brink A. Anfertigung wissenschaftlicher Arbeiten: ein prozessorientierter Leitfadens zur Erstellung von Bachelor-, Master- und Diplomarbeiten. Wiesbaden: Springer Gabler, 2013. 288 S.
6. Kovalenko I.V., Skvortsova T.P. Game technologies and gamification techniques in teaching English: an analysis of pedagogical experience // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics, 2022. Pp. 382-392.
7. Lee J. Gamification in education: what, how, why bother? In Academic Exchange Quarterly. 2011. № 15 (2). Pp. 2-10.
8. OECD: Ein Profil der Schülerleistungen in Lesekompetenz. PISA 2012 Ergebnisse: Was Schülerinnen und Schüler wissen und können (Band I, Überarbeitete Ausgabe, Februar 2014) Schülerleistungen in Lesekompetenz, Mathematik und Naturwissenschaften. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264208858-de> (дата обращения: 10.06.2023).
9. Schoenbach R., Greenleaf C., Cziko C., Hurwitz L. Lesen macht schlau: Neue Lesepraxis für weiterführende Schulen. Berlin: Cornelsen Scriptor, 2007. 232 S.
10. Sheerin S., Seath S., White G. Spotlight on Britain: second edition. Oxford University Press, 1990. 140 p.
11. Texte gezielt(er) lesen. URL: https://www.vwl.uni-mannheim.de/media/Fakultaeten/vwl/Dokumente/Leitfaden_Lesen.pdf (дата обращения: 12.06.2023).
12. Tsitavets T.Y. Gamification in higher education: contemporary issues: Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященный 80-летию ГрГУ им. Янки Купалы. Гродно: Гродненский государственный университет

имени Янки Купалы, 2020. С. 256-257.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Дидактический потенциал интеллектуальных игр при обучении поисковому чтению», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к разработкам и применению разнообразных методик, направленных на геймификацию образовательного процесса.

В статье рассматривается дидактическая задача достижения баланса между обучением эффективному (быстрому) чтению и качественным усвоением прочитанного, так как большую роль в процессе изучения иностранного языка играет интенсивное, медленное и вдумчивое чтение, которое обеспечивает необходимую степень понимания прочитанной информации и способность отбирать тексты, подходящие для раскрытия определённой темы

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной лингводидактике.

Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики.

Автор описывает предлагаемую методику работы с текстами.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Автор не приводит данных о том, была ли проведена апробация предлагаемого материала и какие результаты по сравнению с контрольной группой?

Структурно отметим, что в данной работе не в полной мере соблюдены основные каноны научного исследования. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, но в нем отсутствует упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, которая не начинается с обзора теоретических источников и научных направлений. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не перечислено то, что сделано. Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по

литературоведению, сравнительному изучению русской и китайской культуры, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Дидактический потенциал интеллектуальных игр при обучении поисковому чтению» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Иванова В.В. — Концептуальный анализ нарративной стратегии текста выступления пропагандистского характера с позиции постлакановского психоаналитического подхода // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.43413 EDN: HCPPPY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43413

Концептуальный анализ нарративной стратегии текста выступления пропагандистского характера с позиции постлакановского психоаналитического подхода

Иванова Виктория Валерьевна

аспирант кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова

124482, Россия, г. Москва, ул. Зеленоград, -, оф. -

✉ ivanovamglu@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.43413

EDN:

HCPPPY

Дата направления статьи в редакцию:

17-06-2023

Дата публикации:

24-06-2023

Аннотация: В статье представлен авторский вариант нарративного анализа, основанный на методологии постлакановского политического психоанализа и дискурс-анализа текста выступления пропагандистского характера. Актуализированы понятия мастер-означающего, точек пристежки, двойного движения означающих в структуре нарратива как основы интернализации идей и ценностей нарратива адресатом коммуникации. Рассмотрена матрица дискурса университета как конструктивной основы, обеспечивающей продвижение и функционирование нарратива. Приведен анализ кейса выступления Государственного секретаря США Колина Пауэлла в Совете Безопасности ООН 5 февраля 2003 г. Исходные теоретические позиции и выводы соотнесены с данными опросов общественного мнения, проведенными Институтом Гэллага. Основным вкладом автора в теорию нарративного анализа является апробирование понятийного аппарата политического психоанализа к текстам пропагандистского характера. Исследование феномена интернализации нарратива войны в массовом сознании требует

глубокого понимания движущих сил, лежащих в основе исследуемых процессов. Впервые проводится анализ медиатекста с позиции психоаналитического подхода, с возможностью определения и описания конкретных реперных точек выступления, определяющих его структуру и конечный результат. Предложенное вниманию исследование закладывает предпосылки для дальнейшего развития концепта жизненного цикла нарратива и формулирования понятия контрнарратива, определения имманентных этому жизненному циклу ограничений и возможностей.

Ключевые слова:

Политический психоанализ, Пропаганда, Анализ нарратива, Дискурс университета, Жизненный цикл нарратива, Точки пристрастия, Мастер-означающее, Постлакановская парадигма, Военная журналистика, Нарратив войны

Анализируя работы, посвященные нарративным структурам и стратегиям пропагандистских текстов [\[1- 4\]](#), можно отметить, что превалирующим методологическим подходом исследователей является изучение сюжетной канвы нарративного повествования и манипулятивных тактик его тиражирования; при этом процессы, обеспечивающие интернализацию адресатом коммуникации передаваемых ему идей и ценностей, мотивационные и аффективные предпосылки включения в нарратив остаются вне проблемного поля.

Нам кажутся явно недостаточными методологические практики, в которых не отображена взаимосвязь между структурой нарратива и механизмом формирования устойчивых убеждений субъектом. При таком методологическом подходе важнейшая роль нарратива – бессознательный характер его усвоения – остается неотрефлексированной исследователем. Помимо изучения влияния структуры нарратива на ожидаемый результат воздействия на общественное мнение, предлагаемый нами вариант нарративного анализа включает адаптированную модель дискурс-анализа в его постлакановской интерпретации.

Один из самых известных, по мнению «Нью-Йорк таймс» [\[5\]](#), иностранных корреспондентов Великобритании Роберт Фиск в работе «Великая война за цивилизацию» приводит отрывок спора с коллегой из израильского издания «Haaretz» Амирой Хаас. Фиск соглашается с А. Хаас в том, что первоочередная роль журналиста состоит в том, чтобы четко осознавать, где находятся центры сосредоточения власти и влияния и объяснять события, исходя из этого знания [\[6, с.33\]](#). Более того, легендарный военный журналист с пятидесятилетним опытом, критик войн, автор выдающихся книг о работе корреспондентов в зоне боевых действий, обладатель множества международных наград Р. Фиск прямо говорит о том, что это лучшее определение журналистики, которое он когда-либо встречал. Нам представляется, что дискурс-анализ текста, выполненный в постлакановской парадигме, дает методологическую основу для адекватного понимания роли таких центров в навязывании господствующего нарратива и управлении общественным сознанием.

В современных академических и околоакадемических исследованиях, посвященных анализу стратегических коммуникаций, периодически всплывают концепты, заимствованные из теории политического психоанализа. При этом оперирование такими понятиями как «коллективное бессознательное», «фетиш», «фантазм», «(Большой) другой» и пр. сведено к узуальному употреблению в качестве тропов - политических

метафор, с целью придания образности либо введения манипулятивного компонента в научный дискурс, а не как фундаментальных концепций, обладающих собственной методологической функцией в постнеонеклассической научной парадигме. Основываясь на утверждении Ж. Лакана о том, что психоанализ - это не теория, но праксис, который дает возможность описать Реальное через Символическое [\[7, с.6\]](#), в данной статье мы рассмотрим логический инструментарий современного политического психоанализа, который позволяет описывать и интерпретировать процессы и явления, находящиеся на стыке исследовательских интересов нарратологии и социально-политических наук, а также проведем анализ нарративной структуры текста пропагандистского характера на примере выступления Государственного секретаря США Колина Пауэлла в Совете Безопасности ООН 5 февраля 2003 г.

Движущим механизмом, который запускает процесс передачи смыслов в нарративе, является понятие мастер-означающего. Мастер-означающее определяет остальные означающие нарративной структуры, объединяя все ее элементы в единое смысловое поле, но при этом не имеет собственного реального означаемого. Если на уровне интерпретаций художественного текста функцию мастер-означающего можно выразить через легко узнаваемые «полемиические» сентенции («что хотел сказать автор?», «основная проблематика произведения» и т.д.), то для анализа политических дискурсов и критики идеологии это понятие является более сложным, смыслообразующим элементом, без четкого понимания которого анализ нарратива невозможен в принципе. Концепция мастер-означающего в текстах пропагандистского характера разработана в работах С. Жижека, Я. Ставракакиса, Э. Лекло и Ш. Муффа [\[7-10\]](#) и др. Опираясь на их работы, понятие мастер-означающего в медианарративе можно представить как макропропозицию фрейма, оно символизирует базовые «высшие смыслы», не поддающиеся непосредственному анализу со стороны получателя сообщения и воспринимаемые им априори. С точки зрения адресата коммуникативного воздействия, мастер-означающее - это понятие, глубину смысла которого невозможно выразить доступными ему лексическими языковыми средствами, а логическая проработка или документальная точность представляются неуместными, неприемлемыми. Адресат, ценностной системе которого конечный смысл придают такие понятия как «религия», «наука», «моя страна», «человечество» [\[11\]](#) и т.д., не может полностью рационализировать и артикулировать цепочку означающих, на которые опираются подобные абсолютные максимы в силу присущей им абстрактности. Подобная «нехватка» означающих позволяет контролировать нарратив, управляя смыслами и идеями через горизонтальные (метонимические) и вертикальные (метафорические) цепочки означающих [\[12, с. 140-141\]](#). Двойное движение соединения и замещения означающих позволяют бесконечно актуализировать структуру нарратива в рамках его жизненного цикла [\[13, с. 51\]](#).

Ключевым элементом семиотической структуры в лакановском подходе является точка пристежки. Язык для Лакана, в отличие от лингвистической концепции Фердинанда де Соссюра, - это не система знаков, а система означающих. Означающее - базовая структурная единица, при этом в лакановской парадигме означаемое и означающее не связаны между собой никакими конвенциональными связями, это два потока, в некотором смысле существующие параллельно друг другу. Точки, в которых возникает и фиксируется смысл, называется точкой пристежки [\[12, с. 124\]](#). В анализе нарратива точка пристежки - это высказывание, актуализирующее фрейм, она имеет сходную функцию с мастер-означающим, но при этом обладает конкретикой и содержательным означаемым. Итак, мы полагаем, что мастер-означающее запускает процесс передачи смыслов, но

нарратив начинает выполнять свою функцию «вовлечения читателя интеллектуально и эмоционально» [14, с.39] только после появления в нем точек пристежки, которые дают возможность адресату понять общую связность сообщения, а исследователю обратиться к его глубинному подтексту, неэксплицитным смыслам. Мастер-означающее в нарративе - «зонтичное» означающее, которое обуславливает наличие в тексте всех остальных элементов, однако оно не несет в себе функции объяснения, и нарратив становится доступным для анализа только через анализ точек пристежки- узловых компонентов, формирующих структуру нарратива. Проанализировать нарратив - это определить взаимное расположение точек пристежки и функции, которые они выполняют в тексте.

Жерар Женетт, один из основателей современной нарратологии, описывая проблему фокализации нарратива, проводил различие между точкой зрения, представленной в нарративе, и образом самого рассказчика (несоответствие между тем, «кто видит» и «кто рассказывает») [14, с. 29]. В лакановской терминологии ответ на вопрос Ж. Женетт «чей это взгляд? кто смотрит?» репрезентирован понятием дискурса - речевыми проявлениями социальных взаимоотношений участников коммуникации. Жижек отмечает, что в новейшей пропаганде дискурс «господина» (дядя Сэм на плакате "I want YOU for U.S. Army" 1917 г.) вытеснен университетским дискурсом (например, «эксперты», продвигающие в политическом пространстве доктрину «нулевых потерь», zero-casualty warfare) [15, с.132-136]. Современный «хозяин положения» реализует свою власть не просто через символический порядок (выборный процесс, должностные полномочия), а через высказывания с позиции «нейтрального» знания. Соответственно адресант позиционируется как человек, имеющий всю полноту доступа к информации, закрытой для широкой аудитории, действующий исходя из этого знания и подчиняющийся «объективным» законам. Контекст такого обращения: это не я управляю ситуацией, меня ведет историческая необходимость. Исходя из изменения дискурсивной матрицы, изменился и образ рассказчика. Этимология слова «нарратор» подразумевает «того, кто обладает знанием» знаний (деноминатив от прото-италийского глагола gnārus - знать). Одним из условий включения в университетский дискурс является хотя бы минимальное доверие слушателя к рассказчику, пресуппозиция к нему как к субъекту, который знает. Исходя из этого, ответ на второй вопрос Ж.Женетт («кто рассказывает?») будет звучать так: «фигура власти как фигура человека, который обладает полнотой знаний, в отличие от аудитории, ищущей эти знания». По меткому выражению автора классического труда «Техника пропаганды в мировой войне» Г. Лассуэлла, «публику не убедить логикой, но можно соблазнить историями» [16, с. 73]. Когда у слушателей есть запрос на смысл, на объяснение через знание, прерогатива ссылаться на авторитетные (анонимные) источники открывает неограниченные возможности конструирования нарративов как инструмента управления общественным мнением.

Продemonстрируем механизм взаимодействия рассмотренных выше структурных элементов нарратива на примере выступления государственного секретаря США Колина Пауэлла в Совбезе ООН 5 февраля 2003 года.

Можно утверждать, что речь Колина Пауэлла не стала причиной войны в Ираке, так как основные этапы планирования и подготовки «Операции «Иракская свобода»» были завершены до того, как он появился в зале заседаний Совета Безопасности ООН [17], тем не менее она внесла существенный вклад в легитимацию войны и создания базиса консолидации гражданского общества в США.

В официальной публикации американского института изучения общественного мнения

(Института Гэллапа) от 04.02.2003 (за день до заседания Совбеза) утверждается, что почти девять из десяти американцев, опрошенных в выходные накануне выступления, заявляли, что презентация К. Пауэлла будет иметь важное значение для определения их мнения о нападении на Ирак, в том числе шесть из десяти говорили, что это будет "очень" важно. Опрос также показал, что, хотя большинство поддерживало вторжение, более половины говорили, что могут изменить свое мнение в ту или иную сторону. В выводах отчет констатирует, что общественное мнение относительно оправданности вторжения в Ирак остается переменчивым [\[18\]](#).

Предыдущие опросы Гэллапа показывали, что госсекретарь пользовался популярностью у 88% американцев, являясь самой благоприятно оцениваемой фигурой внутривнутриполитического ландшафта Соединенных Штатов Америки [\[19\]](#). На момент опроса общественность значительно чаще доверяла словам Пауэлла об Ираке, чем словам президента Дж. Буша, что усиливало важность выступления Пауэлла и доказательств, которые он представлял членам Совета [\[18\]](#). Есть основания полагать, что именно показатели стабильно высокого уровня доверия к К. Пауэлле как фигуре «менее приверженной идее войны с Ираком, чем Буш, Чейни и Рамсфельд» [\[20\]](#), то есть в глазах целевой аудитории более объективной, свободной от когнитивных искажений и опирающейся на знание, обусловили решение Белого дома назначить его рассказчиком, озвучивающим официальный нарратив как мировому сообществу, так и внутренней аудитории.

Дискурс-анализ текста выступления подтверждает наш исходный тезис о превалировании лакановского «университетского дискурса» в современном пропагандистском нарративе. Агент (тот, кто говорит) определяет весь дискурс, задает мастер-означающее. Другой (в лакановском понятийном аппарате этот термин всегда пишется со строчной буквы) - это тот, на кого направлен дискурс, аудитория, от которой рассказчик ожидает определенного действия. Эти позиции в рассматриваемом случае достаточно прозрачны: фигура «знающего, как будет лучше для всех» госсекретаря и его целевой аудитории (гражданского общества страны, руководство которой собирается осуществить военное вторжение на территорию суверенного государства). На следующем структурном уровне находится нейтральное «знание», которое побуждает рассказчика к говорению и которое никогда не выражено эксплицитно. Несмотря на то, что целью послания является убеждение аудитории в легитимности де-факто принятого решения, открывая брифинг, нарратор декларирует, что цель его выступления - «поделиться дополнительной информацией, которой располагают США», утверждает, что «каждое сегодняшнее заявление подкреплено источниками, надежными источниками», «я не могу рассказать все, что мы знаем», и далее на протяжении всего выступления широко использует формулировки «многочисленные источники информации», «накопленные факты», «мы выявили много подтверждений», «располагаем данными криминалистической экспертизы» и т.д. Исходная позиция нарратора - владение и оперирование информацией, полученной из разнообразных надежных источников.

Как указывалось выше, для анализа структуры сообщения необходимо обозначить точки пристрастия и через них сформулировать мастер-означающее нарратива. Первой точкой пристрастия в анализируемом выступлении стала знаменитая пробырка, призванная метафорически персонифицировать угрозу применения биологического оружия режимом Саддама Хуссейна. Демонстрация пробырки осуществлялась рассказчиком в контексте упоминания актов биотерроризма на территории США с использованием спор сибирской язвы, жертвами которых осенью 2001 года стали пять человек, еще 17 были заражены. На момент выступления результаты расследования этого теракта еще не были

обнародованы, и общественное мнение связывало их организацию с терактами 11 сентября. Метафора с пробиркой создала конденсацию ощущения угрозы и запустила механизм замещения, в котором бессознательные интенции и аффекты экстерииризируются в форме метафорического означающего [\[13, с. 51\]](#). В данном случае, этим метафорическим означающим, по схожести, стала угроза биотерроризма.

Второй точкой пристрастия, реализующей движение связывания, стало утверждение о контактах режима Саддама Хусейна с Аль-Каидой. Контент-анализ стенограммы выступления [\[21\]](#) показал, что в одном из разделов речи К. Пауэлл 21 раз сослался на джихадиста иорданского происхождения Абу Мусаба аль-Заркави, пытаясь доказать связь между Аль-Каидой и Саддамом Хусейном. Этот момент можно идентифицировать как движение означающего, реализованное через метонимическую связь. На момент выступления, образ Аль-Каиды как основного врага нации с учетом настроений после 11 сентября 2001 г. был абсолютно сформирован и глубоко трансформировал массовое сознание, сплотив самые разные социальные группы. Метонимия выполнила функции ассоциации режима С.Хусейна с Аль-Каидой, объединения этих двух образов в единый образ врага, и запустила диахроническое движение от одного означающего к другому по цепи означаемых, когда одно означающее постоянно отсылает к другому в вечной отсрочке значения. С этого момента весь нарратив, включая ранее сказанное, повествовал уже о терроризме, а мастер-означающее проявило себя как хорошо знакомую целевой аудитории «войну с терроризмом», «war on terror».

И последней структурой дискурса в постлакановской интерпретации является результат коммуникации. Сильно упрощая оригинальное лакановское понятие *producción*, в целях наглядности выразим ожидаемый эффект коммуникации в результатах социологического опроса целевой аудитории.

Отчет от 17.03.2003 (постфактум выступления) показал устойчивые 64% поддержки несмотря на отсутствие резолюции ООН (сдерживающий фактор роста милитаристских настроений в обществе) [\[22\]](#). 22-23 марта поддержка составила 72%, достигнув на пике пропагандистской кампании 79% [\[23\]](#).

Подводя итог, можно отметить что объект коммуникации (целевая аудитория) изначально характеризовалась лабильностью позиций, неопределенностью отношения по отношению к ожидаемому эффекту коммуникации. В результате воздействия был сформирован достаточно высокий уровень поддержки и консолидации общества, выступлению удалось охватить максимально широкую аудиторию. Как нам представляется, залогом массового охвата стала тщательно выстроенная нарративная композиция. Нарратив, как структура означающих, связанных между собой мастер-означающим, и подчиненных двойному движению замещения (метафора) и связывания (метонимия) позволяет индивидам интернализировать идеи, придавая им значение личного мнения и идиосинкретический характер, и не осознавая внешнюю (например, пропагандистскую) природу их происхождения. Результатом вовлечения в дискурс университета становится скрытый, неосознаваемый характер влияния социального устройства общества на субъектность отдельных его индивидов. В этой ситуации политический психоанализ позиционирует себя как инструмент непредвзятого, безоценочного исследования и классификации структур нарративов пропаганды.

Библиография

1. Кудрявцева З.Г. Структурирование нарратива конфликта в медийной

- коммуникации// Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2021. №3.
2. Марченко Г. В., Чимаров С. Ю., Игошин Н. А. Нарративы информационных войн: история и современность// Управленческое консультирование. 2021. №4 (148).
  3. Агеевкова Е.К. К вопросу о проблеме нарративов и контрнарративов в деятельности международного исламистского движения Хизб ут-Тахрир// Исламоведение. 2022. №3 (53).
  4. Порошков М.М. Конструирование политических нарративов как инструмент политического дискурса для развития идеологических концептов и идеологий: проблемы теории и практики// Социодинамика. 2022. №4.
  5. Bronner E. A foreign correspondent who does more than report // The New York Times. - 2005. - 19.11. - 5.
  6. Fisk R. The great war for civilization: the conquest of the Middle East. - New York: Vintage Books , 2007. - 956 с.
  7. Lacan J. The four fundamentals of psychoanalysis. - London: Penguin, 2007.
  8. Žižek S. The sublime object of ideology. - London; New York: Verso, 1989.
  9. Stavrakakis Y. Lacanian and the Political.. - London; New York: Routledge, 1999.
  10. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and social strategy. - London: Verso, 1985.
  11. Hook D., Vanheule S. Revisiting the master-signifier, or, Mandela and repression // Frontiers in psychology . - 2016. - №6. - С. 25-30.
  12. Узланер Д. Жак Лакан: введение. - М.: РИПОЛ классик, 2022. - 288 с.
  13. Назио Х.-Д. Пять уроков по теории Жака Лакана. - М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. - 176 с.
  14. Berning N. Narrative means to journalistic ends. - Hamburg: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2011. - 158 с.
  15. Žižek S. Iraq: the borrowed kettle. - London: Verso, 2004. - 188 с.
  16. Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. - М.: «Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. - 237 с.
  17. Operation Iraqi Freedom (OIF) History Brief // National Security Archive URL: <https://nsarchive.files.wordpress.com/2010/10/oif-history.pdf> (дата обращения: 20.06.2023).
  18. Powell's U.N. Appearance important to public. Secretary of State enjoys more credibility on Iraq than Bush // GALLUP URL: <https://news.gallup.com/poll/7720/powells-un-appearance-important-public.aspx> (дата обращения: 04.06.2023).
  19. Nine key questions about public opinion on Iraq // GALLUP URL: <https://news.gallup.com/poll/6919/Nine-Key-Questions-About-Public-Opinion-Iraq.aspx> (дата обращения: 16.06.2023).
  20. Powell remains most popular political figure in America // GALLUP URL: <https://news.gallup.com/poll/6886/Powell-Remains-Most-Popular-Political-Figure-America.aspx> (дата обращения: 16.06.2023).
  21. Secretary Powell at the UN: Iraq's failure to disarm // U.S. Department of State Archive URL: <https://2001-2009.state.gov/p/nea/disarm/index.htm> (дата обращения: 16.06.2023).
  22. Public support for Iraq invasion inches upward // GALLUP URL: <https://news.gallup.com/poll/7990/Public-Support-Iraq-Invasion-Inches-Upward.aspx> (дата обращения: 16.06.2023).
  23. Seventy-two percent of Americans support war against Iraq // GALLUP URL:

<https://news.gallup.com/poll/8038/seventytwo-percent-americans-support-war-against-iraq.aspx> (дата обращения: 16.06.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Концептуальный анализ нарративной стратегии текста выступления пропагандистского характера с позиции постлакановского психоаналитического подхода», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики проведения концептуального анализа нарратива пропагандистского характера.

Как показывает теоретический материал, превалирующим методологическим подходом исследователей является изучение сюжетной канвы нарративного повествования и манипулятивных тактик его тиражирования; при этом процессы, обеспечивающие интернализацию адресатом коммуникации передаваемых ему идей и ценностей, мотивационные и аффективные предпосылки включения в нарратив остаются вне проблемного поля. Ввиду чего автором выявлены недостаточность методологических практик, в которых не отображена взаимосвязь между структурой нарратива и механизмом формирования устойчивых убеждений субъектом, что, собственно говоря, и ставит целью восполнить в рамках настоящего исследования.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом.

Практическим материалом исследования явились выступления Государственного секретаря США Колина Пауэлла в Совете Безопасности ООН 5 февраля 2003 г. Однако автор не приводит точного описания объема отобранного для исследования корпуса и методов его обработки.

В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе концептуальный анализ, семантический анализ и контент-анализ. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых теоретические работы как на русском, так и на иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Отметим нарушение общепринятого алфавитного выстраивания библиографического списка работ.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в

дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания лингвистических дисциплин на языковых факультетах, а также в подготовке студентов факультета журналистики. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Концептуальный анализ нарративной стратегии текста выступления пропагандистского характера с позиции постлакановского психоаналитического подхода» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шагбанова Х.С. — Концепты «эмоция» и «emotion» в русской и английской языковых картинах мира // Litera. — 2023. — № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.41025 EDN: HDTZCR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41025

Концепты «эмоция» и «emotion» в русской и английской языковых картинах мира

Шагбанова Хабиба Садыровна

доктор филологических наук

доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки
сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации

625049, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

✉ khabiba_shagbanova@list.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.41025

EDN:

HDTZCR

Дата направления статьи в редакцию:

18-06-2023

Дата публикации:

25-06-2023

Аннотация: В статье описывается функционирование концептов «эмоция» и «emotion» в русском и английском языках. Эмоция как феномен действительности обладает многоплановой логической природой, обусловлен культурно, лексически и аксиологически. Структура концептов, которые можно оценивать в качестве эквивалентов, оформляет категоризацию и концептуализацию реальности, проявляет предрасположенность к взаимодействию с кросскультурными концептами. Существующая реальность отражена совокупностью ядерных и периферийных значений концептов «эмоция» и «emotion». Значения слов иллюстрируют наличие главных и второстепенных признаков, моноцентричности и предрасположенности к образованию многообразных ассоциативных связей, чем обусловлены границы семантического варьирования слова. В английской языковой картине мира вербализация концепта «emotion» проявляет признаки маркера поведения, свойства жидкого вещества, оценки событий культурной жизни, пространство с характеристикой глубины. В русском корпусе текстов на основе

проведенной выборки удалось зафиксировать следующие случаи значений: атрибут поведения, чья-то принадлежность, препятствие, устройство, которое может быть выключено, показатель сильного возбуждения. Таким образом, в ходе структурно-семантического анализа представленных конструкций выявляются в англоязычном и русскоязычном семантическом пространстве ряд значений полисемантической структуры данного образования. Автор констатирует, что теоретические положения когнитивного подхода позволяют уверенно говорить о соотносительности рассматриваемого концепта не только с чувствами, но и с рассудком.

Ключевые слова:

эмоция, семантическая структура, концептосфера, деривация, семантика, многозначность, полисемия, ментальный образ, абстрактное имя, сравнительно-историческое языкознание

Эмоции представляют собой неотъемлемую часть реакции на процессы и события действительности, они присущи всем сферам жизнедеятельности, а также маркируют процессы мышления, модели поведения и проявление сознания конкретной личности, эмоциональное поведение является одним из главных компонентов внутреннего мира человека. Семантическое поле языковой единицы эмоция многопланово по причине предрасположенности к номинации таких состояний, как страсть, аффект, чувство, восприятие, настроение, рефлексия. Проблема анализа концепта «эмоция» неоднократно характеризовалась представителями научного сообщества как одна из наиболее сложных. Обусловлено такое положение вещей тем, что на язык возложена функция выражения феномена психической деятельности человека, сложного в свою очередь [\[11, с. 84\]](#).

Концепт «эмоция» целесообразно рассматривать посредством системы объективных знаний, культурно и этнически обусловленной, оформленной в структурно-смысловом, лексическом и фразеологическом отношении и выполняющей коммуникативную и аксиологическую функции. Процесс реконструкции фрагмента языковой картины мира при помощи языковых средств является одним из наиболее активно развивающихся направлений в современном языкознании [\[5, с. 127\]](#).

Структуру и содержание концепта позволяет определить анализ его плана выражения. Как единица языка эмоция, безусловно, относится к абстрактному имени, концептуализирующему и категоризирующему реальность, в результате чего сема языковой единицы приобретает дополнительные характеристики, оформляющие семантическую завершенность и формально-содержательную целостность [\[12, с. 146\]](#). Важным этапом при анализе концепта «эмоция» представляется обращение к кросскультурным концептам. Исследование концептуальной картины мира осложняется фактом диффузности такой единицы языка, как эмоция, проявляющей семантическую близость с другими единицами языка. Эмоция представляет психическое состояние, которое возникает спонтанно, а не в результате сознательных усилий, и часто сопровождается физиологическими изменениями [\[19\]](#).

Рассмотри случаи употребления лексемы emotion, чтобы сформировать представление о семантической структуре одноименного концепта.

Aringarosa was surprised how little emotion he felt as he signed the document. The three

men present, however, seemed to sigh in relief. Арингароса удивился: подписывая документы, он не ощущал никаких эмоций. Зато сидевшие за столом трое мужчин явно испытывали облегчение. [Дэн Браун. Код да Винчи] ^[21]. В данном случае исследуемый концепт описывается как состояние, которое было чуждо человеку, подписывающему документацию. Автор акцентирует внимание на отсутствие каких-либо эмоций у одного из персонажей, что на фоне поведения других участников сцены является, скорее, чем-то исключительным.

Everywhere, hearts shuddered with spontaneous emotion. Во всех сердцах возникли одни и те же чувства. [Дэн Браун. Ангелы и демоны] ^[22]. В приведенном примере концепт emotion номинирует чувства, возникшие, как сказано, в сердцах. Довольно показательно, что в данном случае удастся лишь зарегистрировать наличие чувств, однако нет возможности их квалифицировать как положительно или отрицательно коннотированные, тем не менее мы располагаем отнесенностью эмоции к определенному пространству – области сердца.

I tire myself with such emotion. Надоели мне все эти переживания. [Эрнест Миллер Хемингуэй. По ком звонит колокол] ^[26]. Настоящий пример позволяет характеризовать концепт emotion как проявление отношения к реальности, которое надоедает и, соответственно, преподносится негативно окрашенным.

Such thoughts as these produced a new emotion in these torpid hearts as the young man entered. Так вот именно все эти свойства и породили то новое ощущение, которое расшевелило оледеневшие души, когда вошел молодой человек. [Оноре де Бальзак. Шагреневая кожа] ^[20]. Данный эпизод фиксирует за рассматриваемой языковой единицей способность к воздействию на оледеневшие души, т.е. пробуждать, выводить из привычного состояния. Концепт emotion в приведенном эпизоде номинирует некое новое ощущение, которое мотивирует процесс изменения душевного состояния собравшихся людей. Конкретный случай употребления позволяет выделить такой фрагмент семантического пространства лексемы, как мотиватор изменений состояния души.

When all of this lay unpacked on the bed the Baroness von Botzenheim could not restrain her tears for emotion. Когда баронесса фон Боценгейм увидела все это на постели Швейка, она не могла сдержать слез умиления. [Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка] ^[25]. Здесь ментальный образ концепта иллюстрирует реакцию на определенную жизненную ситуацию, репрезентируя внутренние переживания и фиксируя отношение к увиденному. Эмоция представляет собой явление, которое носит кратковременный характер, поэтому процесс восприятия определенного сюжета сопровождается темпоральной маркированностью через рефлексии эмоции.

Mrs. Brannigan and I want you to know how grateful we are. His voice was choked with emotion. Голос его дрожал от волнения. [Сидни Шелдон. Если наступит завтра] ^[30]. В данном случае лексема выступает как базовая единица, иллюстрирующая функционирование концепта emotion в качестве экспликата, оформляющего в данном случае поведение одного из персонажей. Эмоция вызывает дрожание голоса, свидетельствующего о волнении.

Vladimir Ivanich" All of Ochumelov's face suffuses with a soft smile of emotion as he makes the enquiry. " Good Lord, and I hadn't the faintest idea! Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, господа! А я и не

знал! [Антон Павлович Чехов. Хамелеон] [\[23\]](#). В настоящем случае употребление языковой единицы *emotion* констатирует реакцию одного из героев на встречу с другим персонажем. Примечательным является сопровождающая функция данного концепта, воплощенного в одноименной лексеме: фокус читателя сохраняется на диалоге, однако такая деталь, как улыбка умиления существенно проясняет характер отношений между коммуникантами.

Overcome with emotion, he buried his face in his napkin, and Professor McGonagall shooed them away. Переполняемый эмоциями, он зарылся лицом в салфетку, а профессор МакГонаголл погнала ребят спать. [Джоан К. Роулинг. Гарри Поттер и узник Азкабана] [\[29\]](#). Раскрытие смыслового потенциала единицы языка *emotion* дополняет сферу семантики значением проявления свойств некоего текучего или сыпучего вещества — переполнения, — что позволяет отнести данное употребление к организационно-структурному типу, предполагающему воплощение проективности одновременно в социальной, сознательной, бессознательной и индивидуальной сферах.

Van der Merwe had burned every emotion out of him except hate. He lived on that. Ван дер Мерв выжег, уничтожил в нем все чувства, кроме одного: ненависти. [Сидни Шелдон. Интриганка] [\[30\]](#). В приведенном эпизоде концепт «*emotion*» концептуально связан с явлением уничтожения, деструкции, оказывающем негативное воздействие на внутренний мир конкретной личности, представляющем антиценность и репрезентирующем агрессивное отношение. Отношение подобного рода свидетельствует о порочности и вредности воздействия, в результате которого эмоции оказываются объектом ликвидации, что приводит к нежелательным психологическим последствиям.

I was overcome with such excitement and emotion that I could hardly speak. Меня захлестнуло столь сильное волнение, что на время я потерял дар речи. [Кристофер Прист. Машина пространства] [\[28\]](#). Анализ представленного фрагмента регистрирует семантическое значение изучаемого концепта как состояние, в результате которого объект воздействия потерял дар речи. Настоящим случаем отмечается значение способности «захлестывать», которое можно сравнить с выражением «захлестнуло волной»; т.е. актуализация абстрактного имени имеет в контексте данного произведения характер, похожий на поведение водной стихии, что обусловлено поведением ассоциативных смыслов, переадресующих фокус внимания к полностью измененному состоянию личности по сравнению с исходным.

To me, acting is first and foremost intellect, and only after that, emotion. Для меня театр — это прежде всего разум, а уж потом чувство. [Колин Маккалоу. Поющие в терновнике] [\[27\]](#). Рассматриваемый случай употребления констатирует проявление значения лексемы *emotion* в качестве экспликации определенного фрагмента внутреннего мира индивидуума без уточнения рода или типа эмоции. Театр для персонажа литературного произведения служит местом, где сперва находит пищу интеллект, воспринимая сценическое действие через призму рационального осмысления, и лишь потом — с точки зрения чувств. Также в приведенном примере наблюдается оппозиция семантем чувство и разум. Такое противопоставление является вполне закономерным, поскольку специфика языковой категоризации направлена на воплощение пейоративного статуса концепта «*emotion*», реализующей номинативную стратегию в масштабе смысл-текст. Также в данном фрагменте лексическая единица *emotion* раскрывает собственную семантическую структуру как субстантивную и самодостаточную, сопровождаемую варьированием признаков в коннотативном и ценностном аспектах [\[18, с. 372\]](#). Употребление слова *emotion* в настоящем случае декларирует и факт значимости для

личности ценности посещения театра: во-первых, туда идут для интеллектуального обогащения, а уже потом для эстетической рефлексии увиденного на сцене.

He heard the man's voice, with the throb in it of emotion. Патрик говорил, и в голосе его звучало глубокое волнение. [Агата Кристи. Зло под солнцем] [\[24\]](#). Когнитивная структура концепта emotion фиксирует способность звучать. Данный признак свидетельствует о метафорическом переносе, при котором происходит оценка автором состояния говорящего (в данном случае находящегося в состоянии глубокого волнения). Исследуемая единица языка, как полисемантическая по своей структуре, в настоящем эпизоде иллюстрирует значение фиксации глубокого переживания, безразличного отношения к рефлекслируемому событию.

They give us, now and then, some of those luxurious sterile emotions that have a certain charm for the weak. Они (искусство и литература) только дают нам иногда блаженные, но пустые ощущения, которые тешат людей слабых. [Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея] [\[32\]](#). Осознание ценности эмоций в представленном фрагменте связано с характеристикой освоения культурного пространства, проецирующего совокупность представлений, с оценкой концептуализации внеязыковой реальности. Построение подобной ментальной схемы обусловлено референцией к определенной ситуации безотносительно языковой личности. Искусство и литература здесь определяются говорящим в качестве источника пустых ощущений, присущих слабым людям, по мнению персонажа. Концепт «emotion» транслирует отражение в сознании внутреннего состояния пустоты, т.е. приобретает ярко выраженный негативный оттенок, содержит сценарий употребления определенных сегментов культуры для удовлетворения эстетических потребностей носителей наивной интерпретации языковой картины мира.

Теперь рассмотрим случаи употребления концепта «эмоции» в русскоязычном словесном пространстве.

Оно (лицо — прим. Х.Ш.) отчетливо выражало две одинаково сильные эмоции — изумление и страх. [Вера Белоусова. Второй выстрел] [\[2\]](#). Настоящий пример характеризует репрезентант концепта «эмоции» как объект, способный располагать признаком интенсивности (сильные) и являющийся признаком поведения, состояния личности. Семантические компоненты лексемы эмоции в настоящем эпизоде обусловлены контекстом произведения, и информативностью, отраженной в структуре гипосемы, дифференциального значения. При этом смысловое пространство семантического деривата включает значение отнесенности эмоции к такой области тела, как лицо. Данный коррелят в большинстве случаев является маркером, идентифицирующим психологическое состояние человека.

В самой большой палате больничной — палате номер два, где между обедом и ужином ежедневно рассказывался кем-либо из больных гастрономический рассказ, во всяком случае, не для улучшения аппетита, а из-за потребности голодного человека в возбуждении пищевых эмоций, — в этой палате говорили только об исповеди тети Поли. [В.Т. Шаламов. Тетя Поля] [\[16\]](#). Пример, употребленный в данном произведении, иллюстрирует логико-семантический потенциал слова, атрибутированного прилагательным пищевые. Пищевые эмоции, как видится из контекста — совсем не одно и то же, что аппетит. Они представляют такой ментально-психологический феномен, ради которого осуществлялось чтение рассказов, следовательно, данное абстрактное языковое образование для актуализации в сознании индивидуума нуждается в акте инициации и не склонно к беспричинному возникновению [\[6, с. 171\]](#). Реализация

концепта «эмоции» здесь сопряжена с комплексом значений — реакций, впечатлений, переживаний и ощущений слушателей. Абстрактный характер семантического поля исследуемого концепта демонстрирует когнитивно-прагматическую зависимость от окружения словами-партнерами, высокий диапазон тропеического варьирования, нетипичный спектр вторичных смысловых признаков.

Отпускайте от себя что бы то ни было: плохое и хорошее, боль и радость, мысли и эмоции. [Роман Романов. *Vom saminho*, или Пилигримуши на Пути Святого Иакова]^[14]. Освоение концепта здесь иллюстрирует такой фрагмент полисемичности, как подчиненность некоему освобождению, выходу из сферы обладания индивидуумом. Автономная номинация получает развитие из операционального освоения концепта, регистрирующего назывной характер слова и его обращение к сущностям мира на уровне индивидуального или коллективного употребления ^[3, с. 214]. Любопытен в данном случае аспект включения лексемы эмоции в обобщающую группу *что бы то ни было*: в данном случае индуктивно-эмпирическое восприятие служит признаком отражения диалектически вероятностной природы мира. Семантическая структура лексемы содержит конкретный признак — функцию. Функционирование эмоции в пределах внутреннего мира индивидуума справедливо обозначить как маркирование полярных состояний внутреннего мира.

Богатая южная природа, с её чистым дыханием, сверкающими косами ручьёв, зелёным, усыпанным цветами одеянием и горделивым нравом, уже не вызывала в душе Никиты тех бурных эмоций, которые испытывал он, впервые очутившись на Кавказе. [Дмитрий Линчевский. *Враг*]^[9]. Прагматическая ценность концепта «эмоции» в приведенном фрагменте заключается в субкатегориальной спецификации семантической нагрузки в масштабе языковой единицы, где эмоции характеризуются признаком *бурные* и были вызваны ландшафтом окружающего мира. Модель семантической деривации в приведенном фрагменте демонстрирует реализацию значения результат восприятия: если в ранее описываемом сюжете первое знакомство героя с природой сопровождалось бурными эмоциями, то теперь этих эмоций не было. Воплощение семантико-деривационного потенциала концепта «эмоции» иллюстрирует яркую ассоциативную связь с феноменом восприятия красоты природы.

Гонор, эмоции чаще всего мешают педантичному исполнению служебных обязанностей. [Ольга Новикова. *Каждый убивал*]^[13]. Взгляд на проблему интерпретации рассматриваемого концепта позволяет говорить о переносном способе его употребления. В представленном примере эмоции выступают в линии повествования как некая помеха, часто препятствующая исполнению долга. Налицо использование репрезентанта концепта «эмоции» в метафорическо-оценочном ключе, сопровождаемого процессом уподобления материальному денотату. Аналогическое уподобление в данном случае лишено строгой привязки к гиперсеме, но вовлечено во взаимодействие с импликационной аурой ^[10, с. 137]. Прагматическая оценка признака свидетельствует о близкозначном переосмыслению объекта сравнения, сопровождаемого контаминацией предметных областей. Семантика помехи, на первый взгляд, не имеет предпосылок развития плана содержания в лексеме эмоции, тем не менее контекст создает условия для деятельностно обусловленного представления об эмотивной реакции как о физическом препятствии при движении (разумеется, сама метафора препятствия первично принадлежит к материальному миру и лишь в своем дисперсивном проявлении восходит к функционированию в ментальном пространстве).

Простая работа. Отключи все эмоции. Выкинь из головы все многолетние патетические

бредни про то, что ты ему перед этим скажешь. [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы] [15]. Психофизиологическое состояние в данном фрагменте сравнивается с неким прибором или устройством, который может быть деактивирован. Концепт «эмоции» обнаруживает признак пребывания в активном состоянии, и в состоянии выключенном, когда они сохраняются в памяти, но уже не являются одними из определяющих факторов при акте коммуникации. В этой связи следует признать, что имеет место соотношение вещи и признака, что декларирует наличие эпистемической составляющей [8, с. 346]. Исследуемый концепт формирует в сознании слушающего такой образ, которому могут быть приписаны определенные признаки, позволяющие высказаться о нем, оценить его статус.

Лебедкин, все еще трясясь от своих немалых эмоций, вылетел из зала. [Василий Аксенов. Таинственная страсть] [1]. Импликационал слова эмоции в данном случае предполагает связь с функцией атрибуции: эмоции служат причиной сильного возбуждения, в результате которого человека трясет. Также лексическая единица эмоции характеризуется прилагательным немалые, что позволяет говорить о ее восприятии сознанием агенса в качестве объекта, варьируемого по объему или размерам. Между концептом и словесным значением существует связь, реализуемая на уровне сознания, ее восприятие в качестве метафизической сущности, актуальной в постижении и осмыслении человеческой деятельности [7, с. 259]. Своеобразие семантики единицы языка эмоции обусловлено большой свободой в выборе способов ее интерпретации и выражения, в отсутствии жесткой детерминации относительно логической структуры концепта.

Таким образом, мировосприятие, присущее любому народу, невозможен без разветвленной системы описания действительности. Язык из поколения в поколение транслирует инварианты бытия, определяющие национально-специфические черты самосознания и систему культурных ценностей. Концепт «эмоции», безусловно, является одной из тех лингвокультурных и психолингвистических единиц, без которых невозможно полноценное понимание ни одной языковой картины мира. Теоретические положения когнитивного подхода позволяют говорить о соотнесенности рассматриваемого концепта не только с чувствами, но и с рассудком. Феномен употребления лексических средств, формирующих речевое поведение, регистрирует различную интерпретацию фактов внеязыковой действительности человеческим сознанием, в связи с чем наблюдается определенные различия в англо- и русскоязычном ментальном пространстве. Так, в английской языковой картине мира концепт «emotion» наблюдается реализация таких значений полисемантической структуры данного образования, как а) состояние, сопровождающее делопроизводственную процедуру; б) чувства, возникшие у группы лиц; в) реакция на происходящее, которая надоела; г) средство, способное мотивировать изменение душевного состояния; д) явление, репрезентирующее внутренние переживания; е) маркер поведения, характеризуемого глубокими переживаниями; ж) показатель отношения двух персонажей при встрече; з) свойство переполнения; и) объект, который может быть уничтожен; к) субстанция, способная захлестнуть; л) характеристика отношения к театральному искусству; м) переживание, имеющее степень глубины; н) состояние, атрибутируемое проявлением пустоты. В русскоязычном семантическом пространстве были отмечены следующие значения: а) признак поведения личности, варьируемый по интенсивности; б) морально-психологический феномен, несклонный к беспричинному возникновению; в) значение принадлежности конкретному лицу; г) результат восприятия; д) препятствие для исполнения служебных обязанностей; е) устройство, которое может быть выключено; ж)

показатель сильного возбуждения.

Библиография

1. Аксенов В. Таинственная страсть [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/63408-vasilij-aksenov-tainstvennaya-strast-roman-o-shestidesyatnikah-avtorskaya-versiya.html> (дата обращения: 15.06.2023).
2. Белоусова В. Второй выстрел [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.livelib.ru/book/1000741061-vtoroj-vystrel-sbornik-vera-belousova?ysclid=lj0mxghpc9102170650> (дата обращения: 15.06.2023).
3. Глебкин В.В. Лексическая семантика: культурно-исторический подход. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 256 с.
4. Доброхотов А.Л. Философия культуры. – М.: ИД ВШЭ, 2016. – 560 с.
5. Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 185 с.
6. Келле В.Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре. – М.: ИФРАН, 2011. – 218 с.
7. Кудишина А.А. Гуманизм – феномен современной культуры. – М.: Академический Проект, 2005. – 504 с.
8. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
9. Линчевский Д. Враг [Электронный ресурс]. – URL: <https://litbook.ru/article/2206/?ysclid=lj0yv3elb7591478139> (дата обращения: 15.06.2023).
10. Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 240 с.
11. Неретина С.С., Огурцов А.П., Мурзин Н.Н., Павлов-Пинус К.А. Апории дискурса. – М.: ИФ РАН, 2017. – 119 с.
12. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании: Спецкурс по общей и англ. Лексикологии. – Владимир: Владимир. гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского, 1974. – 222 с.
13. Новикова О. Каждый убивал [Электронный ресурс]. – URL: <https://libking.ru/books/det-/detective/1123541-olga-novikova-kazhdyj-ubival.html> (дата обращения: 15.06.2023).
14. Романов Р. Bom caminho, или Пилигримуши на Пути Святого Иакова [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/priklyucheniya/puteshestviya-i-geografiya/444327-roman-romanov-bom-caminho-ili-piligrimushi-na-puti-svyatogo-iaкова.html> (дата обращения: 15.06.2023).
15. Рубина Д. Белая голубка Кордовы [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/124715-dina-rubina-belaya-golubka-kordovy.html> (дата обращения: 15.06.2023).
16. Шаламов В.Т. Тетя Поля [Электронный ресурс]. – URL: <https://shalamov.ru/library/2/21.html> (дата обращения: 15.06.2023).
17. Шиляев К.С. Основные концепции когнитивной семантики. – Томск: Томский государственный университет, 2018. – 45 с.
18. Эванс В. Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) // Язык и мысль:

- Современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры. 2015. – С. 350-387.
19. American Heritage Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://ahdictionary.com/word/search.html?q=emotion> (дата обращения: 15.06.2023).
20. Balzac H. The magic skin [Электронный ресурс]. – URL: <https://genius.com/Honore-de-balzac-the-magic-skin-1-the-talisman-annotated> (дата обращения: 15.06.2023).
21. Brown D. The da Vinci code [Электронный ресурс]. – URL: <https://davincicode.bib.bz/chapter-41> (дата обращения: 15.06.2023).
22. Brown D.. Angels & Demons [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/triller/321683-den-braun-angels-demons.html> (дата обращения: 15.06.2023).
23. Chekhov A. The Chameleon [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pushkins-poems.com/Chekhov09.htm> (дата обращения: 15.06.2023).
24. Christie A. Evil Under the Sun [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/klassicheskij-detektiv/274829-agatha-christie-evil-under-the-sun.html> (дата обращения: 15.06.2023).
25. Hašek J. The good soldier Švejk [Электронный ресурс]. – URL: <https://books.openedition.org/ceur/1078> (дата обращения: 15.06.2023).
26. Hemingway E. For whom the bell tolls [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/304002-ernest-heminguej-for-whom-the-bell-tolls.html> (дата обращения: 15.06.2023).
27. McCullough C. The thorn birds [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/lyubovnye-romany/sovremennye-lyubovnye-romany/261542-colleen-mccullough-the-thorn-birds.html> (дата обращения: 15.06.2023).
28. Priest C. The space machine [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/book/Priest_Christopher/The_Space_Machine.html?ysclid=lj0mm22gu9649773240 (дата обращения: 15.06.2023).
29. Rowling J. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/priklyucheniya/detskie-priklyucheniya/4251-j-rowling-harry-potter-and-the-prisoner-of-azkaban.html> (дата обращения: 15.06.2023).
30. Sheldon S. If tomorrow comes [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/322783-sidney-sheldon-if-tomorrow-comes.html> (дата обращения: 15.06.2023).
31. Sheldon S. Master of the Game [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/klassicheskij-detektiv/40577-sidney-sheldon-master-of-the-game.html> (дата обращения: 15.06.2023).
32. Wilde O. The picture of Dorian Gray [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/14838-oscar-wilde-the-picture-of-dorian-gray.html> (дата обращения: 15.06.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Концепты «эмоция» и «emotion» в русской и английской языковых картинах мира», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к проведению

сравнительных исследований на материале русского и английского языков, а также данное направление является одним из приоритетных направлений современных лингвистических исследований является изучение соотношения мышления, языка и культуры, а также способов отражения реальности, характерных для того или иного народа. В рамках рецензируемой работы проведен сопоставительный структурно-семантический анализ концепта в английском и русском языках со значением «эмоция». Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Источником эмпирического материала послужили англоязычные художественные произведения, однако они относятся к разным эпохам и литературным направлениям, что не позволяет понять принципы данной выборки. Англоязычные примеры сопровождаются русским переводом, однако неясно, являются ли они авторской ли версии или взяты из переводных книг? Если последний вариант, то данные отсутствуют в библиографии. Библиография статьи насчитывает 32 источника, из которых теоретическими являются 17. Среди теоретических источников представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаю, что обращение к исследованиям на английском языке, несомненно, обогатило бы работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Статье есть технические опечатки, например, «Рассмотри случаи употребления» вместо «рассмотрим» и др.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, практике английского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества, а также теории русского языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Концепты «эмоция» и «emotion» в русской и английской языковых картинах мира» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гуркова А.В. — Лексические показатели преувеличения и преуменьшения времени английского языка (на материале художественных текстов) // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.43433 EDN: HIVJSP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43433

Лексические показатели преувеличения и преуменьшения времени английского языка (на материале художественных текстов)

Гуркова Анастасия Владимировна

преподаватель кафедры английского языка, ГОУ ВО МО Государственный гуманитарно-технологический университет, Орехово-Зуево

142600, Россия, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зелёная, 22

✉ avgurkova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.43433

EDN:

HIVJSP

Дата направления статьи в редакцию:

22-06-2023

Дата публикации:

29-06-2023

Аннотация: Предметом исследования является преувеличение и преуменьшение времени в современном английском художественном тексте. Объектом исследования являются существительные, которые выступают в качестве средства изображения гиперболизированного и преуменьшенного временного континуума. Автор подробно рассматривает семантику таких лексем, как *second, minute, moment, year, hour, day, age* и их изменения в рамках сочетаний с другими лексическими единицами, в ходе которых временные отрезки растягиваются или же сужаются. Особое внимание уделено наличию словарных и авторских словосочетаний в художественном тексте фантастического жанра, их количественному подсчету и анализу частотности использования. Новизна исследования заключается в поиске новых не словарных и авторских словосочетаний, которые способны отражать время с точки зрения его преувеличения и преуменьшения. Такое изображение времени влияет на описание героев, их поступков, характеристик не только мест, но и конкретных персонажей.

Особое течение времени в контексте художественного текста фантастического жанра обуславливается иным течением временного континуума. Основными выводами исследования является выявление высокой частотности использования несловарных словосочетаний для преувеличения и преуменьшения времени, а также изменение значения словарных словосочетаний, которые заключены в контекст диктемы, позволяющей расширить семантику предложенного словарного сочетания лексем.

Ключевые слова:

преувеличение времени, преуменьшение времени, лексема, существительное, диктема, контекст, гиперболизация, континуум, не словарные словосочетания, словарные словосочетания

Временной континуум является неотъемлемой частью художественного текста. Вопросом определения времени как категории занимались ученые различных областей: философии, лингвистики, языкознания, физики [1-8, 10-18]. «Лингвистическое время представляет собой сложную и многомерную категорию, которая включает в себя различные представления времени» [9, с. 122]. Говоря о времени с точки зрения его существования в тексте, стоит отметить, что его воплощение достигается как грамматическим, так и лексическим способами. «Слово способно хранить культурную память о прошлом, представляя, прежде всего, специфику этого прошлого» [15, с. 143]. Данная статья посвящена вопросу демонстрации временного пространства посредством употребления различных лексем в рамках современного английского художественного текста фантастического жанра, а именно его преувеличению и преуменьшению.

Существуют лексические единицы, которые семантически определяют тот или иной отрезок времени. Например:

Year - the period from 1 January to 31 December, that is 365 or 366 days, divided into 12 months [19].

К словарным словосочетаниям можно отнести: *every year, this year, next/last year, the following year, in the year, in... years, in previous years, in the past few years, all year round, during the whole year, years ago, years later, for many years, for the coming year*.

Рассмотрим использование лексемы *year* на примере английского художественного текста фантастического жанра.

*He – and he was quite definitely a he, there was no possible doubt about that – had been carved out of the turf **thousands of years before*** [20]. (Он – это определенно был он, в этом не было никаких сомнений – был вырезан из дерна тысячи лет назад. – Здесь и далее перевод автора).

Данный пример ярко показывает классическое употребление существительного *year* в качестве показателя временного промежутка в сочетании с числительным *thousands*, предлогом *of* и наречием *before*. В таком контексте использования лексема *year* является очевидной констатацией интервала времени, который отражен в контексте предложенного отрывка. Однако использование этой же лексемы в ином словосочетании может демонстрировать нарочитое преувеличение временного отрезка. Например:

Tiffany blinked away smoke and flames and shock. 'And how do you know so much about it,

please?' she said.

'I was there.'

'A thousand years ago?'

'Yes [\[20\]](#)*.*

(Тиффани сморгнула дым, пламя и шок. - Скажите, пожалуйста, откуда вы так много об этом знаете? - спросила она.

- Я был там.

- Тысячу лет назад?

- Да.)

Из предложенного отрывка мы видим, что словарное словосочетание может быть инструментом преувеличения временного континуума, а именно срока жизни, так как словосочетание *a thousand years ago* демонстрирует продолжительность существования персонажа.

Существительные, обозначающие заведомо достаточно большие временные промежутки, находят широкое применение в художественных текстах. Так существительное *century* (*a period of 100 years*), обладая такими словарными словосочетаниями, как *a century ago, a century after, for centuries, over the centuries, through the centuries, during the half of the century, the past/previous century, throughout the century*, достаточно часто используется как для демонстрации фактического времяисчисления, так и для преувеличения времени в целом. Обратимся к примерам.

*And here came the stench, trailing behind him and turning the daylight grey. It was like the bottom of a pond, where things had died and rotted **for centuries*** [\[20\]](#). (И тут появилась вонь, тянущаяся за ним по пятам и окрашивающая дневной свет в серый цвет. Это было похоже на дно пруда, где все умирало и гнило веками.)

Устойчивое выражение *for centuries* демонстрирует фактическое течение времени, на это указывает предлог *for* и существительное *centuries*. Подобное использование существительного достаточно частотное в художественном тексте, так как является прямым указанием на отрезки времени, способные описать точно тот или иной срок существования. Однако это же существительное может выступать в качестве средства преувеличения времени. Например:

*The loser will die. In his case, I regret to say we might see him again **in a few centuries**; in your case, I don't propose to guess* [\[20\]](#). (Проигравший умрет. В его случае, я с сожалением должен сказать, мы, возможно, увидим его снова через несколько столетий; в вашем случае я не собираюсь гадать.)

Сочетание существительного *centuries* и прилагательного *few* создает явное преувеличение континуума, так как мы видим, что словосочетание *in a few centuries* указывает на отрезок времени, через который мы сможем вновь увидеть героя. Такое использование указателей времени демонстрирует необходимость гиперболизированных промежутков для существования героев в рамках художественного текста фантастического жанра.

Следующее существительное, имеющее четкие границы точки зрения его семантики –

hour (60 minutes; one of the 24 parts that a day is divided into). Рассмотрим примеры словарных словосочетаний. К ним относятся: *an hour, about an hour, half an hour, hours a day, for an hour, in an hour, by the hour, per/an hour, within the hour, in less than an hour, hours away, hour after hour.*

Фактическая констатация времени может быть выражена посредством указания на конкретные промежутки. Например:

*It was past midnight – technically speaking, the witching hour. In real life **every hour** was a witching hour, but nevertheless the way the two hands on the clock stood straight up was slightly eerie* [20]. (Было уже за полночь – технически говоря, час ведьм. В реальной жизни каждый час был часом колдовства, но, тем не менее, то, как две стрелки на часах стояли прямо, было немного жутковато)

В вышеприведённом примере мы видим употребление существительного *hour* в качестве чёткого указателя на интервалы времени. Такие указатели времени представляют собой обязательную составляющую описания временного континуума английского художественного текста.

Иное использование лексемы *hour* может быть выражением гиперболизированного времени, которое направлено на описание свойств того или иного вещества, предмета, объекта. Рассмотрим пример:

*Some things were best left unspoken, such as the fact that the loss of lambs on the down where the Feegles lived was much less than it was in more distant parts of the Chalk, but on the other hand a few sheep would disappear; they would be the weak lambs or the very old ewes (Feegles liked old strong mutton, the kind that you could chew **for hours**) – the flocks were guarded, and guards took* [20]. (Некоторые вещи лучше было оставить невысказанными, например, тот факт, что потери ягнят на равнине, где жили Фиглы, были намного меньше, чем в более отдаленных частях Мелководья, но, с другой стороны, несколько овец исчезли бы; это были бы слабые ягнята или очень старые овцы (Фиглам нравилась старая крепкая баранина, такая, которую можно было жевать часами) – стада охранялись, и охранники брали.)

Представленный выше пример демонстрирует характеристику мяса через употребление гиперболизированного континуума. Существительное *hour* в сочетании с предлогом *for* глаголом *chew* создают словосочетание *chew for hours*, которое демонстрирует характеристику мяса, а именно его жесткость, через долгий процесс его пережевывания. Подобное употребление лексемы *hour* является весьма частотным.

Лексема *age* (*a very long time*) входит в состав следующих словарных словосочетаний: *take ages, for ages, ages ago*. Рассмотрим пример употребления данного существительного в английском художественном тексте.

*Well, there was the hiver. But he wasn't all that bad. And before that there was the Queen of the Fairies, but that was **ages ago*** [20]. (Что ж, там был улей. Но он был не так уж плох. А до этого была Королева фей, но это было давным-давно.)

Словосочетание *ages ago* состоит из существительного и наречия и является словарным. Более того, данное сочетание лексем достаточно часто встречается в английских художественных текстах для отождествления заведомо большого промежутка времени. Однако это же существительное может быть средством преувеличения времени. Например:

*Oh, no, old chap, you've got **ages** yet, you will be up and out of here in no time, lots of life left in you!* [20] (О, нет, старина, у тебя впереди еще целая вечность, ты встанешь и уйдешь отсюда в мгновение ока, в тебе еще много жизни!)

В рамках предложенного контекста мы видим словосочетание *have got ages yet*, состоящее из глагола *have got*, существительного *ages*, которое представлено в форме множественного числа, и наречия *yet*. Такое словосочетание является ярким примером гиперболизированного времени, направленного на описание возможностей, которые открыты перед героем. Именно такое сочетание слов с лексемой *ages* позволяет растянуть континуум.

Количественный анализ использования существительных в английском художественном тексте фантастического жанра, а именно «Платье цвета полуночи» Т.Пратчетта, показал следующие результаты:

Из диаграммы следует, что существительное *year* было использовано 60 раз, из которых 11 случаев использования представляют собой гиперболизацию времени, что составляет 61%. Лексема *century* в общей сложности встретилась 2 раза, один из которых демонстрирует преувеличенный временной отрезок (5%). Существительное *hour* – 18 случаев употребления, 5 из которых в качестве гиперболизированного континуума (28%). *Age* – 3 раза, 2 из которых являются примером явного преувеличения временного отрезка.

Помимо изображения гиперболизированного времени в художественного тексте достаточно распространено и преуменьшение временного континуума посредством использования определённых лексических единиц в рамках словарных и не словарных словосочетаний. Такими существительными могут выступать: *second moment*, *minute*.

Существительное *second* (*a unit for measuring time, there are 60 seconds in one minute*) представлено следующими словарными словосочетаниями: *over seconds*, *for... seconds*, *every... seconds*, *per second*, *few seconds*, *lasts... seconds*, *less than ...seconds*. Рассмотрим подробнее употребление данной лексики в рамках контекста на конкретных примерах.

*And with that she disappeared from view, and **after a few seconds** Tiffany, still straining to keep the book closed, heard a squeaking noise* [20]. (И с этими словами она исчезла из виду, а через несколько секунд Тиффани, все еще пытавшаяся удержать книгу закрытой, слышала скрип.)

Словосочетание *after a few seconds* является прямым указанием на конкретное время, через которое сменилось действие в рамках предложенного контекста. Стоит отметить, что *after a few seconds* – словарное словосочетание.

*All this was **the thought of a second**, and when she blinked, the witches were watching her* [20]. (Все это было мыслью секунды, и когда она моргнула, ведьмы наблюдали за ней.)

Словосочетание *the thought of a second* является авторским, так как такая сочетаемость не представлена в словаре. Подобное сочетание указывает на очень короткий промежуток времени, за которое происходит действие, а именно мыслительный процесс. Существительные *thought* и *second*, связанные посредством предлога *of* демонстрируют преуменьшение континуума при помощи лексической сочетаемости.

Следующее существительное – *moment (a very short period of time)* – включает в себя следующие словарные словосочетания: *wait a moment, one moment, for a moment, for one brief moment, in a moment, have got a moment, take a moment., moments later*. В отличие от всех предыдущих лексем, *moment* не имеет такие точные границы, которые могут быть выражены в числовом эквиваленте как *minute, day, hour, year*, однако все же обозначает наименьшую часть времени и может быть использовано для изображения быстрой смены событий. Например:

*Can you keep it occupied for a while? I won't be **a moment*** [20]. (Не могли бы вы занять его на некоторое время? Я ненадолго.)

Существительное *moment* обозначает недолгий промежуток, который будет отсутствовать героиня произведения. Выражение является словарным и прямо указывает на наименьший временной отрезок.

Иное употребление лексики *moment* может продемонстрировать дополнительные характеристики происходящих действий в рамках предложенной диктемы. Например:

*The important thing was not to give him any time to think, **even for one moment**, as she towed him behind her like a sack* [20]. (Важно было не дать ему времени на раздумья, даже на одно мгновение, пока она тащила его за собой, как мешок.)

В предложенном контексте существительное *moment* является частью не словарного словосочетания *even for one moment*. Нарочитое преуменьшение времени в данной диктеме усиливает важность происходящих действий. Именно преуменьшение *moment*, употреблённое в форме единственного числа, указывает на это, так как оно сочетается с лексемой *even*. Ещё более сжатым делает отрезок числительное *one*.

Лексема *minute (each of the 60 parts of an hour, that are equal to 60 seconds)* включает в себя какие словарные словосочетания, как *minutes to, minutes past, minutes after/before, in... minutes, for... minute, within minutes, per minute, minutes later, every minute of, take minutes, just minutes*, и также является способом изображения преуменьшенного времени.

Обычное употребление существительного *minute* обозначает весьма короткий промежуток времени, чаще всего очень конкретный. Для такого изображения временного отрезка чаще всего используются словарные словосочетания. Например:

*Tiffany spent several **minutes** of heavy scrubbing before she had a cup she'd care to drink*

from, and even then something was rattling inside the kettle [20]. (Тиффани потратила несколько минут на тщательное мытье посуды, прежде чем у нее появилась чашка, из которой она захотела бы пить, и даже тогда внутри чайника что-то дребезжало.)

В предложенном контексте отрезок вполне ограничен лексическим значением существительного *minute*, более конкретным его делает лексема *several*. Таким образом словосочетание *severalminutes* не является преуменьшением времени, а представляет собой его констатацию.

Демонстрация наименее коротких временных отрезков может достигаться посредством сочетания лексемы *minutes* с другими частями речи. Например:

*Tiffany stared down at the man's boots. They gleamed in the sunlight, and that was wrong. She had been standing in the dust of the road for **only a few minutes** and her boots were grey* [20]. (Тиффани уставилась на ботинки мужчины. Они блестели на солнце, и это было неправильно. Она простояла в дорожной пыли всего несколько минут, и ее ботинки были серыми.)

Не словарное словосочетание *only a few minutes* является нарочитым преуменьшением временного континуума, что достигается при помощи употребления лексемы *only*, которая усиливает не только степень загрязнения ботинок героини, то и сокращает время, за которое произошло то самое загрязнение до минимума. Таким образом, мы не можем точной цифрой обозначить количество минут, но понимаем, что данное действие произошло максимально быстро. Именно такой эффект достигается посредством сочетания различных лексем с существительным *minute*.

Обратимся к количественному анализу лексем *second*, *moment*, *minute*.

Из диаграммы следует, что существительное *moment* было использовано 99 раз, из которых 31 случаев использования представляют собой преуменьшение времени, что составляет 62%. Лексема *second* в общей сложности встретилась 23 раза, 10 из которых демонстрируют преуменьшенный временной отрезок (20%). Существительное *minute* – 19 случаев употребления, 9 из которых в качестве преуменьшенного континуума (18%).

Лексемы, обозначающие временной континуум, являясь частью словарных и авторских словосочетаний, могут как преувеличивать, так и преуменьшать временные промежутки. Высокая частотность употребления лексем с точки зрения искажения времени в большую или меньшую степень отмечена у *moment* и *year*. Будучи частью словосочетания,

представленные лексемы способны как растягивать, так и сужать временные промежутки.

Библиография

1. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 160 с.
2. Блох М.Я. Вопросы изучения грамматического строя языка. – М., 1976.
3. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. – №4. С. 56–67.
4. Бруннер К. История английского языка. М.: Изд. ЛКИ, 2010. 720 с.
5. Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во литер. на иностр. яз., 1960. 399 с.
6. Гайденок П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
7. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка: Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 122–130.
8. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Ч. I. М.: Искусство, 1972. 318 с.
9. Гуркова А.В. Категория художественного времени // Казанская наука. – 2021. – № 5. – С. 63–65. – EDN ZEQJFV.
10. Жигадло В. Н. Современный английский язык: теоретический курс грамматики. М.: Литература на иностр. яз., 1956. 349 с.
11. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961. 199 с.
12. Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1958. 418 с.
13. Кошечая И. Г. Проблемы языкознания и теории английского языка. Грамматический строй современного английского языка: теоретический курс. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 178 с.
14. Кошечая И. Г., Свиридова Л. К. Грамматические структуры и категории английского языка: теоретический курс. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 192 с.
15. Попова, Л. Г. О сущности и возможностях установления культурной памяти слов (сопоставительный аспект) / Л. Г. Попова, В. О. Егорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9-1(51). – С. 143–145. – EDN UCNFLX.
16. Расторгуева Т. А. Очерки по исторической грамматике английского языка. М.: ЛИБРОКОМ, 2008. 168 с.
17. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: МГУ им. Ломоносова, 1959. 350 с.
18. Ярцева В. Н. История морфологии английского языка. М.: Изд-во академии наук СССР, 1960. 250 с.
19. Oxford dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 20.06.2023).
20. Pratchett T., (2017). I shall wear a midnight. London, England: Transworl.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лексические показатели преувеличения и преуменьшения времени английского языка (на материале художественных текстов)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенности репрезентации временного континуума в художественных произведениях, вопроса, которым занимались многие лингвисты и литературоведы.

Данная статья посвящена вопросу демонстрации временного пространства посредством употребления различных лексем в рамках современного английского художественного текста фантастического жанра, а именно его преувеличению и преуменьшению.

Исследование выполнено в русле языковедческой стилистики, опирается на теории отечественных научных школ. Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на английском языке. К сожалению, автор не приводит точного описания объема отобранного для исследования корпуса и методов его обработки. В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе концептуальный анализ, семантический анализ и контент-анализ. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Выводы, представленные автором, не отображают проведенной работы и не подводят итога исследования и его дальнейших перспектив.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском, языке. Считаем, что обращения к трудам зарубежных ученых, несомненно, обогатило бы работу.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Часть материала представлены в виде диаграмм, что облегчает понимание текста читателем.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания лингвистических дисциплин на языковых факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лексические показатели преувеличения и преуменьшения времени английского языка (на материале художественных текстов)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Aouati S., Boulberhane M., Saad H., Ahmad Mahmood M., Hezla L. — From Transition to Transformation: Liminality, Mask, and Identity in R. J. Palacio «Wonder» // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.38217 EDN:

KUYBWW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38217

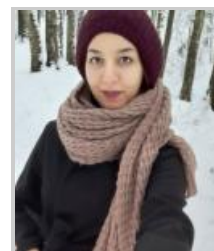
From Transition to Transformation: Liminality, Mask, and Identity in R. J. Palacio «Wonder» / От перехода к трансформации: ограниченность, маска и идентичность в «Чуде» Р. Дж. Паласио

Авати Сомиа

аспирант, кафедра филологии, департамент русской и иностранной литературы, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ aouati.somia@gmail.com

Большеран Мона

аспирант, кафедра филологии, департамент русской и иностранной литературы, Российский университет дружбы народов

117190, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ mounaboulberhane9@gmail.com

Саад Хайдер Луаби

аспирант, кафедра филологии, департамент русской и иностранной литературы, Российский университет дружбы народов

117190, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ halzamily@uowasit.edu.iq

Махмуд Ахмад Махмуд

аспирант, кафедра филологии, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ ab.mahmood55@gmail.com

Хезла Лукман

аспирант, кафедра техноферной безопасности, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ lokmanehzla@gmail.com

[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.38217

EDN:

KUYBWW

Дата направления статьи в редакцию:

06-06-2022

Дата публикации:

04-07-2023

Аннотация: В статье исследуется отделение главного героя Августа Пуллмана в романе «Чудо», написанном Р.Дж.Паласио, от его предыдущего мира, который является его домом, и реинтеграция в его общество. Это исследование выполнено в русле литературной критики. Она посвящена прослеживанию функций лиминальности и психологического развития в вымышленном постмодернистском романе "Чудо". Как и почти все постмодернистские детские романы, «Чудо» в основном вращается вокруг смены личности главного героя и проливает свет на нее. Используя психоаналитический подход и теорию Карла Юнга об интроверсии и экстраверсии, в статье анализируется, как Августу удастся преодолеть разрыв между тем, каким человеком он себя чувствует, и тем, каким его видит остальной мир. В ней изображено его путешествие в поисках своей настоящей личности. Новизна данного исследования заключается в использовании концепции лиминальности, взаимосвязанной с психоаналитической теорией, при изучении романа. Цель статьи - изобразить путешествие героя, переступающего порог в поисках социального признания. Кроме того, в романе показано развитие личности героя от интроверта к ребенку-экстраверту. Результаты исследования показывают, что роман является примером ограниченности и интроверсии/экстраверсии посредством применения антропологической концепции ритуалов перехода и ограниченности параллельно с использованием теоретического подхода К.Г. Юнга к психоанализу интроверсии и экстраверсии. В конечном счете, личность главного героя развивается на протяжении всей истории параллельно с его реинтеграцией в свое общество.

Ключевые слова:

обряды посвящения, лиминальность, порог, экстраверт, интроверт, идентичность, маска, Carl Jung, Turner, Van Gennep

Introduction:

Relevance of the study. Wonder (2014) is one of R. J. Palacio's noticeable novels that shed light on the theme of "Coming of Age" in the liminal phase. Since the protagonist, Auggie, is only around ten and eleven years old, "Arriving at Adolescence" would be a more accurate definition of this particular work [\[1, p. 34\]](#). Despite not quite being adult yet, the hero is going through a significant change from childhood to adolescence. This transgression is depicted in Auggie's shift from the extremely warm, safe shell of his family to the cruel

hallways of middle school.

The concept of liminality and thresholds has been a theme of discussion in contemporary children's literature. This threshold denotes the moment in children's literature when a character is confronted with a situation (when in the liminal state) where he must decide whether to advance to a new threshold or reintegrate to a familiar location. This concept in children's literature is well explained in the article written by Jill May entitled *Theory and Textual Interpretation: Children's Literature and Literary Criticism*. In this article, May described the various methods of crossing thresholds stating "the common motif found in children's literature – including gates, doors, roads, tones of light and dark signify thresholds of experience and imply social change for the real and literary child" [2, p. 83]. Usually crossing the threshold is accompanied with a type of change and liminality "is such a concept—a prism through which to understand transformations" [3, p. 1]. the concept of liminality is frequently used in literature, most prominently when characters develop, evolve, and discover new things about themselves or their surroundings. Based on the background above, the aim of this research is to investigate the three phases of the Rites of passage by depicting the separation of the protagonist from his previous world (home); surviving in liminality, then his successful reintegration in society.

On the other hand, the development psychology of man's life stages has repeatedly examined adolescence and adulthood. Psychological concepts like initiation, identity change, and developmental crisis all overlap in descriptions of various life phases [4, p. 95]. Out of all the stages of human existence, in children's literature, the two stages of adulthood that are most popular among readers are adolescence and initiation. "Rites of passage accompany changes that occur in the lives of individuals" [4, p. 95]. Thus, this research investigates and discusses the psychological changes that accompany crossing the three phases of rites of passage that the protagonist witnessed throughout the novel. In this sense, this article aims to integrate the Rites of Passage structure proposed by Arnold van Gennep and Victor Turner with psychological theory of introversion and extroversion introduced by Carl Jung.

Research objectives: This article intends to study the structure of the Rites of passage, with paying close attention to second phase of liminality. Also, it traces in parallel the psychological transformation while crossing the three phases of the rites of passage. Furthermore, the study investigates school as liminal place. Plus, it explores the idea of the mask as a motif that emphasizes liminality and implies psychological transformation from introversion to extroversion.

Methods. In order to explore these tasks, the theory of Rites of Passage is applied—particularly the concept of liminality as defined by Arnold van Gennep and Victor Turner—to the psychological theory of extroversion and introversion that is conducted by the psychoanalyst Carl Jung.

Research materials. Fundamental literary works of considerable writers, which are devoted to the study of liminality and psychology, have been used to achieve this study (Anfara, 2015; Armstrong, 2012; Cain, Segnini, Langley, 2012; Tzanelli, 2014; Eldiasy, 2020. Horvath, 2018).

Practical significance. Discussing how crossing phases of Rites of Passage is accompanied with psychological change in the novel of Wonder. The article contributes to children's literature criticism, in the sense that it sheds light on children's anthropological and psychological development in parallel.

Since the study is made in the lence of literary criticism, research materials can be used in different academic spheres. Also, the acquired results can be used in anthropological studies, psychoanalytical criticism. It benefits scientists in the literary field and future young researchers of English literature.

Discussion of the results:

The concept of "Rites of Passage" appeared for the first time in the book written by the French anthropologist Arnold Van Gennep "Les rites de passage" (1909). Van Gennep states three main stages of the rites of passage: "pre-liminal, liminal, and post-liminal" [5, p. 21]. Influenced by Gennep's theory, Victor Turner, the British cultural anthropologist, popularized the second phase of liminality in his essay: "Between and Betwixt: The Liminal Period in Rites of Passage" (1967). According to Turner, individuals crossing the threshold "find themselves thrust into what is known as the liminal space — the 'precarious in-between' place that bridges 'what is' and 'what can or will be'" [6, p. 159]. As an analytical tool, liminality implies a threshold between two areas, an anteroom separate from that of "which could be said to be definitely inside or outside, here and there. The term ambiguity literally refers to 'both ways', and one who is located in the space of the liminal must be ever at tuned to the presence of adverse or conflicting possibilities" [7, p. 13]. This article investigates the protagonist crossing the phase of liminality in the novel *Wonder* (2012) written by R. J. Palacio. Psychologically speaking, wonder is a Bildungsrom a novel, which is a novel that "focuses on the development of a character moving from childhood to maturity" [8, p. 53]. Also, it is defined as "a novel about the moral and psychological growth of the main character" [9, p. 26]. This study depicts the protagonist's development of personality from an introvert to an extrovert throughout the novel.

According to McCallum, "The consciousness or identity formation is an ongoing process, shaped through dialogue with society, language, culture, and is subject to rapid and radical changes" [10, p. 3]. *Wonder* (2012) is about a ten-year-old boy, who is going to witness a drastic, social, and psychological change by going to school for the first time in his life. Since his birth, August Pullman, nicknamed Auggie, suffers from a genetic disorder (craniofacial) that caused him a facial deformity. Because "of all the surgeries [he has] had. Twenty-seven since [he] was born" [11, p. 4]. Auggie has never been to school before; instead he was home-schooled by his mother.

Despite the deformity, Auggie considers himself a normal kid. However, for his parents, he is "extraordinary" [11, p. 3]. It is common that Parents of disabled kids possess specific characteristics like "[h]ostility, denial, grief, guilt, defense mechanisms of all types, and a positive goal of acceptance" [12, p. 381]. His sister Via considers him as "[...]the Sun. Me and Mom and Dad are planets orbiting the Sun. The rest of our family and friends are asteroids and comets floating around the planets orbiting the Sun" [11, p. 82]. Overprotected and over loved is how Auggie has been living. However, his parents realize that their child is growing and they "can't keep protecting him" [11, p. 10] anymore. So, they decided to send him to an ordinary school, marking the seperation of Auggie's past life. In anthropology, the term "Rite of Passage" was coined "to encapsulate rituals that symbolize the transition of an individual or a group from one status to another" [13, p. 3932]. According to

Thomas Armstrong, "the concept of rites of passage is a useful one in comprehending the broad picture of the human life cycle. It helps articulate the underlying psychological forces,

and the overt socio-cultural forces, that help an individual make the transition from one stage of development to the next" [14, p. 7]. Besides, it represents the "ceremonies that mark personal or collective changes of identity" [13, p. 3932]. Van Gennep identified three main phases, which are in the following sequence: "(1) separation, (2) a transitional period with gradual removal of barriers, and (3) reintegration into ordinary life" [5, p. 44]. The first phase, or the spatial isolation of separate group or individual, according to Van Gennep, is one of the characteristic of social structure [5: 192]. In the preliminal rite, the participant experiences a "separation from previous surroundings" [5, p. 20]. Auggie is on the edge of separation, even though sending him to school, after all these year, is like "sending a lamb to the slaughter[...]not knowing that something unpleasant is going to happen" [11, p. 43]. However, Auggie requires more than his mother's teaching.

Auggie has nothing against going to school, on the contrary, he wants "to go to school, but only if [he] could be like every other kid going to school" [11, p. 4]. He is just afraid to be judged and rejected from the other kids in school, as he has always been in society. "YA literature abounds with novels that address identity as a literary theme" [15, p. 2], and *Wonder* is no exception. Because of his facial deformity, Auggie is suffering physically and emotionally to accept himself and make others accept him as well. "Self-acceptance can be a hard-fought battle for many teens and YA characters. Their circumstances at home, school, or in certain relationships can make it difficult for them to share their traumatic pasts [...]. Protagonists who suffer from depression, social anxiety, and other mental health disorders may also isolate themselves for fear of rejection despite their craving for connection" [15, p. 4]. His deformity lies at the heart of his self-identification, however, Auggie is aware that "ordinary kids don't make other ordinary kids run away screaming in playgrounds. [He knows that] ordinary kids don't get stared at wherever they go" [15, p. 1]. Eventually, he could not confront this inconsolable grief and dull suffering, and he ended up completely isolated.

In the preliminal phase, Auggie's personality is characterized with internalizing issues such as: shyness, sadness, and introversion; in addition to externalizing issues such as: fits of rage and little disruptive behavior. In his *Personality Types* (1921), C.G.Jung, the German psychologist, formulates his famous theory of extraversion and introversion: "Introversion or extraversion, as a typical attitude, means an essential bias which conditions the whole psychic process, establishes the habitual mode of reaction, and thus determines not only the style of behaviour but also the quality of subjective experience" [16, p. 508]. Jung makes a distinction between introvert and extravert as "less impassioned and more active" type describes the extravert, and the "more impassioned and less

active" type the introvert" [16, p. 158]. The introvert possesses specific distinguishing features concerning his overall attitude, personal relationships, and even the course of his life. Moreover, Jung claims that "[A] tense attitude is in general characteristic of the introvert" [16, p. 268], which definitely applies to Auggie. Generally, "[T]he introvert shuts himself up with his complexes until he ends in complete isolation" [16, p. 524]. Auggie isolates himself from the outside world, because he is battling a relentless emotions of inferiority to other kids, and this "feeling of inferiority that is characteristic of the introvert" [16, p. 84]. "The great inner uneasiness inspired in man by the phenomena of the external world" [16, p. 273] is nothing other than the introvert's fear of all stimuli and change, occasioned by his deeper sensitivity and powers of realization. His abstractions serve the

avowed purpose of confining the irregular and changeable within fixed limits. Not only Auggie is petrified to quit his "former identities" [11, p. 3932]; even his mom "seemed more scared than [he] was" [11, p. 23].

Going to school means that, Auggie crosses the liminal phase hoping for social change and acceptance. Le Tourneau explains how difficult and challenging this period of transition is, because of the pressure of responsibility, and seeking for freedom and respect is getting higher. However, "at the heart of this transition stage between childhood and adulthood lies an existential dilemma: figuring out who you are" [15, p. 1]. "Murphy and his colleagues have suggested that, the study of ritual provides a powerful metaphor for the study of the status of persons with disabilities" [17, p. 235]. These disabled may usefully be described as living in a liminal state, in Victor Turner's words, "betwixt and between the positions assigned and arrayed by law, custom, convention, and ceremonial" [6, p. 95]. As a result, the disabled is trapped in a situation of transition between social emergence and isolation. Auggie feels "liminal" and rejected from the official social system until he proves himself capable of acceptance. For the ritual participant, the liminal period is characterized with ambiguity. Turner considers "liminality as centred on the idea of the threshold and the enactment of rites that offer the possibility of passage from anxiety to social integration and even to domestic perfection" [7, p. 72].

School is a "purposeful social cooperation" [18, p. 92]. Giroux claims that "School culture is really a battleground on which meanings are defined, knowledge is legitimated, and futures are sometimes created and destroyed" [19, p. 133]. It is a foreign place, a dislocation which creates a sense of the liminal, a mental state of confusion and disorientation that is both uncomfortable and productive. Grimes referred to this social state as one of "social limbo" [20, p. 149]. Schools prepare kids for life by teaching them what occurs when rules are broken. They can learn about the "risks" of questioning what the school (and society) values. The consequences of one's actions and struggles during this transition time may not be as serious or harmful as they would be in the actual world.

These teachings are carried over into adulthood. In fact, as Miron and Lauria points out that, students may obtain the most valuable information of all, and most importantly they obtain "self-knowledge and knowledge of social identity" [21, p. 4].

Those who are in a liminal state, according to Turner, are referred to as "threshold people" [6, p. 95]. The title of a "student", economically speaking, indicates marginality, until he is able to embrace his social status and position [22, p. 198]. When a student's formal education is accomplished, he or she is expected to be capable of contributing to society. Sergiovanni noted, in his recent book, that schools are "'special places' that stand between the subjective and protective environment of the family and the objective and exposed environment of the outside world" [23, p. Xii]. Features like Safety, nurturing, and caring can characterise Sergiovanni's "special place". He rather compares school to 'community' than to consider it as an organization. The placement of school between the subjective and objective worlds has been referred to as "betwixt and between" in anthropological literature [24, p. 2]. Thus, school can be referred to as a liminal place, and a period that occurs between the end of childhood and the start of adulthood.

Anfara claims that "where I would find the most evidence of student resistance I would also find the most evidence of liminality" [24, p. 7]. Palacio portrays to what extent Auggie's

experience was not easy at school, and how hard he endures and workstoprovetoothersthatheis anormalkid. Auggie is rejected from almost all the kids in school: "Kids came in laughing and talking in little groups but I didn't look up. Basically, the same thing that happened in homeroom happened again: no one sat next to me except for Jack" [11, p. 53]. He even receives notes which say: "Freak! And another that said: Get out of our school, or!" [11, p. 212]. They even consider him as a 'plague' and feared to come across him to the extent that if anyone "who accidentally touches August has only thirty seconds to wash their hands or find hand sanitizer before they catch the Plague" [11, p. 127]. Even more, he was deceived by the only person who thought he was his only friend "Jack". He heard him talking badly behind his back saying that: "I can't imagine looking in the mirror every day and seeing myself like that. It would be too awful. And getting stared at all the time" [11, p. 85]. However, Auggie proves how smart and serious student he is, despite his deformity and suffering. This phase gives the opportunity to expand his knowledge in different classes like: "English, history, computer, music, and science" [11, p. 71]. For a boy who has never to school before, he could help other kids with their home works and different projects. Jack says that: "I was doing okay in science because August sat next to me and always let me copy his notes. August has the neatest handwriting of anybody I've ever seen" [11, p. 157].

Auggie experienced an intensified isolation, and he yearns for privacy and equality. He declares that: "If I found a magic lamp and I could have one wish, I would wish that I had a normal face that no one ever noticed at all. I would wish that I could walk down the street without people seeing me and then doing that look-away thing" [11, p. 3].

In *Wonder*, Auggie's isolation is manifested through the repeated motif of the mask. The Japanese word for "mask" is *kamen*, which is composed of two characters; "ka meaning" temporary, "or" provisional, "and men meaning" surface, "front" or "face" [20, p. 67]. The use of the mask depends on the situation. However, simply meaning, it is meant for "disguise", and "to protect against thinking too hard about how others think of us" [25, p. 16]. The mask Auggie puts is the one "dictated by fears and insecurities, which suffocate and weight on the human being" [26, p. 3]. Since Auggie cannot change the way he looks, he tries to hide his face by wearing an astronaut helmet almost all the time: "When I was little, I used to wear an astronaut helmet everywhere I went. To the playground. To the supermarket. To pick Via up from school. Even in the middle of summer, though it was so hot my face would sweat. I think I wore it for a couple of years" [11, p. 73]. Auggie is not aiming at hiding who he is. Rather, his story is about the struggle to accept himself and make other accept him as well. The mask for him veils his face and exposed the real identity, which justifies his love for all events and holidays that require masks and costumes. They put him on the same level with others: "I get to go around like every other kid with a mask and nobody thinks I look weird" [11, p. 73]. "Costumes are liberating. [...] Anonymity makes people act differently or more extremely than usual. It creates disinhibition" [27: 62-63]. Auggie only dares to stand tall and risk being seen while hiding: "Everything was different now. I was different. Where I usually walked with my head down, trying to avoid being seen, today I walked with my head up, looking around. I wanted to be seen" [11, p. 76]. He feels free from all social rules, shame, and insecurities; in addition, social pressure is easily endured.

The mask, like any uncanny phenomenon, represents in relationship to the self both familiarity and strangeness [28, p. 24]. While people didn't stare at Auggie, they also didn't speak to him. Auggie cannot wear a mask all the time to school; he tries to find another

way to cover his face by growing his hair: "Why is your hair so long?" Julian said to me. He sounded like he was annoyed" [11, p. 36]. Auggie gives the answer that "One of the reasons I grew my hair long last year was that I like how my bangs cover my eyes: it helps me block out things I don't want to see" [11, p. 2]. These masks effectively cut Auggie off from the rest of the world as if he is in space. Auggie finds himself wondering between two different worlds and identities. His liminality is highly emphasized; being partly isolated and partly integrated, which is somehow problematic. Stern states that, "To translate man back into nature is, he says, to attack the masks that we naturally wear, the masks which we hide behind and which afford us protection and security" [25, p. 20]. In Star Wars, Padawan's cut their

braids off when they became actual Jedi knights. Eventually, Auggie decides to cut his braid off: "That night I cut off the little braid on the back of my head. [...] 'That took [...] years to grow!'" [11, p. 65]. In fact, what is called "the sacrifice of the hair" includes two distinct operations: cutting the hair, and dedicating, consecrating, or sacrificing it. To cut the hair is to separate oneself from the previous world" [5, p. 166]. This incident implies that Auggie does not want to stay in the liminal.

Auggie's personality is developing throughout the novel. Jung states that "If the social function of the introvert concentrates mainly on individuals, it is usually true that the extravert promotes the life of the community, which also has a right to exist. For this extraversion is needed, because it is first and foremost the bridge to one's neighbor" [16, p. 168]. He, also, adds that, "the extravert appears more mobile, more full of life and activity" [16, p. 158]. Auggie's extroversion is emphasized in the text. "[T]he archetypal extrovert prefers action to contemplation, risk taking to heed-taking, certainty to doubt. He favors quick decisions, even at the risk of being wrong" [29, p. 17]. Auggie became a risk taker: first, when he decided to go to the camp; it was the first time in his life that he travels without his family and sleeps outside the house. And Second, when he disobeyed the principal's orders and decided to take a walk in the dark away from the camp. In this incident, Auggie puts himself into risk when he had a fight with older kids from other school. However, it marked the beginning for Auggie's acceptance and integration; kids from his school defended him like he was their best friend: "Amos, Henry, and Miles---protected me [...] I was different to them. It was like I was one of them" [11, p. 282].

Conclusion:

Wonder by R.J. Palacio proves to be an instance of Arnold van Gennep Rites of Passage and Victor Turner's liminality. The protagonist separated from his old world, which is his home in the novel, where he was completely isolated. This separation represents the pre-liminal phase in van Gennep rites. After the separation, August enters the transitional phase where he tried to survive both psychological and environmental conflicts. The threshold space between permanent phases is represented by liminality. School in the novel proves to be a liminal place where the possibility of societal and self-transformation is provided. However, it represents an ambiguous place for Auggie who has never been to school in his life. **As a result of this study;** Crossing this threshold embraces significant challenge, it also presents a significant potential for growth and transformation. While experiencing liminality, what is first taken as certain, is challenged and thrown into doubt. However these doubts free and open doors for different possibilities and opportunities. Liminal people have a distinctive way of mobility in the world: the flexibility to travel beyond social boundaries. Auggie is

successfully reintegrated in to society through a separation from the sacred transitory phase. After a long struggle to fit in school, Auggie eventually is reintegrated into society after a long period of intensified isolation. This physical ritual: pre-liminal, liminal, and post liminality is accompanied with a psychological transformation. The pre- liminal phase that the hero witnessed is characterized with introverted identity. The liminal phase is characterized by ambiguity, uncertainty and intensified isolation; where the hero tried to isolate himself using different ways in order to mask his face. Getting rid of all kind of masks symbolizes reintegration or the post-liminal that is characterized with extroversion. The protagonist did not only separate from his old world but also from his old identity as being an introverted insecure kid and integrated in society with a whole new confident extroverted identity. Crucial questions needed to get answers. **The prospects for further research:** This research opens the door for further researches to focus on the criticism of children's liminality and the changes that accompany this phase not only in American postmodern novels, but also in the field of comparative literature in order to compare the changes between different world's postmodern literatures.

Библиография

1. Eldiasty, A. A.. Towards extraversion: A psychoanalytical reading of the disabled in R. J. Palacio's wonder. CDELT Occasional Papers in the Development of English Education, 69(1), 2020. pp. 31–51. <https://doi.org/10.21608/opde.2020.145607>
2. May P. Jill. Theory and Textual Interpretation: Children's Literature and Literary Criticism. The Journal of the Midwest Modern Language Association, Vol. 30, No. 1/2, Borders 1997, pp. 81-96.
3. Horvath, Agnes, et al., editors. Breaking Boundaries: Varieties of Liminality. 1st ed., Berghahn Books, 2018, pp. 1. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qcxbg>.
4. Jaskulska, S. The liminality of adolescence. becoming an adult from the point of view of the theory of the rite of passage. Intcess 15, 2nd International Conference on Education and Social Sciences Abstracts & Proceedings; Ed. Ferit USLU. 2015, pp. 95. https://www.academia.edu/12161466/THE_LIMINALITY_OF_ADOLESCENCE_BECOMING_AN_ADULT_FROM_THE_POINT_OF_VIEW_OF_THE_THEORY_OF_THE_RITE_OF_PASSAGE
5. Van Gennep A. The Rites of Passage // M. B. Vizedom, G. L. Caffee; Chicago: The University of Chicago Press, 1960, pp. 208.
6. Turner V. Ritual Process: Structure and Anti-Structure. New York, Cornell University Press, 1966, pp. 55-159.
7. Downey D., Kinane I., Parker E. In Landscapes of liminality: Between space and place. Essay, Rowman & Littlefield International, Ltd., 2018, pp. 273.
8. Quinn E. A dictionary of literary & thematic terms. USA: infobase Publishing, 2nd edition, 2006, pp. 53.
9. Sammons J. L. The Bildungsroman for Nonspecialists: An attempt at a clarification // J. N. Hardin, Reflection and Action: Essays On the Bildungsroman. Columbia, South Carolina: University of South Carolina Press, 1991, pp. 26-45.
10. McCallum R. Ideologies of Identity in Adolescent Fiction. The Dialogic Construction of Subjectivity. New York and London: Garland Publishing, 1999, pp. 53.
11. Palacio R. J. Wonder. UK, Penguin Random House, 2014, pp. 273.
12. Ferguson P. Mapping the family: disability studies and the exploration of parental response to disability // G. L. Albrecht, K. M. Seelman, Bury Handbook of disability studies. SAGE Publications, 2001. pp. 373-395. URL: <https://www.doi.org/10.4135/9781412976251.n15>

13. Tzanelli R. Rite of Passage // University of Leeds. 2014, pp. 381. URL: <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosr070.pub2>
14. Armstrong T. Rites of Passage: Marking Our Movement from One Stage of Life to the Next // American Institute for Learning and Human Development. 2012, pp. 7. URL: <https://www.institute4learning.com/2012/08/15/rites-of-passage-marking-our-movement-from-one-stage-of-life-to-the-next/>
15. Letourneau S. Who Am I?: Identity as a Theme in YA Literature // Published in Writing. 2017, pp. 2-42. URL: <https://diymfa.com/writing/identity-theme-ya-literature>
16. Jung C. G. Psychological types / Translation by H. Godwyn Baynes // Classics in the History of Psychology. 1921, pp. 84-524 URL: <https://psychclassics.yorku.ca/Jung/types.htm>
17. Murphy R., Scheer J., Murphy Y., Mack R. Physical disability and social liminality: a study in the rituals of adversity // Soc. Sci. Med. 1988. Vol. 26, pp. 235.
18. Biesta G. Education, Not Initiation Utrecht University // Philosophy Of Education. 1996, pp.92. URL: <https://educationjournal.web.illinois.edu/archive/index.php/pes/article/view/2247.pdf>
19. Giroux H. Theory & resistance in education: A pedagogy for the opposition. Granby, MA: Bergin & Garvey Publishers, 1983, pp. 133.
20. Grimes R. Beginnings in ritual studies. Washington, DC, University Press of America, 1982, pp. 67-149.
21. Miron L., Lauria M. Identity politics and student resistance to inner-city public schooling // Working Paper No. 30. 1994, pp. 4.
22. Johanningmeier E. The foundations of contemporary American education. Scottsdale, AZ: Gorsuch Scarisbrick, Publishers, 1987, pp. 198.
23. Sergiovanni T. Leadership for the schoolhouse. San Francisco, CA: Jossey-Bass Publishers, 1996, pp. 12.
24. Anfara Jr. V. A. Urban Schools and Liminality // University of New Orleans. 2015, pp. 2-7. URL: <http://www.nationalforum.com/Electronic%20Journal%20Volumes/Anafara,%20Jr.%20V%20incent%20A%20Urban%20Schools%20and%20Liminality.pdf>
25. Stern T. Nietzsche, the Mask and the Problem of the Actor // The Philosophy of Theatre, Drama and Acting Rowman and Littlefield International. 2017, pp. 16-20 URL: <http://sterntom.com/wp-content/uploads/2018/01/Chapter-4-Nietzsche-the-mask-and-the-problem-of-the-actor-PDF-for-website.pdf>
26. Kain P. J. Nietzsche, Truth, and the Horror of Existence // Journal of History of Philosophy Quarterly. 2006. Vol. 23, pp. 3.
27. Langley T. Batman and psychology // A dark and stormy knight. John Wiley & Sons, Hoboken. 2012. P. 62-63.
28. Segnini E. The Mask as a Literary Trope between Decadence and Modernism. Ph.D dissertation. University of Toronto, TSpace, 2012, pp. 24. URL: <https://tspace.library.utoronto.ca/handle/1807/33828>.
29. Cain S. Quiet: The Power of Introverts in a World That Can't Stop Talking, New York, Crown Publishing, 2012, pp. 17.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «От перехода к трансформации: ограниченность, маска и идентичность в «Чуде» Р. Дж. Паласио», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной. Актуальность исследования определяется сформировавшейся в постмодернистской литературе потребностью в осмыслении новых литературных теорий и критики, применяемых в романе, представленном в постмодернистской прозе в целом и в творчестве Р. Дж. Паласио в частности.

Исследование нарушает общепринятые научные подходы, а именно структуру работы, которая традиционно состоит из введения, содержащего постановку проблемы, что отсутствует в рецензируемой статье. В связи с чем возникает вопрос об используемой, глубокоуважаемым автором, методологии, целях и задачах исследования. Ввиду неясных задач, невозможно проанализировать заключительную часть исследования, традиционно содержащую выводы, которые, собственно говоря, фактически отсутствуют. По нашему мнению, логично начать статью с обзора разработанности как теоретических вопросов, рассматриваемых автором, так и собственно работ, посвященных изучению данного вопроса, что позволило бы выделить научную лакуну и показать новизну исследования. Из вводной части неясны задачи исследования. В основной части, традиционно начинающейся с обзора теоретических источников и научных направлений, данная информация отсутствует, ввиду чего напрашивается вывод 1) насколько широко изучена проблематика вопроса, 2) какая научная лакуна была выявлена, и какая проблема решается в рамках рецензируемой работы. Считаем, что необходимо усиление данной части с позиции изучения истории вопроса. Собственно статья не представляет научного интереса, так как является сугубо авторской интерпретацией действительности и не решает научной задачи.

Библиография статьи насчитывает 27 источников, среди которых представлены исключительно зарубежные труды. Однако, как и любая крупная работа, данная статья не лишена недостатков. Обратим внимание на качество библиографического списка. Так, статья представлена на английском языке, однако удивление вызывает библиографический список, который не включает ни одной работы на русском языке. Возникает вопрос – какой цели хотел достичь глубокоуважаемый автор, публикуясь на английском языке, пересказать зарубежные теории зарубежным лингвистам? Или в отечественной филологии не были проведены исследования рассматриваемой темы или смежной тематики? Так, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. БОльшее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «От перехода к трансформации: ограниченность, маска и идентичность в «Чуде» Р. Дж. Паласио» может быть рекомендована к публикации несмотря на несколько замечаний.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чэнь С. — Структурно-семантические особенности аббревиации в русском образовательном дискурсе // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40892 EDN: MYUNEN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40892

Структурно-семантические особенности аббревиации в русском образовательном дискурсе

Чэнь Си

аспирант, кафедры русского языка и методики его преподавания, филологический факультет,
Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2А

✉ 1042218129.@pfur.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.40892

EDN:

MYUNEN

Дата направления статьи в редакцию:

01-06-2023

Аннотация: Объектом данного исследования является аббревиация как способ создания терминологических номинаций образовательного дискурса. Предмет исследования – структурно-семантическая специфика терминов-аббревиатур, используемых в сфере образовательной деятельности. В первой части статьи автор дает характеристику процессу аббревиации, уточняет содержание термина «аббревиатура», дифференцируя его от понятия «сокращение», после чего затрагивается такая область теории дискурса, как образовательный дискурс. Определив сферы влияния и взаимодействия данного типа дискурса, автор статьи дает структурную и семантическую классификацию терминов-аббревиатур, после чего, используя различные терминологические и толковые словари, выявляет аббревиатурные языковые единицы образовательного дискурса. Вторая часть исследования посвящена описанию аббревиатур сферы образования. Разделив сокращенные номинации на шесть семантических групп, автор статьи описывает их в соответствии со структурной классификацией. Автор статьи приходит к выводу, что большинство сокращений аббревиатурного характера являются акронимами (сорок пять единиц из выявленных шестидесяти сокращенных номинаций). Научная новизна исследования заключается в

применении структурно-семантического анализа к аббревиатурным номинациям сферы образования. Но, исследовав термины-аббревиатуры в контексте соотношения структуры и семантики, автор статьи приходит к выводу, что только небольшая часть аббревиатур образовательной деятельности знакома потребителям образовательных услуг, в связи с чем он считает, что широкая аббревиация, затронувшая сферу образования, не оправдывает себя.

Ключевые слова:

образовательный дискурс, образовательный процесс, образовательный продукт, образовательная услуга, нормативный документ, аббревиатура, сокращение, инициальная аббревиатура, акроним, слоговая аббревиатура

В последние годы в российском обществе возросла потребность в новых наименованиях, для чего используются разнообразные способы словообразования. Одной из наиболее характерных тенденций русского языка на современном этапе его развития является аббревиация.

В широком смысле под аббревиацией понимается любое сокращение. По мысли Н.В. Матвеевой, стремление человека к сокращению в высказывании связано со многими факторами, среди которых – увеличение объёма передаваемой информации, скорость передачи, использование технических средств для обмена информацией» [\[1, с. 116\]](#).

Однако, с точки зрения как российских, так и зарубежных ученых, понятия «аббревиация» и «сокращение» следует дифференцировать.

Термином «сокращение» применительно к лексеме «принято именовать замену полной формы укороченной формой» [\[2, с. 289\]](#). Сокращение, по мысли Т.С. Сергеевой, уменьшает «звуковую или графическую длину коррелята», каковой может быть «набор морфем, слово, словосочетание, набор слов» [\[3, с. 175\]](#). Понятие «сокращение» в лингвистической литературе может обозначаться такими терминами, как «усечение», «усеченное слово», «сокращенное слово», «укорачивание» и т.д. Как писал еще американский исследователь Г. Марчанд, сокращение – это «усечение слова до одной из его частей» [\[4, с. 357\]](#).

Аббревиатурой, как правило, именуют только те номинации, которые были образованы из начальных букв или слогов слов. Согласно дефиниции Т.С. Сергеевой, аббревиатура – это сокращенная «номинация для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, с помощью атрибутивных словосочетаний» [\[3, с. 175\]](#).

Таким образом, аббревиатура – это не «укорачивание слова по сравнению со своим прототипом», а образование слова «из названий начальных букв или слогов слов, входящих в исходное словосочетание» [\[5, с. 9\]](#).

Многие исследователи не считают аббревиацию словообразовательным процессом. К этой мысли, к примеру, склоняется В.Н.Шевчук, полагающий, что аббревиатура не вступает в лексико-семантические связи с номинацией объекта действительности, что в процессе образования аббревиатуры не происходит семантического сдвига, в связи с чем очень трудно бывает расшифровать аббревиатуру, если не знаешь исходного словосочетания [\[6, с. 46\]](#). Е.Н. Ожогин понимает под аббревиацией процесс создания

единиц вторичной номинации, в результате которого сокращается линейная длина исходного наименования и образуется его сокращенный структурный вариант» [\[7, с. 18\]](#). Подобное понимание аббревиатуры не позволяет приравнивать данный тип языковых единиц к лексическим единицам полной номинации (словам, словосочетаниям). Но тем не менее аббревиацию считают важным процессом лексических новообразований, поскольку аббревиатуры, появившись в текстовом пространстве (а они, как правило, используются в письменной речи), экономят речевые средства автора, но при условии, что адресат понимает смысл аббревиатурного сокращения.

С конца XX столетия аббревиация как лингвистический феномен находит свое отражение в различных сферах российской общественной жизни – социально-политической, экономической, культурной и других. В начале нового тысячелетия аббревиация затронула и сферу просвещения, став частью образовательного дискурса.

По сравнению с педагогическим дискурсом, образовательный дискурс затрагивает не только такие области взаимодействия, как «учитель – ученик», «преподаватель – студент», но и включает в себя «обсуждение общественностью проблем, тенденций, достоинств и недостатков сферы образования и академической науки» [\[8, с. 192\]](#). Образовательный дискурс «организуется в рамках определенного социального института (учебного заведения); по содержанию является личностно-ориентированным (цель, методы и средства связаны с развитием личности обучаемого в организованном процессе социального воспитания); характеризуется статусно-ролевыми отношениями участников общения (учителя и ученика) и имеет определенную цель (социализация нового члена общества)» [\[9\]](#). Помимо образовательного процесса, в структуру образовательного дискурса также входят образовательные реформы, законы и иные процессы сферы образования [\[10\]](#).

За последние годы российский образовательный дискурс обогатился множеством новых понятий, что связано «с принятием федеральных государственных стандартов для начальной, основной и высшей школы, а также для дошкольного образования, с реализацией различных федеральных целевых программ, с инновациями, происходящими на всех уровнях образования» [\[11, с. 54-55\]](#). И на общем фоне терминологических номинаций аббревиатуры в образовательном дискурсе занимают значительное место. При этом важно отметить, что область применения термина-аббревиатуры, как и любого образовательного понятия, «включает в себя два аспекта: использование его в реальном педагогическом процессе и оперирование им в процессе изучения педагогического процесса» [\[12, с. 62\]](#).

Образовательные аббревиатурные номинации подразделяются на:

- собственно инициальные аббревиатуры, в состав которых входят начальные буквы слов сокращаемого словосочетания (эти аббревиатуры произносятся по алфавитному принципу);
- акронимы – аббревиатуры, также образованные из начальных букв каждого слова сокращаемого словосочетания, но читаемые как слова;
- слоговые аббревиатуры, в состав которых входит часть или части слов сокращаемого сочетания;

Аббревиации в российском образовательном дискурсе подвержены:

- номинации образовательных и научно-образовательных учреждений и центров;
- номинации ступеней получения образования;
- номинации комиссий и объединений
- номинации образовательных продуктов и услуг;
- номинации, характеризующие образовательный процесс;
- нормативные документы.

Рассмотрим каждую группу аббревиатурных номинаций, определив входящие в ее структурные типы аббревиатур.

Сокращенные номинации образовательных учреждений и научно-образовательных центров представлены, в основном, акронимами: ВУЗ – высшее учебное заведение; ССУЗ – среднее специальное учебное заведение (техникум, колледж, училище и пр.); ДОУ – дошкольное образовательное учреждение, в обиходной речи именуемое детским садом; ЦВИМП – Центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей; ФИПИ – федеральный институт педагогических измерений, проводящий исследования в области оценки качества образования; ФЦИОР – Федеральный центр информационно-образовательных ресурсов; РАО – Российская Академия образования [\[13\]](#). И в то же время в эту группу входит некоторое количество инициальных аббревиатур: ВПУ – высшее профессиональное училище; ИМЦ – Информационно-методический центр, в задачи которого входит: изучение и внедрение новых программ и технологий в воспитательно-образовательный процесс; нахождение эффективных методов и форм в реализации педагогических подходов к воспитанию и обучению детей; изучение работы педагогов, выявление и распространение лучшего опыта; УКК – учебно-курсовой комбинат, «учреждение начального профессионального образования, осуществляющее реализацию образовательных программ переподготовки, повышения квалификации рабочих и специалистов, а также подготовки рабочих и специалистов соответствующего уровня квалификации по ускоренной форме обучения» [\[14, с. 427\]](#); УПК – учебно-производственный комбинат. Некоторые из этих сокращенных номинаций имеют интересную историю развития. В качестве примера приведем аббревиатуру УПК, которая появилась еще во времена существования Советского Союза. Учебно-производственным комбинатом (УПК) именовалась организация, обеспечивающая старшеклассникам начальную профессиональную трудовую подготовку. После распада СССР в Российской Федерации обязательное начальное профессиональное образование было исключено из программы общего среднего образования, и обучение в УПК стало носить добровольный характер. В 1999 году Правительство РФ утвердило «Типовое положение о межшкольном учебном комбинате». Так появился акроним МУК, заменивший аббревиатуру УПК.

В эту группу входят и двухкомпонентные аббревиатуры-акронимы. К ним относятся: ГБОУ СОШ – государственное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа»; МОУ СОШ – муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа»; ГБОУ ООШ – государственное бюджетное общеобразовательное учреждение «Основная общеобразовательная школа» [\[15\]](#).

Ступени образования представлены следующими инициальными аббревиатурами и акронимами: СОШ – средняя образовательная школа, ИРО – институт рабочего образования; НПО – начальное профессиональное образование; ВПО – высшее

профессиональное образование; СПО – среднее профессиональное образование; ДО – дошкольное образование [\[14\]](#).

К аббревиатурам *комиссий и объединений* относятся как инициальные аббревиатуры (ПМПК – Психолого-медико-педагогическая комиссия; КПДН – Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав), так и акронимы (МО, или ШМО, – школьное методическое объединение, осуществляющее проведение учебно-воспитательной, методической и внеклассной работы по всем учебным предметам; ГЭК – государственная экзаменационная комиссия) [\[15\]](#).

Третья группа аббревиатур соотносится с номинациями *образовательных продуктов и услуг*.

Образовательный продукт – это «объект, способный удовлетворить потребность субъекта, связанную с развитием духовной сферы и приобретением новых знаний, умений и навыков» [\[16, с. 159\]](#). В современную эпоху образовательные продукты представлены не только печатной продукцией (учебные пособия, программы и пр.), но и обучающими компьютерными программами, Интернет-ресурсами, автоматизированными системами учебного процесса.

К сокращенным номинациям образовательных продуктов относятся как инициальные аббревиатуры (УМК – Учебно-методический комплекс, в состав которого входит учебное пособие, книга для учителя, рабочая тетрадь, аудио и/или видеоприложения, МХК – учебный предмет «Мировая художественная культура»), так и акронимы (ОРКСЭ – учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики»; ООП – основная образовательная программа; АОС – автоматизированная обучающая система, т.е. комплекс технического, учебно-методического, лингвистического, программного и организационного обеспечений на базе ИКТ, предназначенный для индивидуализации обучения; АСУ РСО – автоматизированная система управления ресурсами системы образования, в которой представлена вся необходимая и актуальная информация, касающаяся образовательного процесса; СИПР – специальная индивидуальная программа развития, «направленная на освоение обучающимся адаптированной образовательной программы с учетом удовлетворения его специфических образовательных потребностей» [\[17, с. 53\]](#); АПСПО – программа среднего профессионального образования, «адаптированная для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья с учетом особенностей их психофизического развития, индивидуальных возможностей» [\[17, с. 8\]](#).

Образовательная услуга – это «комплекс целенаправленно создаваемых и предлагаемых населению возможностей для приобретения определенных знаний и умений, для удовлетворения тех или иных образовательных потребностей». [\[18, с. 48\]](#). Образовательная услуга, как правило, осуществляется на платной основе. Так, акроним ПДОУ расшифровывается как платные дополнительные образовательные услуги и соотносится с кружками, секциями и т.п., проводимыми для школьников в образовательных учреждениях. Образовательной услугой является и *Вебинар*, являющийся слоговой аббревиатурой (образован от слова *веб* (*web*) – «сеть» и второй части слова «семинар»). Так называют онлайн-семинар, проходимый в форме доклада, презентации или лекции на конкретную тематику, которые организованы посредством web-технологий и проходят в режиме прямой трансляции [\[19\]](#).

Понятия, номинирующие различные аспекты *образовательного процесса*, представлены

самим большим количеством аббревиатур – в основном, акронимами: ТОГИС – технология образования в глобальном информационном сообществе; ОС – образовательная среда, создающая условия формирования личности [\[15\]](#); ГИА – Государственная итоговая аттестация, проходящая в конце учебного года среди 9 и 11 классов общеобразовательных школ для установления уровня образования учащихся и для дальнейшей выдачи аттестата; ОГЭ – Основной государственный экзамен, который сдают учащиеся 9 класса; ЕГЭ – Единый государственный экзамен, предназначенный для учеников 11-х классов перед поступлением в вуз; НИКО – Национальное исследование качества образования, начатое по инициативе Рособнадзора в 2014 году и проводимое в пятых и восьмых классах на предмет уровня подготовки по разным дисциплинам; ЕФОМ – единый федеральный оценочный материал, являющийся частью проверки методической, теоретической, психолого-педагогической и коммуникативной компетенции педагога); УУД – универсальные учебные действия, представляющие собой способность ученика осознанно понимать, усваивать и принимать на практике полученные на уроках знания; КСО – коллективная система обучения [\[13\]](#); ИУП – индивидуальный учебный план, который обеспечивает «освоение образовательной программы на основе индивидуализации её содержания с учётом особенностей и образовательных потребностей конкретного обучающегося» [\[17, с. 24\]](#), ИО – инклюзивное образование, т.е. образование, обеспечивающее «равный доступ к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [\[17, с. 24\]](#); ООП – особые образовательные потребности; ИОТ – индивидуальная образовательная траектория (так именуется «персональный путь творческой реализации личностного потенциала каждого учащегося в образовании» [\[17, с. 22\]](#)).

Но к данной группе относится и небольшое количество инициальных аббревиатур: ИОО – индивидуально ориентированное обучение, т.е. «обучение, основанное на взаимодействии обучающихся и педагогов, когда созданы оптимальные условия для развития у обучающихся способности к самообразованию, самоопределению, самостоятельности и самореализации» [\[17, с. 23\]](#); ВПР – Всероссийские проверочные работы, проводимые для проверки успеваемости учащихся старших классов; УВР – Учебно-воспитательная работа; ППЭ – Пункт проведения единого государственного экзамена [\[14\]](#).

Название практически каждого *нормативного документа*, отражающего юридический и правовой аспект образовательной системы России и тенденции образовательного процесса, передается аббревиатурой. В первую очередь, в эту группу включаются образовательные стандарты. Например, акроним ФГОС – Федеральные государственные образовательные стандарты. Некоторые из подобных аббревиатур состоят из двух компонентов, первый из которых является акронимом, а второй – инициальной аббревиатурой: ГОС ВПО – Государственный образовательный стандарт высшего начального профессионального образования, «нормативный документ, устанавливающий общие требования к основным профессиональным образовательным программам ВПО и условиям их реализации» [\[14, с. 49\]](#); ГОС НПО – Государственный образовательный стандарт начального профессионального образования, «нормативный документ, определяющий основные требования к подготовке рабочих» [\[14, с. 50\]](#); ГОС ОО – Государственный образовательный стандарт общего образования, «система основных параметров, принимаемых в качестве государственной нормы образованности, отражающей общественный идеал (социальный заказ) и учитывающей возможности

реальной личности и системы образования в плане достижения этого идеала» [14, с. 53]; ГОС СПО – Государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования, «нормативный документ, определяющий содержание и требования к подготовке специалистов в образовательных учреждениях системы СПО» [14, с. 56].

В эту же группу входит и акроним ГИФО – Государственное именное финансовое обязательство, так называется «свидетельство о результатах сданного гражданином единого государственного экзамена с соответствующей записью, которое является основанием для предоставления вузу бюджетных средств на обучение в нем этого гражданина в течение всего срока обучения в соответствии с государственным образовательным стандартом» [14, с. 48].

Представленные в данной статье аббревиатурные номинации – всего лишь небольшая часть терминов-сокращений образовательного дискурса. когда начинаешь изучать российскую образовательную систему, то, по мысли В. Богдановой, «складывается впечатление, что российское образование (да и мировое тоже) состоит сплошь из аббревиатур» [20]. «Сложней всего в них разобраться, - пишет журналистка, - молодым педагогам и родителям. И если многим известно, что такое ОГЭ и ЕГЭ, то о НИКО или о ВПР имеется смутное представление» [20]. Но тем не менее реалии времени таковы, что в терминологический аппарат педагогической и, в целом, образовательной системы, входят сокращенные номинации, представленные, как правило, инициальными аббревиатурами и акронимами. Благодаря активному процессу, происходящему в области создания новых терминов-аббревиатур, отражающих систему российского образования, возникают новые понятия, многие из которых, с одной стороны, нуждаются в адекватном понимании со стороны участников образовательных отношений, а с другой стороны, занимают важное место в терминологической системе образовательного дискурса, хотя и требуют дополнительного описания и определения в педагогической и научно-методической литературе.

Библиография

1. Матвеева Н.В. Лексические сокращения в англоязычных текстах интернет-пространства // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2021. – № 7 (1). – С. 116-132.
2. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: УРСС, 2004. – 440 с.
3. Сергеева Т.С. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2013. – № 6. – С. 174-179.
4. Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-Formation. A Synchronic-Diachronic Approach // Alabama Linguistic and Philological Series. – Alabama: University of Alabama Press, 1966. – Vol. 13. – 379 p.
5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
6. Шевчук В.Н. Относительно статуса аббревиатур в английском языке и их перевода на русский язык // Система языка и перевод. М.: МГУ. 1983. С. 14-48.
7. Ожогин Е.Н. Аббревиатуры в военном подъязыке: дисс. ... канд. фил. наук. – М.: Военный университет, 1999. – 194 с.
8. Яковлева В.В. Дискурс в образовательной деятельности (терминологический аспект) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 11 (853). – С. 191-203.
9. Асадуллин Р. Образовательный дискурс и его системообразующие признаки. // URL: <https://pandia.ru/text/80/138/41612.php/>

10. Добренкова Е. В. Социальная морфология образовательного дискурса. – М.: Альфа-М, 2006. – 335 с.
11. Полонский В.М. Понятийно-терминологический аппарат педагогики и образования // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2017. – Т. 3. – № 2. – С. 54-60.
12. Чечет В.В., Пунчик В.Н. Педагогическая терминология: границы применения // Образование и воспитание. – 2018. – № 4. – С. 57-63.
13. Складаревская Г.Н. Словарь сокращений современного русского языка. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.
14. Профессионально-педагогические понятия: Словарь / Под ред. Г.М. Романцева. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. – 456 с.
15. Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. – М.: Издательский центр ИЭТ, 2013. – 268 с.
16. Журавлева Л.В. Образовательный продукт: понятие и ценность // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 326. – С. 159-163.
17. Макарьев И.С. Краткий словарь системы понятий инклюзивного образования: терминологический словарь. – СПб. : СПб ГБ ПОУ «Охтинский колледж», 2015. – 84 с.
18. Лолаева А.С. Цифровые права в структуре объектов гражданских прав // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 6. – С. 47-49.
19. Толковый словарь терминов понятийного аппарата информатизации образования. – М.: Бином. Лаб. знаний, 2013. – 69 с.
20. Богданова В. Гид по аббревиатурам в образовании. Режим доступа: URL: <https://gazeta-pedagogov.ru/gid-po-abbreviaturam-v-obrazovanii>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа посвящена проблеме аббревиации в русском образовательном дискурсе. Как отмечает автор, «в последние годы в российском обществе возросла потребность в новых наименованиях, для чего используются разнообразные способы словообразования. Одной из наиболее характерных тенденций русского языка на современном этапе его развития является аббревиация». Действительно, это так, следовательно, изучение вопроса аббревиации является злободневным, актуальным и востребованным. Статья имеет приметы как теоретического, так и практического характера; основной блок суждений объективен, точен, фактических нарушений не выявлено. Материал достаточно продуман, основная авторская концепция манифестирована полномерно. Например, это проявляется в следующих суждениях: «с конца XX столетия аббревиация как лингвистический феномен находит свое отражение в различных сферах российской общественной жизни – социально-политической, экономической, культурной и других. В начале нового тысячелетия аббревиация затронула и сферу просвещения, став частью образовательного дискурса», или «за последние годы российский образовательный дискурс обогатился множеством новых понятий, что связано «с принятием федеральных государственных стандартов для начальной, основной и высшей школы, а также для дошкольного образования, с реализацией различных федеральных целевых программ, с инновациями,

происходящими на всех уровнях образования». И на общем фоне терминологических номинаций аббревиатуры в образовательном дискурсе занимают значительное место. При этом важно отметить, что область применения термина-аббревиатуры, как и любого образовательного понятия, «включает в себя два аспекта: использование его в реальном педагогическом процессе и оперирование им в процессе изучения педагогического процесса» и т.д. Удачна, на мой взгляд, структурная типология аббревиаций, которая достаточно четко конкретизирует варианты сокращений. Примеры, которые даны в текстах статьи уместны, соответствие образовательному дискурсу имеется: «понятия, номинирующие различные аспекты образовательного процесса, представлены самым большим количеством аббревиатур – в основном, акронимами: ТОГИС – технология образования в глобальном информационном сообществе; ОС – образовательная среда, создающая условия формирования личности; ГИА – Государственная итоговая аттестация, проходящая в конце учебного года среди 9 и 11 классов общеобразовательных школ для установления уровня образования учащихся и для дальнейшей выдачи аттестата; ОГЭ – Основной государственный экзамен, который сдают учащиеся 9 класса; ЕГЭ – Единый государственный экзамен, предназначенный для учеников 11-х классов перед поступлением в вуз...» и т.д. Считаю, что основная цель исследования достигнута, поставленный ряд задач решен; материал уместно использовать при изучении процессов аббревиации не только в образовательном дискурсе, но и ряде других. В заключительной части работы обозначено, что «реалии времени таковы, что в терминологический аппарат педагогической и, в целом, образовательной системы, входят сокращенные номинации, представленные, как правило, инициальными аббревиатурами и акронимами. Благодаря активному процессу, происходящему в области создания новых терминов-аббревиатур, отражающих систему российского образования, возникают новые понятия, многие из которых, с одной стороны, нуждаются в адекватном понимании со стороны участников образовательных отношений, а с другой стороны, занимают важное место в терминологической системе образовательного дискурса, хотя и требуют дополнительного описания и определения в педагогической и научно-методической литературе». Таким образом, к финалу достигается некая целостность текста, хотя ориентир на дальнейшее изучение проблемы также обозначен. Основные требования издания учтены, правка текста излишня. Рекомендую статью «Структурно-семантические особенности аббревиации в русском образовательном дискурсе» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кожемякина В.А. — Этнофолизмы в китайском языке как отражение расовой и этнической идентичности: вопросы политической корректности // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40996 EDN: MZBUGT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40996

Этнофолизмы в китайском языке как отражение расовой и этнической идентичности: вопросы политической корректности

Кожемякина Валерия Алексеевна

ORCID: 0000-0001-6639-2172

старший преподаватель, кафедра межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400005, Россия, г. Волгоград, пр. Ленина, 27

✉ kozhemiyakinavaleria@vspu.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.40996

EDN:

MZBUGT

Дата направления статьи в редакцию:

14-06-2023

Аннотация: В данной статье, написанной с позиций социолингвистики и теории коммуникации, рассмотрено понятие этнофолизмов в соотношении с понятием политической корректности, проведен сопоставительный анализ этнофолизмов в китайском языке на фоне русского и английского языков. Объектом исследования является расовая и этническая идентичность как основа политической корректности. Предметом исследования являются этнофолизмы в китайском, английском и русском языке. Автор подробно рассматривает экспрессивные этнонимы в китайском языке на фоне русского и английского языков. Особое внимание уделяется экспрессивным этнонимам в китайском языке, обусловленным активными культурно-историческими контактами между странами. К основным выводам данного исследования относится следующее: этнонимы в разных культурах формируются на основе признаков, обусловленных разной степенью исторических, социальных, культурных, географических контактов; ассоциативное поле, возникающее в связи с употреблением того или иного этнофолизма, используется в качестве механизма, регулирующего манипулятивный потенциал политической корректности, который реализуется через подмену истинной

коммуникативной интенции ложной. Новизна научного исследования заключается в том, что этнофолизмы в китайском, русском и английском языках рассматриваются в связи с проблемой политической корректности, что ранее не являлось объектом комплексного сопоставительного анализа.

Ключевые слова:

политическая корректность, дискриминация, этнофолизм, экспрессивные этнонимы, китайский язык, английский язык, русский язык, раса, этнос, идентичность

Введение

Данное исследование выполнено на стыке социолингвистики и теории коммуникации и представляет собой часть крупного исследования, освещающего вопросы политической корректности в русской, китайской и американской культурах. **Цель** – выявить национально-специфические особенности происхождения неpolitкорректной лексики китайского языка, выражающей расовую и этническую принадлежность, в сравнении с русским и английским языками. **Новизна** научного исследования заключается в том, что этнофолизмы в китайском, русском и английском языках рассматриваются в связи с проблемой политической корректности, что ранее не являлось объектом комплексного сопоставительного анализа. **Теоретическую базу** исследования представляют: труды, рассматривающие вопросы политической корректности в динамике ее развития [\[1; 2; 3; 4; 5; 6\]](#); работы в области этнолингвистики, отражающие основные проблемы влияния экспрессивных этнонимов и этнофолизмов на современный публичный дискурс [\[7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16 и др.\]](#).

Методы и принципы исследования

Материалом исследования послужили экспрессивные этнонимы, отобранные методом доступной выборки из словарей [\[17; 18; 19\]](#) в количестве 38 лексем.

Для анализа практического материала используется ряд **методов**:

- 1) метод доступной выборки для отбора материала исследования из лексикографических источников, а также контекстов из лингвистических корпусов;
- 2) дефиниционный анализ для выявления значений этнонимов;
- 3) контекстуальный анализ для определения связи исследуемых единиц с их окружением, выявления коннотаций.

Политическая корректность и расовая, этническая принадлежность

Современный англоязычный публичный дискурс перенасыщен новостными сообщениями о случаях дискриминации по различным категориям идентичности: расизм, сексизм, эдалтизм и др. Дискриминация, как социальное явление, характеризующееся ущемлением прав и интересов человека, существовала на протяжении длительного периода истории человечества [\[20\]](#). Начиная с появления государств, люди подвергались дискриминации по самым разным признакам. Однако несмотря на то, что термин существует с 1640-х годов в значении проведения различий между чем-либо, связь с расовой принадлежностью в значении слова была закреплена лишь в 1866 году

[21]. Выделяются две группы признаков понятия «дискриминация»: естественные и социальные [22]. К первой категории относят физиологические и психологические особенности человека: врожденные (раса, пол, цвет кожи, генетические характеристики) и приобретенные (трудоспособность, здоровье, инвалидность). Ко второй группе признаков относят духовное и интеллектуальное бытие человека (вероисповедание, религия, политические и другие убеждения), принадлежность человека к определенной группе (этническое, национальное, родовое, социальное происхождение, принадлежность к национальным меньшинствам, а также место рождения, страна происхождения, гражданство и язык), а также положение человека в обществе (материальное, экономическое, имущественное, сословное и иное положение, правовой и социальный статус) [22].

Понятие дискриминации имеет тесную взаимосвязь с явлением политической корректности, ставшим одним из важнейших вопросов современного общества начала XXI века. Политическая корректность представляет собой социолингвистическое явление, основанное на исключении из дискурса языковых и неязыковых средств, способствующих дискриминации меньшинств по каким-либо категориям идентичности (раса, пол, возраст и др.). Раса и этнос являются значимыми категориями социальной идентичности, на основе которых может быть реализована манипулятивная функция политической корректности [1], поскольку «формирование этнически маркированной идентичности» – процесс разнонаправленный, многокомпонентный и используемый «заинтересованными кругами» [7, с.5]. В результате реализации манипулятивной функции происходит подмена истинной цели высказывания ложной, что формирует в обществе мнение в духе выгодной политкорректной идеологии. Именно об этом пишет W. Lind [6], ссылаясь на деконструкцию, как основной принцип идеологии политкорректности. Переосмысление привычных значений приводит к формированию в дискурсе новых пластов табуируемой лексики, а также возникновению политкорректных аналогов.

Расовая и этническая принадлежность являются главенствующими темами в рамках вопросов политкорректности. Этнонимы, являясь одним из типов онимов, выполняют «номинативную функцию и индивидуализируют называемые объекты» [23, с.34]. Эмоциональные, оценочные и символические ассоциации, зафиксированные в лексическом значении этнонима, используются в качестве инструмента, регулирующего манипулятивный потенциал политической корректности. Экспрессивные этнонимы в пространстве публичного дискурса дают возможность сформировать образ нации не обязательно достоверный, но выгодный с точки зрения политики.

Ключевыми факторами в формировании пейоративных номинаций расовой и этнической идентичности, становятся исторические, географические, культурные или социальные аспекты жизни того или иного народа, поскольку специфика значения любого этнонима заключается в сохранении «пространственно-временных и информационных характеристик», связанных с определенным этносом [23, с.33]. Таким образом в разных культурах могут формироваться собственные обозначения этносов, обоснованные отличными друг от друга признаками, в силу разной степени исторических и социальных контактов. Данный фактор также обосновывает степень экспрессивности этнонима, его эмоциональной окраски, что может варьироваться от легкой иронии до оскорбления [24, с.98].

Экспрессивные этнонимы, имеющие дискриминирующий характер, могут быть обозначены термином «этнофолизмы». Этнофолизмы совмещают в себе два ключевых фактора,

которые дают нам право относить их к категории неpolitкорректной лексики: этническую составляющую и пейоративность [25, С.120]. В данном исследовании мы понимаем этнофолизм как «уничижительное эмоционально-оценочное наименование для представителей расовых, национальных или этнических групп» [26. Приводится по: 25, С.120]. Далее мы рассмотрим основные этнофолизмы, существующие в китайском языке, в сопоставительном аспекте с русским и английским языком.

Политкорректность и неpolitкорректность: этнофолизмы в китайском языке

Этнонимы в китайском языке выделяют в связи с различными ассоциациями. Однако не все из них можно отнести к этнофолизмам, некоторые с течением времени утратили свою инвективную, в связи с чем используются для придания легкой иронии или вовсе в нейтральном контексте. Например, некоторые исследователи считают, что слово 老外 (иностранец – досл. префикс перед названиями уважаемых лиц + заграница) имеет сниженную коннотацию «неумеха, туповатый иностранец» несмотря на отсутствие данного значения в семантике. Нейтральным синонимом, закрепленным в письме, в данном случае считается слово 外国人 (иностранец – досл. иностранный человек). Однако мы, как и другие ученые [12; 27; 28] придерживаемся иного мнения, что ни 老外, ни 外国人 не несут в себе отрицательного компонента. Сегодня оба варианта все чаще встречаются в публичном дискурсе, например, в языке СМИ, а также в разговорной речи. Негативный контекст может быть обусловлен лишь личным субъективным неприятием иностранцами указания на их чуждость. Отметим, что в английском языке данная характеристика может передаваться словами *outlander / foreigner* (иностранец), при этом первое также будет иметь соотношение со словом *outsider*, что, исходя из возможного значения слова, привносит негативный, хоть и неявный, оттенок дискриминации "a person who is not liked or accepted as a member particular group, organization, or society and who feels different from those people who are accepted as members" (человек, который не признан в качестве участника некой группы, организации или общества, тот кто чувствует отличие от людей, включенных в такую группу) (Перевод здесь и далее наш. – В.К.). В русском языке эквивалентом можно считать слова *иностранец / чужестранец / иноземец*, которые согласно словарю [29] являются синонимами и не имеют отрицательных коннотаций.

В истории каждого народа имеются этнофолизмы, связанные с непростым характером отношений между контактирующими странами, а также расами или этносами, проживающими на одной территории. Для Китая такими соседями будут являться Монголия, Япония, Корея, Индия и Россия.

Китай и Монголию связывает богатое историческое прошлое, в котором много периодов как хороших, так и плохих отношений. Китайцы называют Монголию 外蒙古 – (Внешняя Монголия), таким образом, акцентируя внимание на ее обособленности и отличии от 内蒙古 (Внутренняя Монголия) – автономного округа КНР. Монголы называют китайцев 胡扎 (досл. безрассудный + травмировать) или 伙计 (торговец, приятель). Согласно этимологии слово 胡扎 произошло от слова 伙计 из шаньсийского диалекта. Значения частей лексемы не содержат в себе отрицательных компонентов, однако пейоративная окраска формируется за счет исторического контекста, согласно которому во времена правления династии Цин монголы находились в низменном положении, поэтому ханьцы в провинциях Шаньси и Хэбэй в Китае часто издевались над ними. В результате появилось следующее описание народа хань: 胡扎 – 无恶不作 (нет такого зла (преступления), на которое бы не пошёл) [30]. Вторая лексема 伙计 сопровождается контекстом торговых отношений, когда монголы стали применять данное слово к нечестным ханьским

торговцам, покупающим у монголов хороший мех по низким ценам. Отметим, что соотносящийся с данной лексемой русскоязычный устаревший этноним «ходя», известный на Дальнем Востоке и образованный от того же 伙计, не имеет явно пейоративной коннотации [31, с. 139]. Оба этнофолизма табуируются в речи современных китайцев, поскольку носят оскорбительный характер. В отношении монголов в китайском языке также существует устаревший этнофолизм 臊鞑子 / 骚达子 (досл. дурной монгол), выражающий презрение к монголам и другим северным кочевникам [32], однако сейчас он вышел из употребления.

Хотелось бы особо отметить, что общее историческое прошлое не всегда является обязательным условием для формирования в языке определенного значения. Так в английском языке с этнической номинацией *Mongol/Mongoloid* также связан негативный контекст, который привел к запрету на употребление данного слова и пометке "offensive" (оскорбительный) в словарях. Кроме этнической принадлежности, данная лексема являлась наименованием человека с синдромом Дауна, использовавшимся с 1860 по 1965 гг. в связи с исследованием, проведенным Дж. Л. Дауном "Observations on an Ethnic Classification of Idiots" («Наблюдение за этнической классификацией идиотов»), в котором автор описывает, что большинство его пациентов, «врожденных идиотов – типичные монголы» ("congenital idiots are typical Mongols") [33]. Несмотря на непростые исторические связи с татаро-монголами, в русском языке нет пейоративного оттенка в слове монгол – это номинация для человека, представляющего основное население Монголии, в отличие от лексемы монголоид, которая является не только номинацией для любого представителя монголоидной расы, но и жаргонизмом для описания «недоразвитого, тупого человека» [34], однако в языке не табуируется.

У Японии и Китая существуют некоторые напряженные моменты в истории их взаимодействия, например, одним из таких является Вторая японо-китайская война. Можно полагать, что наличие подобных «острых углов» имеет отражение в языке в виде этнофолизмов. Например, устаревшим примером является 倭寇 (вако) – наименование, которое китайцы использовали с XIII по XVI века для обозначения японских пиратов, контрабандистов, разорявших берега Китая и Кореи. Однако оно давно не используется, вместо него существуют презрительные обозначения 小日本 / 日本鬼子 (япошка). Стоит отметить, что лексический компонент 鬼子 (черт), сложившийся в результате сокращения от 洋鬼子 (заморский черт) – формы, возникшей в конце XIX века для описания врагов, прибывших из-за моря [12, с. 58], также применим ко всем иностранцам в качестве инвективного обращения.

В русском языке тоже существует лексема япошка, имеющая отметку «грубое, разговорно-сниженное» в словаре [35], однако не имеющее столь инвективной коннотации как 小日本 / 日本鬼子. В английском языке также существует слово *Jap* (япошка), являющееся этническим оскорблением и табуируемое для использования в обществе.

Для китайцев уничижительно из уст японцев звучит слово 支那 (Китай), однако изначально слово не имело негативной коннотации, будучи производным от *cina* из санскрита, обозначающего китайский шелк или китайский фарфор. В конце XIX века Китай потерпел поражение в Первой японо-китайской войне, принято считать, что Япония постепенно начала использовать слово 支那 для обозначения Китая в презрительном и уничижительном значении [36]. В английском языке для наименования китайцев существует этнофолизм *chink*, имеющий крайне грубую коннотацию и

образованный от топонима *China*. Также слово *chink* имеет значение *щели*, что может указывать на физиологические особенности (узкий разрез глаз) китайского народа. В русском языке сниженную окраску имеет слово *китаёза*, однако оно продолжает существовать в публичном дискурсе: «Мы не скажем в лицо американцу, что он америкаш, и китайцу не скажем, что он китаеза. Но в разговоре между собой мы эти слова употребляем» [37].

Военный конфликт Китая с Японией отразился и на Корее. Японцы направили много северокорейцев сражаться на войне, что спровоцировало у китайского народа ненависть к Корее, в результате чего в языке закрепились номинация 高丽棒子 (*корейская дубина, досл. палки из Корё*), появившаяся еще во времена династии Цин.

Для английского языка актуальны некоторые номинации не отдельных этносов азиатского происхождения, а применимые ко всем. Например, этнофолизм *yellow* (*желтый*), выражающий дискриминацию по цвету кожи, применим для всех выходцев из Западной и Юго-Западной Азии. В русском языке слово *желтый* в равной степени как и *желтокожий* применимо для номинации людей с желтым цветом кожи, в том числе азиатов, однако не имеет специальных помет в словарях [38]. Аналогичных помет в толковых словарях не имеет и слово *узкоглазый*, указывающее на физиологическую особенность азиатов – разрез глаз, в отличие от заимствованного слова *гук* (*от. англ. gook*), которое применимо ко всем азиатам, особенно в компьютерно-игровом дискурсе. Обратим внимание, что в английском языке данное слово существовало в американском военном жаргоне для номинации азиатов (корейцев и вьетнамцев) во времена Корейской и Вьетнамской войны [39].

В китайском языке этнофолизм 阿三 / 印度阿三 (*индус*) появилось в Шанхае, в британском поселении, где индийцы (сикхи) служили в качестве «мелких» полицейских. Изначально их называли 红头阿三 (*досл. красноголовый асан*), что считалось очень грубым обращением и было связано с ношением на голове красных дастаров, а также созвучием слова 阿三 с часто повторяемой ими фразой "I said..." [40]. С ношением специальных головных уборов связана пренебрежительная номинация и в английском языке *raghead* (*досл. тряпичноголовый*), употребляемая в зависимости от контекста по отношению к индийцам, арабам и цыганам. Данный этнофолизм считается неполиткорректным и активно исключается из речи. В русском же языке слово *индус*, не закреплено в словарях как уничижительное, более того, имеет устаревшее значение «индеец» и современное значение «последователь индуизма». Однако часто можно встретить и негативный подтекст в употреблении данного слова: «Хорошо, если попадет это несчастное «я» в другого человека и заживет там своей жизнью, а вдруг это будет негр, или китаец, или индус?» [37].

Как мы упоминали выше, у китайцев была традиция именовать иностранцев 洋鬼子 (*заморский черт*), в связи с этим для русских на юге Китая, особенно в Гуандуне, существовал этнофолизм 蕃鬼 (*досл. демон с буйной растительностью*), который сейчас устарел и вышел из речи. Также ранее пейоративный оттенок имела лексема 俄国老毛子 / 老毛子 (*волосатик*): «是‘老毛子’太臊性”的那种碑.» («это такое напоминание, что ‘老毛子’ очень оскорбительно») [41], однако сейчас имеет легкий ироничный оттенок. Номинация 战斗民族 (*боевая нация*) тоже закрепились в китайском языке по отношению к русским, однако совсем не имеет негативной коннотации, в словаре зафиксирована с пометой «образно». Китайцы считают, что русские обладают волевым характером и патриотизмом, что вынуждает их вступать в сражения ради своего блага: «俄罗斯民族在历史上经常受欺负, 俄罗

斯人普遍有爱国主义情怀, 在受到侵略时奋起反抗。» («В истории русская нация часто подвергалась издевательствам, и русские, как правило, испытывают патриотические чувства и поднимаются на борьбу, когда на них нападают.») [42]. Таким образом в современном китайском языке нами не были обнаружены пейоративные выражения, которые характеризовали бы русскую нацию. Стоит отметить, что нами был обнаружен этнофолизм, используемый китайцами для номинации всех американцев – 美国佬 (досл. Америка + суф. со значением «человек» в пренебрежительном оттенке). Согласно словарю [17] на русский язык данную лексику можно перевести как *янки* или *пиндос*. Первая лексема в данном значении имеет пометку «разговорный» [43], т.е. об инвективности речь не идет. Вторая, напротив, является пейоративным этнонимом наряду с этнофолизмом *америкос* [44].

Анализ практического материала показал, что в китайском языке из шестнадцати этнонимов восемь являются неполиткорректными лексемами (этнофолизмами), пять – устаревшими, а три имеют нейтральную или положительную коннотацию, в связи с чем могут считаться политкорректными; в русском языке из тринадцати этнонимов семь – неполиткорректные лексемы (этнофолизмы), один – устаревший, пять могут считаться политкорректными; в английском языке восемь из девяти этнонимов также являются неполиткорректными (этнофолизмами).

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Принадлежность человека к определенной этнической группе является одной из причин дискриминации – главной проблемы «политической корректности». Пейоративные смыслы неполиткорректных лексем, связанные с категорией расы и этноса, находят выражение в этнофолизмах.
2. Наименования этносов формируются в разных языках на основе отличных признаков в силу разной степени исторических и социальных контактов. В результате чего ассоциации, связанные с употреблением того или иного этнофолизма, используются в качестве регулятора манипулятивного потенциала политической корректности, который реализуется через подмену истинной цели высказывания ложной.
3. Этнофолизмы позволяют сформировать образ народа в сознании человека, обнаружить сходства и различия в восприятии другой этнической группы и её вербальной номинации. В китайском языке неполиткорректная лексика, выражающая расовую и этническую идентичность, преимущественно отражает историческое прошлое, в то время как в русском и английском языке появление этнофолизмов не всегда обосновано ретроспективным аспектом.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в рассмотрении китайских механизмов формирования политкорректных значений в широком спектре различных аспектов идентичности (возраст, физическое состояние и т. д.).

Библиография

1. Дьяченко И.А. Симулятивные знаки политической корректности в англо-американском манипуляционном дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Иркутск: Иркут. гос. лингвистич. ун-т, 2009. 18 с.
2. Кожемякина В.А. От политической корректности к языковой инклюзивности: эволюция понятий в контексте русской и китайской лингвокультур // Известия ВГПУ.

2022. №2 (165). С. 220–227.
3. Леонтович О.А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 194–220.
  4. Леонтович О.А. Сенситивность, политическая корректность и новые коммуникативные практики. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. Вып. 6 (848). 2021. С. 83–92.
  5. Hughes G. *Political correctness: a history of semantics and culture*. Wiley-Blackwell, 2010. 334 p.
  6. Lind W.S. "Political Correctness": A Short History of an Ideology. USA: Free Congress Foundation, 2004. 50 p.
  7. Борисова И.З. Динамика региональной идентичности в условиях поликультурного государства: на примере якутов (Россия) и бретонцев (Франция): автореферат дис. ... доктора культурологических наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. 55 с.
  8. Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Волгоград: ВГСПУ, 2015. 42 с.
  9. Бутаков П. А. Использование этнофолизмов в текстах китайских СМИ Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: Материалы IX Международной студенческой научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 09 апреля 2018 года. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2018. С. 272–275.
  10. Комарова В. В. Этнофолизм как элемент языка вражды // Языки и культуры стран Северной Европы: исследование, преподавание, перевод : тезисы Международной научно-практической конференции, Москва, 02–04 апреля 2019 года. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2019. С. 36–37.
  11. Носкова С.А., Влавацкая М.В. Этнофолизмы как единицы риторики ненависти в контексте проявления «Cancel Culture» // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2023. Т. 17, № 1. С. 83–90.
  12. Смирнов И.Б., Лю Д. Экзотизмы и этнофолизмы в китайском языке // Перевод. Язык. Культура: V Международная заочная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 28 февраля 2014 года. СПб: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. С. 57–83.
  13. Титлова А.С. Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2017. 23 с.
  14. Mullen B., Leader T. *Linguistic Factors: Antilocutions, Ethnonyms, Ethnophaulisms, and Other Varieties of Hate Speech // On the nature of prejudice: Fifty years after Allport*. Blackwell Publishing, 2005. pp. 192–207.
  15. Rice D.R., Abrams D., Badea C., Bohner G., Carnaghi A., Dementi L.I., Durkin K., Ehmann B. What did you just call me? European and American ratings of the valence of ethnophaulisms // *Journal of Language and Social Psychology*. 2010. 29 (1). pp. 117–131.
  16. 辛全民 (Синь Цюанмин) 传教士与民族歧视用语[J] (Термины миссионерской и этнической дискриминации). 兰台世界(Мир Лантай): 上旬(июнь), 2007.
  17. Большой китайско-русский словарь (БКРС) [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 24.05.2023)
  18. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 24.05.2023).

19. 知书词典 (Словарь Чжишу) [Электронный ресурс]. URL: <https://kegood.com/> (дата обращения: 24.05.2023).
20. Кунилова К. История дискриминации // Образовательный портал «Справочник» [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnick.ru/sociologiya/ponyatie_diskriminacii/istoriya_diskriminacii/ (дата обращения: 17.05.2023).
21. Discrimination [Электронный ресурс] // Etymology Dictionary. URL: <https://etymology.en-academic.com/12720/discrimination> (дата обращения: 17.05.2023).
22. Вашанова О.В. Принцип недискриминации личности в международном праве: автореф. дис.... кандидата юридических наук. Москва: МГЮА, 2004. 26 с.
23. Буряковская В.А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков): диссертация ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2000. 209 с.
24. Тонтоева Т.В. Этнофолизмы как индикаторы динамики этнической идентичности [Электронный ресурс] // *Juvenis scientia*. 2016. №2. С.97-100.
25. Комарова В.В., Осьмак Н.А. Этнофолизм как элемент языка вражды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. №5 (834). С. 117-127.
26. Грищенко А.И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции, Москва, 08–09 июня 2007 года. Москва: Ремдер, 2007. С. 40-52.
27. “老外”是贬义词吗(望海楼)(Является ли “老外” уничижительным термином) [Электронный ресурс]. URL: <http://news.sohu.com/20071221/n254214163.shtml> (дата обращения: 30.05 2023).
28. 中国人称外国人为“老外”，是不是有歧视的意思？该怎么向外国学生解释呢？(Является ли дискриминацией со стороны китайцев называть иностранцев “老外”? Как я могу объяснить это иностранным студентам?) [Электронный ресурс] URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/577908196> (дата обращения: 30.05 2023).
29. Ожегов С.И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14800> (дата обращения: 24.05.2023).
30. 曾属中国统治的蒙古国, 称呼国人为“胡扎”? 听完你还想去吗? (Монголию, которая когда-то находилась под властью Китая, китайцы называли "Хуза"? После всего ты все еще хочешь поехать?) // 百家好[Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759402684091634986&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 24.05.2023).
31. Забияко А.А. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы восприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 135-151.
32. 骚达子 (Дурной монгол) [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/item/骚达子?fromModule=lemma_search-box (дата обращения: 30.05 2023).
33. Down J.L.H. Observations on an Ethnic Classification of Idiots [Электронный ресурс]. London Hospital Reports, 3 1866. URL: <http://th-hoffmann.eu/archiv/down/down.1866b.pdf> (дата обращения: 24.05.2023).
34. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.) [Электронный ресурс] / под ред. В.С. Елистратова // ГРАМОТА.РУ, 2002. URL: <https://rus-russian-argo.slovaronline.com> (дата обращения: 24.05.2023).
35. Словарь-тезаурус синонимов русской речи [Электронный ресурс] / под общ. ред.

- проф. Л.Г. Бабенко. URL: <https://udarenieru.ru/index.php?word=on&sinonim=япошка> (дата обращения: 24.05.2023).
36. 支那 (Китай) [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/支那/1056357> (дата обращения: 24.05.2023).
37. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.05.2023).
38. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Гос ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. Т. 1. Стб. 855.
39. Gook [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20080927152608/http://dictionary.reference.com/browse/gook> (дата обращения: 24.05.2023).
40. 印度阿三(Индус) [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/item/印度阿三/1880950?fromModule=lemma_search-box&fromtitle=阿三&fromid=3464889 (дата обращения: 24.05.2023).
41. Center of Chinese Linguistics PKU (CCL) (Онлайн корпус Пекинского университета) [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search?q=老毛子&q1=毛子&LastQuery=毛子&start=0&num=50&index=FullIndex&outputFormat=HTML&encoding=UTF-8&isForReading=no&dir=xiandai&maxLeftLength=30&maxRightLength=30&neighborSortLength=0&orderStyle=score&scopestr=&search=搜索# (дата обращения: 24.05.2023).
42. 战斗民族(Боевой народ) [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/item/战斗民族/15815792?fromModule=lemma_search-box#reference-1-15728553-wrap (дата обращения: 24.05.2023).
43. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. С.А. Кузнецова. СПб: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 24.05.2023).
44. Ашкинази Л.А., Гайнер М.Л., Кузнецова А. Исследование общества посредством Интернета // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии: научный журнал. 2009. Т. 101. Вып. 3. С. 34-43.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа выполнено на стыке социолингвистики и теории коммуникации, что, несомненно, делает ее привлекательной как в плане методологии, так и верификации полученных результатов. Смежный характер, сравнительно-сопоставительный тон научных изысканий зачастую является продуктивным и действенным, что собственно и подтверждает данная статья. Цель работы обозначена четко, она сводится к тому, чтобы в ходе анализа проблемы выявить национально-специфические особенности происхождения неpolitкорректной лексики китайского языка, выражающей расовую и этническую принадлежность, в сравнении с русским и английским языками. Точность цели задает и особую внутреннюю логику повествования, с учетом чередования информационного теоретического звена с собственно практическим. Автор отмечает, что «новизна исследования заключается в том, что этнофолизмы в китайском, русском и английском языках рассматриваются в связи с проблемой политической корректности, что ранее не являлось объектом комплексного

сопоставительного анализа». Думаю, что данное заявлено слишком громогласно, но отчасти в нем есть доля истинности, так как иллюстративный ряд явно расширен и видоизменен, нежели в смежных тематически проектах. Для анализа практического материала используется ряд методов: 1) метод доступной выборки для отбора материала исследования из лексикографических источников, а также контекстов из лингвистических корпусов; 2) дефиниционный анализ для выявления значений этнонимов; 3) контекстуальный анализ для определения связи исследуемых единиц с их окружением, выявления коннотаций. Конкретика методов необходима для того, чтобы материал, наработанный на начальном этапе, был объективно проанализирован и оценен. Считаю, что уместно автор дробит текст на условно-смысловые параграфы, это позволяет читателю двигаться вместе с исследователем, ступенчато преодолевая этапы раскрытия темы. Фактический блок данных информативен, пространен, расширен, считаю, что это также является положительным моментом в данной статье. Например, «понятие дискриминации имеет тесную взаимосвязь с явлением политической корректности, ставшим одним из важнейших вопросов современного общества начала XXI века. Политическая корректность представляет собой социолингвистическое явление, основанное на исключении из дискурса языковых и неязыковых средств, способствующих дискриминации меньшинств по каким-либо категориям идентичности (раса, пол, возраст и др.)», или «экспрессивные этнонимы, имеющие дискриминирующий характер, могут быть обозначены термином «этнофолизмы». Этнофолизмы совмещают в себе два ключевых фактора, которые дают нам право относить их к категории неполиткорректной лексики: этническую составляющую и пейоративность. В данном исследовании мы понимаем этнофолизм как «уничижительное эмоционально-оценочное наименование для представителей расовых, национальных или этнических групп...» и т.д. Иллюстративный фон богат, объемён, примеры вводятся неформально, но с учетом тематического коннотативного звена: например, «Китай и Монголию связывает богатое историческое прошлое, в котором много периодов как хороших, так и плохих отношений. Китайцы называют Монголию 外蒙古 – (Внешняя Монголия), таким образом, акцентируя внимание на ее обособленности и отличии от 内蒙古 (Внутренняя Монголия) – автономного округа КНР. Монголы называют китайцев 胡扎 (досл. безрассудный + травмировать) или 伙计 (торговец, приятель). Согласно этимологии слово 胡扎 произошло от слова 伙计 из шаньсийского диалекта. Значения частей лексемы не содержат в себе отрицательных компонентов, однако пейоративная окраска формируется за счет исторического контекста, согласно которому во времена правления династии Цин монголы находились в низменном положении, поэтому ханьцы в провинциях Шаньси и Хэбэй в Китае часто издевались над ними», или «у Японии и Китая существуют некоторые напряженные моменты в истории их взаимодействия, например, одним из таких является Вторая японо-китайская война. Можно полагать, что наличие подобных «острых углов» имеет отражение в языке в виде этнофолизмов. Например, устаревшим примером является 倭寇 (вако) – наименование, которое китайцы использовали с XIII по XVI века для обозначения японских пиратов, контрабандистов, разорявших берега Китая и Кореи. Однако оно давно не используется, вместо него существуют презрительные обозначения 小日本 / 日本鬼子 (япошка). Стоит отметить, что лексический компонент 鬼子 (черт), сложившийся в результате сокращения от 洋鬼子 (заморский черт) – формы, возникшей в конце XIX века для описания врагов, прибывших из-за моря, также применим ко всем иностранцам в качестве инвективного обращения» и т.д. Материал достаточно продуктивно можно использовать при изучении лингвистических дисциплин, курсов сопоставительного / компаративного толка. Автору удалось, на мой взгляд, раскрыть основную тему работы, показать насколько значим этот вопрос в языковом, социологическом, политическом, культурном планах. В финальном блоке

отмечено, что «анализ практического материала показал, что в китайском языке из шестнадцати этнонимов восемь являются неполиткорректными лексемами (этнофолизмами), пять – устаревшими, а три имеют нейтральную или положительную коннотацию, в связи с чем могут считаться политкорректными; в русском языке из тринадцати этнонимов семь – неполиткорректные лексемы (этнофолизмы), один – устаревший, пять могут считаться политкорректными; в английском языке восемь из девяти этнонимов также являются неполиткорректными (этнофолизмами)». Заключение сводится к некоей формальной дифференциации итогов исследования. Неплохо, что автор отмечает продуктивность рассмотрения вопроса, оговаривая, что «перспективы дальнейшего исследования заключаются в рассмотрении китайских механизмов формирования политкорректных значений в широком спектре различных аспектов идентичности (возраст, физическое состояние и т. д.)». Работа полновесна, объективна, целостна; серьезная правка текста излишня. Статья «Этнофолизмы в китайском языке как отражение расовой и этнической идентичности: вопросы политической корректности» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Митрович К.З. — Формы литературной игры у П.Г. Вудхауза (на примере романа «The Code of Woosters») // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.38528 EDN: MZJVIU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38528

Формы литературной игры у П.Г. Вудхауза (на примере романа «The Code of Woosters»)

Митрович Кристина Зорановна

аспирант, Гуманитарный институт, Балтийский Федеральный Университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14

✉ 765chrismi@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.38528

EDN:

MZJVIU

Дата направления статьи в редакцию:

29-07-2022

Аннотация: Предметом исследования является роман П. Г. Вудхауза «The Code of Woosters» («Фамильная честь Вустеров»). Объект исследования — формы и приемы проявления литературной игры, используемые с целью создания комического эффекта. Автор подробно рассматривает невербальные средства, которые наряду с вербальными способны создавать и увеличивать комизм в произведении. В статье уделяется внимание таким аспектам темы, как проявление игрового начала посредством театрализации, продемонстрированной в поведении главного героя, аллюзий на персонажей других произведений, а также референции к некоторым историческим личностям, комбинации поэтологических и вербальных особенностей и других средств интертекстуальности и интермедальности. Основным выводом проведенного исследования является использование П. Г. Вудхаузом в романе «The Code of Woosters» сочетания черт английской юмористической традиции: место действия, главные герои, с литературной игрой для создания комического эффекта. Такой необычный прием выделяет писателя в комедийном жанре. Особым вкладом автора в исследование темы является изучение конкретных приемов и форм литературной игры, используемых писателем в данном романе. Поднимается вопрос о интертекстуальности и интермедальности как игровых

элементах, которые усиливают комизм персонажей и их образов, ситуаций, также рассматривается игровое поведение главного героя в качестве формы выражения интертекстуальности.

Ключевые слова:

литературная игра, комический дискурс, интертекст, интертекстуальность, интермедальность, игровая поэтика, аллюзии, референции, английская юмористическая традиция, характерология

Введение

Ценность игры в художественной литературе проявляется, когда автор намеренно заостряет внимание читателей не только на том, что он выражает, но и на тех способах, которыми он это делает. В трудах мыслителей XIX–XX вв. всегда подчеркивалась огромная значимость игрового начала в жизни и искусстве. Значимый вклад был внесен Ф. Шиллером, Й. Хейзингой, Р. Кайуой, которые дали теоретическое обоснование игре как важному элементу культуры. Отечественные литературоведы: М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Шкловский, Б. В. Томашевский и другие пытались раскрыть значение игрового начала в литературе относительно сюжета, персонажей, автора и читателя, что представляет особенный интерес для современных исследователей, так как до появления их трудов главной движущей силой комедийного жанра была игра языковая.

Выдающийся историк культуры Й. Хейзинга в своем классическом трактате «Homo Ludens. Человек играющий» выделял два основных типа репрезентации игры: состязание (агональный тип) и представление (театральный тип) [\[1\]](#). К первому типу относятся все виды игр, которые предполагают соперничество, а действия всех играющих направлены на победу. Игра как представление может быть разделена на два вида: спектакль и воображение. По мнению исследователя, элементы игры можно обнаружить практически везде: в искусстве и философии, в судебной системе и даже в военном деле. Элементами игры может считаться все: от политического закулисья до борьбы «музыкальных партий» [\[1, с. 66\]](#). Исключением не стал и художественный текст, который сам по себе включает множество игровых моментов, затрагивающих переключение с элементов, традиционно входящих в тот или иной жанр, на нестандартные для него. Об этом говорил М. Ю. Лотман при разработке своей концепции «текст в тексте», где автор может играть на противопоставлении реального и условного в рамках одного произведения [\[2, 176\]](#). В качестве примера Лотман приводит использование Шекспиром пьесы в пьесе в «Гамлете».

В дальнейшем Лотман развил эту идею в статье «Декабристы в повседневной жизни». Изучая тему историко-психологической характеристики декабризма, он говорил о том, что сохранившиеся документы и памятники культуры демонстрируют наличие определенной программы у декабристов, что характеризует их как уникальный культурно-исторический тип людей. Несмотря на принадлежность к такому крупному сообществу, человек также способен реализовывать в своем поведении не одну, а несколько стратегий, актуализируя определенный тип поведения в различных жизненных ситуациях [\[3\]](#).

Таким образом, а мы имеем дело с игровым поведением, когда человек переносит в реальную жизнь ситуации игры, он словно исполняет роль в собственном спектакле,

перевоплощается, привнося «театральную игру» в жизнь как сценарий и модель поведения.

Игра обладает свободным характером, что является ее главным признаком, она противопоставляется обыденности. Говоря о поведении человека, обыденность – определенные нормы (сценарии), устоявшиеся в сознании носителей схожих культурных ценностей, тогда как игра – инвариантность, реализовавшаяся в отдельно взятом случае, когда человек решает отойти от сценария и действовать, выходя за его рамки.

Проводя аналогию с литературоведением, обыденность – это каноны жанра, литературная традиция, нормы литературного языка, а игра – осознанное нарушение устоявшихся норм, которое меняет угол восприятия литературного произведения.

Литературная игра может вестись как на уровне метатекста (внутренняя композиция, языковая игра, репрезентация нарратора), так и интертекста (подражание, цитирование, палимпест, аллюзии, плагиат, стилизация, бриколаж, самоповторы и другие). Литературная игра всегда направлена на один или несколько аспектов текста: язык, текст, контекст, сюжет и композиция, фигуры автора и читателя [4, с. 53]. Игра в художественном произведении может создавать определенный образ, являться средством выражения культурных стереотипов и образов, она также способствует реализации комического эффекта.

На данном этапе рассмотрения проблемы наиболее изученными остаются языковые проявления игры в тексте, однако влияние неязыковых, в частности интертекстуальных, остается малоизученным.

Интертекст

Проблема взаимодействия «своего» и «чужого» в литературе поднималась еще М. М. Бахтиным в статье «Проблемы творчества Достоевского» [5] и была теоретически развита в трудах известного ученого Юлией Кристевой с опорой на концепцию диалогизма [6].

Бахтин писал, что языковой диалогизм — это результат акта заимствования, при котором происходит проникновение в ткань авторского текста фрагментов чужого текста и взаимное изменение этих двух данностей [7]. Кристева утверждала, что интертекстуальность — не подражание и не воспроизведение, а транспозиция, что подчеркивает динамическую природу интертекстуальности [6].

Художественное произведение так или иначе ориентируется на художественную традицию, даже в тех случаях, когда автор отрицает схожесть своих произведений с другими авторами. Он всегда связан с другими писателями, разделяющими с ним одну и ту же литературную традицию.

По мнению Натали Пьеге-Гро, любой текст считается интертекстом, так как в него проникают фрагменты культурных кодов, различные выражения, а также ритмические модели [8, с. 10]. Однако неправильно считать, что интертекстуальность сводится к проблеме источников и влияний [9, с. 35]. Интертекстуальность многогранна, а многие ее проявления выходят за рамки прямых цитирований и аллюзий.

Творчество Вудхауза тесно связано с английской юмористической традицией, оно является ее частью и живет внутри нее. Ее богатая история начинается с комедий Шекспира, который зачастую использовал в качестве юмористической основы —

народный юмор. Его же перу принадлежит демонстрация интеллектуальной доминанты своих героев благодаря созданию юмористических ситуаций. Продолжателями традиции после Шекспира стал Джонатан Свифт с его политической сатирой, Генри Филдинг с житейским юмором и Чарльз Диккенс, который был известен благодаря юмористическому описанию характеров главных героев в «Пиквикском клубе». Ближе к XIX веку в комическом вновь стали доминировать языковые формы проявления юмора, призванные продемонстрировать остроумие героев.

Комедийный дискурс в английской традиции имеет и некоторые характерные особенности, например, главными героями часто становятся представители высоких сословий, а действие разворачивается в Лондоне или его окрестностях, в особняке, закрытом клубе.

Вудхауз, как носитель той же традиции, что и его предшественники, следует уже намеченному пути, главные герои — аристократ и его камердинер, а многие юмористические ситуации раскрываются через различия социальных статусов и неловкости при взаимодействии, что показывает некий след, оставленный родовой традицией в творчестве автора. Вудхауз обогащает его, используя литературную игру. Берти Вустер — один из главных героев произведения, разрабатывает сценарии театрализованного поведения в действительности: жизнь — театр, игра! При рассмотрении романа «The Code of Woosters» можно выделить несколько потенциальных сценариев, которым пытается следовать Берти. Первым и основным становится посещение тети Далии в ее шикарном поместье. Главный герой полагает, что, гостя у своей тетки, он только и будет, что наслаждаться прекрасной кухней ее повара Анатоля, однако по приезду, он узнает, что у его тетки были совершенно другие планы относительно его пребывания, а он будет вынужден «сыграть» не роль «повесы», которую он обычно демонстрирует в обществе, а роль «вора». Таким образом, герой начинает разрабатывать уже следующий сценарий, чтобы угодить своей тетушке и поскорее вернуться к своей обычной роли. Все эти события приводят к череде курьезных случаев, но не позволяют герою достигнуть своей цели, и его камердинеру Дживсу приходится вмешиваться и спасать положение.

Вустер воплощает театральную игру в жизнь на страницах произведения, тем самым привнося элементы драмы в роман. Таким образом, можно сказать, что Вудхауз не только использует традиционные элементы английского юмористического дискурса, для данной серии ими стали: главный герой — аристократ, загородное поместье, но и обогащает юмористический жанр, применяя игру на уровне интертекста, используя элементы театра внутри повествования.

Прибыв в Тотли Тауэрс, загородное поместье, где обитает сэр Уоткин Бассет, у которого и придется выкрасть столь необходимую тетушке вещь — сливочник в виде коровы, он понимает, что придется выполнить не только поручение дражайшей родственницы, но и постараться выпутаться из тех передряг, в которые он попадет. Стефани (Стиффи) Бинг — второстепенный персонаж серии «Дживс и Вустер», племянница Бассета, мечтает выйти замуж за приходского священника — Гарольда Пинкера. Последний, по мнению ее дяди, является не лучшей кандидатурой для нее. Девушка не находит способа лучше, чем использовать шантаж, чтобы справиться со своими проблемами, жертвой которого непременно становится Берти. Все это приводит к смене сценария, который он изначально наметил. Поэтому главному герою вместо роли «похитителя сливочника» теперь придется играть роль «жениха».

«...Just imagine, Bertie, darling, how he would feel if you told him **I wanted to marry you.**

Why, if after that I said "Oh, no, Uncle Watky. The chap I really want to marry is the boy who cleans the boots," he would fold me in his arms and promise to come and dance at the wedding (выделено мной – К. М.)» [\[10, с. 323\]](#).

Реплика Стиффи ознаменует начало нового «сценария» для Берти, теперь он должен разыгрывать его перед стариком Бассетом. По ее задумке дядюшка согласится на кого угодно в качестве ее жениха, даже на чистильщика обуви, если узнает, что его племянница видит себя женой повесы Вустера.

На этом приключения Бертрама не заканчиваются, следующая роль, которую приготовила для него Стефани — роль «похитителя», однако не сливочника, а каски. Ее жених Гаррольд не соглашается по прихоти похитить у полицейского Родерика Спода каску, но в скором времени, чтобы доказать свою любовь, ему приходится пойти на такой отчаянный шаг. Спод после инцидента с похищением объявляет поиски своего имущества, а Стиффи, чтобы отвести подозрения от будущего мужа, мотивирует Берти взять вину на себя.

*«Well, what I mean is your **reputation won't really suffer much**, will it? **Everybody knows that you can't keep your hands off policemen's helmets**. This'll be just another one* (выделено мной – К. М.)» [\[10, с. 375\]](#).

Приведенный выше отрывок демонстрирует, что о Берти люди не очень высокого мнения и, если все узнают, что похитителем был он, то никто не удивится, ведь он уже совершал подобное преступление. Таким образом, в рамках одного произведения Вудхауз показывает нам несколько пьес, где Берти воплощает определенные роли, навязанные им самим или другими персонажами.

Игра в тексте может быть представлена и более традиционными проявлениями интертекстуальности. В мире художественной литературы существует немало прекрасных дуэтов, например, Шерлок Холмс и доктор Ватсон авторства А. Конан Дойля. Эти персонажи яркие и запоминающиеся в книгах их зачастую противопоставляют друг другу.

Шелок Холмс — главное действующее лицо этой серии рассказов. Он представляется читателю интеллектуалом, способным находить разгадки на самые шокирующие тайны, в то время как доктору Ватсону отводится роль писаря, который фиксирует все их совместные подвиги. Холмс находится в доминирующем положении, однако нельзя сказать, что доктор ему проигрывает.

Вудхаузовская пара главных героев перекликается со знаменитыми Дойлевскими персонажами, но они отнюдь не являются полностью идентичными. Если ум Дживса можно сравнить с умом Холмса, то Берти уступает Ватсону. Подобный контраст легко улавливается, и, находя сходство с двумя прекрасно известными героями, читатель ожидает увидеть такой же прекрасно сбалансированный дуэт, однако его надежды рушатся. Если текст «Записок о Шерлоке Холмсе» неоднократно демонстрирует читателю подтверждение литературного гения доктора, то с Берти все иначе. В отличие от Ватсона, который фиксирует все подвиги Холмса, в противовес этому он может предоставить лишь свой единственный труд — статью, написанную для женского журнала тети Далии. Противопоставление главных героев двух знаменитых серий увеличивает комический эффект, так как аллюзия становится явной для читателя, при этом, сравнивая дуэты, интеллектуальная составляющая Вудхаузовской пары персонажей явно проигрывает Дойлевской. Это дополнительно подчеркивается в самом тексте романа через эпизоды, когда Вустер безуспешно пытается развернуть сценарий детективного

расследования.

*«I couldn't have made a better shot, if **I had been one of those detectives who see a chap walking along the street and deduce that he is a retired manufacturer of poppet valves named Robinson with rheumatism in one arm, living at Clapham** (выделено мной – К. М.)»* [\[10, с. 268\]](#).

Берти любит читать детективы и нередко, когда подворачивается случай, он изящно прорисовывает в своей голове детали и обстоятельства дел, которые, как ему кажется, он вот-вот раскроет. Он, таким образом, подготавливает сценарий для будущего спектакля в жизни, где главным действующим лицом будет он сам.

В подтверждение этому, рассмотрим еще одного легендарного детектива, упомянутого самим Бертарамом, Эркюля Пуаро.

*«Well, you can see that for yourself, I mean to say. I mean, imagine how some unfortunate Master Criminal would feel on coming down to do a murder at the old Grange, if he found that not only was **Sherlock Holmes** putting in the weekend there, but **Hercule Poirot**, as well (выделено мной – К. М.)»* [\[10, с. 221\]](#).

Такая мысль пронеслась в голове у Берти, когда он узнал о том, что в Тотли-Тауэрс гостит не только сэр Уоткин Бассет, но и Родерик Спод, два второстепенных героя, которым он уже успел достаточно насолить. В данном случае Берти не питает иллюзий по поводу своей способности противостоять им, поэтому он сравнивает их непосредственно с Эркюлем Пуаро и Шерлоком Холмсом, подчеркивая свою интеллектуальную несостоятельность.

Референции к знаменитым детективам создают «эффект реальности», так как Бертрам Вустер, являясь вымышленным героем, вспоминает о других персонажах известных произведений. Эксплицитная интертекстуальность, по мнению Пьеге-Гро, служит для установления отношения *in absentia*, к ней прибегают, когда требуется лишь отослать читателя к иному тексту, не приводя его дословно [\[8, с. 34\]](#).

Литературная традиция знает немало ярких дуэтов, состоящих из господина и слуги. Такой тандем уже давно стал частью литературной традиции, особенно проявившись в комическом жанре. В качестве комедийной составляющей часто выступает противопоставление стереотипного представления читателя об образах господина и его поданного образу, созданного автором. Чаще всего, в стереотипе представлении, аристократ — это глубоко эрудированный человек, имеющий за плечами очень хорошее образование, в то время как слуга имеет усеченные представления о мире и испытывает явный недостаток образования. В комическом жанре автор прибегает к ролевой инверсии, показывая героев принципиально иначе. Как правило, слуга наделяется недюжинным умом и эрудицией, при этом представитель голубых кровей превращается в простофилю, который не в состоянии прожить ни дня без неприятностей.

Благодаря интертекстуальности изменения происходят в самом литературном произведении независимо от жанра, к которому оно относится. Наблюдая за дуэтом Дживса и Вустера, можно увидеть, как автор следует традиции, изображая камердинера как человека опытного, знающего и уравновешенного, в то же время, наделяя его работодателя противоположными качествами. Нельзя не заметить сходство с подобными парами героев и в других произведениях, например, оруженосец Санчо Панса и Дон Кихот, или же мистер Пиквик и Сэм Уэллер, где комический эффект создавался при

помощи противопоставления характеров, оттеняя и подсвечивая друг друга [\[11, с. 49\]](#). В каждой из этих пар слуге отдается роль исключительно положительного героя и интеллектуала, которая противопоставляется роли непутевого господина.

Вустер чувствует превосходство Дживса и на протяжении всего произведения отмечает его ум и сообразительность. Например, когда обстановка в особняке Бассета накаляется: Берти крадет сливочник, а его друг, Финк-Нотл, пытается выкрасть назад свой дневник, где были записаны шутки о хозяине поместья, только Дживс, сохраняя ледяное спокойствие, говорит о том, что Гасси, покидая дом, мог бы прихватить и чемоданы Берти, куда и был спрятан драгоценный сливочник. На что Вустер восторженно замечает:

« — *Once again **your swift thinking has averted disaster as it loomed!***

— *It is very kind of you to say so, sir* (выделено мной – К. М.)» [\[10, с. 370\]](#).

Острый ум камердинера также пригодился, когда Берти не знал, как ему отделаться от Спода. Однако Дживс вовремя вспомнил, что в клубе, в котором они оба состоят, каждый новый член обязан поделиться какой-либо сокровенной тайной. Именно эта информация очередной раз спасает непутевого хозяина, оставляя у него место только для восхищения:

«*As for Jeeves, one could see **that the faithful fellow was tickled pink at having been able to cluster round and save the young master in his hour of peril.** His motto is "Service"* » [\[10, с. 370\]](#).

«...*I would like **to pay you a stately tribute** on the accuracy of your information re Spode. A hearty vote of thanks, Jeeves* (выделено мной – К. М.)» [\[10, с. 303\]](#).

Вудхауз следует традиции комического жанра, что прослеживается через использование эксплицитных средств интертекстуальности, однако автор также вносит в жанр и новые элементы, используя игру для создания комического эффекта.

Характерология

Использование игры на уровне метатекста уже строит определенный образ в глазах читателя, представляя некоторые архетипы данного литературного жанра.

Характеры главных героев также способны раскрываться через игру с именами собственными и образами, формируя внутритекстовые портреты, которые выполняют дополняющую функцию в симбиозе речевой и собственно портретной характеристики (описание внешности, характерологическая деталь, костюм и др.) главного героя.

Поэтологические и вербальные особенности успешно комбинируются автором для реализации образа персонажа, усиливая комический аспект. Вербальные средства в комедийном жанре считаются наиболее прямым средством выражения комического, однако Вудхауз вновь демонстрирует нестандартный подход к его проявлениям, используя литературную игру посредством комбинации разных стилистических и жанровых пластов. Так, образ учтивого камердинера Дживса дополняется сдержанными выражениями. Нередко он поправляет своего работодателя, который в отличие от своего слуги, не упускает возможности использовать стилистически сниженную лексику.

« *"Very well, then. You agree with me that the situation is a **lulu?**" "Certainly, **a somewhat sharp crisis in your affairs** would appear to have been precipitated, sir."* I drove on,

brooding. (выделено мной – К.М.)» [\[9, с. 226\]](#).

Лексема «lulu» является сленговым выражением, не показывает то, насколько плохи дела, и противопоставляется более тактичному «a sharp crisis», употребленному Дживсом. То есть оно противопоставляется тому выражению, которое скорее пристало употреблять образованному аристократу. Сниженная, сленговая лексика, неточное цитирование составляют элементы вербальной речевой самохарактеристики персонажа, а ошибочное авторство употребляемых Вустером цитат деформируют образ главного героя, формируя ироническое его восприятие читателем.

Своеобразная ролевая инверсия, которая присутствует в паре «слуга-господин» у Вудхауза, дополнительно усиливается также и при помощи интермедиального дискурса.

Несмотря на то, что Берти Вустер — выпускник Оксфорда, его познания в гуманитарной сфере, равно как и в любой другой, поверхностны, а выводы, которые он делает, зачастую ошибочны.

« "Yes, sir. But since then, I have been giving the matter some thought, and am now in a position to say 'Eureka!'"

"Say what?"

"Eureka, sir. Like Archimedes."

"Did he say Eureka? I thought it was Shakespeare (выделено мной – К. М.)» [\[9, с. 377\]](#).

В данном фрагменте Берти ошибочно приписал высказывание Архимеда Шекспиру.

Идентификация авторства в цитировании имеет свою, содержащую комический подтекст и аксиологическую особенность: Берти, зачастую употребляя какое-либо выражение, не зная его автора или источника или точного значения, приписывает его Дживсу, так как слышал именно от него.

«*I am always anxious to oblige the right sort of aunt, but I was compelled to put in what Jeeves would have called a **nolle prosequi*** (выделено мной – К. М.)» [\[9, с. 309\]](#).

Латинское выражение «nolle prosequi» является фразеологизмом юридического дискурса, насыщая текст интердискурсивными включениями, взаимодействующими с интертекстуальными. Однако Берти, несмотря на частое использование данного выражения, не подозревает об этом, что это характеризует прежде всего его самого и увеличивает комический эффект сказанного им.

Игра также проявляется и в использовании такой разновидности интердискурсивности, как исторический и шире — культурологический дискурс — культурные приметы эпох. В тексте немало упоминаний исторических и политических деятелей, актеров и просто популярных людей XX века.

«*I saw immediately what Madeline Bassett had meant when she said that he had lost his diffidence. Even across the room one could see that, when it came to self-confidence, **Mussolini** could have taken his correspondence course* (выделено мной – К. М.)» [\[9, с. 234\]](#).

Например, можно найти сравнение Мадлен Бассет, одной из второстепенных героинь романной серии, с Муссолини, так как, несмотря на свою мечтательность и сентиментальность, она проявляет эгоизм и шантажирует главного героя.

Берти Вустер не прочь блеснуть и своими знаниями истории, на требование своей тетки Далии выкрасть антикварный сливочник, во время разговора с Дживсом он произносит следующее:

« *"If I had my life to live again, Jeeves, I would start it as an orphan without any aunts. **Don't they put aunts in Turkey in sacks and drop them the Bosphorus?**"* (выделено мной – К. М.)» [\[9, с. 218\]](#).

На что Дживс отвечает, что бросали они одалисок, а не тётушек. Берти раз за разом демонстрирует свою несостоятельность в качестве отпрыска благородного рода, так как аристократам приписываются блестящие знания, как минимум в области гуманитарных наук. Особенно хорошо им должно удаваться цитирование. Однако Вустера и здесь ждёт неудача, он не только забывает часть крылатого выражения римского сатирика Ювенала, но и, к тому же вкладывает в него популярное толкование.

«*I have said that that sojourn of mine in the T, bath had done much to re-establish the **mem sana in corpore what-not*** (выделено мной – К. М.) » [\[9, с. 210\]](#).

Берти постулирует взаимосвязь душевного и физического здоровья, что в корне противоречит оригиналу, в котором речь идет о гармонично развитом человеке, которому присуще и то и другое. Берти нередко пытается украсить свою речь цитатами, однако его неспособность сделать это правильно лишь усиливает комизм, так как выдает его неглубокие познания.

Комизм в паре главных героев придаёт не только несоответствие, но и характерологичность, проявляющуюся в полной инверсии их ролей. Берти Вустер должен был подтвердить свой аристократический статус, однако он очень сильно уступает своему камердинеру, который не раз демонстрирует свое интеллектуальное превосходство, что и показывает автор через литературную игру.

Повествование

В комическом тексте манера повествования сама по себе способна создавать и усиливать комический эффект, что очень четко прослеживается в серии «Дживс и Вустер». Так, автор намерено использует в большинстве романов и рассказов «Я-Форму» повествования [\[11, с. 198\]](#), благодаря чему читатель ощущает собственную сопричастность с событиями больше, чем при повествовании от третьего лица. Форма повествования от первого лица подчеркивает также и близость главного героя. На страницах романа применение повествования от этой формы открывает и другую драматическую особенность комической серии – использование диалогической формы в сочетании с эпическим повествованием. Однако, поскольку поведение героя в жизни изображается театрализованным, словно по сценарию, то в эпическое произведение включаются драматологические элементы поэтики (акцентированный диалогизм наряду с нарративными особенностями), создавая симбиоз поэтики эпического и драматургического произведения. Своеобразие повествования романа раскрывается через игру с сочетанием монологической речи (мыслей и рассуждений Вустера) и диалогов с Дживсом. Берти чередует собственные сценарии с моментами озарения, когда понимает беспомощность и нелогичность своего плана, и вынужден обратиться к толковому человеку (Дживсу), чтобы он помог разрешить ситуацию.

Сочетания двух типов дискурса в юмористическом произведении является удачным писательским решением для саморазоблачения героя, закрепляя тем самым у читателя

мысль, что Берти Вустеру нельзя доверять. Это дает автору возможность самоустраниться, тем самым, раскрепощая героя, делая его свободным от авторской оценки и от осуждения. В то же время читатель становится ближе к повесе Вустеру, который обладает довольно скудным внутренним миром, что резонирует с всеобщими представлениями об аристократах, как богатом и образованном сословии, оставляя читающего в недоумении, создавая комический эффект.

Выводы.

Вудхауз, будучи знаковым автором XX столетия и продолжателем английской комедийной традиции, демонстрирует в своем творчестве множество черт, объединяющих его с другими яркими представителями комедийного дискурса. Однако, анализируя его роман "The Code of Woosters", мы пришли к выводу, что автор сумел внести и новаторские черты в комедийный жанр. Активное использование литературной игры: разнообразных приемов интертекстуальности и интермедальности выделяет Вудхауза среди других авторов этого жанра, представляя взору читателей новый взгляд на комическое.

Библиография

1. Huizinga J. Homo Ludens: A Study of the Play-Element in Culture. Connecticut: Martino Fine Books, 2021. 243 p.
2. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. 2002. 543 с.
3. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни / Ю. М. Лотман // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/DECLLOT.HTM> (дата обращения: 11.05.2022).
4. Светашёва Т.А. Литературная игра, ее феноменологическое осмысление и типология в русской поэзии второй половины XX в. // Человек в социокультурном измерении. 2021. №1. С. 50–59.
5. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х-1970-х гг. Ч.III. 2002. 800 с.
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник МГУ: филология, 1995. — № 1. С. 97–124.
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 445 с.
8. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
9. Владимирова Н. Г. Интертекстуальность. Интермедальность. Интердискурсивность: учеб. пособие. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. 170 с.
10. Wodehouse P.G. The Jeeves Omnibus. L.: Hutchinson, 2006. 592 p.
11. Шабунина Э. В. Английский юмор как лингвокультурное явление (на материале творчества П. Г. Вудхауза) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 1. С. 196–203.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Игровая природа художественной литературы, безусловно, привлекает внимание исследователей. Большая часть работ формируемых в подобном русле ориентирована на поиск данного приема на разных уровнях эстетического целого: это и сюжет, и образный ряд, и языковой уровень. Рецензируемая статья касается анализа формы

литературной игры у П.Г. Вудхауза. Автор в начале работы отмечает, что «ценность игры в художественной литературе проявляется, когда автор намеренно заостряет внимание читателей не только на том, что он выражает, но и на тех способах, которыми он это делает. В трудах мыслителей XIX–XX вв. всегда подчеркивалась огромная значимость игрового начала в жизни и искусстве. Значимый вклад был внесен Ф. Шиллером, Й. Хейзингой, Р. Кайуой, которые дали теоретическое обоснование игре как важному элементу культуры. Отечественные литературоведы: М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Шкловский, Б. В. Томашевский и другие пытались раскрыть значение игрового начала в литературе относительно сюжета, персонажей, автора и читателя, что представляет особенный интерес для современных исследователей...». Стоит признать данные умозаключения верными, ибо далее по тексту работы они будут конкретизированы на примере романа «The Code of Woosters». Привлекает в статье синтез теоретических и практических граней, следовательно, основной / концептуальный ценз сложился. Отмечу, что работа соответствует одной из рубрик журнала, противоречий и разночтений в данном случае нет. Материал грамотно структурирован, примечательно для работы умелое использование автором научного стиля; термины / понятия используются в верном методологическом ключе. Например, это можно наблюдать в следующих фрагментах: «игра обладает свободным характером, что является ее главным признаком, она противопоставляется обыденности. Говоря о поведении человека, обыденность – определенные нормы (сценарии), устоявшиеся в сознании носителей схожих культурных ценностей, тогда как игра – инвариантность, реализовавшаяся в отдельно взятом случае, когда человек решает отойти от сценария и действовать, выходя за его рамки», или «литературная игра может вестись как на уровне метатекста (внутренняя композиция, языковая игра, репрезентация нарратора), так и интертекста (подражание, цитирование, палимпсест, аллюзии, плагиат, стилизация, бриколаж, самоповторы и другие). Литературная игра всегда направлена на один или несколько аспектов текста: язык, текст, контекст, сюжет и композиция, фигуры автора и читателя. Игра в художественном произведении может создавать определенный образ, являться средством выражения культурных стереотипов и образов, она также способствует реализации комического эффекта», или «художественное произведение так или иначе ориентируется на художественную традицию, даже в тех случаях, когда автор отрицает схожесть своих произведений с другими авторами. Он всегда связан с другими писателями, разделяющими с ним одну и ту же литературную традицию», или «творчество Вудхауза тесно связано с английской юмористической традицией, оно является ее частью и живет внутри нее. Ее богатая история начинается с комедий Шекспира, который зачастую использовал в качестве юмористической основы — народный юмор. Его же перу принадлежит демонстрация интеллектуальной доминанты своих героев благодаря созданию юмористических ситуаций» и т.д. Тема работы актуальна, материал имеет ярко выраженную научную новизну, фактических нарушений не выявлено. Проблема литературной игры в романе «The Code of Woosters» не только номинативно обозначена, но и концептуально проанализирована. На мой взгляд, примеров, которые иллюстрируют использование П.Г. Вудхаузом прием игрового типа, достаточно. Причем по ходу анализа дается качественный филологический комментарий: «Вустер воплощает театральную игру в жизнь на страницах произведения, тем самым привнося элементы драмы в роман. Таким образом, можно сказать, что Вудхауз не только использует традиционные элементы английского юмористического дискурса, для данной серии ими стали: главный герой — аристократ, загородное поместье, но и обогащает юмористический жанр, применяя игру на уровне интертекста, использовав элементы театра внутри повествования», или «Вудхаузовская пара главных героев перекликается со знаменитыми Дойлевскими персонажами, но они отнюдь не

являются полностью идентичными. Если ум Дживса можно сравнить с умом Холмса, то Берти уступает Ватсону. Подобный контраст легко улавливается, и, находя сходство с двумя прекрасно известными героями, читатель ожидает увидеть такой же прекрасно сбалансированный дуэт, однако его надежды рушатся. Если текст «Записок о Шерлоке Холмсе» неоднократно демонстрирует читателю подтверждение литературного гения доктора, то с Берти все иначе. В отличие от Ватсона, который фиксирует все подвиги Холмса, в противовес этому он может предоставить лишь свой единственный труд — статью, написанную для женского журнала тети Далии. Противопоставление главных героев двух знаменитых серий увеличивает комический эффект, так как аллюзия становится явной для читателя, при этом, сравнивая дуэты, интеллектуальная составляющая Вудхаузовской пары персонажей явно проигрывает Дойлевской» и т.д. Статья дифференцирована на т.н. смысловые блоки, это позволяет следить за развитием / становлением научной мысли. Общая логика сочинения безупречна, работа полновесна, самостоятельна, целостна. В финале автор отмечает, что «Вудхауз, будучи знаковым автором XX столетия и продолжателем английской комедийной традиции, демонстрирует в своем творчестве множество черт, объединяющих его с другими яркими представителями комедийного дискурса. Однако, анализируя его роман "The Code of Woosters", мы пришли к выводу, что автор сумел внести и новаторские черты в комедийный жанр. Активное использование литературной игры: разнообразных приемов интертекстуальности и интермедальности выделяет Вудхауза среди других авторов этого жанра, представляя взору читателей новый взгляд на комическое». Библиография к работе достаточна, формальный ценз издания выдержан. Рекомендую статью «Формы литературной игры у П.Г. Вудхауза (на примере романа «The Code of Woosters»)» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гофштейн О.Г., Рудакова С.В. — Особенности видения настоящего и будущего в «Дневнике» В. К. Кюхельбекера // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.41019 EDN: NASFDX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41019

Особенность видения настоящего и будущего в «Дневнике» В. К. Кюхельбекера

Гофштейн Олег Георгиевич

ORCID: 0000-0002-0419-6456

аспирант, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ zavuch@magpedcol.ru

Рудакова Светлана Викторовна

ORCID: 0000-0001-8378-061X

доктор филологических наук

профессор, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ rudakovamasu@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.41019

EDN:

NASFDX

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2023

Аннотация: В статье рассмотрено своеобразие жанра дневника (популярность набирает силу с эпохи сентиментализма), относящегося к миру эго-литературы. Обобщены основные особенности этого жанра, подчеркнута специфика писательского дневника. Основное внимание в работе сфокусировано на рассмотрении феномена «Дневника» В. К. Кюхельбекера – яркого представителя русского романтизма, связанного с декабристским движением. Соответственно материалом исследования стал «Дневник» В. К. Кюхельбекера, над которым автор работал, находясь в одиночном заключении, а в

последующем в сибирской ссылке, с 1831 по 1846 гг. Рассмотрены основные вопросы, которые осмысливаются Кюхельбекером в его «Дневнике». Новизна исследования – в новом ракурсе рассмотрения малоизученного произведения Кюхельбекера, исследовательский интерес к этому тексту впервые проявился только в конце 20-х гг. XX в.), выявляется необычность отношения и восприятия автором времени – настоящего, прошлого, будущего, показана сложная взаимосвязь частного (личного) и общего (в социальном и историческом планах), рассмотрено переплетение в этом произведении микро и макроистории, личных жизненных обстоятельств и макроисторического нарратива. Повествователь «Дневника» показан как представитель мира декабристов, как своего рода их «голос». В работе использованы приемы историософского анализа художественных произведений, реализованы принципы историко-типологического метода. За кажущимся калейдоскопом сюжетов и образов «Дневника» скрывается подчиненность текста общей идее – передать ощущение последекабрьской эпохи.

Ключевые слова:

Дневник, эго-литература, писательский дневник, Кюхельбекер, поэт-узник, декабризм, поэзия, культурный мир, образование, моделирование мира

Дневники относят к миру эго-литературы [\[11\]](#), [\[2\]](#), [\[17\]](#), подобно мемуарам, письмам, автобиография. Среди отличительных особенностей дневника – «фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность, авторефлексия, смешение документального и художественного, факта и стиля, принципиальная незавершенность и отсутствие единого замысла» [\[9, с. 163\]](#).

Популярность дневника как жанра приходится на XVIII век, время расцвета сентиментализма, когда сформировался интерес к частной жизни частного человека (это станет одной из важных примет дневника [\[22\]](#)), когда его внутренний мир стал одной из важных ценностей в культуре и философии, подобное проявляется, начиная с «Дневника для Элизы» (1767) Л. Стерна. Среди авторов известных дневников конца XVIII – первой трети XIX в. можно вспомнить Н. М. Карамзина, положившего дневниковые записи о своем путешествии в Европу 1789–1790 гг. в основу своего романа-путешествие «Письма русского путешественника» [\[10\]](#), П. П. Свиньина, написавшего «Американские дневники и письма» в период 1811–1813 гг.» [\[13\]](#) и др.

Как отмечает в своих исследованиях О. Г. Егоров [\[7\]](#), [\[8\]](#), часто к написанию дневника человека сподвигает какое-то выбивающееся из привычного ряда событие или состояние – это может быть путешествие, командировка, участие в военной компании, что-то знаковое в личной судьбе (интересно в этом плане содержание «Дневника камер-юнкера Ф. В. Берхгольца», рассмотренного в работе А. В. Петрова и С. Л. Скворцовой [\[18\]](#)). Более поздней является форма так называемых писательских дневников (см. подробнее работы О. Г. Егорова [\[8\]](#), С. В. Рудзиевской [\[21\]](#), К. Р. Кобрина [\[11\]](#)). Их отличает бóльшая открытость внешнему социальному пространству, бóльшая вовлеченность пишущего в обсуждение злободневных вопросов, осмысление им не столько событий личной, сколько культурной и политической жизни общества. Пространство дневника писателя, как правило, оказывается подчинено некой авторской идее, которая может проявляться на разных уровнях. Кроме того, если говорить о писательском дневнике, то с ним у автора связана осознанная или подсознательная

надежда на то, что у этого текста обязательно рано или поздно объявится читатель, поэтому диалог в таком дневнике идет не столько самим собою (ведь, как правило, в дневнике, как точно отметил в своем исследовании этого жанра Ю. М. Лотман, «мы имеем передачу сообщения от "Я" к "Я". Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит» [\[15, с. 164\]](#)), сколько выстраивается коммуникация с удаленным во времени читателем, для которого раскрывается момент сиюминутный и выстраивается мостик в ближайшее или далекое грядущее. А значит фактор интимности и предельной честности для дневника писателя перестает быть определяющим.

Феномен дневника как литературного жанра привлекает к себе все больше внимание, и не только филологов, но и социологов, психологов, историков. Так, психологи, изучая дневники, получают информацию о самоидентификации человека, о его ощущениях и состояниях во времени «здесь» и «сейчас» [\[2\], \[4\], \[5\]](#), историки рассматривают дневники – частные и писательские – как один из важных исторических источников [\[20\], \[23\]](#), дающий богатый материал для изучения исторических личностей и исторической эпохи.

«Дневник» В. К. Кюхельбекера – во многом уникальное произведение русской литературы. Впервые отдельные страницы «Дневника» В. К. Кюхельбекера были опубликованы на страницах журнала «Русская старина» в 1875 г. Первым же серьезным исследованием этого произведения стала работа Ю. Н. Тынянова совместно с В. Н. Орловым и С. И. Хмельницким, подготовившими первое издание «Дневника» в 1929 г., сопроводившими его вступительной статьей и развернутыми комментариями. Более полный и точный вариант издания «Дневника» был подготовлен в 1979 г. редколлекцией (под руководством Б. Ф. Егорова), Н. В. Королевой и В. К. Раком к этому сборнику были предложены расширенные комментарии к работам Кюхельбекера. В последние десятилетия «Дневник» оказался в фокусе внимания и европейских литературоведов, рассмотревших это произведение в контексте литературной среды и в аспекте личной биографии Кюхельбекера [\[3\], \[19\]](#).

Произведение В. К. Кюхельбекера – это и не дневник в классическом понимании, сложно его рассматривать и как чисто литературное произведение. Частная жизнь, изолированного от общества поэта, находящегося в заточении, а позже в ссылке, оказывается соотнесена со множеством процессов – литературного, социального, культурного, политического и т. д. планов. Кюхельбекеру удается в «Дневнике» переплести микро и макроисторию, личные жизненные обстоятельства и макроисторический нарратив. Повествователь – Кюхельбекер – в «Дневнике» выступает не как частное лицо, он выступает как представитель декабристов, подобно ему лишившихся за свои взгляды и поступки против власти своей свободы и прежней жизни, но сохранивших верность прежним идеалам и заставляющих верить в их чистоту и правильность тех, кто вступает с ними в коммуникацию. Повествователь в «Дневнике» становится своеобразным «голосом» декабристов. В. К. Кюхельбекер начинает работать над «Дневником», когда находится в одиночном заключении, продолжает уже в ссылке.

Дошедшие до современного читателя части «Дневника» создаются Кюхельбекером в период с декабря 1831 г. до июня 1835 г., другие части – с сентября 1837 г. по ноябрь 1845 г., итоговая часть записана незадолго до смерти автора в 1846 г. Хотя известно, что первые сделанные записи датировались 25 апреля 1831 г., но, к сожалению, были утрачены.

С одной стороны, это произведение В. К. Кюхельбекера можно рассматривать как размышление автора о собственной судьбе: бумаге он доверяет то, что волнует его, как в частном личном, так и в общечеловеческом и социальном планах. Но, с другой – решив начать работать над «Дневником», Кюхельбекер задумал отразить в нем обобщенную судьбу поэта-узника, а для этого был готов отказаться от личного, сиюминутного, возведя личную историю в ранг некоего символа. Кюхельбекер решил создать дневник, в котором должны были переплестись его личная биография, история его поколения, судьба декабристов, миссия и удел гонимого поэта, осужденного и не принятого обществом, которому он служил. Соответственно повествователь в этом «Дневнике» должен был, по замыслу Кюхельбекера, выступить в роли поэта-узника, несвободного физически, но не сломленного, сохранившего представление о тех ценностях, которые привели его к противостоянию с властью, сохранившего верность тем принципам и взглядам, которые и стали причиной его нынешней ситуации.

Выбрав такой подход к работе с материалом, В. К. Кюхельбекер сознательно избегал вопросов, как и почему оказался он заключении, как и почему лишился поддержки судьбы и богов. Причины произошедшего не выяснялись Кюхельбекером, как и не рассматривалась, не оценивалась степень вины и тех, кто осудил, и того, кто оказался в роли осужденного.

В своем дневнике Кюхельбекер обращается к вопросам, которые являются определяющими для культурно-политической атмосферы его эпохи, – это вопросы об искусстве и гении, о дружбе и любви, о величии и рабстве, о тирании и свободе, о лжи и истине...

Россано Платоне, размышляя о «Дневнике» В. К. Кюхельбекера как о его интеллектуальной биографии [\[19\]](#), обращает внимание на то, что вопросы, которыми задается русский поэт в своей работе, оказываются в чем-то созвучны раздумьям европейского мыслителя Дж. Леопарди (1798–1837), отраженными в его записных книжках «Дзибальдоне» (1817–1829), которые он вел с юности.

Подобное созвучие размышлений двух мыслителей-современников, Леопарди и Кюхельбекера, представляющих разные страны, позволяет говорить о том, что оба они уловили и отразили в своих работах схожие тенденции в духовно-историческом развитии своих стран, выделив те, которые считали ведущими.

Интересны размышления В.К. Кюхельбекера в его «Дневнике» относительно вопроса о педагогическом образовании. Этими же проблемами интересовались и другие представители мира декабристов, в частности, с М. С. Луниным, который в тот же период, что и Кюхельбекер, задумывается о системе по педагогической подготовке детей, разработав «План начальных занятий, разделенных на три этапа с восьмилетнего возраста до 14 лет» [\[16\]](#).

Размышления Кюхельбекера относительно педагогического образования появляется в «Дневнике» в связи с реализовавшейся возможностью изучить работу И. Н. Ястребцова «Об умственном воспитании детского возраста» [\[12, с. 299-300\]](#). Записи с реакцией Кюхельбекера на эту работу фиксируются 29 марта 1834 года, повествователь высказывает свои мысли относительно начального образования, и главным в этом рассуждении Кюхельбекера становится установка на то, что в процессе педагогического воздействия на ребенка главной в деятельности педагога должна была стать задача раскрыть душу ребенка, сформировать и развить в нем человечность. Так, Кюхельбекер предлагает дисциплины, связанные с механикой, заменить географией и астрономией,

чтобы расширить горизонты восприятия мира ребенком. И логика рассуждений Кюхельбекера выглядит очень убедительно: «Нет сомнения, что дух нашего времени благоприятствует наукам естественным, механике и наукам политическим. <...> Но одни практические науки развивают ли как можно более ум? Пробуждают ли они мысль? Дорога к уму детскому пролегает не по области своекорыстия, но по области сердца и фантазии» [\[12, с. 301\]](#).

Для В. К. Кюхельбекера, М. С. Лунина, как и для многих дворян-декабристов, как до восстания, так и после восстания 1825 г. была значима установка по формированию из представителей молодого поколения благородных людей, просвещенных, широко образованных, с достойным знанием иностранных языков. Носители передовых взглядов, среди которых был и Кюхельбекер, проецировали свои педагогические воззрения не только на представителей своей среды (связанной с дворянской культурой), вслед за М. В. Ломоносовым они хотели расширить просветительское образование на другие социальные среды.

Мысли, высказанные в ранних поэтических произведениях относительно значимости поэта в жизни общества, о его огромной роли в судьбе страны, народа, в истории [\[6\]](#), не отпускали Кюхельбекера ни в период его заключения, ни во время каторги и ссылки. Известны его записи относительно поэтического мира: Кюхельбекер был убежден, что одна поэзия, по сути дела, и определяет судьбу поэта, его предназначение, его миссию: «Часто поэт полезнее всякого проповедника: не могу поверить, чтобы тот легко стал мерзавцем, кто раз полюбил наслаждения, какие дает нам поэзия, – разумеется, истинная. Поэзия возвышает душу, отвлекает ее от мелких хлопот, попечений, суеты ежедневной жизни, переселяет ее в мир красоты, покоя, картин и звуков и тем самым омывает, облагораживает ее – вот польза поэзии; другой не знаю и не постигаю» [\[14, с. 456\]](#).

Вслед за В. А. Жуковским В. К. Кюхельбекер не однажды повторяет, что «поэзия есть добродетель» (слова эти звучат и в послании «К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину» (16 октября 1814), и в письме В. В. Жуковского к П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 года). Поэт для Кюхельбекера это не только тот, кто создает стихи, более того, не каждого, кто пишет стихи, Кюхельбекер готов назвать поэтом. Поэт для Кюхельбекера – это прежде всего тот, кто самостоятельно прокладывает свой путь в этой жизни, тот, кто открывает для себя и других что-то новое: «Но не всякий даже хороший стихотворец может назваться поэтом; напротив, всякий муж необыкновенный, с сильными страстями, пролагающий себе *свой собственный* путь в мире, – есть уже поэт, если бы он и никогда не писал стихов и даже не учился грамоте» [\[12, с. 53\]](#).

Кюхельбекер, осознавая невозможность возвращения к привычной жизни: литературной, политической, общественной, – начинает моделировать какую-то новую реальность исторического общественно-культурного плана, придумывает свой мир, внутри которого ведет полемику с авторами публикаций тех журналов, которые удастся ему получить, прочитать, изучить. Он вступает в своего рода дискуссии, обсуждения каких-то литературных материалов или каких-то общественной-философских вопросов, причем это касается и работ, опубликованных в новых журналах, им полученных, и тех статей, что были представлены в журналах, давно уже напечатанных.

Среди активно обсуждаемых, если так можно выразиться, вопросов те, что касаются будущего русского общества, русской литературы, место литературы и поэзии в современном мире.

Во многих своих заметках Кюхельбекер пытается предугадать и простроить путь развития русской литературы. «Дневник» для Кюхельбекера становится своего рода средством для моделирования того литературного культурного мира, к которому хочет быть причастен автор и который хочет изменить в лучшую сторону. Именно поэтому частные личные впечатления в дневниковых записях появляются достаточно редко, а если и фиксируются, то с какими-то оговорками, с какой-то неохотой: «Знаю людей (и вдобавок не лицемеров), у которых самый высокий, самый благородный образ мыслей, которых правила истинно превосходны, – и которые весьма редко им следуют, хотя совершенно убеждены в их истине. Я, правда, никогда не хотел превращать дневника своего в *исповедь*, но быть так – признаюсь, что я сам отчасти принадлежу к сим самым людям. Меня часто други и недруги сравнивали с Жан-Жаком: в сем отношении я точно на него похож» [\[12, с. 157-158\]](#).

«Дневник» для Кюхельбекера не исповедь, не фиксация каких-то бытовых или эмоционально-психологических состояний, переживаемых им, дневник превращается в некий общественно-литературный текст, где даже частное, касающееся судьбы отдельного человека, становится частью некоего большого исторического нарратива. Пишется дневник для потомков, для того, чтобы они могли извлечь опыт, получить некие важные знания и об эпохе, и о поэте, лишенном физической свободы, но сохранившим свободу духа.

Журнальные статьи расширяли горизонты узнавания литературы современной, а с другой – расставляли некие пройденные вехи. Вот еще одна запись из дневника Кюхельбекера, представляющая собой отклик поэта на общественные обстоятельства российской жизни, отделенные от него тысячами верст и несколькими годами жизни: «Из «Библиотеки» я узнал, что есть еще другой «Торквато Тассо» кроме Кукольника. Она же меня уведомила о смерти Гнедича, Сомова, Мартынова. Всех более мне жаль Гнедича: мы когда-то были друзьями, потом поссорились; он умер, не помирившись со мною» [\[12, с. 336\]](#).

Но самое важное, что дает нам возможность почувствовать «Дневник» В. К. Кюхельбекера, – это его восприятие и отражения в тексте дневниковых записей духа эпохи. И мы видим, что автор не столько регистрирует какие-то личные подлинные переживания, переосмысление прошедших событий, мы обнаруживаем, что Кюхельбекер предлагает совершенно иной вариант передачи ощущения времени. Его взгляд преимущественно направлен не столько назад, в прошлое, не столько даже сконцентрирован на дне сегодняшнем, на сиюминутных переживаниях, ощущениях, сколько устремлен в будущее. Но это грядущее предстает не таким, как это было показано, например, в его «Европейских письмах», в произведении, которое создано в преддекабристскую эпоху на гребне общественного подъема и соответственно на волне тех мечтаний, упований, которые свойственны были и самому Кюхельбекеру, и о той среде (культурной, общественной, политической), к которой он был приобщен (речь идет о круге декабристов). Чем обусловлено обращение к будущему и каким видится это будущее Кюхельбекером в «Дневнике»?

Настоящее заключенного, находящегося в одиночной камере, а в последующем ссыльного, должно решать множество бытовых, финансовых вопросов, имея скудный доход и ограниченные возможности, не удовлетворяет его ни в материальном, ни в социальном, ни в бытовом, ни в эмоционально-психологическом, ни культурном планах, оно страшно, к нему он относится как к данности и воспринимает как некую необходимость, как этап, который может привести автора к истинной жизни, поэтому если и пишет что-то настоящим в своем дневнике Кюхельбекер, то рассказывает больше о

творческих вопросах, о специфике своей писательской работы, о тех проблемах общего плана, с которыми он, как человек, лишенный привычного круга общения, сталкивается.

Он, фиксируя внимание на творческих процессах, крайне редко обращается к личному прошлому, которое вызывает в нем болезненную ностальгию, и от своего прошлого он пытается дистанцироваться. Так как сам «Дневник» задуман был им как своеобразный способ выстроить то интеллектуальное общение, которого ему страшно не хватало, выстроить как своеобразный диалог с современниками, от которых он был отрезан, то он меняет модель этого общения.

Кюхельбекер оказался в ситуации, когда в настоящем невозможно было бы выстроить горизонтальный вариант взаимодействия «Я» и «других», осознавая это, он переходит на модель вертикальную; свои мысли он адресует в будущее, возможно, даже обращаясь к самой вечности: «Нынешний день для меня был днем воспоминаний: перебирал я свои старые тетради и перечел кое-какие из лирических своих стихотворений – некоторые духовные и «Послание к брату». Они сильно на меня подействовали: в некоторых почерпнул я утешение, подкрепление, в котором, признаюсь, нуждался. Когда меня не будет, а останутся эти отголоски чувств моих и дум, быть может, найдутся же люди, которые, прочитав их, скажут: он был человек не без дарований; счастлив буду, если промолвят: и не без души» [\[12, с. 329\]](#).

Мы видим, что в размышлениях о литературе, о культуре, о прошлом и будущем для автора важными становятся образы далекого прошлого, которые не теряют своей актуальности и в настоящем и сохраняют свою востребованность в будущем. Среди таких образов и знаковых фигур для Кюхельбекера оказывается образ Гомера, именно он появляется в качестве собеседника, с которым часто поэт ведет такой диалог, о чем, к примеру, свидетельствует запись от 3 февраля 1832 года: «Старик Гомер со мною часика два разговаривал после обеда: хочу пользоваться его беседою каждый день» [\[12, с. 95\]](#).

Размышляет Кюхельбекер и об авторах эпохи Просвещения, в частности, упоминает он французского мыслителя Дидро, с которым хочет познакомиться более и который, как ему кажется, не только для него, Кюхельбекера, но и для других людей может открыть много интересного.

С будущим связаны главные послы, главные устремления автора-повествователя «Дневника», а именно его размышления о сути творческого гения, о позиции автора в современном мире, о его ответственности за свое творчество, о даре пророчества, которое не только открывает и дает понимание прошлого, но и позволяет лучше разглядеть очертания грядущего. По сути дела одна из принципиально важных установок, реализуемых Кюхельбекером в «Дневнике», которая заставляла его все эти долгие годы, проведенные сначала в одиночной камере, потом в ссылке (фактически двадцать лет жизни) продолжать с небольшими перерывами работу над «Дневником», было желание обрести понимание и признание потомков, донести до них важную информацию о том, как жил поэт, связанный с декабристским движением. Соответственно это ожидание признания потомками его дара, значимости его дела для Кюхельбекера становится одной из архиважных задач, которые он хочет реализовать в процессе создания своего «Дневника».

В одной из поздних записей от 29 марта 1845 года В. К. Кюхельбекер высказывает очень важную для себя мысль, которая по сути дела раскрывает то самое важное, что хотел запечатлеть на страницах своего «Дневника», построив между собой, поэтом, лишенным свободы и находящимся то в заточении, то в ссылке, и читателем, способным его понять,

принять, признать его талант и использовать его выводы, наблюдения на своем жизненном пути. Это записи, адресованы Марии Николаевне Волконской, в которых Кюхельбекер размышляет о некоем идеальном мире, имеющем отношение к пространству духовному и творческому, о мире, с которым он снова почувствовал какую-то удивительную близость, ибо все меньше ощущал связь с миром реальным, земным, его угнетающим. И обусловлено это было не только и не столько материальными или иными обстоятельствами, сколько тем, что он в последние два года он ощущал стремительно растущую слепоту, ставящую между ним и реальным миром непреодолимую преграду. «Постараюсь ныне, когда для меня, так сказать, в новом месте началась новая жизнь, быть в ведении своего дневника точным, добросовестным и, сколько то возможно по теперешнему состоянию моей души, искренним. Вам, мой новый, но верный друг, буду временами посылать эти тетради... Пусть мысль, что Вы будете моей второю совестью, что вы будете читать все, тут написанное, поддержит меня и поможет мне всегда быть хоть несколько достойным вас. Не стану вам во всем исповедоваться: из моих суждений о людях, о книгах, из отчета о моих занятиях вы сами легко увидите, на какой точке нахожусь и шагаю ли вперед или подаюсь назад. Но будут тут часто вопросы, и два очень тяжелых и теперь давно уже на душе моей. Решусь ли их предложить вам в этой тетради – не знаю. Скажу Вам только, что они снова сильно стали тревожить меня с тех пор, как я стал опять знакомиться новым путем с тем миром, к которому я был когда-то ближе, но от которого меня удалили 1835 год и последовавшие за ним» [\[14, с. 421\]](#).

Внешне дневниковые записи В. К. Кюхельбекера выглядят хаотично, стилистически разнородно, обнаруживаются как поэтические, так и прозаические тексты. Но за кажущимся калейдоскопом образов, сюжетов, размышлений скрывается неявное, но ощущаемое единство – и оно не только в личности повествователя, того поэта-узника, которого создает Кюхельбекер, оно в единстве передачи ощущения эпохи, в воспроизведении специфики мировосприятия героя-рассказчика; читатель изначально понимает, что это декабрист – по своей судьбе, по своему мироощущению и своим убеждениям. Кюхельбекер дает возможность внимательному читателю, окунувшись в создаваемый им мир, почувствовать эпоху последекабрьского времени, понять, что тот, чьи мысли, чувства описываются, является носителем декабристкой философии.

Библиография

1. Автобиографическая практика в России и во Франции. Сборник статей под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 278 с.
2. Алексеев А. Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 46–56.
3. Алоэ С. Реконструкция литературной среды: Дневник В. К. Кюхельбекера в годы заточения и ссылки // AvtobiografiЯ. 2013. № 2. С. 129–169.
4. Архипова М. В. Психологические свойства и представления, связанные с практикой ведения личного дневника // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 3. С. 197–207.
5. Вознесенская И. М. Дневник: особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 41–48.
6. Гофштейн О. Г., Рудакова С. В. Гражданские идеи и образ поэта в лирике В. К. Кюхельбекера // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: Тезисы докладов 79-й международной научно-технической конференции. Т. 2. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И.

- Носова, 2021. С. 334.
7. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века: Исследование. М.: Флинта; Наука, 2002. 285 с.
  8. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра. М.: Флинта: Наука, 2003. 280 с.
  9. Зализняк А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 6 (106). С. 162–181.
  10. Калуцков В. Н. «Письма Русского путешественника» Н. М. Карамзина: литературно-географические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 26–37.
  11. Кобрин К. Р. Дневники: между текстом и житием // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288–295.
  12. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / отв. ред. Б. Ф. Егоров (Примеч. Н. В. Королевой, В. Д. Рака). Ленинград: Наука, 1979. 790 с.
  13. Лазареску О. Г. Художественное и публицистическое в американском дневнике П. П. Свиньиной // Libri Magistri. 2018. № 5. С. 8–14.
  14. Литературное наследство. Т. 59: Декабристы-литераторы. Москва: Изд-во АН СССР, 1954. 805 с.
  15. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. С. 164.
  16. Лунин М. С. Письма из Сибири / изд. подготовили И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман. Москва: Наука, 1987. 492 с.
  17. Михеев М. Дневник как эго-текст. Москва: Водолей, 2007. 264 с.
  18. Петров А. В., Скворцова М. Л. Петербургская свадебно-праздничная культура 1720-х гг. глазами немца (на материале «Дневника камер-юнкера Ф. В. Берхгольца») // Libri Magistri. 2017. № 4. С. 92–111.
  19. Платоне Росана. Дневник Кюхельбекера как интеллектуальная биография. Contributi Italiani Al X Congresso Internazionali Degli Slavisti (Sofia, 1988) // Europa Orientalis. 1988. № 7. С. 51–70.
  20. Приймак Н. И., Валегина, К. О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учебное пособие. Санкт-Петербург: «Издательство «ЛЕМА», 2018. 72 с.
  21. Рудзиевская С. В. Художественные возможности и истоки жанра дневника писателя // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2002. №1. С. 85–92.
  22. Токарев Г. В. Дискурсивные особенности личного дневника как камерного документа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 2. С. 48–56.
  23. Янке Г. Дневники в исторических исследованиях: тексты и контексты раннего Нового времени (пер. с англ. Елены Карпенко, Юрия Зарецкого) // Новое литературное обозрение. 2019. № 3(157). С. 89–106.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Особенность видения настоящего и будущего

в «Дневнике» В. К. Кюхельбекера», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей жанра, в котором создал произведение автор, так как «Дневник» это и не дневник в классическом понимании, с другой стороны, его сложно рассматривать и как чисто литературное проведение. Кроме того, феномен дневника как жанра, зачастую, привлекает внимание не только филологов, но и психологов, историков, социологов, что является междисциплинарным исследованием.

Практическим материалом исследования послужили произведение «Дневник» Вильгельма Карловича фон Кюхельбекера, русского поэта и общественного деятеля. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В вводной части слабо представлена разработанность вопроса в науке. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Источником эмпирического материала послужило произведение «Дневник», части которого создаются Кюхельбекером в период с декабря 1831 г. до июня 1835 г., другие части – с сентября 1837 г. по ноябрь 1845 г., итоговая часть записана незадолго до смерти автора в 1846 г.

Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям на иностранных языках по данной и смежной тематике обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов литературоведения, отечественной филологии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества, а также теории русского языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Особенность видения настоящего и будущего в «Дневнике» В. К. Кюхельбекера» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Красников Я.Е. — Нарративные особенности пьесы А. П. Чехова "Чайка" // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.43434 EDN: NMFLQZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43434

Нарративные особенности пьесы А. П. Чехова "Чайка"

Красников Ярослав Евгеньевич

ORCID: 0009-0002-8188-6845

преподаватель, кафедра теоретической и исторической поэтики, Российский государственный гуманитарный университет, преподаватель, кафедра гуманитарных дисциплин, Институт театрального искусства имени народного артиста СССР И.Д. Кобзона

141446, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 6

✉ yar-krasnikov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.43434

EDN:

NMFLQZ

Дата направления статьи в редакцию:

25-06-2023

Аннотация: Статья посвящена дискуссионному и мало изученному на данный момент вопросу наличия нарратива в драме и его особой природе. В работе описываются существующие на сегодняшний день подходы к возможности анализа нарратива в драматургическом роде литературы, специфика чеховской драматургии, а также излагаются результаты практического анализа. Предметом исследования являются нарративные реплики героев и персонажей пьесы Чехова «Чайка», содержащие упоминание событий и историй из прошлого, именуемые автором «сценическими нарративами». Цель работы – классифицировать данные ретроспективные высказывания действующих лиц драмы по типу их связи с магистральным сюжетом произведения. Ключевыми методами исследования становятся дискурсный анализ и нарратологический анализ (как его специфическая разновидность), дескриптивный метод (применяющийся при сборе и систематизации наблюдений над художественным текстом), а также герменевтический подход (необходимый в процессе исследовательской интерпретации результатов анализа). Так, в результате проведенного анализа выделяются сценические нарративы, репрезентирующие предысторию героя, внесценические и произошедшие на сцене события, а также сценические нарративы, относящиеся к категории автономных. Актуальность и новизна данного исследования состоит во введении в научный оборот

понятия «сценический нарратив» и его апробации в рамках анализа конкретного драматургического текста.

Ключевые слова:

поэтика драмы, драматургия Чехова, нарратология, нарратив, сценический нарратив, событие, сюжет, нарративность драматургии, дискурс, коммуникация

Нарратология и нарратив

Одно из лидирующих мест на современном горизонте гуманитарного знания сегодня занимает нарратология. Некоторые представления о наррации можно уже встретить в античных риториках и поэтиках [\[1, с. 666-667\]](#), сам термин имеет латинские корни (от лат. narratio) и буквально означает «изложение, повествование». Секрет популярности нарратологии, в последние десятилетия обособившейся в отдельную ветвь литературоведения, кроется, с одной стороны, в междисциплинарной природе такого ракурса изучения текстов разного рода и свойства, с другой стороны, в обращении нарратологии не столько к формальной стороне речи, сколько в интересе к её психологической подоплеке, акценте на говорящем субъекте, его когнитивных особенностях.

Такой тип дискурса, как нарратив (в отличие от перформатива и других, соседствующих в этом ряду, не имеющих пока устоявшихся общепризнанных наименований) предполагает рассказывание истории, воссоздание в словесной ткани семантически маркированных событийных эпизодов, составляющих либо детерминированную цепь фактов, либо же являющихся единичными, которые имели место в прошлом и составляющим часть оторефлексируемого жизненного опыта, воспроизводимого в ныне происходящем повествовательном акте. Это подразумевает, во-первых, наличие временной дистанции между «событием, о котором рассказано» и так называемым «событием рассказывания» [\[2, с. 403\]](#). Вторым значимым моментом в нарративной форме вербальных практик является то, что повествуемое осмысливается говорящим как событие или цепь событий, имплицитно (в отдельных случаях эксплицитно) наделяется свойствами уникальности, «сингулярности» [\[3, с. 16\]](#), то есть имеет особую значимость для конкретного субъекта речи. Событийность озвучиваемого в акте наррации факта подчёркивает его способность существенно изменить ситуацию после его осуществления, относительно ситуации, предшествующей событию, ёмко определяемое Ю. М. Лотманом как «перемещение через границу семантического поля» [\[4, с. 282\]](#).

Наконец, принципиально важной инстанцией в структуре нарратива является фигура говорящего. По хрестоматийному выражению М. М. Бахтина, нарратор в инициированном им акте рассказывания наделяется одновременно статусами «свидетеля и судии» [\[5, с. 360\]](#) по отношению к излагаемой им истории. Таким образом, нарратор – это субъект речи, в чьём сознании преломляется некий отрезок жизни, отличающийся статусом событийности, и вербально преподносится реципиенту (слушающему или читающему) с позиций своего субъективного видения.

К настоящему времени специалисты в области нарратологии наработали некоторый инструментарий, позволяющий выявить или реконструировать особенности конкретного нарративного дискурса: свойственную говорящему картину мира и модальность

высказывания, более или менее явно проявленные в его речи; ракурс и точки зрения, соотносимые со временем и местом рассказываемых событий, а также идеологическими и речевыми характеристиками субъекта; интригу, составляющую магистральную линию, интегрирующую повествование в единое целое и т.д. Вслед за работой Уэйна Бута широкое распространение получила категория «ненадежного нарратора» [\[6, p. 169\]](#), предполагающая не просто субъективность взгляда говорящего, но её чрезвычайную степень, доходящую в своём пределе до рассказа, не имеющего уже практически ничего общего с действительностью художественного мира конкретного произведения. С одной стороны, такое преломление событий становится «конструктивным затруднением, преодоление которого выводит к истинному смыслу рассказанного» [\[7, с. 26\]](#), с другой стороны, позволяет уяснить читателю особые свойства натуры говорящего, причины такового речевого поведения.

Особой сферой применения нарратологической теории является сфера художественного письма. Без нарратива немислимы литературные произведения эпического рода, которые неразделимо связаны с категориями сюжета, события, и, конечно, фигурой нарратора.

Наррация в драме

Последствиями экспансии нарратологических методов становятся также попытки отдельных исследователей увидеть нарративный тип дискурса в таких родах литературы, как лирика и драма [\[8\]](#). Ряд специалистов предлагает говорить о негласно, бессловесно присутствующей фигуре нарратора, чья функция состоит в диспозировании кадров ментального зрения, эпизодов, явлений и сцен. Предпринимавшиеся попытки рассматривать явление «наррации без нарратора» В. И. Тюпа убедительно называет «парадоксальной <...> утратой границ базовой категории, губительной для любой ветви познания, лишаящейся тем самым своего корневища» [\[9, с. 27\]](#). Всё же, говорить о нарративе применительно к двум вышеназванным литературным родам в глобальном смысле, как о конструктивном принципе, весьма затруднительно, так как они «лишены такой интегрирующей фигуры посредника между креативным (автор) и рецептивным (читатель, зритель) субъектами эстетической коммуникации» [\[9, с. 168\]](#).

При этом драматургическое высказывание, не являясь целостно нарративным, содержит в своей конструкции элементы нарратива, заметные в большей или меньшей степени в зависимости от эпохи, жанра, индивидуально-авторских особенностей. Так, О. М. Фрейденберг видит в уже эпизодах античной трагедии, где «персонажи приходят с того света и рассказывают о том, что они видели собственными глазами <...> классические образцы древней наррации» [\[10, с. 276\]](#).

Говоря о возможности исследования нарративов в драматургии, не стоит упускать из виду специфику сценического действия, которая предполагает, что обо всём происходящем на сцене мы узнаём из реплик действующих лиц. Весь текст озвучивается героями (за исключением сравнительно малой части авторских ремарок, которые воспроизводятся невербально: посредством предметного и интерьерного кодов, воссоздаваемой актёрами интонации, предписанной паратекстом, различного рода невербального поведения: поз, жестов, мимики, реакций), то есть зритель или читатель может узнать из первых уст о внесценических эпизодах, намеренно оставленных драматургом за кулисами, предысториях персонажей, а также увидеть различную оценку действующих лиц при переосмысливании этих событий.

Такие, рассказанные действующими лицами драматургических текстов истории, мы предлагаем именовать «сценическими нарративами» [\[11, с. 115\]](#). Характеристика «сценический» в данном случае используется в значении, сходном с пониманием Патриса Пави, который говорит об оппозиции «драматического пространства» и «сценического пространства» [\[12, с. 260-264\]](#), то есть значимого не для мира героев, а для адресата текста – читателя и зрителя. Вне зависимости от перспектив быть или не быть поставленным на театре, драматургический текст по своему композиционному устройству имплицитно предполагает разворачивание действия на сцене. Текст произносится действующими лицами в пространстве сцены, а также во временном отрезке акта, который тоже именуется «сценой».

Также, говоря о драматургических текстах в аспекте нарратологии, стоит отметить подход, рассматривающий ремарочные комплексы (в процессе эволюции драматургии всё в меньшей степени выполняющие лишь технические функции) как своего рода нарратив [\[13, с. 16\]](#). Более того, в новейшей драматургии популярными становятся межродовые по своей природе жанры: «монодрама», пьесы в технике вербатим и др., – позволяющие многим исследователям говорить об очевидности тенденции к эпизации в драматургии [\[14\]](#) и, следовательно, росте значимости произносимых героями на сцене нарративов. Ключевые тенденции и различные аспекты нарративности русской драматургии в исторической перспективе были рассмотрены нами в соответствующей статье «Тезауруса исторической нарратологии» [\[15, с. 22-26\]](#).

Особенности наррации в драматургии Чехова и в пьесе «Чайка»

Драматургия А. П. Чехова явилась и продолжает быть особой страницей в истории не только отечественного театра, но в целом мировой драматургии. Невозможно отрицать новаторство методов и приёмов, позволивших автору создать тексты, с неугасающей силой привлекающие писателей-последователей вновь и вновь обращаться к сюжетам чеховских пьес, создавая своеобразный интертекстуальный диалог с по-прежнему актуальным классиком; театральных и кино-режиссёров, способных взглянуть на всем, казалось бы, хорошо знакомые тексты, под иным углом и увидеть новые, скрывавшиеся ранее от нашего взора глубины; исследователям-гуманитариям, объединяющимся в своём искреннем любопытстве и порыве, чтобы разгадать секрет вечной молодости текстов Чехова-драматурга, чарующих своей одновременной простотой и непостижимостью.

Одним из удивлений для современников стала, как казалось им, бессобытийность сценического действия, особенно заметная в сопоставлении с водевильной традицией, стержнем сюжета которой был ярко выраженный конфликт любовно-романтического, бытового и т.п. толка, связанный с неожиданными событийными поворотами окказионального характера, разрешение которых происходило на глазах у зрителей. Обмен пероформативными репликами, являвшимися ранее локомотивом действия пьес, в драматургии А. П. Чехова размывал свою почву, превращаясь нередко в форму обмена монологами, специфическую форму «диалога глухих» и др., что даёт полное право исследователям языка чеховской драматургии говорить о «смысловой и коммуникативной ослабленности диалогов» [\[16, с. 282\]](#). В качестве причин неуспешности коммуникации можно назвать повышенную авторефлексивность героев, адресующих свои речи собеседникам, или же излишнюю погруженность реципиента в свой мир, неспособность адекватно услышать говорящего.

Интересной особенностью поэтики чеховских пьес является фрагментарное

экспонирование историй о прошлом героев. Говоря о поэтике драматургии Чехова (и его последователей) Э. Бентли отмечает: «Теперь персонаж обретает историю жизни, причем, если драматург не может изложить ее в одном каком-нибудь монологе, он сообщает сведения о прошлой жизни персонажа по кусочкам тут и там, с тем чтобы читатель или зритель смог впоследствии сложить их воедино» [\[17, с. 78\]](#).

Выделяя особенности нарратива в тексте пьесы А. П. Чехова «Чайка», высказывания героев, содержащие в себе повествовательный элемент, можно классифицировать по типу связи с сюжетом. Так, начать стоит с реплик, репрезентирующих предыстории действующих лиц. К этой категории сценических нарративов можно отнести воспоминания Кости Треплева о его юных годах, прожитых, как ему кажется, в тени материнской славы, безуспешно:

«Вышел из третьего курса университета по обстоятельствам, как говорится, от редакции не зависящим, никаких талантов, денег ни гроша, а по паспорту я – киевский мещанин. <...> Так вот, когда, бывало, в ее гостиной все эти артисты и писатели обращали на меня свое милостивое внимание, то мне казалось, что своими взглядами они измеряли мое ничтожество, – я угадывал их мысли и страдал от унижения...» [\[18, с. 8-9\]](#).

К этой же категории будет относиться также обращение беллетриста Тригорина к былому опыту создания и постановки пьес, ретроспективно говорящего в своём монологе о собственном писательском пути:

«Я боялся публики, она была страшна мне, и когда мне приходилось ставить свою новую пьесу, то мне казалось всякий раз, что брюнеты враждебно настроены, а блондины холодно равнодушны...» [\[18, с. 30\]](#).

Также примером авторепрезентации персонажа, затрагивающей события, происходившие задолго до рамок сценического действия, является ностальгия доктора Дорна, сопровождаемая тоской по упущенным возможностям, пример, так называемой, «нулевой событийности»:

«Вы знаете, я прожил свою жизнь разнообразно и со вкусом, я доволен, но если бы мне пришлось испытать подъем духа, какой бывает у художников во время творчества, то, мне кажется, я презирал бы свою материальную оболочку и все, что этой оболочке свойственно, и уносился бы от земли подальше в высоту» [\[18, с. 19\]](#).

Анализируя лексические особенности такого рода нарративов-воспоминаний, мы замечаем, что ключевую семантическую нагрузку в рассказе предысторий несут глагольные конструкции, представленные в формах прошедшего времени, признак перфектности/имперфектности маркирует однократность или, соответственно, повторяемость важных для героя действий; гипотетическое размышление Дорна о неслучившемся представлено формой сослагательного наклонения. Значимыми для героев Чехова в монологах о прошлом становятся отрицательные конструкции. В речи многих персонажей-нарраторов присутствуют лексемы с ярко выраженными негативными коннотациями («ничтожество», «унижение», «боялся», «враждебно» и др.), более оптимистичны слова о прошлом доктора, однако, с одной стороны, это по большей части его мечты о прошлом, с другой стороны, отсутствие мучительной саморефлексии можно соотнести с его непервостепенным положением в системе персонажей «Чайки». Также обращает на себя внимание присутствие различных словоформ глагола «казаться» в представленных исповедальных фрагментах, что может быть интерпретировано как языковой маркер высокой степени самосознания, открытости к диалогу с собеседником

или даже с собой прошлым и настоящим.

Следующий тип нарративов, значимых в конструкции чеховских пьес можно назвать, как мыслится, внесценическим. Сюда стоит отнести повествования действующих лиц о тех событиях, которые происходят между актами (в «Чайке» таких промежутка между действиями три), так и событиях, происходящих в момент сценического действия, но утаённых от зрителя и читателя драматургом.

В качестве примеров нарративных высказываний о межактовых событиях можно привести мысли вслух Полины Андреевны мамы об успехах Кости Треплева на писательском поприще:

«Никто не думал и не гадал, что из вас, Костя, выйдет настоящий писатель. А вот, слава богу, и деньги стали вам присылать из журналов. <...> И красивый стал...» [18, с. 46].

Отчасти это высказывание перформативного характера, при этом оно одновременно выполняет функции рассказывания читателю об изменениях в статусе действующих лиц за время антракта, а также характеризует и субъекта высказывания. В данном случае Чехов как драматург опускает излишние подробности, связанные с конкретизацией временной дистанции между былым и нынешним статусом; важно изменение состояния, что эксплицировано использованием оценочных прилагательных («настоящий», «красивый»). Костя, по-прежнему любимый Машей, единственное лицо, наделённое статусом субъекта в рассказанном её матерью событии: голоса из прошлого сведены к отрицательному местоимению «никто», так же как и не особенно важно, какое издательство и кто именно платит за литературные труды Константина – выражено сказуемым в неопределенно-личной форме; важен результат – финансовая успешность писательской затеи и вызванные этим позитивные внешние изменения.

Ещё одним ярким примером, относящимся к обозначенному выше типу нарративного высказывания, является монолог Нины Заречной (иногда прерываемый ответными откровениями Треплева) в заключительном акте «Чайки»:

«...Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечером я пошла посмотреть в саду, цел ли наш театр. А он до сих пор стоит. Я заплакала в первый раз после двух лет, и у меня отлегло, стало яснее на душе. <...> Итак, вы стали уже писателем... Вы писатель, я – актриса... Попали и мы с вами в круговорот... Жила я радостно, по-детски – проснешься утром и запоешь; любила вас, мечтала о славе, а теперь? Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе...» [18, с. 57].

Здесь на себя обращает внимание значимость временных маркеров: конструкции с числительными («два года», «в первый раз»); менее конкретизирующие, но не менее тесно связанные с идеей хронологии событий наречие «поздно», союз «итак», указательное местоимение в устойчивой конструкции «до сих пор» и др.; акцент на конкретные предметные детали из прошлого. Что в совокупности говорит о ретроспективном взгляде героини, значимости событий из прошлого, а, следовательно, уступающим на этом фоне событиям её будущего и настоящего.

Кульминационным по напряжению становится событие, случившееся за кулисами, вне сценического пространства, – смертельный выстрел Константина. Об этом мы узнаём также посредством нарративной реплики. При этом доктор Дорн, объясняя причину пугающего звука из-за кулис, воспроизводит два различных объяснения причин этого. Сначала мы видим его реплику:

«Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. <...> Так и есть. Лопнула склянка с эфиром» [\[18, с. 60\]](#).

Это становится убедительным объяснением для Аркадиной, всё же инстинктивно почувствовавшей материнским сердцем опасность, уже некогда грозившую сыну. На мгновение читатель «Чайки» тоже испытывает облегчение от того, что, как кажется, беда миновала. Однако следом внимательный реципиент начинает ощущать «ненадёжность» только что засвидетельствованного им акта наррации, неправдивость говорящего, в чём в финальной реплике всей пьесы Дорн и признаётся Тригорину, а вместе с тем и ожидающими развязки драматической интриги зрителям:

«Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...» [\[18, с. 60\]](#).

Немаловажным фактором, позволяющим мастерски раскрыть характеры выведенных в пьесе действующих лиц, являются ситуации наррации о тех событиях, очевидцами которых были и собственно адресаты пьесы А. П. Чехова. Здесь мы, сидя за несуществующей «четвёртой стеной», словно оказываемся наблюдателями разнесенной по разным сценам ситуации судебных прений, где каждый свидетель или участник событий преподносит своё видение произошедшего. А иногда даже случаются и лжесвидетельства, когда говорящий преднамеренно занимает позицию «ненадёжного нарратора», потом всё же нередко раскаиваясь в акте взаимного примирения.

К нарративным репликам, содержащим оценку событий, происходивших некоторое время назад на сцене, можно отнести высказывания о дебютной постановке Константина: негодующей Аркадиной; ничего не понявшего, но добродушного Тригорина; восторженного доктора Дорна. При анализе такого рода высказываний и попытке выявить степень искренности или же пафосности, «игры на публику», этикетной вежливости и т.п., важнейшим критерием становится прагматика конкретного речевого высказывания: кем и для кого оно произносится, насколько собеседники близки говорящему, присутствуют ли на сцене в момент озвучивания реплики упоминаемые в ней лица, наконец, ситуативный контекст сценической наррации.

Ещё одним типом повествовательности в речи персонажей, специфически свойственным поэтике драматургических текстов А. П. Чехова, являются нарративные вкрапления или воспоминания, сделанные, так сказать, по случаю, то есть принципиально не меняющие дальнейшее развитие сюжета. Их мы предлагаем именовать автономными сценическими нарративами. Например, воспоминание Аркадиной:

«Вот взгляните: старинное лото, в которое еще играла с нами покойная мать, когда мы были детьми» [\[18, с. 53\]](#).

Элемент предметного мира (словно «многоуважаемый шкаф» из «Вишнёвого сада») вызывает желание у героини озвучить в нарративной форме собственную «внутреннюю речь» (термин Л. С. Выготского).

Событийно малозначимые или незначимые вовсе автономные нарративные реплики неоднократно произносит управляющий Шамраев (к подобным комическим персонажам, выступающим в своеобразном комическом амплуа «шута», также можно причислить Симеонова-Пищика из «Вишнёвого сада»). Весь его событийный жизненный опыт распадается на серию анекдотов, которые, кстати, не факт, что основаны на историях, очевидцем которых он был лично. Неуместность этих нарративных вкраплений в общее

полотно беседы говорит либо о праздности говорящего, либо о неуместном желании привлечь внимание к своей персоне, что маркирует, вероятно, небольшую симпатию драматурга к персонажу и поведению такого типа.

Заключение

Нельзя не согласиться с тезисом Е. Г. Доценко о том, «роль нарратива высока во всем театре Чехова» [19, с. 31]. Заглавные и ключевые герои его пьес размышляют, сомневаются и не доверяют в своих нарративных переоценках былых событий самим себе, а стройность сценических нарративов и многословие нередко становятся признаком болтливости и пустословия в драматургии Чехова. Вместе с тем, обращаясь в своих воспоминаниях к прошлому, будь то рефлексия о событиях молодости, переоценка недавно увиденного или даже забавное анекдотическое происшествие, в композиционно-речевой форме сценических нарративов действующие лица демонстрируют особенности своей личности, раскрывают полнее свой характер, презентуют героям-собеседникам и реципиентам художественного текста ранее неизвестные тайны своей души.

В целом, как было наглядно продемонстрировано выше, тексты пьес А. П. Чехова в целом и «Чайки» в особенности являются благодатной почвой для продуктивного изучения нарративных особенностей драматургического рода литературы. Конечно, данное проблемное поле не исчерпывается предложенным анализом и предполагает дальнейшую разработку вопроса соотношения драмы и нарратива.

Библиография

1. Аристотель. Поэтика / пер. М. Гаспарова // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 4 – Москва : Мысль, 1983. – С. 645–681.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 270 с.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – Москва : Искусство, 1970. – 385 с.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
6. Booth W. The Rhetoric of Fiction. – Chicago: University of Chicago Press, 1961. – 485 p.
7. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию. – Москва : Intrada, 2016. – 145 с.
8. Huhn P. Narration in poetry and drama / P. Huhn, R. Sommer // Handbook of narratology / Ed. by Huhn P., Pier J., Schmid W., Schonert J. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2009. – P. 228–241.
9. Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. – Москва : Intrada, 2013. – 211 с.
10. Фрейденберг О. М. Происхождение наррации // Миф и литература древности/ Фрейденберг О. М. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Восточная литература, 1998. – С. 262–285.
11. Красников Я. Е. Сценическая наррация // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы) / под ред. В. И. Тюпы. – Москва : Эдитус, 2022. – С. 115–118.

12. Пави П. Словарь театра / пер. с фр. – Москва : Прогресс, 1991. – 504 с.
13. Доманский Ю. В. «Оба улыбнулись» : (о возможностях нарратива в драматургическом роде литературы) // Narratorium. – 2011. – № 1-2. – С. 16.
14. Павлов А. М. Событие рассказывания в современной отечественной монодраме (на материале пьесы Е. Исаевой «Про мою маму и про меня») // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 3(51). – С. 197-202.
15. Красников Я. Е. Нарративность драматургии // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы) / под ред. В. И. Тюпы. – Москва : Эдитус, 2022. – С. 22-26.
16. Ковшова Л. В. Не совсем слова в драматическом тексте Чехова // Критика и семиотика. – 2012. – №
17. – С. 280-295. 17. Бентли Э. Жизнь драмы / перевод с англ. В. Воронина. – Москва : Айрис-пресс, 2004. – 416 с.
18. Чехов А. П. Чайка : комедия в 4-х действиях // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах. Сочинения : в 18 т. – Т. 13. Пьесы, 1895–1904. – Москва : Наука, 1978. – С. 3–60.
19. Доценко Е.Г. «Выбывший из игры»: сочинители историй в пьесах А. П. Чехова, Г. Пинтера и М. Равенхилла // Филологический класс. – 2010. – №24. – С. 29-33.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет должный научный интерес и как законченный труд сложилась. В начале исследования автор отмечает, что «секрет популярности нарратологии, в последние десятилетия обособившейся в отдельную ветвь литературоведения, кроется, с одной стороны, в междисциплинарной природе такого ракурса изучения текстов разного рода и свойства, с другой стороны, в обращении нарратологии не столько к формальной стороне речи, сколько в интересе к её психологической подоплеке, акценте на говорящем субъекте, его когнитивных особенностях», «нарратив (в отличие от перформатива и других, соседствующих в этом ряду, не имеющих пока устоявшихся общепризнанных наименований) предполагает рассказывание истории, воссоздание в словесной ткани семантически маркированных событийных эпизодов, составляющих либо детерминированную цепь фактов, либо же являющихся единичными, которые имели место в прошлом и составляющим часть отрефлексированного жизненного опыта, воспроизводимого в ныне происходящем повествовательном акте». Методологический базис данного труда созвучен современным и актуальным тенденциям, фактических нарушений на этом уровне не выявлено. Считаю, что выбранная магистраль оценки пьесы А.П. Чехова «Чайка» конструктивна, однако, прозаический конструкт чаще, чем драматургический становится предметом подобного анализа. Материал включает как теоретические, так и практические изводы, причем соразмерность указанных блоков наблюдается на протяжении всего труда. Ссылки на работы М.М. Бахтина, О.М. Фрейденберг, Ю.В. Лотмана, В.И. Тюпы подкрепляют авторитет статьи, говорят об умении систематизировать имеющиеся данные, обобщать, сводить в некое единое целое накопленный опыт. Стиль работы близок академическому типу; например, это проявляется в следующих фрагментах: «одним из удивлений для современников стала, как казалось им, бессобытийность сценического действия, особенно заметная в сопоставлении с

водевильной традицией, стержнем сюжета которой был ярко выраженный конфликт любовно-романтического, бытового и т.п. толка, связанный с неожиданными событийными поворотами окказионального характера, разрешение которых происходило на глазах у зрителей. Обмен пероформативными репликами, являвшимися ранее локомотивом действия пьес, в драматургии А. П. Чехова размывал свою почву, превращаясь нередко в форму обмена монологами, специфическую форму «диалога глухих» и др., что даёт полное право исследователям языка чеховской драматургии говорить о «смысловой и коммуникативной ослабленности диалогов». В качестве причин неуспешности коммуникации можно назвать повышенную авторефлексивность героев, адресующих свои речи собеседникам, или же излишнюю погруженность реципиента в свой мир, неспособность адекватно услышать говорящего», или «анализируя лексические особенности такого рода нарративов-воспоминаний, мы замечаем, что ключевую семантическую нагрузку в рассказе предысторий несут глагольные конструкции, представленные в формах прошедшего времени, признак перфектности/имперфектности маркирует однократность или, соответственно, повторяемость важных для героя действий; гипотетическое размышление Дорна о неслучившемся представлено формой сослагательного наклонения. Значимыми для героев Чехова в монологах о прошлом становятся отрицательные конструкции. В речи многих персонажей-нарраторов присутствуют лексемы с ярко выраженными негативными коннотациями («ничтожество», «унижение», «боялся», «враждебно» и др.), более оптимистичны слова о прошлом доктора, однако, с одной стороны, это по большей части его мечты о прошлом, с другой стороны, отсутствие мучительной саморефлексии можно соотнести с его непервостепенным положением в системе персонажей «Чайки» и т.д. Тема работы раскрыта грамотно, объективно, точка зрения исследователя прозрачна и аргументирована. Материал можно использовать как в школьной, так и вузовской практике; вполне удачно, на мой взгляд, ряд позиций, которые высказаны в работе можно раскрыть в новых смежно-тематических проектах. Цель исследования достигнута, в финале отмечено, что «заглавные и ключевые герои его [А.П. Чехова] пьес размышляют, сомневаются и не доверяют в своих нарративных переоценках былых событий самим себе, а стройность сценических нарративов и многословие нередко становятся признаком болтливости и пустословия в драматургии Чехова. Вместе с тем, обращаясь в своих воспоминаниях к прошлому, будь то рефлексия о событиях молодости, переоценка недавно увиденного или даже забавное анекдотическое происшествие, в композиционно-речевой форме сценических нарративов действующие лица демонстрируют особенности своей личности, раскрывают полнее свой характер, презентуют героям-собеседникам и реципиентам художественного текста ранее неизвестные тайны своей души». Основные требования издания учтены, формальная правка текста излишня. Рекомендую статью «Нарративные особенности пьесы А. П. Чехова "Чайка"» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Савина Е.С. — Юридические метафоры и образные сравнения как стилистический способ характеристики общества Германтов в романе М. Пруста // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.38408 EDN: NMFWUQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38408

Юридические метафоры и образные сравнения как стилистический способ характеристики общества Германтов в романе М. Пруста

Савина Елена Сергеевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, МГУ имени М.В. Ломоносова, юридический факультет

119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские Горы, 1, строение 13 (4-й учебный корпус), ауд. 503 А

✉ savinaelena2006@yandex.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.6.38408

EDN:

NMFWUQ

Дата направления статьи в редакцию:

08-07-2022

Аннотация: В статье рассматриваются юридические метафоры и образные сравнения, которые позволяют представить мир французской аристократии периода Третьей республики в романе М. Пруста. Выявляются термины конституционного, административного, международного публичного и гражданского права, а также банковского права как части предпринимательского. В работе изучается образное осмысление Марселем высшего общества через юридические понятия. Предметом исследования являются конкретные юридические термины текста. Цель данной работы заключается в анализе пластов художественного произведения, позволяющих представить особенности мира французских аристократов в республиканском окружении. В статье используются методы семантического, лингвистического анализа и лингвистического комментирования. Показано, что неприятие аристократами Республики выражается в том числе и посредством неприятия ими новой правовой системы, и через ироническое отношение к ее институтам. Напротив, благоговейное отношение к культурному пласту безвозвратно ушедшего периода абсолютной монархии является одной из отличительных характеристик Германтов, людей близкого им социального круга

и даже их слуг. Юридические термины, противопоставляющие две данные эпохи, вводят также сложную и многозначную, важную для текстов М. Пруста в целом, антитезу между тем, что есть, и тем, что кажется. Недоверие аристократов периода Третьей республики к новой правовой действительности оказывается одной из отличительных черт, позволяющих им сохранить свою клановость, несмотря на видимую демократичность в выборе круга общения и открытость к изменениям.

Ключевые слова:

У Германтов, образные сравнения, стилистические фигуры, стилистические приемы, лексика публичного права, юридическая лексика, юридические метафоры, юридическая терминология, юридические термины, язык Пруста

Лексику того или иного языка традиционно разделяют на специальную и общеупотребительную; при этом «к специальной лексике относятся лексические единицы языка, выполняющие функцию обозначения понятий, которые связаны с той или иной профессиональной сферой» [\[4, с. 28\]](#). Тем не менее поскольку для правовой деятельности в целом характерна тесная связь с повседневной жизнью, «лексика права ... в значительной степени связана с обывденными понятиями» [Там же]. В связи с этим О. А. Безуглова и А. А. Кузнецова отмечают необходимость в наше время для выпускников языковых вузов в совершенстве владеть «не только общеупотребительной, но и деловой, а также юридической лексикой» [\[1, с. 177\]](#).

Как пишет Э.-М. Альба, начиная со Средних веков, во французской художественной литературе часто изображаются судебные процессы и широко представлены различные соображения по поводу права, поскольку многие писатели получали в то время юридическое образование [\[12, с. 48\]](#). Исследовательница рассматривает общую лексику, связанную с философией права и с судебным процессом, в баснях Лафонтена, которая играет важную роль в творчестве автора, поскольку он работал адвокатом [Там же, с. 48-49]. Й. Шаувекер показывает на примере французской средневековой художественной литературы, что понятия феодального права были хорошо знакомы французам задолго до их появления в старофранцузском языке [\[19\]](#).

На большой интерес, который язык права вызывает в течение долгого времени, и, в связи с данным фактом, на необходимость более внимательного его изучения в рамках юридической лингвистики указывает Ж. Корню [\[8, с. 1-2\]](#). Исследователь подчеркивает тесную связь права с семиологией, семиотикой, неязыковыми знаками, а языка права – с языком литературных произведений как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания (так, в работе одного из французских ученых, С. Ле Мера, показано, что моралист предстает как цензор и законодатель, а мораль обычно кратка и лаконична, особенно в максимах). По мнению Ж.-М. Трижо, можно создать как литературное произведение, используя юридический дискурс, так и наоборот [Там же, с. 3]. Существуют отдельные работы, посвященные функционированию прежде всего английской юридической терминологии в художественных текстах, но стилистические фигуры, созданные на основе юридической лексики в текстах М. Пруста, автора, чья проза характеризуется большим количеством метафор и сравнений в целом, ранее, насколько нам известно, не исследовались.

При анализе романа «В поисках утраченного времени» традиционно уделяют внимание

биографии писателя, сравнивая ее с образом жизни повествователя, Марсея (см., например, [3], [22]). Различным аспектам проблемы осознанности в текстах М. Пруста посвящено исследование Э. Хьюга [13]. К. Курата выявляет влияние Дж. Элиота на М. Пруста [15]. Однако, как отмечает Т. М. Николаева, интерес к произведению объясняется, прежде всего, именно тем, что М. Пруст «тщательно убрал из книги все тривиальные биографические моменты: службу в армии, хотя и короткую, прекрасное образование в лицее Кондорсе, причины дуэлей...» [6, с. 10], и в связи с этим необходимо изучать именно сам авторский текст, а не различные прототипы, интертекст, влияния.

Мы исследуем с помощью лингвостилистических методов фигуры, в частности сравнения и метафоры, образованные на основе юридических терминов, которые используются при описании Марселем его первого визита к Германтам в третьем томе романа, «У Германтов» («Le Côté de Guermantes»), потому что изучение М. Прустом права на протяжении трех лет в университете не могло не оказать влияния на его художественный мир. В частности, мы отобрали методом сплошной выборки все контексты, относящиеся к первому посещению повествователем салона Германтов, в которых содержатся первоначальные впечатления об их слугах, герцоге и герцогине Германтских и о некоторых из их наиболее знатных гостей, таких, как принц Агригентский и госпожа де Галлардон. Мы не будем останавливаться на различных теоретических проблемах, связанных с определениями и с классификациями фигур (см., например, [10], [14], [16], [21]), с особенностями их функционирования в речи [11], а проанализируем конкретный языковой материал, обратившись к методам лексикологии и семантики.

К французским юридическим терминам в широком понимании, вслед за Ж. Корню, мы будем относить все слова французского языка, которые имеют одно или несколько значений в праве, то есть не только «исключительно юридические термины», но и, в целом, все слова, которые используются в праве в особом значении [5, с. 14]. О том, что специальная терминология является органичной частью общелексической системы языка, о стирании граней как между общелитературным языком и отдельно взятой специальной терминологией, так и между различными терминологиями, а также о полисемии, которая является одной из важнейших характеристик юридической лексики, пишет и Е. Н. Юдина [7]. В этой связи в нашем материале возможно выявить термины, относящиеся к отраслям права, связанным с устройством государства и с управлением им (конституционное, административное и международное публичное право), к гражданскому праву, а также мы отдельно рассмотрим контекст, относящийся к банковскому праву, поскольку оно является частью предпринимательского права.

Термины конституционного, административного и международного публичного права представлены такими лексическими единицами, как *un/le ministre espagnol* «посланник Испании», *les ministres bourgeois de la cour de Louis XIV* «министры выходцы из буржуазии при дворе Людовика XIV», *un fonctionnaire* «чиновник, должностное лицо», *l'Administration française* «государственные ведомства, правительственные учреждения Франции», *démocratique* «демократический», *le pouvoir politique* «политическая власть», *l'État* «государство», *l'armée* «армия», *la souveraine d'un État* «государыня», *un président de la République* «президент», *l'impétrante* «лицо, получившее удовлетворение своей просьбы», *édit* «указ», *Chambre* «палата парламента».

Un/le ministre espagnol, les ministres bourgeois de la cour de Louis XIV

В Юридическом словаре Ж. Корню существительное *ministre* определяется как «*membre du gouvernement, en général placé en même temps à la tête d'un ensemble de services de l'administration (sauf pour les ministres sans portefeuille)*» [9, с. 659]. Однако в следующем ниже контексте данная лексема, по всей видимости, используется в значении «посланник» («*agent diplomatique de rang immédiatement inférieur à celui d'ambassadeur et chargé de représenter son gouvernement à l'étranger*» [17, с. 1412]. М. Пруст употребляет выражение *ministre espagnol*, вероятно, для указания на достоинство и подчеркнутую почтительность слуги Германтов, который ожидает, пока Марсель посмотрит все интересующие его картины, хотя начало ужина из-за этого задерживается:

<...> J'eus peur qu'on m'eût oublié, qu'on fût à table et j'allai rapidement vers le salon. À la porte du cabinet des Elstir je trouvai un domestique qui attendait, vieux ou poudré, je ne sais, l'air d'un ministre espagnol, mais me témoignant du même respect qu'il eût mis aux pieds d'un roi. Je sentis à son air qu'il m'eût attendu une heure encore, et je pensai avec effroi au retard que j'avais apporté au dîner, alors surtout que j'avais promis d'être à onze heures chez M. de Charlus [18, с. 409].

В рассматриваемом отрывке данное сравнение позволяет образно сопоставить следование неписаным правилам вежливости слугой, несмотря на их нарушение Марселем, с неукоснительным соблюдением дипломатического протокола.

В следующем абзаце М. Пруст прибегает к анафоре, используя то же выражение в сочетании с определенным артиклем *le*, которое тем не менее указывает именно на слугу Германтов, а не на посланника Испании:

Le ministre espagnol (non sans que je rencontraisse, en route, le valet de pied persécuté par le concierge, et qui, rayonnant de bonheur quand je lui demandai des nouvelles de sa fiancée, me dit que justement demain était le jour de sortie d'elle et de lui, qu'il pourrait passer toute la journée avec elle, et célébra la bonté de Madame la duchesse) me conduisit au salon où je craignais de trouver M. de Guermantes de mauvaise humeur. Il m'accueillit, au contraire, avec une joie évidemment en partie factice et dictée par la politesse, mais par ailleurs sincère, inspirée et par son estomac qu'un tel retard avait affamé, et par la conscience d'une impatience pareille chez tous ses invités lesquels remplissaient complètement le salon. Je sus, en effet, plus tard, qu'on m'avait attendu près de trois quarts d'heure. <...> [18, с. 409-410].

Подобная семантическая двусмысленность, появившаяся в результате парадигматической неоднозначности (поскольку в данном контексте фактически выступают в качестве синонимов такие выражения, как *le ministre espagnol* и *le domestique de s Guermantes*, и понять, что первому означающему соответствует означаемое второго, невозможно без знания предшествующего контекста) создает определенный комический эффект, поскольку слуга ведет себя столь же вежливо, невозмутимо и достойно, как и высокопоставленный сотрудник дипломатического корпуса. Такой подчеркнутой надменности противостоит демократичность Марселя, поскольку он еще задерживается по пути в гостиную, чтобы спросить у встреченного ими в коридоре лакея, как поживает его невеста. Представленное в скобках отступление от основного сюжета, содержащее подробный ответ лакея и отсылку с пояснениями к их утренней встрече с мальчиком, словно «растягивает», «замедляет» повествование и позволяет читателю физически прочувствовать как сорокапятиминутное опоздание Марселя на ужин, так и радость, которую испытали изголодавшиеся гости в связи с тем, что еду им наконец-то подадут.

В словаре «Trésor de la langue française» также выделяется значение существительного *ministre* «homme d'État chargé d'administrer les affaires publiques» и, отдельно, внутри него, относящееся к истории дореволюционной Франции, «sous l'Ancien Régime, délégué de l'autorité royale, chargé par le roi du gouvernement du pays» [20]. В романе М. Пруста подчеркнутое почтение герцога Германтского по отношению к Марселю, выходцу из простой буржуазной семьи, описывается посредством сравнения с тем демократическим уважением, которое выказывали представители древних аристократических родов министрам-буржуа при дворе Людовика XIV, очевидно, осознавая тем не менее свое преимущество перед ними по праву рождения:

<...> Les caprices de la conduite, niés par de saintes amies, malgré l'évidence, semblaient, dans le monde des Guermantes, importer beaucoup moins que les relations qu'on avait su conserver. On feignait d'ignorer que le corps d'une maîtresse de maison était manié par qui voulait, pourvu que son «salon» fût demeuré intact. *Comme le duc se gênait fort peu avec ses invités (...), mais beaucoup avec moi dont le genre de supériorité lui étant inconnu lui causait un peu le même genre de respect qu'aux grands seigneurs de la cour de Louis XIV les ministres bourgeois, il considérait évidemment que le fait de ne pas connaître ses convives n'avait aucune importance [...] et, tandis que je me préoccupais [...] de l'effet que je ferais sur eux, il se souciait seulement de celui qu'ils feraient sur moi* [18, с. 410-411].

В рассматриваемом контексте герцог Германтский сравнивается с Людовиком XIV с точки зрения его абсолютизма, прием у него – с желанием монарха контролировать знать при дворе, а приглашение Марселя вызывает в памяти покровительство монарха литературе и искусства. Описание знатных дам как ведущих фривольный образ жизни, на что при этом никто не обращает внимания, если их салон достаточно изысканный, также ассоциируется с литературными салонами, расцвет которых приходится как раз на период правления Людовика XIV, равно как и с его многочисленными фаворитками. «Легкомысленное» поведение светских дам противопоставляется изяществу салонов, и за счет этого сопоставления Марсель словно видит себя при дворе короля.

Démocratique, le pouvoir politique, État, armée, souveraine d'un État, président de la République

В рассматриваемом ниже контексте Марсель высказывает, на первый взгляд, парадоксальную идею о том, что демократизация общества ведет лишь к его большей иерархизации, хотя в этом случае она намного менее очевидна:

<...> *Enfin une société ne serait-elle pas secrètement hiérarchisée au fur et à mesure qu'elle serait en fait plus démocratique? C'est fort possible. Le pouvoir politique des papes a beaucoup grandi depuis qu'ils n'ont plus ni États, ni armée; les cathédrales exerçaient un prestige bien moins grand sur un dévot du XVIIe siècle que sur un athée du XXe, et si la princesse de Parme avait été souveraine d'un État, sans doute eussé-je eu l'idée d'en parler à peu près autant que d'un président de la République, c'est-à-dire pas du tout* [18, с. 441].

В данном отрывке причастие прошедшего времени *hiérarchisé* ассоциативно противоречит представлению о демократическом обществе в его традиционном понимании. Повествователь высказывает идею о том, что для фактического осуществления политической власти не нужны такие, на первый взгляд, обязательные ее атрибуты, как государство или армия, и сравнивает с этой точки зрения политическую власть с религиозной (указывая на то, что величественные готические соборы, в то время когда религия была повсеместно распространена, и в буквальном смысле слова все сферы жизни были ею «пропитаны», не настолько впечатляли верующих, как

атеистов начала XX века, которые, после Революции и, очевидно, после отделения церкви от государства во Франции в 1905 г., смогли отстраниться от религиозной составляющей и в полной мере оценить художественную значимость готической сакральной архитектуры). Скептическое отношение автора к демократическому строю выражается также и за счет упоминания его восхищения представителями древних аристократических родов Франции, которые внутренне осознают принадлежащие им по праву рождения власть, силу и величие (хотя они и не осуществляют власть политическую), поскольку в представлении повествователя даже избранный президент ими не обладает.

Administration, fonctionnaire

Существительное *administration* определяется в словаре «Le Nouveau Petit Robert» как «fonction consistant à assurer l'application des lois et la marche des services publics conformément aux directives gouvernementales; ensemble des services et agents chargés de cette fonction» [17, с. 30], а *fonctionnaire* – как «personne qui remplit une fonction publique; personne qui occupe, en qualité de titulaire, un emploi permanent dans les cadres d'une administration publique» [17, с. 943]. В романе М. Пруста с властью чиновника в органах административной власти, с положением священника, символизирующего всю мощь церкви, а также с силой стихии сравнивается влияние герцога Германтского в обществе:

<...> Ce n'est pas que M. de Guermantes ne fût par certains côtés fort ordinaire et n'eût même des ridicules d'homme trop riche, l'orgueil d'un parvenu qu'il n'était pas. Mais de même qu'un fonctionnaire ou qu'un prêtre voient leur médiocre talent multiplié à l'infini (comme une vague par toute la mer qui se presse derrière elle) par ces forces auxquelles ils s'appuient, l'Administration française et l'Église catholique, de même M. de Guermantes était porté par cette autre force, la politesse aristocratique la plus vraie. Cette politesse exclut bien des gens <...> [18, с. 421-422].

В рассматриваемом отрывке видимая «заурядность» герцога Германтского подчеркивается посредством такой лексики, как *ordinaire, des ridicules, un parvenu, médiocre* в сочетании с наречиями, указывающими на высшую степень того или иного признака *fort, trop, à l'infini*. Она противопоставляется незаметной, но тем не менее врожденной аристократической вежливости и даже некоторому снобизму. Марсель описывает данную ситуацию с помощью ее сравнения с другими ситуациями из сферы административного права, церковной жизни и природной стихии, когда посредственный чиновник, священник или волна символизируют собой все могущество представляемых ими институтов (отрицательное отношение к которым очевидно благодаря выражению *médiocre talent multiplié à l'infini* и ироническому написанию с заглавной буквы) и мощь моря соответственно.

Impétrant(e)

Существительное *impétrant* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «celui qui a obtenu, sur sa candidature ou sa demande, un diplôme (autrefois un privilège ou un titre), plus généralement un avantage» [9, с. 524]. В романе М. Пруста с просительницами привилегий от административной или государственной власти сравниваются знатные дамы, пришедшие после ужина с друзьями в другом месте, на светский прием принцессы Пармской (в противопоставлении завсегдатаям), которым приходится ожидать, пока она закончит раскладывать пасьянс за столиком, чтобы поприветствовать их, и позволит им,

в свою очередь, поприветствовать ее, встав перед ней на колени:

Une fois l'impétrante relevée et embrassée par la princesse, celle-ci se rasseyait, se remettait à sa patience, non sans avoir, si la nouvelle venue était d'importance, causé un moment avec elle en la faisant asseoir sur un fauteuil.

Quand le salon devenait trop plein, la dame d'honneur chargée du service d'ordre donnait de l'espace en guidant des habitués dans un immense hall sur lequel donnait le salon et qui était rempli de portraits, de curiosités relatives à la maison de Bourbon. Les convives habituels de la princesse jouaient alors volontiers le rôle de cicerone et disaient des choses intéressantes, que n'avaient pas la patience d'écouter les jeunes gens, plus attentifs à regarder les Altesses vivantes [...] qu'à considérer les reliques des souveraines mortes <...> [\[18, c. 441\]](#).

В данном отрывке развиваются идеи, намеченные в предыдущих контекстах: Германты, не обладая реальной политической властью, тем не менее оказывают на окружающих неочевидное, но значительное влияние древнего аристократического рода, чем и объясняется сравнение пришедшей на светский прием гостьи с униженной просительницей. Данная мысль выражается также и за счет указания на то, что обширная портретная галерея династии Бурбонов (которая ассоциируется с расцветом абсолютной монархии во Франции) и диковинки той эпохи меньше интересуют молодых посетителей салонов, чем наблюдение за «живыми» представителями аристократических династий, не утратившими власти и в период Республики.

Édit

Существительное *édit* определяется в словаре «Petit Robert» как «sous l'Ancien Régime, disposition législative statuant sur une matière spéciale (alors que l'ordonnance avait un caractère général)» [\[17, c. 718\]](#). В романе М. Пруста попытки повествователя понять, на основе чего герцогиня Германтская выносит свои оценочные суждения о различных людях и событиях светской жизни, образно представлены как анализ описаний политической жизни и хроник парламентских слушаний в газетах:

<...> Mais ce plaisir de la duchesse, ce fut moins à l'aide de la critique littéraire que d'après la vie politique et la chronique parlementaire, que j'essayai de comprendre quel il pouvait être. Les édits successifs et contradictoires par lesquels Mme de Guermantes renversait sans cesse l'ordre des valeurs chez les personnes de son milieu ne suffisant plus à la distraire, elle cherchait aussi, dans la manière dont elle dirigeait sa propre conduite sociale, dont elle rendait compte de ses moindres décisions mondaines, à goûter ces émotions artificielles, à obéir à ces devoirs factices qui stimulent la sensibilité des assemblées et s'imposent à l'esprit des politiciens <...> [\[18, c. 458\]](#).

В рассматриваемом контексте за счет употребления существительного *édit* актуализируется, прежде всего, тот факт, что речь идет именно об указе короля (хотя описываемые в романе события и относятся к периоду Третьей республики), который регулирует отдельный вопрос и, следовательно, затрагивает либо определенную группу лиц, либо конкретную провинцию. Оценочные суждения герцогини Германтской сравниваются со сменяющими друг друга противоречивыми королевскими указами. Прилагательные *factice* и *artificiel* указывают на то, что она постоянно подстраивала свое поведение в обществе под собственные противоречивые суждения ради развлечения. За счет использования данных лексем ее желание развлечься таким образом сравнивается с определенным популизмом докладчиков в парламенте и

политиков. Ироничный тон данного отрывка задается благодаря контрасту между поведением абсолютного монарха в республиканском окружении.

Chambre

Далее подобное произвольное определение тенденций светской жизни герцогиней Германтской сравнивается с описанием в прессе симуляции бурной политической деятельности при выступлении министра в парламенте:

<...> On sait que quand un ministre explique à la Chambre qu'il a cru bien faire en suivant une ligne de conduite qui semble en effet toute simple à l'homme de bon sens qui le lendemain dans son journal lit le compte rendu de la séance, ce lecteur de bon sens se sent pourtant remué tout d'un coup, et commence à douter d'avoir eu raison d'approuver le ministre, en voyant que le discours de celui-ci a été écouté au milieu d'une vive agitation et ponctué par des expressions de blâme telles que: «C'est très grave», prononcées par un député dont le nom et les titres sont si longs et suivis de mouvements si accentués que, dans l'interruption tout entière, les mots «C'est très grave!» tiennent moins de place qu'un hémistiche dans un alexandrin <...> [18, с. 458].

В рассматриваемом контексте влияние на умы герцогини Германтской сопоставляется с влиянием прессы на читателей при представлении политической повестки. Первоначальное одобрение читателем разумной позиции министра представлено такой лексикой, относящейся к семантическому полю рациональности, как «il a cru bien faire», «semble en effet toute simple», «l'homme de bon sens», «ce lecteur de bon sens». Последующее же мгновенное изменение его мнения под влиянием отчета в прессе представлено, напротив, лексикой, указывающей на чувства: «se sent remué», «commence à douter d'avoir eu raison d'approuver le ministre», «une vive agitation», «des expressions de blâme», а также за счет повтора ничего не значащего в данном контексте выражения «c'est très grave». Сравнение длины данного высказывания с полустилишем александрийского стиха, который ассоциируется, прежде всего, со средневековым эпосом и с литературой эпохи классицизма, привносит ироничную нотку в это описание, поскольку разумное мнение здравомыслящего читателя меняется, в том числе, и за счет трехсложного выражения. Все эти приемы указывают и на произвол оценки герцогини.

Ниже та же мысль иллюстрируется с помощью конкретного примера, когда многочисленные дворянские титулы герцога Германтского, указывающие на его принадлежность к древнему аристократическому роду, иронически противопоставляются трем бессмысленным кратким произнесенным им словам на заседании Национального собрания:

<...> Par exemple autrefois, quand M. de Guermantes, prince des Laumes, siégeait à la Chambre, on lisait quelquefois dans les journaux de Paris, bien que ce fût surtout destiné à la circonscription de Méséglise et afin de montrer aux lecteurs qu'ils n'avaient pas porté leurs votes sur un mandat inactif ou muet:

«Monsieur de Guermantes-Bouillon, prince des Laumes: «Ceci est grave!» (Très bien! Très bien! au centre et sur quelques bancs à droite, vives exclamations à l'extrême gauche.)» [18, с. 458].

Иронический эффект здесь создается также и за счет указания на тот факт, что описание данного незначительного события, по сути, предназначено для избирателей конкретного провинциального округа, но публикуется в столичных газетах, что должно придать ему в их глазах особую важность. Описанная бурная реакция депутатов на выступление

герцога Германтского также непропорциональна его значимости.

Наконец, последнее, в результате чего благоразумный читатель подвергает сомнению казавшуюся ему ранее разумной меру — это еще менее содержательная фраза герцога Германтского, в которой содержатся такие «пустые» выражения, как *ce n'est pas trop dire, j'en suppose*, но в которой присутствуют тем не менее лексические единицы, указывающие на сильные эмоции (*l'étonnement, la stupeur*), а также выражения, передающие еще более «чрезмерную» реакцию на них (*tonnerre d'applaudissements, s'empressement, le signe affirmatif de la tête de M. le sous-secrétaire d'État aux Postes et Télégraphes*):

«L'étonnement, la stupeur, ce n'est pas trop dire (*vive sensation dans la partie droite de l'hémicycle*), que m'ont causés les paroles de celui qui est encore, je suppose, membre du gouvernement...» (*Tonnerre d'applaudissements; quelques députés s'empressent vers le banc des ministres; M. le sous-secrétaire d'État aux Postes et Télégraphes fait de sa place avec la tête un signe affirmatif.*)» [18, с. 458-459].

Таким образом, за счет данной развернутой метафоры, М. Пруст показывает, что произвольные суждения герцогини Германтской о тех или иных людях основывались, во-первых, на авторитете ее аристократических титулов, и, во-вторых, на том, что, вынося их, она воздействовала прежде всего на эмоции собеседника, но в действительности они были столь же пусты, бессмысленны и бессодержательны, как и лишённые какой бы то ни было конкретики речи ее супруга на заседаниях в парламенте.

Лексика, относящаяся к гражданскому праву, представлена термином *état civil* «гражданское состояние».

État civil

Выражение *état civil* определяется в словаре Trésor de la langue française как «ensemble des éléments constatant officiellement l'état d'une personne par rapport à la société» [20]. В романе М. Пруста к присутствующим на приеме у Германтов двух никому не известных иностранок более знатные гости презрительно относятся как к людям, сведения о которых не внесены ни в какие государственные акты гражданского состояния:

<...> Du moins il vous le dit; et s'il vous le dit, soyez sûr que c'est qu'il y trouve son intérêt», avait répondu Mme de Gallardon. *Bien plus, comme on disait de deux étrangères très élégantes que les Guermantes recevaient, qu'on avait fait passer d'abord celle-ci puisqu'elle était l'aînée: «Mais est-elle même l'aînée?» avait demandé Mme de Gallardon, non pas positivement comme si ce genre de personnes n'avaient pas d'âge, mais comme si vraisemblablement dénuées d'état civil et religieux, de traditions certaines, elles fussent plus ou moins jeunes comme les petites chattes d'une même corbeille entre lesquelles un vétérinaire seul pourrait se reconnaître.* Les Courvoisier [...] maintenaient [...] l'intégrité de la noblesse [...] grâce à l'étroitesse de leur esprit et à la méchanceté de leur cœur <...> [18, с. 428].

В рассматриваемом контексте недоверчивость и осторожность аристократической семьи Курвуазье описывается посредством изображения их восприятия двух девушек как не имеющих «официально» ни гражданской, ни религиозной, ни возрастной, ни культурной идентичности. Нежелание госпожи де Галлардон ближе познакомиться с ними сравнивается также с нежеланием неспециалиста отличать друг от друга котят из одного помёта, что подчеркивает ограниченность ее мировоззрения, высокомерие и снобизм.

Тем не менее автор обращает внимание, что именно такой подход Курвуазье и позволял оградить от внешнего воздействия аристократические династии, в отличие от манер намного более «демократичных» Германтов.

Лексика международного коммерческого и банковского права представлена такими терминами, как *banquier* «банкир» и *mine* «рудник, копи, шахта».

Banquier, mine

Существительное *banquier* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «personne qui exerce l'activité bancaire» [9, с. 122], а *mine* – как «gîte de substances minérales ou fossiles, renfermées dans le sein de la terre ou existant à la surface lorsque ces substances sont de celles énumérées à l'article 2 du Code minier» [9, с. 658]. В романе М. Пруста данные термины используются в следующем контексте:

<...> De sorte qu'il se trouvait à la fois le seul homme au monde qui fût prince d'Agrigente et peut-être l'homme au monde qui l'était le moins. *D'ailleurs fort heureux de l'être, mais comme un banquier est heureux d'avoir de nombreuses actions d'une mine, sans se soucier si cette mine répond aux jolis noms de mine Ivanhoé et de mine Primerose, ou si elle s'appelle simplement la mine Premier.* Cependant, tandis que s'achevaient les présentations si longues à raconter [...] et que Mme de Guermantes [...] me disait: « Je suis sûre que Basin vous fatigue à vous mener ainsi de l'une à l'autre, [...] nous voulons surtout ne pas vous fatiguer pour que vous reveniez souvent », le duc, d'un mouvement assez gauche et timoré, donna [...] le signe qu'on pouvait servir [18, с. 419-420].

В рассматриваемом отрывке Марсель образно описывает свое очарование на приеме у Германтов именем принца Агригентского, поэтическому звучанию которого не соответствует облик реального человека. Принц Агригентский, по мнению юноши, хоть и гордится своей фамилией, не осознает в полной мере ее красоты, и данная ситуация сравнивается с положением банкира, который, имея акции горнодобывающих компаний, беспокоится лишь о прибыли, не замечая, что некоторые носят поэтические названия, Айвенго и Примроз, отсылающие к историческому роману В. Скотта и к пьесе [18, с. 715]. Таким образом, светский авторитет обладателя древней фамилии сравнивается с получением прибыли от природных богатств.

Итак, особенности восприятия Марселем аристократического общества на светских приемах у герцогов Германтских, которые изображаются посредством терминов публичного и отдельных отраслей частного права, позволяют выявить три основные тенденции. Представители древних аристократических родов ассоциируются у юноши, прежде всего, с королями в период абсолютной монархии (так, принцесса Пармская вызывает в его представлении династию Бурбонов, прием у герцога и герцогини Германтских – двор Людовика XIV, его многочисленных фавориток, а также литературные салоны той эпохи; их слуга сравнивается с министром-буржуа при его дворе, а светские суждения герцогини Германтской обозначаются термином *édit*).

Использование юридических терминов также вводит еще одну столь важную для М. Пруста тему, как противопоставление того, что есть на самом деле, тому, что кажется: так, значительное влияние в свете принцессы Пармской и герцога Германтского лишь усилилось после того, как представители древних аристократических родов были лишены политической власти вследствие французской революции. Принц Агригентский продолжает очаровывать выходцев из буржуазии, к которым относится и Марсель, величественным звучанием своей фамилии, несмотря на то что в его облике нет ничего

аристократического. Данный контраст передается и за счет противопоставления финансовых терминов литературным произведениям.

Ироническое же употребление юридических терминов, относящихся к послереволюционному периоду (*état civil, président de la République, assemblées, la Chambre du Parlement*) в контексте светских приемов периода Третьей республики указывает на искусственность и фальшивость аристократии того периода: произвол суждений госпожи Германтской сравнивается с яростной эмоциональной критикой министра в Парламенте, несмотря на разумность предлагаемой им политической линии. Сомнение дам из рода Курвуазье в том, что одна неизвестная им знатная гостья является старше другой, выражает их недоверие государственным службам записей актов гражданского состояния, что подразумевает отрицание ее родословной.

Библиография

1. Безуглова О. А., Кузнецова А. А. Юридическая лексика на занятиях по английскому языку в языковом вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 4 (58). В 3 ч. Ч. 1. С. 177-179.
2. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М: Русский язык, 2002. – 1195 с.
3. Галинская И. Л. Марсель Пруст. Вестник культурологии. 2014. № 3 (70). С. 197-198.
4. Кэюнь Д. Юридическая лексика в судебной речи // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Том 25 (64) № 1. Часть № 2. С. 27-30.
5. Мачковский Г. И. Французско-русский юридический словарь. М: Руссо, 2004. – 437 с.
6. Николаева Т. М. О чем на самом деле написал Марсель Пруст? М.: Языки славянской культуры, 2012. – 128 с.
7. Юдина Е. Н. (2005) Французская юридическая терминология как часть лексической системы современного французского языка: структурно-семантический анализ. Дисс. канд. филологических наук – 133 с.
8. Cornu G. Linguistique juridique. P.: Montchrestien, 2005. – 443 p.
9. Cornu G. Vocabulaire juridique. P.: PUF, 2016. – 1101 p.
10. Fromilhague C. Les figures de style. P.: Armand Colin, 2010. – 148 p.
11. Gardes-Tamine J. Pour une nouvelle théorie des figures. P.: PUF, 2011. – 224 p.
12. Halba E.-M. Le vocabulaire juridique dans les Fables de La Fontaine. Le Fablier. Revue des Amis de Jean de La Fontaine. 2006. № 17. P. 48-54.
13. Hughes E. J. Marcel Proust: A Study in the Quality of Awareness. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. – 211 p.
14. Jarrety M. Lexique des termes littéraires. P.: Le Livre de Poche, 2010. - 475 p.
15. Kurata K. George Eliot, Marcel Proust, and the Logic of Desire. The George Eliot Review. 2013. № 44. P. 48-58.
16. Molinié G. Éléments de stylistique française. P.: PUF, 2005. – 213 p.
17. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. P.: Dictionnaires Le Robert, 1994. – 2467 p.
18. Proust M. Le Côté de Guermantes. P.: Folio, 1988. – 765 p.
19. Schauwecker Y. À propos du lexique juridique en ancien français avant le 13e siècle : la Règle de saint Benoît et le Perceval de Chrétien de Troyes. [Электронный ресурс] URL:

https://www.researchgate.net/publication/307757339_A_propos_du_lexique_juridique_en_ancien_francais_avant_le_13e_siecle_la_Regle_de_saint_Benoit_et_le_Perceval_de_Chretien_de_Troyes (Дата обращения: 06.07.2022).

20. Le Trésor de la langue française [Электронный ресурс] URL: atilf.atilf.fr (Дата обращения: 06.07.2022).

21. Van Gorp H., Delabastita D., Legros G. et al., Dictionnaire des termes littéraires. P.: Honoré Champion, 2005. – 533 p.

22. Watt A. Marcel Proust. London, Reaktion Books, 2013. – 207 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Юридические метафоры и образные сравнения как стилистический способ характеристики общества Германтов в романе М. Пруста», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к языку профессионального общения. Язык юридических документов характеризуется точностью передачи смыслов, а в данном случае рассматривается юридический язык в художественном произведении.

Автор выбрал интересную и мало исследованную тему, а именно реализация стилистического потенциала юридической метафоры в художественном тексте. Работа является существенной как для общей теории стилистики, так вносит вклад практическое изучение французского языка. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Однако, автор не приводит информацию насколько обширен языковой корпус, взятый для изучения, каковы критерии отбора текстового материала, к какому временному периоду относится материал, какими методами проводил отбор: сплошной выборкой или специализированными. Автор приводит свою собственную классификацию, иллюстрируя примерами на французском языке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, недостатком является отсутствие информации о разработанности темы в языкознании, что помогло бы понять авторский вклад в решение заявленного вопроса. Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены труды как на русском, так и на иностранных языках. Качество библиографического списка вызывает сомнения. Так, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. БОльшее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Кроме того, автор нарушил общепринятые требования ГОСТ, а именно не выдержан алфавитный список, работы на иностранном языке смешаны с работами на русском языке.

Допущены погрешности в оформлении ряда ссылок (не распознаны при загрузке статьи) и технические погрешности при наборе букв с диакритическими знаками (лишние пробелы).

Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Юридические метафоры и образные сравнения как стилистический способ характеристики общества Германтов в романе М. Пруста» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тимохов А.Д. — Стратегии транскреации в локализации видеоигр (на материале игры «Team Fortress 2») //

Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.38511 EDN: NMJRUE URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38511

Стратегии транскреации в локализации видеоигр (на материале игры «Team Fortress 2»)

Тимохов Алексей Дмитриевич

студент, кафедра языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет

105064, Россия, г. Москва, ул. Малый Казенный Переулок, 5Б

✉ timokhovad@mgpu.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.38511

EDN:

NMJRUE

Дата направления статьи в редакцию:

25-07-2022

Аннотация: Данная работа выполнена в рамках современной дискурсивной парадигмы и представляет исследование транскреации в локализации видеоигр на материале компьютерной игры Team Fortress 2. Предметами исследования являются тексты оригинальной (английской) и русской локализации игры Team Fortress 2, объектами анализа выступают переводческие решения, применяемые при транскреации оригинального (английского) текста на русский язык, а также закономерности реализации транскреации при подготовке локализации с английского языка на русский. В статье рассматриваются примеры адаптации текста посредством транскреации, выделяются и описываются стратегии транскреации, а также предпринимается попытка определить релевантность транскреации применительно к локализации видеоигр. На сегодняшний день сфера локализации представлена значительным корпусом специалистов, однако в настоящий момент как локализация в целом, так и транскреация как один из частных способов адаптации игрового контента не имеют исчерпывающих описаний в работах лингвистов. В этой связи новизна исследования заключается в рассмотрении нового для лингвистики явления языковой (игровой) локализации, представляя таким образом обращение к новому типу материала и введение новых

типов дискурса в переводоведение. В частности, в статье рассматривается транскреация, представляющая один из подходов к локализации и выдвигающая иные требования к адекватности перевода, отличные от традиционных в переводческой практике.

Ключевые слова:

видеоигры, интернационализация, локализация видеоигр, перевод, переводоведение, транскреация, языковая локализация, стратегии перевода, глобализация, культурная адаптация

Введение

Несмотря на то, что сфера профессиональной локализации видеоигр начала формироваться только в начале 21 века, растущая востребованность данного вида перевода определила его стремительное развитие, что позволяет говорить о сформированности индустрии на сегодняшний день – востребованность локализации видеоигр, в свою очередь, определена развитием рынка и роста аудитории видеоигр.

Актуальность исследования определяется прежде всего наличием интереса лингвистов и специалистов из смежных областей к языковой локализации и подходам к её осуществлению, а также растущей востребованностью языковой локализации видеоигр ввиду развития рынка и расширения аудитории видеоигр. Так, исследователи широко рассматривают непосредственно феномен компьютерной игры и игровой локализации в переводоведческом дискурсе [\[1\]](#), уделяется внимание междисциплинарности языковой локализации [\[2-4\]](#), широко исследуются общие и частные проблемы локализации видеоигр [\[5-7\]](#), рассматриваются конкретные подходы к осуществлению языковой локализации видеоигр [\[8-10\]](#). В этой связи, а также ввиду специфики локализации как особой разновидности перевода, представляющей высокую степень цифровизации, рассматриваются также технологические аспекты подготовки переводчиков [\[11\]](#). Вместе с тем, к настоящему моменту транскреация применительно к локализации видеоигр не получила исчерпывающего описания в работах отечественных лингвистов и рассматривается исключительно в рамках отдельных аспектов локализации. В частности, исследуется передача топонимов и антропонимов [\[12, 13\]](#), тогда как общие подходы к осуществлению локализации, в том числе применительно к прочим аспектам, не находят отражения в исследованиях, что свидетельствует об актуальности темы исследования ввиду развития не только рынка видеоигр, но и связанной с ним сферы профессиональной локализации видеоигр на фоне отсутствия подробных исследований по данной теме.

Специфика языковой локализации

Феномен локализации является составной частью общего процесса глобализации, предполагающего создание продукта, доступного для реализации в других странах, и представляет полноценный процесс перевода и культурной адаптации языкового контента (преимущественно цифрового) с учётом специфики отдельной страны, цель которого заключается в сохранении опыта использования определённого продукта при преобразовании компонентов, формирующих данный опыт, т.е. достижении того, чтобы конечный продукт воспринимался не как результат перевода, а как продукт, созданный

на родном языке получателя [6].

В рамках переводоведения (в частности, применительно к видеоиграм) языковая локализация представляет многоуровневый процесс перевода, который стремится достичь максимальной эмотивной достоверности перевода и сохранить единый опыт, а её конечным результатом выступает адаптированный поликодовый текст (или совокупность таковых текстов), созданный посредством лингвистической трансформации исходного динамического текста с целью адекватной передачи заложенных в оригинальный текст прагматических интенций применительно к отдельной экстралингвистической коммуникативной ситуации, определяемой конкретными культурными, социальными и прочими условиями [4].

Следовательно, основная задача локализации заключается прежде всего в прагматической адаптации текста, т.е. адаптации с учётом социальных, культурных, психологических и иных различий между культурами и получателями оригинального и локализованного текстов, а также в воссоздании оригинальной коммуникативной ситуации с учётом всех её составляющих, однако в рамках иного социокультурного пространства, но сохранением исходного опыта. Подобная адаптация неизбежно выходит за рамки семантических и синтаксических трансформаций и требует учёта экстралингвистических факторов (включая личные характеристики получателя, условия передачи информации и т.д.). При этом прагматическая значимость в рамках локализации определяется через непосредственно получателя сообщения, который выступает ядром акта коммуникации и должен обладать всеми необходимыми контекстами для успешного осуществления коммуникации (т.е. впечатления, эмоции, действия), а собственно текст в локализации рассматривается в дискурсивной перспективе, т.е. как речевая единица, взаимосвязанная со всеми другими текстами, ответственными за трансляцию интенционального содержания [2].

В рамках языковой локализации видеоигр выделяют четыре основных уровня. **Первый** уровень включает локализацию "обложки" игры (коробки / страницы в цифровом магазине и сопутствующей документации). В зависимости от уровня владения аудиторией языком оригинала игры, культурной близости и количества языкового контента в игре, данный уровень может в отдельных случаях выступать единственным этапом локализации. **Второй** уровень представляет частичную локализацию игры, т.е. адаптацию всех письменных текстов и культурно-специфических компонентов, однако без локализации устных текстов (включая как переозвучивание данных текстов, так и сопровождение их локализованные субтитрами). **Третий** уровень представляет частичную локализацию, содержащую локализованные субтитры, сопровождающие устные реплики персонажей игры. Наконец, **четвёртый** уровень представляет полную локализацию игры, включая перевод и адаптацию всех письменных и устных текстов, а также переозвучивание устных текстов на языке локализации с учётом оригинальных особенностей речи персонажей. Локализация трансформирует оригинальный контент, представленный в игре, с целью сохранения оригинального игрового опыта, а сложившаяся практика локализации видеоигр называется «глубокой локализацией», *"указывая на улучшение (социальных) культурных ожиданий потребителей"*, включая изменение или исключение *"некоторых игровых элементов, которые неблагоприятны или могут быть неверно истолкованы целевой культурой"*, *"изменение сюжетных линий и локаций, чтобы не отпугнуть потребителей в определенных странах"* [3, 7].

Таким образом, основная трудность языковой локализации видеоигр заключается в достижении не только адекватности перевода, но и аутентичности игрового опыта

посредством адаптации элементов и особенностей отдельной игры, восприятие которых имеет культурную (или лингвистическую) специфику и потому нуждается в трансформации с учётом особенностей как оригинальной игры, так и культуры языка локализации. Игровая локализация представляет исключительно функциональный подход к переводу и использует ряд методов для выполнения основной цели, т.е. сохранения игрового опыта; в этой связи представляются нерелевантными не только традиционные критерии качества перевода, но также ряд подходов к его осуществлению, а основополагающим принципом выступает не столько лингвистическая, сколько эмотивная достоверность перевода. Для реализации данного принципа в рамках игровой локализации формируются новые подходы к переводу, к числу которых относят 1) доместикацию и форенизацию 2) отсутствие перевода, 3) буквальный перевод, 4) цензуру, 5) отсылки, 6) компенсацию, и, наконец, 7) транскреацию [8].

Транскреация представляет особый подход к переводу, допускающий полную переводческую свободу и любые переводческие трансформации для достижения адекватности перевода; наиболее широкое применение транскреация находит в играх, опирающихся на подробные повествовательные модели и глубокие сюжетные линии (в частности, в ролевых и приключенческих играх), которые не только предоставляют, но и требуют наибольшей творческой и переводческой свободы [8]. Таким образом, транскреация стремится не к передаче оригинального сообщения, а к сохранению оригинального смысла, тогда как релевантность транскреации обуславливается непосредственно разницей между культурами и языками, участвующими в локализации, и может применяться к любым текстам, представленным в игре.

Сбор и описание эмпирического материала исследования

Эмпирическую базу исследования составляют тексты локализации видеоигры *Team Fortress 2*, отобранные и представленные в табличном виде в ходе работы с файлами локализации. Для получения доступа к данным файлам локализации использован инструмент *GCFscape*, позволяющий распаковывать архивные файлы формата .vpk, используемые для хранения игровых файлов в видеоиграх на игровом движке *Source*.

В ходе работы с файлами локализации проанализированы **реплики** персонажей, **наименования** предметов, игровых локаций, существ, достижений и прочих элементов, их **описания**, а также **компоненты**, формирующие игровые вселенные. Таким образом, суммарно рассмотрено **19553** текста, в частности, **14837** реплик персонажей и **4716** наименований, включая **3676** наименований предметов и **1040** наименований достижений.

В игре *Team Fortress 2* содержатся как самостоятельные устные (т.е. озвучиваемые тексты, не дублирующие письменные тексты, а также привязанные к анимации и/или времени озвучивания), так и самостоятельные письменные тексты (т.е. собственно тексты, не имеющие дополнительного озвучивания), включающие культурные реалии и отсылки, обусловленные игровой вселенной: в игре представлено девять персонажей, относящихся к разным культурам и социальным слоям, что находит отражение в каждом аспекте, связанном с отдельным персонажем, включая речь и просодические параметры речи, связанные предметы и достижения (в том числе их наименования) — данные особенности игры определили широкое использование транскреации при подготовке локализации на русский язык.

Всего из **19553** текстов, представленных в игре *Team Fortress 2*, рассмотрено **2124** локализованных устных реплик, **167** локализованных наименований предметов

вооружения, **1671** наименований аксессуаров, **93** наименования насмешек (особых анимаций, доступных для проигрывания игроками) и **520** локализованных наименований достижений, т.е. суммарно **4569** локализованных текстов. Однако из общего числа локализованных устных реплик важно исключить т.н. «реплики-междометия», т.е. информативно ненаполненные реплики, выражающие спонтанные реакции персонажей: на получение урона, предсмертные стоны, смех и т.д. Несмотря на то, что данные реплики переозвучены наряду с прочими, в рамках данного исследования они представляются нерелевантными. В результате, без учёта **240** «реплик-междометий» русская локализация игры *Team Fortress 2* содержит **1884** локализованных устных реплик; общее число локализованных текстов составляет **4335**, из которых **216** (т.е. **5%**) локализованы посредством транскреации. Таким образом, в ходе работы с локализацией *Team Fortress 2* для удобства анализа выделено пять первоначальных групп реплик (**не** на основании транскреации):

- реплики персонажей (**76** текстов из **1884**, **4.09%**);
- наименования предметов вооружения (**26** текстов из **167**, **15.6%**);
- наименования аксессуаров (**59** текстов из **1671**, **3.5%**);
- наименования насмешек (**13** текстов из **93**, **14%**);
- наименования достижений (**42** текста из **520**, **8.08%**).

Стратегии транскреации в локализации видеоигр

Проведённый анализ отобранного эмпирического материала, выполненный на основе первоначальных групп реплик, позволил выделить **четыре** основные стратегии (или подхода к) транскреации самостоятельных и несамостоятельных устных и письменных текстов применительно к локализации видеоигр с английского языка на русский, обусловленных одновременно спецификой оригинальных текстов и применяемых переводческих решений:

- **Транскреация языковых особенностей**, а именно:
  - а. **игры слов**, включая лексические и фонетические и прочие каламбуры;
  - б. **сленга**, в том числе игрового, получающего различное выражение в русском и английском языках и/или нуждающегося в дополнительной адаптации, обусловленной оригинальным текстом;
  - в. **фразеологии**, предполагающей адаптацию, обусловленную разницей между языками, используемыми устойчивыми речевыми оборотами и средствами их выражения;
  - г. **аллитерации**, представляющей частотный приём в английском языке;
  - д. **ономатопеи** в речи персонажей, получающей различную реализацию в русском и английском языках;
  - е. **на основе метонимического переноса**, предполагающего установление различной степени связей между оригинальными и локализованными репликами и применяемого исключительно при переводе реплик персонажей для достижения адекватности перевода

посредством сохранения исходной или создания новой экспрессии.

2. Транскреация культурных реалий и культурно-релевантных аллюзий, к которым относятся наименования, явления и произведения (или их части), релевантные в рамках англоязычной культуры, а также стереотипные представления о представителях разных национальностей, релевантные в рамках англоязычной культуры.

3. Транскреация на основе аудиовизуальности, предполагающая комбинацию визуального аспекта (внешнего вида предмета или сопровождающего изображения) с текстовым (включая устные и письменные тексты) при переводе наименований предметов вооружения, аксессуаров и достижений.

4. Транскреация в рамках игровой вселенной, представляющая преобразования на основе особенностей мира игры и его истории (т.е. сеттинге) и допускающая полную переводческую свободу. Данная стратегия в определённой степени представляет аналогию транскреации на основе аудиовизуальности и основана на наличии не визуального аспекта, а знаний об игре (у переводчика), и получающей выражение применительно к текстам, не имеющим дополнительного сопровождения.

Вместе с тем, отмечается широкое **пересечение стратегий транскреации**, то есть использование нескольких стратегий применительно к одному тексту: так, наблюдается высокая частотность пересечения стратегии транскреации языковых особенностей и стратегии транскреации культурных реалий и культурно-релевантных аллюзий с транскреацией на основе принципа аудиовизуальности применительно к предметам, аксессуарам и достижениям, что обусловлено как непосредственно игровой вселенной (и, как следствие, предоставляемой переводчикам свободой в трансформациях для сохранения оригинальной экспрессии посредством любого рода преобразований), так и аудиовизуальным характером ряда оригинальных наименований, определяемых и объясняемых называемыми предметами — что в свою очередь определяет аудиовизуальный характер локализации в целом. В то же время как самостоятельная (вне связи с прочими) стратегия транскреации на основе аудиовизуальности применяется только в отдельных случаях. Помимо этого, транскреация ряда реалий и отсылок реализуется посредством только языковых особенностей, тогда как отдельные примеры демонстрируют пересечение всех отмеченных стратегий.

Несмотря на широкое пересечение данных стратегий, проведённый анализ позволяет выделять каждую из них как релевантную ввиду различий в их реализации. Более того, пересечение позволяет предполагать, что выделенные стратегии наиболее точно отражают практическое применение транскреации в локализации английского игрового контента на русский язык, поскольку исключение одной из пересекающихся стратегий не представляется возможным и тем самым указывает на тесную связь между отмеченными стратегиями в практике локализации игрового контента.

Таким образом, проведённый анализ позволяет выделить (с учётом пересечений):

- **124 примера** транскреации языковых особенностей;
- **40 примеров** транскреации культурных реалий и культурно-релевантных аллюзий;
- **27 примеров** транскреации на основе аудиовизуальности;
- **16 примеров** транскреации в рамках игровой вселенной.

Первая стратегия транскреации представлена **транскреацией языковых особенностей**, включающих игру слов, геймерский сленг, аллитерацию, онomatопею и транскреацию на основе метонимического переноса; группы выделены на основании проведённого исследования и отражают имеющиеся в переводческой практике подходы к адаптации игрового контента, обусловленного лингвистической спецификой, при этом допускается наличие прочих групп применительно к иному игровому контенту с учётом сеттинга, жанра и прочих параметров. Данная стратегия демонстрирует наибольшую частотность в сравнении с остальными, а именно 124 примера, что составляет 60% от общего числа всех примеров, причём значительную их часть применительно к данной стратегии составляют именно реплики персонажей, относящиеся при этом более чем к одной группе в рамках объединяющей стратегии. Примечательно, что прочие тексты, транскреация которых реализована в соответствии с данной стратегией, можно отнести только к одной из отмеченных групп. Ниже представлены примеры транскреации языковых особенностей (см. **таблицу 1**).

Таблица 1. Примеры транскреации языковых особенностей.

Оригинальный текст	Текст русской локализации
The last word out of your sorry mouth will be 'sir' and it will be loud!	Последним твоим словом будет "Есть!"!
Oh, I'm gonna beat you so hard you'll have a twitch!	Я тебя так отделаю, что ты всю жизнь на лекарства работать будешь!
I spy with my little eye!	Попался, который кусался!
More rubble, less trouble!	Лес рубят — щепки летят!
I've slept in the corpse of a water buffalo tougher than you!	Я таких как вы ещё в детстве пачками укладывал!
All your heads look bloody twelve-feet tall!	От горшка два вершка, а туда же!
Holy Mackerel	Поддай леща
AWPer Hand	Слонобой
Slo-Poke	Ков-бой

Обратим внимание на примеры транскреации реплик, произносимых персонажами. Так, реплика *The last word out of your sorry mouth will be 'sir' and it will be loud!* в русской локализации преобразована в реплику *Последним твоим словом будет "Есть!"!*. При переводе очевидна адаптация уставной военной коммуникации, предполагающей требование утвердительного ответа военнослужащего более низкого звания военнослужащему более высокого звания. В английском языке данный ответ получает выражение в виде сочетания *Yes, sir!*, соответствующего ответу *Есть!* в рамках русскоязычного военного дискурса, причём разница в количестве единиц, содержащихся в утвердительном ответе в английском и русском языках, позволяет заменить одну исходную единицу, представляющую часть сочетания, одной единицей, представляющей полноценный ответ. Тем не менее, примечательно, что в русской локализации опущен компонент *sorry (mouth)*, а также завершающая часть реплики *...and*

it will be loud.

Другая исходная реплика, *Oh, I'm gonna beat you so hard you'll have a twitch!*, в русской локализации преобразована в реплику *Я тебя так отделаю, что ты всю жизнь на лекарства работать будешь!*. Несмотря на отсутствие фразеологического компонента в оригинальной реплике, он вводится в русском переводе для адекватной передачи исходной экспрессии посредством крылатого выражения *Всю жизнь на лекарства работать будешь!*, которое знакомо и понятно носителю русской культуры и способно вызывать у него аутентичную реакцию.

Рассмотрим примеры транскреации языковых особенностей применительно к различным наименованиям предметов, представленных в игре. Так, например, наименование предмета *Holy Mackerel* в русской локализации преобразовано в название *Поддай леща*, что обусловлено одновременно двумя пересекающимися стратегиями. Оригинальное название является фразеологическим оборотом, употребляемым для выражения удивления; следовательно, русское наименование адаптирует оригинальный оборот посредством русского ироничного устойчивого сочетания *дать леща*, которое вводится на основе визуального аспекта: называемый предмет представляет оружие ближнего боя в виде завёрнутой в газету рыбы. Таким образом, русское наименование адаптирует исходную фразеологию посредством визуального аспекта, создавая очевидную для носителя русского языка иронию, адекватно трансформируя оригинальную экспрессию.

Наименование *AWPer Hand*, в русской локализации преобразовано в название *Слонобой*, адаптирующее оригинальную игру слов: называемый предмет представляет снайперскую винтовку *Arctic Warfare*, а именно её полицейскую версию *Arctic Warfare Police* (= *AWP*), которая получила широкую известность в видеоиграх как оружие, наносящее значительный урон и требующее от игрока определённых навыков и умений, что обыгрывается в оригинальном названии через идиому *upper hand*, обозначающую наличие преимущества над кем-либо (в данном случае — над другими игроками). В свою очередь русское наименование заменяет оригинальную игру слов релевантным геймерским сленгом: в русском игровом сообществе винтовка *AWP* за характерную мощность именуется *Слонобой*. Несмотря на то, что данный пример демонстрирует смещение стратегии, на основе которой построено оригинальное название, он также демонстрирует сохранение исходной экспрессии и (в некотором смысле) игры слов, содержащейся в русском сленговом названии предмета, что реализуется именно благодаря применению иной стратегии (в данном случае — игрового сленга вместо игры слов).

Однако опущение отмечается в том числе применительно к наименованиям, содержащим элементы, имеющие одинаковую релевантность для англоязычных и русскоязычных игроков. Так, название *Slo-Poke*, образованное от слова *slowpoke*, в русской локализации трансформировано в название *Ков-бой*, калькирующее структуру оригинального наименования и основанное на визуальном аспекте называемого предмета, который представляет собой ковбойскую шляпу с пером и двумя дробовыми патронами, в связи с чем данное переводческое решение представляется в определённой степени адекватным. В то же время русское название утрачивает оригинальную экспрессию, выражаемую через отсылку на слово *slowpoke*, которое обозначает чрезмерно медлительного человека и являлось частью русского молодёжного сленга (как транслитерация *слоупок*) на момент добавления предмета в игру (20 декабря 2013 года); при этом следует отметить, что данное слово вошло в русский сленг через медиафраншизу *Покемон* и отсылает на одноимённого персонажа данной вселенной, который, в соответствии с прозвищем, отличается медлительностью и

глупостью, т.е. вызывает у русскоязычного игрока аутентичную реакцию.

Таким образом, стратегия **транскреации языковых особенностей** демонстрирует широкую реализацию применительно ко всем типам выделенных игровых текстов, включая как реплики персонажей, так и наименования предметов, насмешек и достижений. Отмечается прежде всего высокая степень адекватности осуществляемых переводческих трансформаций, а также значительный стилистический и экспрессивный потенциал, позволяющий сохранять оригинальную экспрессию как посредством адаптации исходных элементов (т.е. в рамках одной стратегии), так и посредством замены оригинальных элементов и введения новых для достижения аутентичности перевода (т.е. посредством замены одной стратегии на другую). Особую роль в адаптации, сохранении и введении экспрессии играет фразеология, позволяющая в ряде случаев развивать отмеченный экспрессивный потенциал ввиду известной релевантности устойчивых выражений в русском языке и широкого применения фразеологии в разговорной речи. Помимо этого, отмечается широкое пересечение данной стратегии с прочими, в особенности со стратегией транскреации на основе аудиовизуальности. В то же время представляются мало релевантными отдельные трансформации (но **не** неудачными), связанные с адаптацией молодёжного и игрового сленга, которые, однако, при недостижении эквивалентности и потере экспрессии демонстрируют определённое достижение адекватности перевода.

Вторая стратегия транскреации представлена **транскреацией культурных реалий и культурно-релевантных аллюзий**, к которым относятся наименования, явления и произведения (или их части), релевантные в рамках англоязычной культуры, а также стереотипные представления о представителях разных национальностей, релевантные в рамках англоязычной культуры. Данная стратегия демонстрирует значительно меньшую частотность по сравнению со стратегией транскреации языковых особенностей и включает 40 примеров (включая преимущественно наименования, в том числе примеры, пересекающиеся с прочими стратегиями), некоторые из которых представлены ниже (см. **таблицу 2**).

Таблица 2. Примеры транскреации культурных реалий и культурно-релевантных аллюзий.

Оригинальный текст	Текст русской локализации
You know what you and Jane Austen have in common? You're both dead women.	Знаешь, чем ты похож на Клары Цеткин? Ты тоже мёртвая баба.
Shortstop	Прерыватель
B.A.S.E. Jumper	Парашютист
Doe-Boy	Сол-Доу-фон
Bobby Bonnet	Страж порядка
Big Country	Прическа степного музыканта
Noh Mercy	Безжалостный демон
The Boostie Boys	Добрынюшки Интернешнл

Обратим внимание на одну из реплик, включающих культурно обусловленную

транскреацию: реплика *You know what you and Jane Austen have in common? You're both dead women.*, которую произносит персонаж *Снайпер* при убийстве персонажа *Поджигатель*, в русской локализации преобразована в реплику *Знаешь, чем ты похож на Клару Цеткин? Ты тоже мёртвая баба*. Данный пример демонстрирует очевидную адаптацию имени, релевантного в рамках англоязычной культуры, посредством замены на имя, релевантное в рамках русскоязычной культуры, для достижения аутентичности произносимой персонажем реплики.

Данная стратегия демонстрирует в том числе адаптацию лексики, относящейся к бейсболу, в наименованиях, связанных с персонажем *Разведчик*; данный персонаж является грубым и ловким молодым человеком из США, а его характерной чертой выступает увлечение данным видом спорта, который в свою очередь представляет особую значимость в рамках американской культуры, что находит широкое отражение в английском языке. Так, например, наименование *Shortstop*, называющее оборонительную игровую позицию в бейсболе, в русской локализации преобразовано в наименование *Прерыватель*, адаптируя нерелевантную для русскоязычного игрока реалию посредством прямого названия функции, выполняемой бейсболистом в названной позиции, и непосредственно называемым оружием, дополнительная атака которого отбрасывает противника при попадании (т.е. прерывая таким образом его движение).

Помимо этого, отмечаются случаи прямой адаптации, т.е. замены оригинальной реалии соответствующей русской реалией. Так, наименование *Doe-Boy* в русской локализации трансформировано в название *Сол-Доу-фон*. Оригинальное название преобразует слово *Doughboy*, представляющее разговорное обозначение американских солдат в годы Первой Мировой войны; в русской локализации данное слово адаптировано посредством аналогичного русского разговорного слова, обозначающего солдата (*солдафон*) с сохранением внутреннего синтаксиса исходного наименования, что в свою очередь обусловлено отсылкой в рамках игровой вселенной на имя персонажа *Солдат*, Джейн Доу (Jane Doe).

В этой связи представляет интерес трансформация наименования *The Boostie Boys*, называющего достижение, для получения которого игроку необходимо за одну жизнь усилить 15 товарищей по команде при помощи предмета *Вдохновляющее знамя*. Данное наименование содержит отсылку на музыкальный коллектив *Beastie Boys* посредством каламбура *Beast / Boost*, который обыгрывает требование для получения достижения (*усиление / boost*). В русской локализации данное наименование преобразовано в название *Добрынюшки Интернешнл*, которое адаптирует исходную отсылку, называя российский музыкальный коллектив *Иванушки International* (также *Интернешнл*), и преобразует оригинальную игру слов, что позволяет говорить о достижении (в определённой степени) полной адекватности перевода в рамках русской культуры.

Наконец, отметим наименование *Noh Mercy*, отсылающее на *Но (Noh)*, один из видов японского драматического театра, и обыгрывающее английское выражение *No Mercy*, называя аксессуар в виде японской театральной маски Ханья, представляющей образ ревнивой жены в виде демона. Данная маска обладает двумя острыми бычьими рогами, металлическими глазами и полураскрытым ртом от уха до уха. В русской локализации наименование предмета посредством визуального аспекта и на основе вложенного в оригинальную игру слов смысла преобразовано в название *Безжалостный демон*, которое, тем не менее, устраняет оригинальную игру слов и отсылку на японское театральное искусство ввиду очевидных лексических различий между английским и русским языками, не позволяющих воспроизвести оригинальный каламбур.

Таким образом, стратегия **транскреации культурных реалий и культурно-релевантных аллюзий** представляет реализацию применительно к наименованиям предметов, насмешек и достижений, представленных в игре. В рамках данной стратегии отмечается особенно высокая степень адекватности переводческих трансформаций, допуская, однако, исключительные случаи неполной адекватности. Тем не менее, данная стратегия обладает высоким адаптационным потенциалом, сохраняющим оригинальный экспрессивный потенциал и реализуемым посредством замены имён и явлений, релевантных в рамках англоязычной культуры, на имена и явления, релевантные в рамках русскоязычной культуры, включая случаи прямой адаптации, т.е. замены оригинальной реалии соответствующей русской реалией. В тех случаях, когда замена оригинальной реалии соответствующим аналогом невозможна ввиду культурных различий, адаптация осуществляется посредством подбора смежной реалии и генерализации. Помимо этого, отмечается пересечение данной стратегии с прочими, включая преимущественно стратегию транскреации на основе аудиовизуальности.

Третья стратегия транскреации представлена **транскреацией на основе аудиовизуальности**, которая предполагает комбинацию визуального аспекта (внешнего вида предмета или сопровождающего изображения) с текстовым (в рамках исследования аудиальный аспект понимается в широком смысле как любой текст, включая устные и письменные тексты) при переводе наименований предметов вооружения, аксессуаров и достижений. В рамках исследовательской работы трансформации, реализованные посредством данной стратегии, особенно нуждаются в дополнительных пояснениях ввиду необходимости письменного представления визуального аспекта, определяющего трансформации в рамках стратегии. Примечательно, что к данной стратегии относятся исключительно наименования предметов (в том числе аксессуаров), насмешек и достижений, что обуславливается наличием сопровождающего визуального аспекта у данных текстов и, следовательно, отсутствием данного аспекта у реплик персонажей. Данная стратегия включает 27 примеров, в том числе 3 примера самостоятельной транскреации в соответствии с данной стратегией (т.е. без пересечения с прочими), некоторые из которых представлены ниже (см. **таблицу 3**).

Таблица 3. Примеры транскреации на основе аудиовизуальности.

Оригинальный текст	Текст русской локализации
Two Punch Mann	Месть боксёра
Safe'n'Sound	Шумопоглощающие наушники
Fruit Shoot	В яблочко
Most Dangerous Mane	Небрит и опасен
Eye-Catcher	Повязка пирата

Обратим внимание на трансформации, выполненные исключительно в соответствии с данной стратегией. Так, наименование *Two Punch Mann*, называющее головной убор для персонажа *Пулемётчик* в виде цветной ленты с парой боксерских перчаток, прикреплённых к ленте пружинами, в русской локализации преобразовано в наименование *Месть боксёра*. Другое наименование, *Safe'n'Sound*, называющее головной убор для персонажа *Инженер* и представляющее защитные шумопоглощающие наушники, в русской локализации преобразовано непосредственно в наименование *Шумопоглощающие наушники*. Данные примеры демонстрируют очевидную опору на

визуальный аспект называемых предметов при реализации трансформаций, сохраняя при этом смысловые связи с оригинальными наименованиями.

Отметим наименования, транскреация которых реализована при пересечении с прочими стратегиями. Например, название *Fruit Shoot*, называющее головной убор в виде пронзённого стрелой яблока, в русской локализации преобразовано в наименование *В яблочко*, вводя русский устойчивый оборот, обозначающий точное попадание и обыгрывающий называемый аксессуар. Наименование *Most Dangerous Mane*, представляющее аксессуар для персонажа *Снайпер* в виде усов и бакенбард, в русской локализации преобразовано в название *Небрит и опасен*, обыгрывая выражение *Вооружён и опасен* и непосредственно визуальный аспект называемого предмета, а также адаптируя оригинальную отсылку на фильм *Самая опасная игра* (ориг. *Most Dangerous Game*) посредством её устранения в пользу фразеологии.

Таким образом, стратегия **транскреации на основе аудиовизуальности** демонстрирует значительный адаптационный потенциал применительно к наименованиям предметов, насмешек и достижений, представленных в игре, реализуемый с опорой на сопровождающий визуальный компонент. Отмечается высокая степень адекватности трансформаций, а также значительный экспрессивный потенциал реализуемых преобразований, осуществление которых ограничено исключительно визуальным аспектом, допуская полное несовпадение локализованных и оригинальных текстов при необходимости соответствия локализованных текстов называемым предметам. Помимо этого, отмечается преимущественная «несамостоятельность» данной стратегии и преобладание текстов, преобразованных посредством пересечения с прочими стратегиями.

Четвёртая стратегия транскреации представлена **транскреацией в рамках игровой вселенной**, представляющей преобразования на основе особенностей мира игры и его истории (т.е. сеттинге) и допускающей полную переводческую свободу. Данная стратегия в определённой степени представляет аналогию стратегии транскреации на основе аудиовизуальности и основана на наличии не визуального аспекта, а знаний об игре (у переводчика), и получающей выражение применительно к текстам, не имеющим дополнительного сопровождения. При этом, в отличие от транскреации на основе аудиовизуальности, данная стратегия демонстрирует преимущественную «самостоятельность», включая 3 примера трансформаций, выполненных при пересечении с прочими стратегиями, и 13 примеров трансформаций, выполненных исключительно в рамках игровой вселенной (суммарно 16 примеров). Некоторые из данных примеров представлены ниже (см. **таблицу 4**).

Таблица 4. Примеры транскреации в рамках игровой вселенной.

Оригинальный текст	Текст русской локализации
I own ya, ya pickle-headed drongo!	Я поимел тебя, чурбан в каске!
Take that, ya greasy weasel.	Получи, слащавый педик.
You look like death warmed over.	Да на тебе лица нет!
You disgust me, filthy jar man!	Ты и твои ссанные ботинки мне отвратительны!
Oh, Same Moel!	Васильки-территории

Cry Some moor!	Раскройка территории
Marxman	Ворошиловский стрелок

Обратим внимание на примеры самостоятельных трансформаций. Например, реплика *I own ya, ya pickle-headed drongo!*, которую произносит персонаж *Снайпер* при убийстве персонажа *Солдат*, в русской локализации преобразована в реплику *Я поймел тебя, чурбан в каске!*, адаптируя оригинальное ругательство с учётом как характерной для *Снайпера* грубости и склонности к нетолерантным уничижительными высказываниям (некоторые примеры рассмотрены выше), допуская таким образом употребление любого бранного слова, так и характерного атрибута внешности *Солдата* — армейской каски, не подходящей персонажу по размеру.

Отметим яркое исключение из общего правила эвфемизации: исходная реплика *Take that, ya greasy weasel* получила в русской локализации выражение *Получи, слащавый педик*, несмотря на отсутствие в оригинальной реплике очевидного нецензурного подтекста, учитывая в том числе просодические параметры речи персонажа, произносящего реплику, однако данная трансформация может (отчасти) объясняться особенностями взаимоотношений персонажей игры: данную реплику произносит персонаж *Снайпер* при убийстве персонажа *Шпион*, которого первый ненавидит за стиль боя и характер и которому, как отмечено выше, свойственны грубые и уничижительные высказывания.

Реплика *You look like death warmed over*, которую произносит персонаж *Шпион* при убийстве персонажа *Поджигатель*, в русской локализации преобразована в реплику *Да на тебе лица нет!*, адаптируя оригинальную идиому, обозначающую человека, который плохо чувствует себя из-за болезни, и указывающую на опасную склонность *Поджигателя* к пиротехнике, а также обыгрывая особенность данного персонажа, заключающуюся в постоянном ношении противогаза, полностью скрывающего лицо и не являющегося аксессуаром по умолчанию, который можно заменить, подобно аксессуарам всех остальных персонажей в игре. Можно сказать, что у *Поджигателя* действительно нет лица, как с точки зрения игровой вселенной, в рамках которой персонаж всегда носит противогаз, так и с точки зрения реальной вселенной, в рамках которой у данного персонажа отсутствует модель лица.

Отметим примеры транскреации наименований, реализованные в соответствии с данной стратегией. Так, наименование достижения *Cry Some Moor*, для выполнения которого необходимо уничтожить 50 построек врага за персонажа *Подрывник*, в русской локализации преобразовано в название *Раскройка территории*, устраняя исходную игру слов: оригинальное название отсылает на реплику *Cry some more!*, которая произносится персонажем *Пулемётчик*, обыгрывая тот факт, что оба персонажа в оригинальной игре озвучиваются одним актёром. Тем не менее, данная отсылка не представляется релевантной для русскоязычного игрока как ввиду очевидных лингвистических различий (которые, тем не менее, не являются основным препятствием применительно к данной реплике), так и ввиду того, что в русской локализации персонажи *Подрывник* и *Пулемётчик* озвучены разными актёрами.

Другое наименование достижения, *Marxman*, для получения которого необходимо убить из пулемёта десять противников, находящихся в воздухе, играя за персонажа *Пулемётчик*, в русской локализации преобразовано в название *Ворошиловский стрелок*, адаптируя оригинальную игру слов, образованную на основе совмещения фамилии *Marx* (отсылая на Карла Маркса) и слова *marksman* (рус. меткий стрелок), обыгрывая советское происхождение и коммунистические взгляды персонажа, а также требование

для получения достижения. Русское наименование утрачивает оригинальную игру слов, однако адаптирует исходную экспрессию и сохраняет второй компонент значения оригинального наименования посредством фразеологии, очевидной для русскоязычного игрока.

Таким образом, стратегия **транскреации в рамках игровой вселенной** демонстрирует избирательную реализацию применительно к отдельным репликам и наименованиям, преобразование которых представляется релевантным преимущественно с точки зрения мира игры. Реализуемые трансформации достигают высокой степени адекватности, а также обладают значительным экспрессивным потенциалом. Помимо этого, по сравнению с прочими стратегиями, особенно стратегией транскреации на основе аудиовизуальности, отмечается преимущественная «самостоятельность» трансформаций на основе данной стратегии и преобладание текстов, преобразованных исключительно в рамках данной стратегии.

Заключение

Таким образом, проведённое исследование, выделяя основные стратегии транскреации самостоятельных и несамостоятельных устных и письменных текстов в англо-русской локализации, позволяет говорить о транскреации как релевантном подходе применительно к локализации самостоятельных устных текстов и потому предполагающим необходимость транскреации с целью преобразования исходных текстов в связи с аудиовизуальным характером локализации. Помимо этого, исследование демонстрирует необходимость транскреации применительно к культурным аллюзиям, реалиям и языковым особенностям, представленным в видеоиграх, которые предполагают вынужденную адаптацию ввиду культурной и/или лингвистической специфики представленного контента.

В заключение, исследование позволяет охарактеризовать транскреацию как переводческое явление, определяющее адекватность перевода (т.е. достижение аутентичности реакции, которую вызывает перевод, реакции, которую вызывает оригинал) не только как главную, но и как единственную цель и критерий перевода, допуская любые переводческие трансформации и полное несовпадение оригинальных и переведённых текстов по форме при максимально полном совпадении по смыслу (и, как следствие, исключительной опоре непосредственно на смысл), что позволяет говорить о достижении общей аутентичности русской локализации. При этом релевантность транскреации применительно к локализации видеоигр не представляется универсальной, а определяется рядом причин в зависимости от жанра, сеттинга и содержания (с точки зрения культурно- и лингво-специфического контента) игры, а также необходимостью транскреации с точки зрения разработчика.

Библиография

1. Анисимова А. Т. Феномен компьютерной игры в переводоведческом дискурсе // Научный вестник Южного института менеджмента. 2018. №2. С. 82-86.
2. Зинкевич О. В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // Известия СПбГЭУ. 2018. №3 (111). С. 135-137.
3. Знамеровская А. О., Агеева А. В. Междисциплинарность как ключевая характеристика процесса локализации компьютерных игр // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №1. С. 218-222.
4. Чистова Е. В. Теоретический статус межъязыковой локализации как особого вида

- переводческой деятельности // Культура и текст. 2020. №2 (42). С. 161-175.
5. Болотина М. А., Кузьмина Е. В. Лексические проблемы перевода компьютерных игр // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. №1. С. 43-50.
  6. Бричева М. М., Сасина С. А, Мугу М. С. Проблемы языковой локализации компьютерных игр // The Scientific Heritage. 2021. №61-3. С. 40-42.
  7. Запорожец Ю. Г. Проблемы локализации компьютерной видеоигры «Uncharted: Drake's Fortune» на русский язык // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. №62-2. С. 55-58.
  8. Costales A. F. Exploring Translation Strategies in Video Game Localization // Monografías de Traducción e Interpretación. 2012. №4. Pp. 385-408.
  9. Mangiron C. Game on! Burning issues in game localisation // Journal of Audiovisual Translation. 2018. №1 (1). Pp. 122-138.
  10. Mangiron C. Games Without Borders: The Cultural Dimension Of Game Localisation // Hermeneus. Revista de la Facultad de Traducción e Interpretación de Soria. 2016. №18. Pp. 187-208.
  11. Сулейманова О. А., Вишневская Е. М., Нерсесова Э. В. Технологический аспект подготовки современного переводчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №7. С. 313-318.
  12. Зеленко К. Р. Перевод антропонимов в компьютерных играх на примере "World of Warcraft" // Научный журнал. 2017. №4 (17). С. 88-90.
  13. Фомин А. Г., Чоботар В. И. Особенности перевода антропонимов в литературе и компьютерных играх жанра фэнтези // Вестник КемГУ. 2019. №2 (78). С. 558-564

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Стратегии транскреации в локализации видеоигр (на материале игры «Team Fortress 2»)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду развивающейся отрасли создания виртуальной реальности, подъема интереса к киберспорту как в нашей стране, так и за рубежом.

Актуальность исследования определяется прежде всего наличием интереса лингвистов и специалистов из смежных областей к языковой локализации и подходам к её осуществлению, а также растущей востребованностью языковой локализации видеоигр ввиду развития рынка и расширения аудитории видеоигр.

Стремительная компьютеризация мира, совершенствование технологий виртуальной реальности, видеогарфии и, как следствие, техническое совершенствование видеоигр, увлекает в виртуальный мир все большее количество людей. А с учетом того, что игры производятся, в основном, в США, они требуют языковой адаптации в других странах. Так, в работе автор выделяет 4 уровня адаптации продукта.

Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Эмпирической базой явились тексты локализации видеоигры Team Fortress 2, объем корпуса является релевантным для подтверждения авторской гипотезы. Отметим, что автор приводит основные англоязычные сочетания и их переводы на русский язык при

локализации продукта с учетом реалий русскоязычных пользователей.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. В качестве основных методов исследования применяется сравнительно-сопоставительный, контент-анализ, обобщение и др.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, недостатком является отсутствие информации о разработанности темы в языкознании / практике перевода, что помогло бы понять авторский вклад в решение заявленного вопроса.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых представлены труды как на русском, так и на иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. БОльшее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Кроме того, не понятна причина нарушения общепринятого алфавитного выстраивания списка использованной литературы, смешению работ на русском языке и иностранном, которые традиционно располагаются после цитируемых русскоязычных трудов.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Однако в статье допущены

«...применительно к локализации самостоятельным устным тексты...»

А также статья содержит англицизмы без толкования значения, к примеру, «сеттинг».

Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Стратегии транскреации в локализации видеоигр (на материале игры «Team Fortress 2»)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Алексеева М.Е. — Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений) // Litera. — 2023. — № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40740 EDN: OPEIOX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40740

Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений)

Алексеева Мария Евгеньевна

старший преподаватель кафедры семитологии и гебраистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб., 7-9

✉ maria-alexeeva@inbox.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.40740

EDN:

OPEIOX

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2023

Аннотация: Целью данной работы является выявление корреляции между вариативностью асимметричного объектного маркирования в современном иврите и двумя факторами, лицензирующими его кодирование, а именно «референциальным статусом» и «одушевленностью». Для достижения этой цели рассматриваются вопросительные и относительные местоимения, кодирующие О-участника в транзитивной клаузе в языке иврит, составляющие предмет исследования и обосновывающие его научную новизну, поскольку данный тип референциальных выражений, кодирующих пациентивного участника ситуации в современном иврите, до настоящего момента не был предметом научного обсуждения. Для проведения количественного и сравнительного анализа автором был сформирован экспериментальный корпус Hebrew Objects Targeted Corpus (HOT корпус), объемом около 49 000 словоупотреблений. В результате исследования был сделан вывод о существовании корреляции между вариативностью асимметричного объектного маркирования, референциальным статусом

и одушевленностью в современном языке иврит. Исследование показало, что вариативность асимметричного объектного маркирования референтов, кодируемых вопросительными местоимениями, в подавляющем большинстве случаев (98%) регулируется одушевленностью референта, тогда как вариативность маркирования референтов, кодируемых относительными местоимениями, лицензируется как одушевленностью, так и референциальным статусом объекта. Также была выдвинута гипотеза о существовании дополнительного фактора, лицензирующего асимметричное объектное маркирование вопросительных и относительных местоимений и принадлежащего к области прагматических характеристик высказывания, в частности, степени топиальности референта, кодирующего пациентивного участника ситуации.

Ключевые слова:

объектное маркирование, современный иврит, одушевленность, референциальный статус, относительные местоимения, вопросительные местоимения, корпусное исследование, аккузатив, местоимения, референт

Введение. Феномен дифференцированного маркирования актантов (Differential argument marking) характеризуется наличием в разноструктурных языках регулярно встречающихся случаев отклонения от предписываемого способа кодирования именных групп, выступающих в функции субъекта, объекта, посессора или локатива, под влиянием определенного ряда факторов-лицензоров. Регулярность чередований способов кодирования под воздействием одних и тех же факторов в разных по структуре языках позволяет исследователям говорить о наличии единых механизмов, которые лицензируют дифференцированное маркирование различных актантов. Этот феномен вызывает большой интерес исследователей [например, 1-3, 14, 15, 19] и порождает целый ряд более частных вопросов, связанных с дифференцированным маркированием субъекта (Differential subject marking), локатива (Differential locative marking) или объекта. Дифференцированное объектное маркирование (Differential object marking, термин введен Г. Боссонгом в 1985 г. [9]), в свою очередь, делится на симметричное и асимметричное, описывая два способа морфо-синтаксического кодирования второго аргумента двухвалентного глагола, который реализуется в грамматической роли прямого объекта: симметричное маркирование реализуется с помощью чередования аккузативного и неаккузативного маркеров, а асимметричное — нулевого и ненулевого аккузативного маркеров.

Можно говорить о нескольких основных подходах, объясняющих вариативность объектного маркирования [5, 7, 10, 15, 20]. Первой в этом ряду и до сих пор признающейся одной из самых влиятельных является теория оптимальности, представленная в работе Дж. Эйссен [7]. В этой работе были названы два фактора-лицензора дифференцированного объектного маркирования, которые легли в основу последующих гипотез: факторы определенности и одушевленности. В дальнейшем указанные факторы, так или иначе, присутствовали среди мотиваторов, регулирующих объектное маркирование, и в общем виде сформулировать список факторов-лицензоров, упоминавшихся в различных работах, можно следующим образом: референциальный статус, одушевленность, топиальность, значения видовременных и акциональных категорий, полярность, наклонение [19].

Первые две категории в этом списке наряду с категорией определенности, которую

некоторые авторы предпочитают рассматривать отдельно, соотносясь с так называемой «степень индивидуализации объекта». Например, по мнению П. Хоппера и С. Томпсон, высокая степень индивидуализации соотносится с одушевленностью, определенностью и конкретно-референтным статусом объекта, в т.ч. выраженного именами собственными и формами единственного числа [16, с. 253], а согласно Дж. Хану, индивидуализированный объект с наибольшей вероятностью будет соответствовать следующим параметрам: определенность и/или присутствие квантификатора (квалификатора) в составе именной группы, референтность именной группы и одушевленность референта, его кодирование именем собственным, а также высокая степень активности референта в дискурсе [18, с. 469-470].

Целью данной работы является выявление корреляции между вариативностью асимметричного объектного маркирования в современном иврите и двумя из перечисленных факторов-лицензоров, а именно «референциальным статусом» и «одушевленностью». Для достижения этой цели будут рассмотрены вопросительные и относительные местоимения, кодирующие О-участника в транзитивной клаузе в языке иврит, которые будут составлять предмет исследования и, в том числе, обосновывать его **научную новизну**, поскольку данный тип референциальных выражений, кодирующих пациентивного участника ситуации в современном иврите, до настоящего момента не был предметом научного обсуждения.

В связи с относительно небольшой частотностью данного типа референциальных выражений в естественной речи автор принял решение прибегнуть к методам, выработанным корпусной лингвистикой, в результате чего для проведения количественного и сравнительного анализа был сформирован экспериментальный корпус Hebrew Objects Targeted Corpus (HOT корпус), объемом около 49 000 словоупотреблений, составленный на основе онлайн корпуса современного иврита Hebrew Web 2021 (heTenTen21), размещенного на платформе SketchEngine [22]. Для проведения сравнительного анализа в корпусе, помимо собственно вопросительных и относительных местоимений, были размечены по вышеупомянутым параметрам также другие типы референциальных выражений, демонстрирующих опциональное объектное маркирование: именные группы с квантификатором *ko/* «весь/всякий/каждый/все» (62% маркированных (197/316)) и с указательными местоимениями, не оформленные определенным артиклем (3% (6/223)), конструкции партитива (38% (60/156)) и указательные местоимения, самостоятельно кодирующие О-участника в транзитивной клаузе (48% (139/290)). Беглый подсчет подтвердил гипотезу о наличии асимметричного объектного маркирования также для рассматриваемого типа референциальных выражений: вопросительные местоимения в корпусе HOT маркировались в 34% представленных контекстов (31/92), а относительные — в 78% (100/129).

Фактор «одушевленность референта»

На первом этапе все референциальные выражения, кодирующие О-участника в транзитивной клаузе, были размечены по параметру «одушевленность», что дало возможность сделать предварительный, но очень показательный вывод о наличии корреляции между одушевленностью референтов и способом маркирования кодирующих их референциальных выражений (Таблица 1) (из подсчетов были исключены только данные по референциальным выражениям, отсылающим к пропозициональным antecedентам, в связи с отсутствием у них параметра «одушевленность/неодушевленность»). Для понимания степени значимости корреляции предложенных параметров здесь и далее рассчитывался параметр «p-value» (уровень

значимости), который отражает результат теста «хи-квадрат» (chi-square), использующийся в статистических исследованиях для определения вероятности того, что указанная корреляция является случайностью. Значение p-value менее 0,05 указывает на то, что вероятность случайной корреляции между переменными меньше 5%, что обычно считается статистически значимым.

Значение p-value для параметров в Таблице 1 $< .00001$, т.е. вероятность того, что корреляция между параметрами «одушевленность» и «оформление референциального выражения с помощью маркера аккузатива *ét*» в зафиксированных корпусе НОТ контекстах случайна, меньше 1%.

Таблица 1.

Тип референта	Маркировано	% маркированных
Одушевленные референты	133/170	78%
Неодушевленные референты	267/752	36%
Общий итог	400/922	43%

Однако установить, в какой мере фактор одушевленности референта лицензирует асимметричное объектное маркирование формально определенных показателями детерминации именных групп, кодирующих этот референт (например, *kol ha-sfarim* все ART.книги «все книги»), представляется затруднительным, т.к. «определенность именной группы» сама по себе признается достаточным основанием для ее маркирования в позиции прямого объекта [13, 21].

Однако параметр одушевлённости может стать основным или одним из основных факторов-лицензоров для тех референциальных выражений, которые не имеют четко выраженного показателями статуса определенности. Особенно показательным влияние этого фактора будет на примере вопросительных и относительных местоимений, которые мы и поставили целью рассмотреть в данной работе.

Вопросительные местоимения

Как в современном, так и, например, в древнееврейском языке [8], существуют два вопросительных местоимения, кодирующих пациентивного участника ситуации: местоимение *mi* «кто» кодирует одушевленный референт, тогда как *ma* «что» — неодушевленный. При этом типично местоимение *mi* оформляется маркером аккузатива (1), тогда как *ma* — нет (2).

- (1) mi hizmin 'et mi la-Hafla?
кто приглашать.PRF.3MS ACC кто на-праздник
*Кто **кого** пригласил на праздник?*
- (2) **ta** ze mishtane?
что это менять.PT.3MS
***Что** это меняет?*

Тезис о дифференцированном маркировании вопросительных местоимений *ta* «что» и *ti* «кто» под влиянием фактора одушевленности референта, как и влияние данного фактора на частотность маркирования именной группы в позиции прямого объекта в целом, была убедительно доказана П. Бекинсом на материале древнееврейского языка [8], однако,

насколько автору известно, ранее не демонстрировалась на материале современного иврита.

На материале современного иврита данный тезис не находит опровержения, как в грамматических описаниях (которые постулируют дифференцированность объектного маркирования данных местоимений, но не указывают на параметр «одушевленность» как на фактор варьирования [12, с. 270-279]), так и согласно корпусу НОТ: вопросительное местоимение *mi*, кодирующее одушевленный референт, маркируется облигаторно, а вопросительное местоимение *ma*, кодирующее неодушевленный референт, маркируется в единичных случаях (1/62). Причем единственный зафиксированный корпусом пример отклонения от общего принципа, скорее всего, является результатом действия дополнительных дискурсивно-прагматических факторов, т.к. употребляется в диалоге, где местоимение *ma*, произнесенное адресантом в вопросе, как «эхо» повторяется адресатом в ответе (см. явление «топикальность»). Тем не менее, фактор одушевленности, по результатам проведенного корпусного анализа, несомненно, является основным фактором, регулирующим асимметричное объектное маркирование вопросительных местоимений в иврите.

Относительные местоимения

Местоимения *mi/ma* также могут выступать в качестве относительных местоимений, служащих вершинами определительных придаточных предложений и кодирующих пациентивного участника ситуации. Распределение относительных местоимений по способу объектного маркирования представлено в Таблице 2.

Таблица 2.

Местоимение	Маркировано	% маркированных
Относительное местоимение <i>mi</i>	67/79	85%
Относительное местоимение <i>ma</i>	33/50	66%
Общий итог	100/129	78%

Таким образом, несмотря на несомненную релевантность фактора одушевленности для вопросительных местоимений *mi/ma*, в случае с относительными местоимениями ситуация более сложная, в частности, объектное маркирование местоимения *mi*, кодирующего одушевленный референт, не является обязательным (67/79, 85%). Более того, существенная вариативность (33/50, 66%) наблюдается и в случае с маркированием неодушевленных референтов, кодированных местоимением *ma*. Соответственно, мы можем констатировать, что помимо фактора одушевленности, который объясняет бóльшую вероятность объектного маркирования относительного местоимения, кодирующего одушевленный референт, существует дополнительный фактор (или несколько факторов), регулирующий кодирование референта в таких случаях.

Этим фактором не может быть грамматическая определенность референта, поскольку для относительных местоимений не существует показателей детерминации.

По-видимому, ограничение на маркирование таких референтов связано с более тонким механизмом, отражающим мнение говорящего о реальности/нереальности референта в рамках релевантного денотативного пространства, т.е. с референциальным статусом, соответствующим конкретному местоимению в каждом конкретном контексте. Под референтностью в данном исследовании мы понимаем «соотнесение и соотнесённость языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями» [4, с. 79], или иначе

говоря, с действительностью, а точнее с моделью действительности в сознании участников речевого акта [5].

Уточним, что для маркирования относительных местоимений, кодирующих пациентивного участника ситуации, отраженной в транзитивной клаузе, в соответствии с теорией референтности, требуется соблюдение презумпции существования и единичности указанного референта. Даже если данные характеристики являются не безусловным фактом, а смоделированы представлением говорящего о действительности, как было указано в определении выше. Сравним два примера:

- (3) Hiyakhti 'el elisha ve-kara'ti le-miltsarit: shiniti 'et da'ati. ani rotsa lehazmin **et ma she-hu** hizmin!"

*Я улыбнулась Элише и позвала официантку: "Я передумала. Я хочу заказать **то, что он заказал!***

- (4) hem yekholim liftoan po 'ohel be-'emtsa ha-shkhuna ve-lehatHil leveshel, lishHot kan parot ve-la'asot **et ma she-hem 'osim sham** (be-etyopiya)!

*Они могут открыть палатку здесь посреди квартала и начать готовить, резать коров здесь и делать **то, что они делают там** (в Эфиопии(!*

В примере (3) мы видим дейктическое употребление местоимения *та*, поскольку оно явно указывает на известный из ситуативного контекста и, возможно, из предшествующего отрывка дискурса конкретный и однозначно опознаваемый участниками коммуникации референт. В примере (4) приведено мнение жителя района Бар-Иегуда в Кирьят-Малахи о членах его сообщества, выходцах из Эфиопии. Референт конструкции «*то, что они делают там*» в общем случае вряд ли можно признать конкретным, идентифицируемым однозначно всеми участниками коммуникативной ситуации, особенно если в дискурсе он упоминается впервые, что имеет место в данном случае. Но говорящий в данном примере убежден, что существует определенный набор действий всех жителей Эфиопии (который вызывает у него негодование и другие отрицательные эмоции, что очевидно из контекста высказывания), который, на его взгляд, является достаточно конкретным и очевидным для всех участников коммуникации, чтобы маркировать в позиции прямого объекта.

Важную роль в выборе говорящим способа кодирования прямого объекта, помимо соотносительности конкретного референта с действительностью или представлением о ней, играет особый референциальный статус, возникающий в так называемом «дистрибутивном» контексте, или, согласно А. Д. Шмелеву, в «переменном денотативном пространстве», которое «задается поочередно выбираемыми элементами некоторого введенного в рассмотрение множества», например, «Конь иногда сбивает седока» [6, с. 98-99]. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, если контекст высказывания позволяет применить к референту относительного местоимения, кодирующему пациентивного участника ситуации, презумпцию существования и единичности, то даже в переменном денотативном пространстве такой референт будет кодироваться также как конкретно-референтный объект, т.е. маркироваться в позиции прямого объекта (5).

- (5) le-tsa'ari, ha-'ovdim lomdim maher me'od she-yoter mishtalem la'asok be-'avodot meshek bayt. hem memaharim lintosh '**et mi she-hevi 'otam la-'arets...**

К сожалению, рабочие очень быстро понимают, что заниматься

*домашним хозяйством выгоднее. Они спешат отказаться от **того, кто привез их в Израиль...***

В примере (5) невозможно однозначно идентифицировать референт дескрипции «*тот, кто привез их в Израиль*» и соотнести его с неким конкретным человеком, в том числе потому, как следует из контекста, что разных рабочих (вероятно, группами) «привозили» разные работодатели. Однако в указанном высказывании выстраивается модель действительности, где для каждого «привезенного» в Израиль рабочего существует единственный работодатель, обеспечивший ему въезд в Израиль, тем самым обеспечивается презумпция существования и единичности. Таким образом, в рамках данного денотативного пространства атрибутивная дескрипция *mishe-hevi ótamlá-árets* будет маркироваться на основании референциальных характеристик.

Частным случаем референтного употребления относительных местоимений является также псевдо-диалогичный контекст, в рамках которого адресант обращается к аудитории как к непосредственно присутствующему члену коммуникативного акта. В этих случаях нереальные ситуации, в которых имеют место различные референты, относящиеся к аудитории (или к обобщенной группе «говорящий+аудитория», реализующуюся через употребление местоимений «мы», «наш» и т.п.), интерпретируются как реальные, т.е. формируют модель действительности, в которой адресант обращается непосредственно к реальному собеседнику, а упоминаемые в этом контексте объекты приобретают референтный статус и, соответственно, маркируются. Например, коммерческий веб-сайт публикует рекомендации, что именно следует приобретать в подарок матери (6):

(6) *tukhlu lehishtatef ve-lirkhosh la matana yekara ve-éHutit, kakh yihye la-khem harbe yoter kal lirkhosh **'et ma she-be-émet rtsitem.***

*Вы сможете сброситься и купить ей дорогой и качественный подарок, так вам будет намного проще приобрести для нее **то, что вы действительно хотели.***

Несмотря на то, что текст примера (6) обращен к бесконечному множеству потенциальных покупателей, у каждого из которых референт дескрипции *étmashé-be-émetrtsitem* «*то, что вы действительно хотели*» будет разным, контекст подразумевает единичность референта для каждого покупателя и такая дистрибутивная определенность позволяет маркировать данное референциальное выражение.

Важным фактором для определения референциального статуса относительных местоимений является также очевидное или скрытое отражение говорящим своей уверенности/неуверенности в реальности обозначаемого референта или выражение сомнения относительно этого факта. Например, употребление ограничительных конструкций («по крайней мере, по нашему скромному мнению») также как и других оборотов, выражающих сомнение адресанта («не знаю, так ли это») или отрицающих реальность сказанного выше («хотя я так не считаю») достаточно регулярно коррелирует с нереферентным употреблением относительных местоимений. Исходя из отмеченной нам тенденции, референциальный статус относительных местоимений определяется в том числе, исходя из степени уверенности говорящего в реальности референта в соответствии со следующей классификацией: референтный статус присваивается в случае, если референт определяется как реальный для говорящего, нереферентный — когда говорящий идентифицирует его как нереальный или выражает сомнение в его реальности.

Подтверждением результативности такого подхода стал высокий уровень значимости корреляции между референтным статусом относительных местоимений и их маркированностью в позиции прямого объекта, рассчитанный на основе данных Таблицы 3 ($p\text{-value} < .00001$).

Таблица 3.

Референциальный статус	Маркировано	%
Референтный статус относительного местоимения	100/106	94%
Нереферентный статус относительного местоимения	0/23	0%
Общий итог	100/129	78%

Таким образом, на основании высокого уровня значимости выявленной корреляции, референциальный статус можно считать одним из факторов, лицензирующих асимметричное объектное маркирование относительных местоимений, кодирующих в современном иврите О-участника в транзитивной клаузе. Однако в рамках многофакторного подхода к дифференцированному объектному маркированию сочетание двух факторов-лицензоров, а именно референциального статуса и одушевленности референта, позволяет получить еще более однозначные результаты, отраженные в Таблице 4 ($p\text{-value} < .00001$).

Таблица 4.

Референциальный статус	Маркировано	%
Референтный статус (одушевленный реф-т)	67/67	100%
Референтный статус (неодушевленный реф-т)	33/39	85%
Нереферентный статус (одушевленный реф-т)	0/12	0%
Нереферентный статус (неодушевленный реф-т)	0/11	0%
Общий итог	100/129	78%

Полученные данные наглядно демонстрируют, что референтные дескрипции, кодирующие одушевленный референт, маркируются в 100% зафиксированных корпусом контекстов (67/67), кодирующие неодушевленный референт — в 85% (33/39), тогда как нереферентные, как одушевленные, так и неодушевленные, демонстрируют запрет на маркирование в позиции прямого объекта (0/12, 0/11 соответственно).

Выводы и заключение.

В исследовании с помощью методов количественного и сравнительного анализа, базирующихся на материале экспериментального корпуса современного иврита, на примере вопросительных и относительных местоимений, кодирующих О-участника в транзитивной клаузе, была выявлена корреляция между вариативностью асимметричного объектного маркирования в современном иврите и двумя лицензирующими его факторами-лицензорами: референциальным статусом объекта и одушевленностью кодируемого им референта. Был сделан вывод о том, что вариативность объектного асимметричного маркирования референтов, кодируемых вопросительными местоимениями, в подавляющем большинстве случаев (98%) регулируется одушевленностью референта, тогда как вариативность маркирования референтов,

кодируемых относительными местоимениями, лицензируется как одушевленностью, так и референциальным статусом объекта. Именно влиянием второго фактора-лицензора, референциального статуса, объясняется описанная выше разница в маркировании вопросительных и относительных местоимений, кодирующих пациентивного участника ситуации: асимметричное объектное маркирование вопросительных местоимений лицензируется, в подавляющем большинстве случаев, только параметром одушевленности референта (100% маркирование для одушевленного, и 2% для неодушевленного), тогда как объектное маркирование относительных местоимений лицензируется сочетанием параметров «референциальный статус ИГ» и «одушевленность референта».

Библиография

1. Аркадьев П. М. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем // Вопросы языкознания. 2008. № 5. С. 34-62.
2. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Ронько Р. В. Дифференцированное маркирование аргументов: морфология, семантика, синтаксис // Вопросы языкознания. 2016, № 6. С. 113-127.
3. Лютикова Е. А. Дифференцированное маркирование аргументов в формальных моделях падежа // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, 2017. Том XIII. №3. С. 11-40.
4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука, 1985. 293 с.
5. Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59-142.
6. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: ЯСК. 2002. 496 с.
7. Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy // Natural Language & Linguistic Theory 21(3), 2003. Pp. 435-483.
8. Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. PhD thesis, Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion, 2012. 287 p.
9. Bossong G. Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in neuiranischen Sprachen. Tübingen: Narr, 1985. 185 p.
10. Dalrymple, M., Nikolaeva I. Objects and information structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 247 p.
11. De Hoop H., Malchukov A. Case-marking strategies // Linguistic Inquiry 39, 2008. Pp. 565-587.
12. Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 608 p.
13. Halevy R. Modern Hebrew syntax // Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics, General editor G. Khan, vol. 3. Brill: Leiden, 2013. Pp. 707-722.
14. Haspelmath M. Differential place marking and differential object marking // STUF- Language Typology and Universals. Vol. 72. No. 3. 2019. Pp. 313-334.
15. Haspelmath M. Role-reference associations and the explanation of argument coding splits // Linguistics. Vol. 59. No. 1. 2021. Pp. 123-174.
16. Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse // Language, 56. 1980.

Pp. 251–299.

17. Heusinger K., Kornfilt J. Partitivity and case marking in Turkish and related languages // *Glossa: a journal of general linguistics* 2(1): 20. 2017. Pp. 1-40.
doi:10.5334/gjgl.112
18. Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* Vol. 47. No. 3. 1984. Pp. 468-500.
19. Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 339–355.
20. Sinnemäki K. A typological perspective on Differential Object Marking // *Linguistics*. 52(2). 2014. Pp. 281–313. doi:10.1515/ling-2013-0063.
21. Wintner S. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase // *Journal of Linguistics* 36(2), 2000. Pp. 319-363.
22. SketchEngine [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sketchengine.eu/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду применения количественных методов для изучения поставленного научного вопроса.

Целью данной работы является выявление корреляции между вариативностью асимметричного объектного маркирования в современном иврите и двумя из перечисленных факторов-лицензоров, а именно «референциальным статусом» и «одушевленностью».

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: методы количественного и сравнительного анализа, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также описание. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Практическим материалом исследования явился экспериментальный корпус Hebrew Objects Targeted Corpus (HOT корпус), объемом около 49 000 словоупотреблений, составленный на основе онлайн корпуса современного иврита Hebrew Web 2021 (heTenTen21), размещенного на платформе SketchEngine. Считаем, что подобный корпус вполне достаточен для проведения исследования.

Полученные автором данные представлены в табличной форме, что облегчает восприятие информации читателем.

Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теоретической грамматике и практике иврита. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сотникова Е.Е., Попова Л.Г. — Структурные виды вторичных антропонимов в английских и русских публицистических текстах // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40801 EDN: OPJERC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40801

Структурные виды вторичных антропонимов в английских и русских публицистических текстах

Сотникова Елена Евгеньевна

Преподаватель кафедры юриспруденции, Московский городской университет Москвы им. Ю. М. Лужкова

107045, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, 28

✉ sotnik.e@gmail.com

Попова Лариса Георгиевна

доктор филологических наук

профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Московский городской педагогический университет

105064, Россия, г. Москва, пер. Малый Казенный, 56

✉ larageorg5@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.40801

EDN:

OPJERC

Дата направления статьи в редакцию:

20-05-2023

Аннотация: Объектом данного исследования являются вторичные антропонимы русского и английского языков. Предметом предлагаемой работы выступает структурное оформление антропонимов в российской и американской прессе. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом современных лингвистов к изучению специфики функционирования вторичных антропонимов в публицистических текстах как к актуальному источнику, отображающему основные свойства и специфику использования данных лексических единиц, а также отсутствием в настоящее время достаточного количества работ, изучающих вторичные антропонимы с предлагаемой позиции. В своем исследовании авторы применяли следующие методы исследования:

семантический анализ, структурный анализ, сопоставительный метод, количественный метод, метод моделирования. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые выявляются структурные виды вторичных антропонимов, употребляемых в публицистических текстах российских и американских СМИ в сопоставительном аспекте. В результате проведенной работы были получены сведения о том, что, как в российских, так и в американских публицистических текстах, наиболее распространенной формой вторичных антропонимов являются антропонимы-словосочетания. Кроме этого, было установлено, что в публикациях американских СМИ вторичные антропонимы – сокращения по сравнению с российской прессой не находят свое применение. Практическая ценность работы состоит в возможности применения результатов исследования в практике преподавания английского языка как иностранного при работе с публицистическими текстами в вузе.

Ключевые слова:

вторичный антропоним, публицистический текст, словосочетание, прозвище, криптоним, сложное слово, простое непроизводное слово, производное слово, сокращение, структурная модель

В современном языкознании нет однозначного определения понятия «антропоним», но в специальном словаре терминов Н.В. Подольской под антропонимом понимается собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним [7]. Л. А. Томашевская в своей кандидатской диссертации обозначает антропоним как совокупность лексем, именующих человека, определяя, при этом, основную часть имен нарицательных и только некоторые из имен собственных как относящиеся к данным лексическим единицам [6].

Результатом исследования, проведенного Л.Б.Бойко, явилось подтверждение способности антропонима являться отражением представления и восприятия индивида в различных реалиях и разноплановом культурном наследии, а также выполнять функции установления отношения с его окружением в зависимости от выбранной им формы обращения в процессе взаимодействия [1]. Как указала в своей работе Л.Сюйчжун, для разных языков характерны различные структурные модели антропонимов: одноименные модели именования (только личное имя), двуименные (личное имя + фамилия, имя + прозвище и т.д.), трёхименные (личное имя + среднее имя + фамилия, личное имя + отчество + фамилия и т.д.) или многоименные модели (личное имя + несколько средних имен + фамилия и т.д.) [4].

В рамках нашей работы мы рассмотрим структурные виды вторичных антропонимов на примере их функционирования в публицистических текстах печатных изданий РФ и США, так как публицистические тексты выступают в современных лингвистических исследованиях источником анализируемых примеров [2]. Для уточнения понятия вторичной номинации обратимся к работам А.А.Громыхиной и В.Н.Телии, определившим ее как обозначение предмета, уже обозначенного (при этом не всегда имеет место создание нового слова, зачастую существующее слово может использоваться в непривычной для него функции обозначения) и вызванной интенцией именующих и с речевыми условиями общения соответственно [3, 5].

Как уже было сказано выше, структурные типы антропонимов уже рассматривались ранее в языкознании, но в нашей работе предлагается проанализировать структурные виды вторичных антропонимов на материале публицистических текстов РФ и США в сопоставительном аспекте. В начале рассмотрим структурные виды русских вторичных антропонимов.

Анализ примеров показал присутствие в этих текстах вторичных антропонимов, представляющих собой по своей структурной организации простое однокоренное слово. К структурному разряду таких слов относятся в российской прессе, например, криптонимы:

Я недавно был в нашем батальоне «Восток» под Угледаром. Я хорошо знаком с командиром с позывным «Лес», он воюет с 2019 года [\[11\]](#).

В этом примере используется вторичный антропоним (Лес), который по структуре представляет собой простое производное слово, является по своей сути криптонимом, и пишется с большой буквы.

Обратимся к анализу следующего примера, где производный вторичный антропоним представляет собой прозвище.

Этот арабский эмират вскоре будет соревноваться с Израилем по количеству сбежавших из России «звезд» [\[9\]](#).

В данном случае употребляется вторичный антропоним «звезды», который представляет собой простое производное слово, выступающее в виде прозвища, пишется с маленькой буквы.

Как указывалось, выше, в российских публицистических текстах встречаются вторичные антропонимы, относящиеся по своей структуре к производным словам. В основном это образованные суффиксальным способом вторичные антропонимы. Рассмотрим каждый случай отдельно. К числу таких антропонимов относятся криптонимы и прозвища. Например:

С добровольцем с позывным «Таджик» мы познакомились случайно, в одной из моих командировок в зону СВО, как говорится, на бегу [\[13\]](#).

Как демонстрирует пример, вторичный антропоним «Таджик» представляет собой криптоним, образованный с помощью суффикса «ик». И будучи криптонимом, пишется с большой буквы и в кавычках, что показывает тот факт, что мы имеем дело именно с криптонимом.

Примером производного слова –вторичного антропонима может служить и следующий криптоним:

Один из связных — Максим Давыдов с позывным «Почтальон» [\[15\]](#).

В этом случае личный антропоним «Почтальон» образуется за счет прибавления к исходному слову суффикса «льон». И как в предыдущем случае, слово оформлено в тесте с заглавной буквы и кавычками.

Обратимся к анализу примеров вторичных антропонимов-производных слов, используемых в анализируемых текстах в виде прозвищ:

*Стоял у истоков сибирского скин-движения, был знаком с **Тесаком** (неонацист Максим Марцинкевич). К слову, диверсант хвастался даже тем, что был в Буче в первый же день после отхода оттуда российских войск [\[12\]](#).*

В этом контексте употребляется вторичный антропоним «Тесак», являющийся прозвищем, которое образовано от глагола «тесать» с помощью суффикса «ак» и в нашем случае как личный антропоним характеризует человека, обладающего жестокостью. Русское слово «тесак» имеет свое первичное значение: «рубящее и колющее оружие, с широким коротким обоюдоострым клинком на крестообразной рукояти» [<https://slovarozhegova.ru>]. Этот человек получает такое прозвище в связи с тем, что его характер подобен боевому ножу крупных размеров, этот мужчина способен рубить и колоть окружающих противников.

Есть и другие примеры использования в анализируемых текстах вторичных антропонимов-производных слов. Например:

*Но если с этими, с позволения сказать, «**деятелями**» все ясно — наиболее оголтелые из них получили статус иностранного агента, а в Сети все чаще звучат призывы забыть эти имена навсегда (потому что именно забвение — самое страшное наказание для артиста), то по вопросу, что делать с теми «испуганными патриотами», как их назвал пресс-секретарь президента Дмитрий Песков, которые уехали из страны, но предпочитают воздерживаться от оценок и резких высказываний, пока непонятно, и тут время само все расставит по своим местам, а зритель, что называется, проголосует рублем за фильмы и спектакли с их участием [\[8\]](#).*

Как показывает пример, мы имеем дело с производным словом –вторичным антропонимом «деятели», образованным суффиксальным образом, с помощью суффикса «ель». Предыдущее замечание (с позволения сказать) указывает именно на то, что этот вторичный антропоним является прозвищем, которое оформляется кавычками. Этот антропоним используется в стилистическом плане для выражения иронии автора текста.

Целесообразно проанализировать и другой пример:

*Не думаю, что Тутберидзе идейная как **Чулпашка** [\[10\]](#).*

Вторичный антропоним «Чулпашка» является производным словом от исходного слова «Чулпан», образован с помощью суффикса «шк», который является пренебрежительным суффиксом русского языка и подчеркивает факт использования вторичного антропонима как фактор грубой иронии автора текста.

Кроме простых непроеводных и производных вторичных антропонимов, в российских публицистических текстах встречаются антропонимы, представляющие собой сложные слова.

Наши театры и киностудии не бросились умолять вернуться Чулпан Хаматову, Артура Смольянинова, Максима Галкина*, Дмитрия Назарова и прочих «**правдорубов**», которым почему-то показалось, что они имеют полное право поливать грязью свою родную страну [\[8\]](#).*

В этом примере вторичный антропоним «правдорубы» по своей структуре является сложным словом. Данный антропоним способен передавать иронию автора публицистической статьи в адрес описываемых им лиц, причем эта ирония сочетается с сатирой. И на это указывают кавычки, которыми автор статьи оформляет антропоним,

когда подразумевается тот факт, что перечисленные им лица говорят не правду, а лжѐ в адрес своей страны.

В публицистических текстах отмечено присутствие вторичных антропонимов, представляющих собой в структурном плане словосочетание, например:

Но если с этими, с позволения сказать, «деятели» все ясно — наиболее оголтелые из них получили статус иностранного агента, а в Сети все чаще звучат призывы забыть эти имена навсегда (потому что именно забвение — самое страшное наказание для артиста), то по вопросу, что делать с теми «испуганными патриотами», как их назвал пресс-секретарь президента Дмитрий Песков, которые уехали из страны, но предпочитают воздерживаться от оценок и резких высказываний, пока непонятно, и тут время само все расставит по своим местам, а зритель, что называется, проголосует рублем за фильмы и спектакли с их участием [8].

Как демонстрирует контекст, вторичный антропоним «испуганные патриоты» представляет собой словосочетание, которое в тексте употребляется в кавычках, подчеркивая иносказательность и иронию автора, который своим последующим комментарием поясняет появление данного антропонима.

В российских публицистических текстах можно встретить вторичный антропоним, представленный сокращением, например:

*«Это они развязали войну, а мы использовали силу, чтобы ее остановить», — повторил свой известный тезис **ВВП** [14].*

В этом случае антропоним ВВП, сокращение от полного Владимир Владимирович Путин, используется как устойчивое сокращение, известное пользователям масс-медиа.

Целесообразно в количественном плане выяснить представленность структурных типов вторичных антропонимов, употребляемых в российских текстах. Полученные результаты отражены в диаграмме (в процентах от общего количества)

Согласно данным диаграммы, большая часть вторичных антропонимов в российских

публицистических текстах представлена в структурном плане словосочетанием (79 %). Реже встречаются вторичные антропонимы-производные слова (8 %), непроизводные слова (6 %), сложные слова, состоящие из 2 корней (5 %). Редко отмечается использование в подобных текстах вторичных антропонимов-сокращений (2 %)

Обратимся к аналогичному анализу английских вторичных антропонимов, употребляемых в СМИ США.

В американских СМИ находят свое применение вторичные антропони́мы-простые производные слова. Например:

It's also true that since they met in the 1980s, Mr. Trump has done his utmost to declare his admiration for "the Boss," the nickname used for Mr. Morgenthau. (Правда также и то, что со времени их встречи в 1980-х годах, Мистер Трамп делал все возможное, чтобы показать свое восхищение «Боссом», Мистером Моргентхау, носящим данное прозвище-здесь и далее –перевод Е. Сотниковой)^[18].

В данном контексте имеет место вторичный антропоним «the Boss», который по своей структуре является простым производным словом. Его используют для демонстрации иронии и в некоторой степени сарказма со стороны Дональда Трампа, который называет Мистера Моргентхау именно этим словом.

Вторичные антропони́мы, употребляемые в американских СМИ, могут представлять собой и производное слово. Например:

One soldier, with the call sign Diesel, showed videos on his phone of the bodies of Russian troops he had killed when they came too close(Один солдат с позывным Дизель показал на своем телефоне видеозаписи тел солдат российской армии, которых он убил, когда те подошли слишком близко)^[16].

Согласно примеру, вторичный антропоним Diesel по своей структуре является производным словом, образованным с помощью суффикса el.

*Now there is a new option — a way to still support Trump as the 45th president without being sold on him as the party's best shot at becoming the 47th. Not **anti-Trump** or even **non-Trump** — just **post-Trump**. That's how 70 percent of Republicans and Republican-leaning independents could have a favorable view of Trump in a Marquette Law School poll last month, while the same survey found Florida Gov. Ron DeSantis (R) beating him 64 percent to 36 percent in a hypothetical one-on-one matchup.*(Сейчас существует новый вариант- способ продолжать поддерживать Трампа как 45ого президента, не продаваясь ему, как лучшему кандидату от партии в качестве 47ого президента. Не анти-Трамп или даже не-Трамп-просто пост-Трамп. Это-вариант того, как 70% Республиканцев и независимых, склоняющихся к Республиканцам, могли бы положительно оценить Трампа в опросе юридической школы Маркетта в прошлом месяце, в то время, как этот же опрос показал, что губернатор Флориды Рон ДеСантис выиграл у него, набрав 64 процента против 36 в гипотетическом поединке один на один)^[20]

В этом примере используется вторичный антропоним –прозвище, который по своей структуре является сложным словом (anti-Trump, non-Trump, post-Trump).

Обратимся к структурному анализу вторичных антропонимов-словосочетаний, используемых в анализируемых тестах. Возьмем для анализа несколько примеров.

*Self-help culture took that to ludicrous places: "Whatever the mind can conceive and believe, it can achieve," claimed **wealth guru** Napoleon Hill in "Think and Grow Rich."*(Культура самопомощи дошла до абсурда «Во что бы ни верил и что бы ни полагал разум, этого можно достичь» -заявил финансовый гуру Наполеон Хилл в своей книге «Думай и богатей»^[21]

Как показывает пример, вторичный антропоним- словосочетание, состоит из 2 слов (wealth guru), являясь прозвищем.

*As wartime allies go, Mr. Biden and Mr. Zelensky are a **historical odd couple**, an 80-year-old career politician who became a pillar of his country's political establishment and a 45-year-old satirist who once played a president on television but had never served in public office before being elected to lead his nation* (Будучи союзниками военного времени, мистер Байден и мистер Зеленский представляют собой странную историческую пару, 80-летний политик-карьерист, ставший основой политического ведомства его страны, и 45-летний юморист, однажды получивший роль президента на телевидении, но никогда не занимавший государственную должность, пока не был избран лидером нации) [17].

В данном контексте вторичный антропоним –словосочетание (historical odd couple) состоит из 3 слов и в этом случае вторичный антропоним является также прозвищем.

*He does a great job," said Buck Showalter, **the seen-it-all Mets manager**, "of eliminating excuses."*(«Он проделывает отличную работу» -сказал Бак Шовалтер, повидавший абсолютно все менеджер Метса, «по устранению отговорок») [19].

В этом случае имеет место вторичный антропоним, прозвище, состоящее из 6 слов (the seen-it-all Mets manager), являясь, по своей структуре, словосочетанием.

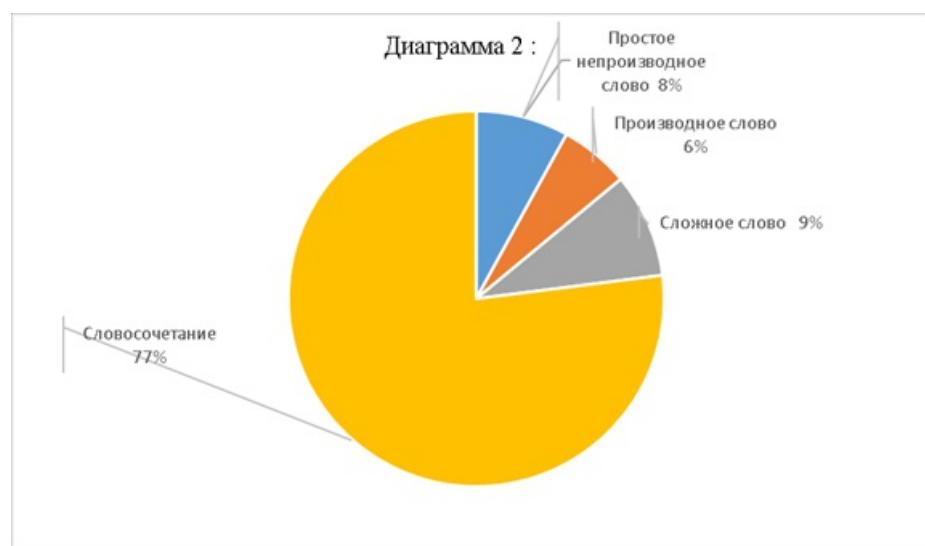
*Cohen is **the de facto king of New York**," said Neal Kwatra, a veteran political strategist, before sizing up the owner's former tormentor* («Коэн-де факто –король Нью-Йорка» -сказал Нил Кватра, опытный политический стратег, до того, как оценить бывшего мучителя собственника) [19].

В указанном примере вторичный антропоним-словосочетание имеет в своем составе 7 слов и этот антропоним также можно отнести к прозвищам.

Вторичные антропонимы-словосочетания в публицистике США не содержат, как правило, в своем составе более 7 слов.

Что касается вторичных антропонимов –сокращений, то на материале прессы США, они не употребляются.

Обратимся к количественному подсчету с целью выяснить частотность использования структурных видов вторичных антропонимов в американских публицистических текстах. Полученные результаты отображаются в диаграмме:

Согласно данным диаграммы, в американских публицистических текстах в основном употребляются вторичные антропонимы в виде словосочетаний (77%). Редко

употребляются вторичные антропонимы -сложные слова (9 %). Еще реже в анализируемых текстах можно встретить вторичные антропонимы-простые слова (8%) и вторичные антропонимы-производные слова (6%).

Целесообразно обратиться к сопоставительному анализу употребления структурных видов вторичных антропонимов в российских и американских публицистических текстах. Полученные результаты можно представить в виде сводной таблицы:

Структурные виды вторичных антропонимов	Российские публицистические тексты	Американские публицистические тексты
Вторичный антропоним-простое, производное слово	+	+
Вторичный антропоним-производное слово	+	+
Вторичный антропоним - сложное слово	+	+
Вторичный антропоним-словосочетание	+	+
Вторичный антропоним-сокращение	+	-

Данные сводной таблицы показывают присутствие сходства в употреблении как в российских, так и в американских публицистических текстах таких структурных видов вторичных антропонимов как:

Вторичный антропоним-простое, производное слово

Вторичный антропоним-производное слово

Вторичный антропоним -сложное слово

Вторичный антропоним- словосочетание

Только в российских публицистических текстах по сравнению с американскими текстами наблюдается присутствие вторичных антропонимов - сокращений. Как в российских, так и в американских публицистических текстах, в основном находят свое применение вторичные антропонимы-словосочетания.

Библиография

1. Бойко Л.Б. О структуре антропонима и его функционировании в русском и английском языках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Калининград, 2015. Вып. 2. С. 14–22.
2. Викулова Л.Г. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера спорт / Л.Г. Викулова, Н.В. Новиков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2015. – № 3 (19) – С. 42–49.
3. Громыкина А.А. Вторичные наименования в системе номинативных единиц языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2009. – № 11. – С. 226-230.
4. Сюйчжун Л. Названия животных в современных русских антропонимах. – Пенза,

2021.

5. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: виды наименований / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – Москва, 1977. – С. 221.
6. Томашевская Л.А. Структура значения антропонимов в современном английском языке: лексематический и лексикосемантический анализ: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. – Москва, 1985. – С. 207.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; Отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1988. – С. 187.
8. https://aif.ru/culture/art/etu_pension_ne_zadushish_kak_izmenilas_nasha_kultura_zagod_svo Дата доступа: 23.02.2023
9. https://aif.ru/culture/person/takaya_se_lya_vi_meladze_kak_i_vaykule_v_izraile_ne_sobral_zal?from_inject=1 Дата доступа: 18.03.2023
10. https://aif.ru/sport/person/a_sasha_ovechkin_ne_ispugalsya_v_seti_ne_poverili_v_bol_ezn_tutberidze Дата доступа: 10.03.2023
11. <https://www.kp.ru/daily/27461.5/4716492/> Дата доступа: 21.02.2023
12. <https://www.kp.ru/daily/27476.5/4732281/> Дата доступа: 15.03.2023
13. <https://www.mk.ru/politics/2023/02/02/vpityvayu-kak-gubka-dobrovolc-tadzhik-obyasnil-svoy-pokhod-na-svo.html> Дата доступа: 21.02.2023
14. <https://www.mk.ru/politics/2023/02/21/v-poslanii-putina-usmotreli-vstavlennuyu-v-posledniy-moment-chast.html> Дата доступа: 24.02.2023
15. <https://www.mk.ru/social/2023/02/23/mama-yulya-syna-s-fronta-zhdeshe-zhitelnica-ulyanovska-usynovila-shesterykh-soldat.html> Дата доступа: 24.02.2023
16. <https://www.nytimes.com/2023/02/06/world/europe/ukraine-russia-offensive.html> Дата доступа: 21.02.2023
17. https://www.nytimes.com/2023/02/24/us/politics/biden-zelensky-ukraine-russia.html?action=click&pgtype=Article&state=default&module=style-russia-ukraine&variant=show&region=BELOW_MAIN_CONTENT&block=storyline_flex_guide_re_circ Дата доступа: 26.02.2023
18. <https://www.nytimes.com/2023/03/20/opinion/donald-trump-friendship-with-robert-morgenthau.html?action=click&module=RelatedLinks&pgtype=Article> Дата доступа: 21.03.2023
19. <https://www.nytimes.com/2023/03/26/sports/baseball/steve-cohen-mets-new-york.html> Дата доступа: 30.03.2023
20. <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/02/23/trump-support-declining-2024-election/> Дата доступа: 24.02.2023
21. https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/02/27/fake-it-phrase-american-con-man/?itid=hp_opinions_p001_f004 Дата доступа: 03.03.2023

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Структурные виды вторичных антропонимов в английских и русских публицистических текстах», предлагаемая к публикации в журнале

«Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к проведению сравнительных исследований на материале русского и английского языков. В рамках рецензируемой работы мы рассматриваются структурные виды вторичных антропонимов на примере их функционирования в публицистических текстах печатных изданий РФ и США, так как публицистические тексты выступают в современных лингвистических исследованиях источником анализируемых примеров.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В статье представлены результаты исследования в форме диаграмм с количественными показателями, что визуально облегчает восприятие данных читателем.

Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Автор не указывает объем языковой выборки и его принципы.

Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к зарубежным источникам, несомненно, обогатило бы работу. К научным источникам из представленного списка можно отнести только 7 из 21, остальные служат источниками иллюстративного материала. Несмотря на большое количество актуальных современных исследований по данной проблематике, автор обращается к теоретическим работам 70-80 годов и статьям 2015 года, что не позволяет судить о новизне работы в полной мере. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, практике английского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Структурные виды вторичных антропонимов в английских и русских публицистических текстах» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Орлова Т.Г. — Структурно-семантические особенности и национальная специфика английских и русских пословиц со значением «предусмотрительность», «осторожность» // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40999 EDN: ORCTLS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40999

Структурно-семантические особенности и национальная специфика английских и русских пословиц со значением «предусмотрительность», «осторожность»

Орлова Татьяна Геннадьевна

ORCID: 0000-0002-2777-3930

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, Факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ rudn1964fev@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.40999

EDN:

ORCTLS

Дата направления статьи в редакцию:

14-06-2023

Аннотация: Предметом данного исследования являются структурно-семантические особенности пословиц английского и русского языков со значениями «предусмотрительность», «осторожность». Пословицы со значениями «предусмотрительность», «осторожность» недостаточно изучены с точки зрения выявления их значения и описания их структурно-семантических характеристик. Научная новизна заключается в том, что впервые в сопоставительном аспекте были рассмотрены общие и уникальные значения английских и русских пословиц данной тематики, произведён анализ синтаксических структур и семантический анализ лексических компонентов пословиц, а также анализ образно-выразительных средств, отражающих их национально-культурное своеобразие. Результаты исследования могут применяться в процессе преподавания английского языка, а также как основа для более глубокого сопоставительного изучения пословиц двух языков данной тематической группы. В исследовании использовались описательный и сопоставительный методы, функционально-стилистический анализ, структурно-

синтаксический анализ. В ходе анализа нами была выявлена следующая закономерность: в большинстве из представленных тематических групп есть близкие по значению пословицы, не являющиеся эквивалентами, которые используют одинаковые синтаксические структуры (побудительные предложения, сложноподчинённые предложения с придаточными условия, времени, уступки и с придаточными определительными, синтаксическое сжатие: компрессия, эллипсис, неполнота предложений, бессоюзие, а также сложносочинённые предложения с противительным значением) и сходные приёмы выразительности (антитеза, сравнение, оксюморон, тавтология, аллегория, метафора, в том числе олицетворяющая метафора), отличаясь при этом лексическим наполнением (эмоционально-экспрессивная, оценочная лексика, лексика, связанная с реалиями быта, зоонимы, соматизмы, архаизмы). Эти различия обусловлены особенностями климата, быта, традициями, а также средой их возникновения, что, с одной стороны, указывает на универсальность человеческого опыта, а с другой стороны, на национальную специфику мышления двух народов.

Ключевые слова:

структурно-семантический анализ, сопоставительный анализ, синтаксическая структура, лексические компоненты, образное значение, английские пословицы, русские пословицы, образно-выразительные средства, стилистическая окраска, национально-культурная специфика

Одним из приоритетных направлений современных лингвистических исследований является изучение соотношения мышления, языка и культуры, а также способов отражения реальности, характерных для того или иного народа – всё это важно для успешной межкультурной коммуникации. Особенности менталитета (или национального характера) определяют «поведение человека, его поступки и отношение к другим людям, формируют лингвокультурные константы, проявляющиеся с особым своеобразием во фразеологизмах» [\[1, с.15\]](#). С этой точки зрения интерес исследователей к фразеологии языка изучаемого народа, безусловно, оправдан, поскольку фразеология «отображает по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и культурный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [\[2, с. 32\]](#). Изучение пословиц с этой точки зрения оказывается наиболее плодотворным, поскольку пословицы, согласно известному определению В. Мидера, это «короткие, общеизвестные народные изречения, которые содержат мудрость, истину, мораль и традиционные взгляды в метафорической, фиксированной и запоминаемой форме и которые передаются из поколения в поколение» [\[3, с.11\]](#). Как справедливо указывает А. Дедженер, статус культурно передаваемых и формализованных образных высказываний квалифицирует пословицы как индикаторы ценности и привычки, преобладающие в данных обществах [\[4, с.1\]](#). Кроме того, несмотря на принадлежность к древнейшему фонду фразеологической системы языка, пословицы, согласно социолингвистическим исследованиям, «продолжают оставаться весьма актуальными составляющими живого дискурса» [\[5, с.11\]](#), что также свидетельствует об актуальности обращения к пословичному фонду.

Важным свойством пословицы является образность, экспрессивность, оценочность, которая возникает за счёт метафорического переосмысления составляющих её компонентов. По своей структуре пословица представляет собой законченное предложение, а по семантике – целостное смысловое единство, содержащее

обобщённую информацию: поучение, суждение, оценку. «Пословицы, бесспорно, являются произведениями словесного искусства, т. е. обладают эстетической ценностью» [6, с. 119]. В пословицы включаются конкретные знакомые образы, которые в процессе употребления и переосмысления приобретают глубокое обобщение. «В этнокультурных метафорах возникает представление о человеке, о его жизни и переживаниях, взаимоотношениях – всё, что определяет этнокультурное существование народа, его менталитет». [7, с.21].

Предметом нашего исследования является сопоставительный структурно-семантический анализ пословиц английского и русского языков со значением «предусмотрительность», «осторожность». Сопоставительное изучение пословиц, их фразеологического значения, внутренней формы, образного значения и выразительных средств дало возможность обнаружить национальную специфику мышления двух народов. Объектом исследования являются пословицы английского и русского языков данной тематической группы. Смысловая полифония пословиц, обусловленная сложностью их когнитивной структуры, создаёт множество оснований для объединения их в тематические группы, поэтому выбор конкретного основания зависит, в первую очередь, от поставленной задачи исследования [8, с.25]. Источником эмпирического материала послужили словари английских и русских пословиц [9–13], отбор осуществлялся методом сплошной выборки. В соответствии с нашими задачами мы использовали описательный и сопоставительный методы, функционально-стилистический анализ, структурно-синтаксический анализ, однако аспекты анализа тесно взаимосвязаны, на что указал П. Гржибек, отметив тесную взаимосвязь прагматического, синтаксического и семантического аспектов и их свободного слияния [14, с.75]. В сочетании со сравнительным подходом проводимый анализ создаёт более объёмную картину национально-культурного своеобразия пословиц.

1. В ходе анализа мы выделили несколько групп пословиц со значением «предусмотрительность». В первую группу входят пословицы, раскрывающие значение **«предусмотрительность, которая проявляется как неторопливость и обстоятельность в любом деле»**. Приведём примеры: *Haste makes waste* (Спешка приводит к потере); *More haste, less speed* (Больше спешки, меньше скорости); *The slower you go, the farther you get* (Чем медленнее ты двигаешься, тем дальше доберёшься); *The quieter you go, the further you'll be* (Чем спокойнее ты двигаешься, тем быстрее ты доберёшься); *Hasty climbers have sudden falls* (У торопливых скалолазов случаются внезапные падения); *The furthest way about is the nearest way home* (Самая длинная окольная дорога – это самый короткий путь домой); *Slow and steady (sure) wins the race* (Тот, кто действует медленно и постоянно (уверенно), побеждает гонку); *A fool's haste is no speed* (Спешка дурака приводит к нулевой скорости). Приведём также русские соответствия: *Поспешай медленно; Поспешишь, людей насмешишь; Тише едешь, дальше будешь*.

Английские пословицы, в которых говорится о том, что излишняя спешка в любом деле приводит к потерям, представлены значительно шире, чем русские. Синонимическими пословицами в английском языке являются *More haste, less speed* (Больше спешки, меньше скорости), *The slower you go, the farther you get* (Чем медленнее ты двигаешься, тем дальше доберёшься), *The quieter you go, the further you'll be* (Чем спокойнее ты двигаешься, тем быстрее ты доберёшься) *The furthest way about is the nearest way home* (Самая длинная окольная дорога – это самый короткий путь домой). Интересно, что все они построены на разных типах сравнительных оборотов: первая – на сравнительном обороте, в основе которого лежат антонимические формы сравнительной степени (*more*

(haste) – less (speed)), следующие две – на выразительных сравнительных оборотах (*the slower – the farther, the quiter – the further*). Последняя пословица также содержит выразительный сравнительный оборот (*the furthest way – the nearest way*), но в ней противопоставляется превосходная степень прилагательных (суперлатив). Этим пословицам соответствует русская пословица *Тише едешь, дальше будешь*, которая совпадает с английскими по значению, а также по своей синтаксической структуре: так же содержит сравнительный оборот с лексической антонимией (тише едешь – дальше будешь). К этой же семантической группе примыкает другая русская пословица *Поспешай медленно*, которая содержит рекомендацию. Она лаконична, построена на оксюморе (остроумном сопоставлении противоречащих друг другу понятий) и использует архаичную форму глагола (*поспешай*).

Интересно, что в приведённых английских и русских пословицах содержится противопоставление противоречивых понятий. В этом проявляется универсальность человеческого опыта, не зависящая от менталитетов разных народов.

Очень близка к этим пословицам английская пословица *Slow and steady (sure) wins the race* (Тот, кто действует медленно и постоянно (уверенно), побеждает гонку), которая выражает сходное значение, но отличается по своей синтаксической структуре и лексическому наполнению, имеет прозрачную внутреннюю форму. Эта пословица имеет более сложное фразеологическое значение: «быстрое и напористое начало в работе может вызвать проблемы, более медленный и взвешенный подход приводит к лучшим результатам». Вторая часть пословицы, *wins the race*, указывает на жизненные реалии, характерные для англичан, но не встречающиеся в русских пословицах сходного значения. Возможно, здесь мы видим указания на традиционные народные развлечения у англичан, включающие в себя гонки, которые не были популярны в русских народных развлечениях.

Две следующие пословицы, английская *A fool's haste is no speed* (Спешка дурака приводит к нулевой скорости) и русская *Поспешись – людей насмешишь*, сближаются по своей негативной реакции на спешку. В русской пословице эмотивность возникает за счёт пейоративной оценочности (*людей насмешишь*), а в английской пословице – за счёт просторечной формы имени существительного (*a fool's haste* – спешка дурака).

Уникальным образным значением обладает английская пословица *Hasty climbers have sudden falls* (У торопливых скалолазов случаются внезапные падения). Здесь мы видим интересную образную мотивацию: значение ненужности спешки передаётся через конкретные действия людей-скалолазов. Выразительность ещё одной очень популярной английской пословицы этой семантической группы *Haste makes waste* (Спешка приводит к потере) возникает за счёт ёмкости значения и лаконичности языковых средств (компрессии), а также рифмующихся окончаний.

Большинство пословиц данной группы, как мы видим, очень выразительны.

2. Пословицы второй выделенной нами группы выражают значение **«предусмотрительность, которая проявляется как необходимость запастись, иметь что-то про запас»**. Приведём примеры: *What's in the pocket just in case never seems to take up place* (То, что лежит в кармане на всякий случай, кажется, никогда не занимает места); *Keep something for a rainy day* (Откладывай что-нибудь на черный день); *Plenty is no plague* (Много – не бедствие); *Store is no sore* (Запас – не болячка). Приведём также русские соответствия: *Запас кармана не трёт; Запас – не ноша, рук не оттянет; Едешь на день, хлеба бери на неделю*.

Английскую пословицу *What's in the pocket just in case never seems to take up place* (То, что лежит в кармане на всякий случай, кажется, никогда не занимает места) и русскую пословицу *Запас кармана не трёт* роднит то, что семантическим ядром обеих пословиц является лексема «карман», при этом английская пословица представляет собой сложноподчинённое, ритмически организованное предложение с рифмующимися окончаниями. Русская пословица передаёт сходное значение «хранение запаса не помешает» более лаконично. За счёт столкновения и взаимодействия абстрактного слова *запас* и конкретного *карман* возникает дополнительная экспрессия, а глагол *трёт* придаёт пословице разговорный оттенок. В русской пословице *Запас – не ноша, рук не оттянет* мы видим противопоставление обобщённого слова *запас* (*запас* – количество чего-то, заготавливаемого впрок) более конкретному слову *ноша* (груз, переносимый на себе). Разговорную окраску ей придаёт уточняющее словосочетание «рук не оттянет», которое носит разговорный характер. Интересна русская пословица *Едешь на день, хлеба бери на неделю*, выражающая значение «бери в дорогу еду с запасом на случай непредвиденных обстоятельств». По характеру суждения это рекомендация, предписание, а по синтаксическому строю – бессоюзное сложноподчинённое предложение с придаточным условным, которое выражено обобщённо-личным предложением. В ней содержится конкретное слово *хлеб*, которое характеризует основную еду русского человека, который, по справедливому замечанию Сергеевой А.В., традиционно испытывает огромное уважение к хлебу [15, с. 65]. Здесь мы видим приём гиперболы и противопоставления (*день – неделя*). Английская пословица *Keer something for a rainy day* (Откладывай что-нибудь на черный день), выражающая значение «делай запасы на случай тяжёлого времени» по характеру суждения является рекомендацией, выраженной формой повелительного предложения. В ней мы видим использование выражения *rainy day* (дождливый день) в значении «трудные, тяжёлые времена», что связано с климатическими условиями Англии, где дожди идут часто, и трудные времена ассоциируются с плохой погодой. Другие две английские пословицы *Plenty is no plague* (Много – не бедствие) и *Store is no sore* (Запас – не болячка) близки по значению и одинаковы по синтаксической структуре – это простые нераспространённые именные предложения. Обе пословицы выражают значение «запас – это хорошо» через отрицание (*no plague* – не бедствие, *no sore* – не болячка), причём в первой из них «запас» подразумевается имплицитно, через употребление наречия *plenty* (много). Обе пословицы лаконичны и используют оценочные слова, имеющие негативную коннотацию (*plague* – бедствие, *sore* – болячка), за счёт чего возникает экспрессия. Во второй пословице мы также видим рифмующиеся окончания, которые способствуют скорейшему запоминанию.

3. Третья группа содержит пословицы, выражающие значение «предусмотрительность, которая проявляется как необходимость тщательно обдумывать свои действия перед принятием решения». Приведём примеры: *When in doubt do nowt* (Когда сомневаешься – ничего не предпринимай); *Measure thrice and cut once* (Меряй трижды и режь один раз); *Score twice before you cut once* (Просчитай дважды, прежде чем отрезать один раз); *Measure thy cloth ten times, thou canst cut it but once* (Отмерь свою ткань десять раз, так как ты можешь разрезать ее только один раз); *Draw not your bow till your arrow is fixed* (Не натягивай свой лук, пока твоя стрела не закреплена); *Look before you leap* (Смотри прежде, чем прыгать); *Think before you act* (Думай прежде, чем действовать). Приведём также русские соответствия: *Семь раз отмерь, а один раз отрежь*.

Мы видим, что английские пословицы этой группы представлены значительно шире. Пословицы *Look before you leap* (Смотри прежде, чем прыгать) и *Think before you act*

(Думай прежде, чем действовать), выражающие общее значение «перед тем, как действовать, остановись и оцени будущее действие» одинаковы по синтаксической структуре и достаточно выразительны благодаря своей лаконичности. Пословица *Look before you leap* использует более конкретный глагол *leap* (прыгать) по сравнению с более абстрактным глаголом *act* (действовать), который используется во второй пословице, что, безусловно, придаёт ей большую выразительность. Английская пословица *When in doubt do nowt* (Когда сомневаешься – ничего не предпринимай) является простой рекомендацией, в ней нет образного значения, однако использование архаичной формы слова *nowt* (nothing – ничего) указывает на более древнее происхождение, а лаконичность в виде синтаксического сжатия (эллипсиса) [16, с. 801] и рифмующиеся окончания способствуют более быстрому запоминанию.

Наиболее интересна уникальная по образному значению английская пословица *Draw not your bow till your arrow is fixed* (Не натягивай свой лук, пока твоя стрела не закреплена). В ней сходное значение «перед тем, как действовать, убедись, что все необходимые приготовления сделаны» выражается с помощью сложноподчинённого предложения с придаточным времени (*draw not... till...*), при этом пословица содержит лингвокультурную коннотацию. В ней отражены реалии жизни средневековых англичан, которые воевали и охотились на животных с помощью лука и стрел. Характерной особенностью остальных английских и русской пословицы данной группы является противопоставление наречий частотности, образованных от числительных (*twice – once, thrice – once, ten times – once, семь раз – один*), благодаря чему создаётся их особая выразительность. Согласно заключению Алексеевой Т.Е., многие английские пословицы строятся на стилистическом приёме антитезы, когда *one* противопоставляется словам *two, hundred* и другим числительным [17, с. 13]. Данная группа пословиц подтверждает отмеченную закономерность. Все эти пословицы имеют сходную синтаксическую структуру, очень близки по образному значению и образной мотивации, их семантическим ядром является противопоставление глаголов *measure/score* (отмерить/просчитать) – *cut* (отрезать). Пословица *Measure thy cloth ten times, thou canst cut it but once* (Отмерь свою ткань десять раз, так как ты можешь разрезать ее только один раз) отличается от остальных использованием конкретного слова *cloth* (ткань), благодаря чему она представляет собой более наглядную картину. Также эта пословица отличается архаическими грамматическими формами местоимений (*thy – твой, thou – ты*) и модального глагола (*canst – можешь*), что свидетельствует о её более древнем происхождении.

4. Четвёртая группа пословиц выражает значение «предусмотрительность, которая проявляется как необходимость просчитывать ситуацию на будущее». Приведём примеры: *The mouse that has but one hole is quickly taken* (Легко попадает та мышь, у которой только одна нора); *Prevention is better than cure* (Профилактика лучше лечения); *Although the sun shine, leave not thy cloak at home* (Хотя светит солнце, не оставляй свой плащ дома); *It is good to have a cloak for the rain* (Хорошо иметь плащ на случай дождя); *Do not put all your eggs in one basket* (Не кладите все яйца в одну корзину); *Better safe than sorry* (Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть); *Prudence looks before as well as behind* (Предусмотрительность смотрит и вперед и назад). Приведём также русские соответствия: *Предупреждение лучше лечения; Готовь сани летом, а телегу зимой; Храни себя от бед, пока их ещё нет; Кабы знать, где упасть, так соломки бы припасть.*

В этой группе наиболее интересна английская пословица *The mouse that has but one hole is quickly taken* (Легко попадает та мышь, у которой только одна нора). Здесь образ мыши используется в качестве иносказательного отражения поведения

непредусмотрительного человека. С помощью «эзопова языка» эта пословица говорит о том, что предусмотрительному человеку всегда нужен запасной вариант действий, при этом подразумевается, что такая предусмотрительность может продлить жизнь. В других двух английских пословицах *Although the sun shine, leave not thy cloak at home* (Хотя светит солнце, не оставляй свой плащ дома) и *It is good to have a cloak for the rain* (Хорошо иметь плащ на случай дождя) семантическим ядром является слово *cloak* (плащ). Первая пословица представляет собой сложноподчинённое предложение со значением уступки, вторая часть представляет собой повелительное предложение. Вторая пословица – это простая констатация факта, поучение, выраженное в форме безличного предложения. Выразительность обеим пословицам придаёт упоминание погодных явлений (*sun shine* – светит солнце, *rain* – дождь), т.е. связь с погодой, климатическими условиями, которые в Англии отличаются непредсказуемостью. Русская пословица *Готовь сани летом, а телегу зимой* также содержит рекомендацию относительно действий в конкретное время года. По синтаксической структуре она представляет собой сложносочинённое предложение, состоящее из двух побудительных предложений с пропуском сказуемого во втором предложении. Выразительность достигается за счёт противопоставления, выраженного лексической антонимией (*летом* – *зимой*), а также использования лексики, связанной с крестьянским бытом (*сани, телега*). Уникальна по оттенку образного значения английская пословица *Do not put all your eggs in one basket* (Не кладите все яйца в одну корзину), также представляющая собой поучение в форме побудительного предложения. Обобщённое значение «необходимо просчитывать свои действия на будущее» здесь передаётся за счёт конкретных действий, связанных с крестьянским бытом. Семантическим центром русской пословицы *Храни себя от бед, пока их ещё нет* является оценочное слово *беда*, которое указывает на тяжёлый крестьянский труд. Английская пословица *Better safe than sorry* (Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть) очень лаконична и выразительна за счёт синтаксического сжатия, которое позволяет акцентировать внимание на именах прилагательных. В её основе лежит сравнительный оборот. Русская пословица *Кабы знать, где упасть, так соломки бы припасть* по форме представляет собой сложноподчинённое предложение условного типа с архаическим союзом *кабы*, содержит слово с суффиксом-димиутивом (*соломка*) и архаический глагол в форме инфинитива (*припасть*), что придаёт ей разговорный характер. Пословица отражает реалии крестьянского быта. Несмотря на то, что английская пословица *Prudence looks before as well as behind* (Предусмотрительность смотрит и вперед и назад) по форме представляет собой афоризм, поучение, она достаточно экспрессивна благодаря олицетворяющей метафоре, которая представляет очеловечивание абстрактных понятий. Также в этой пословице используется лексическая антонимия *before* – *behind* (вперёд – назад).

5. Ещё одну группу составляют пословицы, выражающие значение **«предусмотрительность, которая проявляется как необходимость рассчитывать прежде всего на себя самого»**. Приведём примеры: *God helps those who help themselves* (Бог помогает тем, кто сам себе помогает); *God takes care of those who take care of themselves* (Бог заботится о тех, кто заботится о себе сам); *Бог-то бог, да и сам не будь плох; На бога надейся, а сам не плошай; Береженого бог бережет*.

Две английские пословицы этой группы практически идентичны по своему значению, но используют разные глаголы, *takes care* (заботится) и *helps* (помогает). Русские пословицы очень близки по фразеологическому значению английским пословицам, однако русские пословицы более экспрессивны. По синтаксической структуре они представляют собой побудительные предложения. Первая пословица *Бог-то бог, да и сам не будь плох* построена на антитезе (*бог* – *сам*), в ней используется разговорный

союз *да* в противительном значении. Её выразительность достигается за счёт неполноты первого предложения в составе сложносочинённого предложения, повтора слова *бог* и за счёт рифмующихся окончаний (*плох – бог*). Всё это придаёт пословице разговорную окраску. Разговорную окраску другой русской пословице *На бога надейся, а сам не плошай* придаёт архаичная форма «не плошай» («плошать» в значении совершить промах, ошибку). Здесь интересно, что полностью совпадающие значения пословиц в русском и английском языке выражаются разными языковыми средствами, присущими разным языкам. Другая пословица *Бережёного бог бережет* представляет собой изречение. Она не очень образна, но за счёт приёма тавтологии двух грамматических форм, причастия и глагола (*бережёного – бережёт*), обладает выразительностью.

6. В следующую группу входят пословицы, в которых даётся общая оценка осторожности как положительного качества. Эти пословицы реализуют значение **«предусмотрительный человек должен проявлять осторожность»**. Приведём примеры: *One cannot be too careful* (Невозможно быть слишком осторожным); *There is safety in numbers* (Безопасность - в большом количестве); *Discretion is the better part of valour* (Осторожность – лучшая часть доблести); *Caution is the parent of safety* (Осторожность – родитель безопасности). Приведём также русские соответствия: *Осторожность – мать безопасности; Осторожного коня и зверь не берет; Добрая наседка одним глазом зерно видит, а другим коршуна; В горестные дни нужна твёрдость, в радостные – осторожность.*

Английская и русская пословицы *Caution is the parent of safety* (Осторожность – родитель безопасности) и *Осторожность – мать безопасности* очень близки по образному значению, но имеют разное лексическое наполнение. Эти две структурно идентичные пословицы строятся на именных предложениях. Что касается расхождения в значении, то в русском языке *осторожность* соотносится с *матерью*, а в английском – *caution* (осторожность) соотносится с *parent* (родитель) – гендерно неопределённым обобщающим словом. Исследователи гендерного признака феминности в английских и русских пословицах Сайдашева Э.А. и Нургалиева Л.А. в своей работе показывают большую роль и почитание матери в русской культуре по сравнению с английской [18, с. 149]. В английской пословице *Discretion is the better part of valour* (Осторожность – лучшая часть доблести) присутствует новый оттенок значения: «осторожность, благоразумие является неотъемлемой частью доблести, а доблесть неразрывно связана с военным делом». Эта пословица имеет древнее происхождение, восходя к средневековью, когда англичане много воевали. Сходное значение с дополнительным оттенком «осторожность необходима даже в бытовых обстоятельствах» имеет русская самобытная пословица *Добрая наседка одним глазом зерно видит, а другим коршуна*. Эта пословица уникальна по своей образной мотивации и связана с крестьянским бытом. Обобщённое значение она передаёт в наглядной форме за счёт аллегории, описания повадок животного, где домашняя мирная птица (наседка) противопоставляется дикой и агрессивной птице (коршуну). Экспрессия этой пословицы создаётся за счёт лексического противопоставления (*одним глазом – другим*), эллипсиса во второй части пословицы. Слово «добрая» используется в архаическом значении «хорошая». Всё это придаёт пословице народно-разговорное звучание. Английская пословица *There is safety in numbers* (Безопасность - в большом количестве) имеет русский аналог *Согласного стада и волк не берет*, эти пословицы связывают безопасность с коллективизмом, выражая значение «коллектив эффективно противостоит опасности». В английском языке об этом говорится практически напрямую, а в русском – аллегорически, через сопоставление коллектива со *стадом*, а опасности – с *волком*. В более раннем исследовании мы отмечали, что пословицы, обращающие внимание на

объединение и взаимопомощь как характерную черту человеческого сообщества, широко представлены в обоих языках [19, с.307], однако для данного исследования мы выбрали пословицы, повествующие о коллективизме непосредственно в контексте безопасности. Ещё одна русская пословица *В горестные дни нужна твёрдость, в радостные – осторожность* переносит акцент в другую плоскость: пословица предупреждает о необходимости сохранять бдительность не только в трудной и опасной ситуации, но и в спокойной и благоприятной. Эта русская пословица достаточно афористична, носит книжный характер, использует абстрактную лексику. В основе её лежит прием антитезы на базе лексической антонимии (*горестные дни – радостные дни*) и контекстуальной антонимии (*твёрдость – осторожность*). *Осторожность* здесь употребляется в контексте противопоставления *горестным дням*. Слово *горестное* имеет пейоративную оценочность и свидетельствует о тяжёлой участи русского крестьянства.

7. Следующая группа содержит пословицы, в которых также говорится о предусмотрительности в форме осторожности. Пословицы с этим значением носят более конкретный характер и выражают значение **«не провоцируй конфликтные ситуации, если их можно избежать»**. Приведём примеры: *Don't trouble trouble until trouble troubles you* (Не доставляй неприятностей, пока неприятности не беспокоят тебя); *Let sleeping dogs lie* (Пусть спящие собаки лежат). Приведём также русские соответствия: *Не буди лихо, пока оно тихо; На рожон не лезь; Не дразни собаку, так не укусит; Не ищи приключений на свою голову.*

Английская пословица *Don't trouble trouble until trouble troubles you* (Не доставляй неприятностей, пока неприятности не беспокоят тебя) и русская *Не буди лихо, пока оно тихо* идентичны по своему значению и образной мотивации, однако отличаются языковыми средствами и приёмами выразительности. Как английская, так и русская пословицы построены на олицетворяющей метафоре, которая опредмечивает абстрактные понятия *trouble* (неприятность) и *лихо* (в значении «зло») путём соединения с конкретными глаголами *trouble* (беспокоить) и *буди*, соответственно. В английской пословице выразительным приёмом является тавтология, обыгрывание форм существительного и глагола, которое является следствием конверсии (языковое явление, когда одно и то же слово может выступать как существительное и как глагол). Выразительность русской пословицы усиливается за счёт лаконичности, использования устаревшего просторечного слова *лихо* и рифмующихся слов (*лихо – тихо*). Также близки по фразеологическому и образному значению следующая пара пословиц, английская *Let sleeping dogs lie* (Пусть спящие собаки лежат) и русская *Не дразни собаку, так не укусит*. Семантическим ядром в обеих пословицах является зооним «собака», однако лексическое наполнение этих пословиц отличается: английская пословица содержит причастие *sleeping* (спящие) и глагол *lie* (лежать), русская – глаголы *не дразни, не укусит*. В обеих пословицах основным приёмом выразительности является использование зоонимов *dogs/собака*. Сходное значение выражает ещё одна русская пословица *Не ищи приключений на свою голову*, в которой *приключение* в значении «рискованное предприятие» имеет негативную окраску. Выразительность этой пословице придаёт приём метонимии с использованием соматизма *голова*. В современном русском языке эта пословица приобрела более грубую и ироничную форму за счёт подмены соматизма. В русской пословице *На рожон не лезь* мы видим устаревшее просторечное слово *рожон* в значении «кол», которое придаёт пословице грубоватый разговорный оттенок. Пословица, несмотря на использование устаревшего слова, активно используется и в современной русской речи.

8. Рассмотрим следующую группу пословиц, в которых предусмотрительность также

проявляется более конкретно. Эти пословицы выражают значение **«необходимо учитывать пагубные последствия своих неразумных действий»**. Приведём примеры: *Don't cut the bough you are standing on* (Не руби сук, на котором стоишь); *Don't make a rod for your own back* (Не делай прута для своей спины); *Don't rock the boat* (Не раскачивай лодку); *Don't bite the hand that feeds you* (Не кусай руку, которая тебя кормит). Им соответствуют русские пословицы: *Не руби сук, на котором сидишь; Вырубил дубину на свою спину*.

Английская пословица *Don't cut the bough you are standing on* (Не руби сук, на котором стоишь) и русская *Не руби сук, на котором сидишь* структурно идентичны и выражают сходное значение «не вреди своими действиями самому себе». Обе пословицы являются сложноподчинёнными предложениями с придаточным определительным, которые определяют слово «сук», разница касается небольших лексических расхождений: *stand* (стоишь) – *сидишь*. Английская пословица *Don't bite the hand that feeds you* (Не кусай руку, которая тебя кормит) представляет собой афоризм и глубокое наблюдение, и по своей синтаксической структуре сходна с предыдущими пословицами. Похожее значение «не создавай проблемы самому себе» имеют английская пословица *Don't make a rod for your own back* (Не делай прута для своей спины) и русская *Вырубил дубину на свою спину*, которые сходны по образному значению и используемой лексике. В обеих пословицах используется соматизм «спина», однако они отличаются по своей синтаксической структуре. Английская пословица выражена предложением в форме императива, тогда как русская пословица представляет собой утвердительное предложение в прошедшем времени, что придаёт ей большую выразительность. Большую экспрессию русской пословице придаёт употребление разговорного слова *дубина*, которое имеет оценочное коннотативное значение, а также использование рифмующихся слов (*дубину – спину*).

9 . Рассмотрим последнюю группу пословиц, которые содержат предостережение о **конкретной опасности, которой можно избежать**. Приведём примеры английских пословиц: *Beware of a silent dog and still water* (Берегись молчащей собаки и стоячей воды); *Beware of a silent man and a dog that does not bark* (Опасайся молчаливого человека и собаки, которая не лает); *Take heed of the snake in the grass* (Остерегайся в траве змеи); *Don't play with fire* (Не играй с огнем). Приведём также русские соответствия: *Не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит да хвостом виляет; В тихом омуте черти водятся; Тих, да лих; Не отогревай змею на груди; Не играй с огнём*.

Две пословицы этой группы, английская *Don't play with fire* (Не играй с огнем) и русская *Не играй с огнём* представляют собой полные эквиваленты. Обе пословицы представлены в виде кратких поучений, выражающих значение «не относись легкомысленно к потенциально опасной ситуации». Английская пословица *Take heed of the snake in the grass* (Остерегайся в траве змеи) и русская пословица *Не отогревай змею на груди* выражают значение «необходимо опасаться коварных и вероломных людей». Эти пословицы объединяет общая лексема «змея», которая в обоих языках «подразумевает коварного, хитрого и/или злого человека» [20, с.146]. Английская пословица представляет собой наблюдение, выраженное в форме рекомендации, и восходит к латинскому высказыванию *Latet anguis in herba* – Таится змея в траве. Экспрессивность русской пословицы усиливается за счёт большей конкретизации, использования соматизма *на груди*, когда *согреть* (холодную) *змею на груди* означает «приблизить к себе, оказать доверие коварному человеку». Остальные пословицы этой группы выражают общее значение «необходимо опасаться угрозы от тихих, безобидных на первый взгляд источников». Образы *silent dog/dog that does not bark* (тихой

собаки/собаки, которая не лает), *silent man* (молчаливого человека), *still water* (стоячей воды) в английских пословицах и образ собаки, которая *молчит да хвостом виляет* и *тихого омута* в русских пословицах олицетворяют собой опасность из безобидного на вид источника. Английская пословица *Beware of a silent dog and still water* (Берегись молчащей собаки и стоячей воды) выразительна за счёт сближения явлений живой (*silent dog*) и неживой (*still water*) природы, выраженных однородными членами предложения. Русская пословица *Не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит да хвостом виляет* более выразительна за счёт средств разговорного синтаксиса, рифмы, а также за счёт большей конкретизации: более наглядно представляется собака, внушающая доверие, за счёт указания конкретных повадок (хвостом виляет). Ещё одна русская пословица *Тих, да лих* выражает близкое значение «тихий человек может оказаться злым» в очень лаконичной форме. Она состоит из двух односоставных, нераспространённых, неполных предложений, состоящих из одних предикатов. В ней используются формы кратких прилагательных в качестве лексических антонимов. Слово *лих* употребляется в архаическом значении «злой». Рифмующиеся окончания *тих – лих* усиливают выразительность пословицы и способствуют её запоминанию.

В ходе проведённого нами структурно-семантического анализа были выявлены следующие значения английских и русских пословиц, связанных с предусмотрительностью и осторожностью. Нами были проанализированы пословицы, повествующие о необходимости действовать неторопливо и обстоятельно: о необходимости делать запасы, чтобы пережить трудное время; о необходимости тщательного обдумывания действий перед принятием решений и просчитывания ситуации на будущее, о необходимости полагаться прежде всего на свои силы; о необходимости проявлять осторожность вообще, о необходимости не провоцировать конфликтных ситуаций, которых можно избежать; о необходимости учитывать пагубные последствия неразумных действий и, наконец, о конкретных ситуациях, в которых надо остерегаться опасности. Общность основных значений пословиц, однако, допускает отличия, а также уникальность отдельных значений. И русские, и английские пословицы этой группы содержат лингвокультурные коннотации, связанные с особенностями климатических условий, условий труда, быта, крестьянской жизни. Так, мы отметили наличие конкретного значения «в дорогу нужно хлеб брать с запасом» в русской пословице, что подтверждает особую роль хлеба в русской культуре. Трудные времена, ради которых делаются запасы, в русском языке метафорически осмысляются как «чёрный день», а в английском – как «дождливый», что указывает на особенности климата в Англии. Интересна соотнесённость слова «осторожность» с образом матери в русской и с более нейтральным обобщающим образом родителя в английской пословице. Это свидетельствует о более тесной связи русского человека с матерью.

В ходе анализа было выявлено, что английские и русские пословицы очень схожи не только по значению, но и по использованию одинакового типа синтаксических структур и выразительных средств. По синтаксической структуре английские и русские пословицы очень разнообразны: они представлены разными типами предложений от сложноподчинённых с придаточными разного типа (придаточные времени, уступки, условные и определительные придаточные) и сложносочинённых предложений до простых нераспространённых неполных предложений. Очень часто встречаются побудительные предложения, так как пословицы передают напутствие, совет. В пословицах используются такие средства экспрессивного синтаксиса, как параллелизм, повторы, выразительные сравнительные обороты, синтаксическое сжатие (эллипсис, бессоюзие, стяжение, компрессия, неполные предложения). Наиболее общими приёмами выразительности являются антитеза (противопоставление), сравнение, в пословицах

обоих языков встречается оксюморон, тавтология, часто используется аллегория, метафора, в том числе и олицетворяющая метафора. Нами выявлена закономерность: в каждой из представленных тематических групп пословиц есть близкие по значению пословицы, не являющиеся эквивалентами, которые используют и одинаковые синтаксические структуры, и одинаковые приёмы выразительности, отличаясь при этом своим лексическим наполнением. Сходства связаны с универсальностью человеческого мышления, сходством образно-ассоциативных связей, различия же обусловлены особенностями быта, традиций, климатических условий. Что касается лексики, то как в английских, так и в русских пословицах употребляется оценочная лексика, чаще с отрицательно-оценочной окраской (*sore, fool, plague, беда, горестные, дубина*). Следует подчеркнуть, что в русском языке лексика более экспрессивна и эмоциональна за счёт употребления слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*соломка*), употребления просторечия, иногда грубого (*на рожон*), а также более конкретной и наглядной лексики. В этой тематической группе даже среди английских пословиц значительно меньше пословиц-афоризмов и больше пословиц, вышедших из народной среды, где представлена бытовая лексика и лексика, связанная с крестьянским бытом (*eggs, basket, bow, arrow, cloth, boat, pocket, rod, сани, телега, волк, стадо, наседка, коршун*), а также больше аллегорических пословиц с использованием зоонимов (*dog, snake, собака, змея, волк, стадо, коршун, наседка, конь, зверь*), встречаются архаизмы (*nowt, canst, thou, thy, кабы, припасть*), что свидетельствует о более древнем происхождении этих пословиц, содержащих заветы предков. В английских пословицах гораздо чаще используется лексика, связанная с погодными условиями (*sun shine, rain, rainy day*), а в русских пословицах чаще используются соматизмы (*back, спина, голова, на груди*).

Несмотря на то, что общая часть значений, а также используемые синтаксические структуры, лексические компоненты и средства выразительности в пословицах обоих языков достаточно близки, имеющиеся отличия указывают на своеобразную специфику мышления, отражающую национальные особенности, коренящиеся в истории, культуре и условиях жизни данных народов.

Библиография

1. Воропаева В.А. Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий, выражающих толерантность: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва, 2007. 23 с.
2. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (От миропонимания к миропониманию) / В.Н. Телия // Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 30–69.
3. Mieder W. «Proverbs Speak Louder Than Words»: Folklore Wisdom in Art, Culture, Folklore, History, Literature and Mass Media. Peter Lang Publishing, Inc., NY, 2008, p. 357.
4. Degener A. Family relationships in proverbs from Northern Pakistan // Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship. Vol. 39, 2022. С. 1–28.
5. Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. №3. С. 6–20.
6. Левин Ю.И. Провербиальное пространство // Паремиологические исследования: Сб. статей. М., 1984. С. 108–126.
7. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
8. Семененко Н.Н. Тематический принцип паремиографии в свете современной

- лингвокогнитивистики // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН / Под ред. М.Г. Абрамзона. Вып. 2 (24). М. – Магнитогорск – Новосибирск: Изд-во ООО «Аналитик»; тип. МГПК, 2009. С. 23–27.
9. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Русский язык Медиа, 2009. 814 с.
  10. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. 534 с.
  11. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М.: Рус.яз. – Медиа, 2005, 467 с.
  12. Longman Contemporary English Dictionary. Harlow (GB): Longman, 2001. 1668 с.
  13. Smith W.G. The Oxford dictionary of English proverbs. Oxford, 2008. 625 с.
  14. Grzybek P. Semiotic and Semantic Aspects of the Proverb // Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship. Vol. 38, 2021. p. 67–124.
  15. Сергеева А.В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2010. 320 с.
  16. Мустафина А.Р. Структуры синтаксического сжатия в английских пословицах // Вестник Башкирского ун-та. 2009. Т. 14. № 3. С. 801–805.
  17. Алексеева Т.Е. Английские пословицы с компонентами-числительными: структурно-семантический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 6–17.
  18. Сайдашева Э.А., Нургалиева Л.А. Сопоставительный анализ передачи гендерного признака фемининности в английских и русских пословицах и поговорках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10(64). Ч. 3. Тамбов: Грамота, 2016. С. 144–150.
  19. Orlova T.G. The Implementation of the Conception of Friendship on the Basis of Comparative Structural-semantic Analysis of English and Russian Proverbs. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11, 2. С. 301–318.
  20. Горшунов Ю.В. Зооморфные метафоры, обыгрывающие коварство, двуличие и лицемерие человека, в русской и английской лингвокультурах // Вестник Башкирского ун-та. 2021. Т. 26. № 1. С. 144–150.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Структурно-семантические особенности и национальная специфика английских и русских пословиц со значением «предусмотрительность», «осторожность», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к проведению сравнительных исследований на материале русского и английского языков, а также данное направление является одним из приоритетных направлений современных лингвистических исследований является изучение соотношения мышления, языка и культуры, а также способов отражения реальности, характерных для того или иного народа.

В рамках рецензируемой работы проведен сопоставительный структурно-семантический анализ пословиц английского и русского языков со значением «предусмотрительность», «осторожность».

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых

в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В статье представлены результаты исследования в форме диаграмм с количественными показателями, что визуально облегчает восприятие данных читателем. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Источником эмпирического материала послужили словари английских и русских пословиц (5 источников), отбор осуществлялся методом сплошной выборки.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на английском языках.

В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов. Традиционно работы на иностранном языке размещаются после трудов на русском языке.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, практике английского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества, а также теории русского языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Структурно-семантические особенности и национальная специфика английских и русских пословиц со значением «предусмотрительность», «осторожность» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Папченко А.Ю. — Об актуальных тенденциях развития языкового конфликта в Каталонии // Litera. — 2023. — № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40954 EDN: OREGBF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40954

Об актуальных тенденциях развития языкового конфликта в Каталонии

Папченко Анна Юрьевна

кандидат филологических наук

преподаватель, кафедра иберо-романского языкознания, Московский Государственный
Университет имени МВ.Ломоносова119991, Россия, Москва, г. Москва, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ),
филологический факультет✉ aanxen@yandex.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.6.40954

EDN:

OREGBF

Дата направления статьи в редакцию:

08-06-2023

Аннотация: Непростое сосуществование на территории Автономного Сообщества Каталонии (АСК) в Испании каталанского и испанского языков, которое может быть охарактеризовано как конфликт, в последние десятилетия принял новые формы, что особенно заметно на примере молодого поколения, родившегося уже после «демократического транзита». Систематизация данных социологических опросов показывает, что, будучи продуктом каталано-ориентированной системы образования в АСК (с 1978 г.), нынешняя каталонская молодежь характеризуется высокой степенью испанско-каталанского билингвизма, причем это не односторонний процесс среди каталаноязычных молодых людей, а обоюдный, хотя и не полностью симметричный. Эта «билингвизация» стала новым инструментом решения языкового конфликта на индивидуальном уровне (отказ от выбора одного из языков в пользу другого), что снижает его напряженность, но в очередной раз ставит под вопрос социальное доминирование каталанского языка. Статья посвящена актуальной теме языкового конфликта в Каталонии и выполнена на новом и неизвестном в России материале о языковом поведении каталонской молодежи. Используются актуальные статистические данные, позволяющие проследить динамику конфликта и описать современные

тенденции его развития. Анализ языковой ситуации в Каталонии осуществлен в статье с привлечением данных социолингвистических опросов, что позволяет сместить традиционный фокус исследования для более комплексного взгляда на интересующую проблематику. Сама же эта проблематика представляет чрезвычайный интерес для российской иберо-романистики, поскольку является крайне мало изученной и одновременно в высшей степени актуальной.

Ключевые слова:

языковой конфликт, каталанский язык, языковая политика, языковое поведение, билингвизация молодежи, языковая идентичность, каталонская система образования, языковой контакт, диглоссия, билингвизм

Языковым конфликтом принято считать столкновение между языковыми сообществами (общностями) людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком [\[4\]](#). В широком смысле термин «языковой конфликт» учитывает, помимо собственно языкового, его политическое, социальное и культурное измерение.

Предпосылкой для использования этого термина применительно к ситуации в автономном сообществе Каталония (АСК) Испании является представление о том, что существование разноязычных групп населения в рамках одной юрисдикции, то есть одного государства, неизбежно приводит к той или иной форме борьбы между языками, соревнования за собственное пространство, а иногда и гегемонию. В этой борьбе неизбежно возникают непонимания и несправедливости, которые нередко выливаются в конфликт политический, как это происходит в Каталонии. Недаром именно для описания отношений между каталанским и испанским был впервые употреблен термин «языковой конфликт» Л. Арасилем в 1965 г. в докладе «Языковой конфликт и языковая нормализация в новой Европе» [\[5\]](#).

В этом контексте то, что У. Вайнрайх называет «языковым контактом», является проявлением «индивидуалистического» подхода, поскольку «местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком» [\[3, с. 22\]](#), и интерпретируется на уровне государства как ситуация, в которой, тем не менее, наличествуют элементы конфликта, могущего, безусловно, иметь разную степень интенсивности – от латентного до активного. Собственно латентная фаза конфликта, то есть, «поддержание статуса-кво, при котором сложившееся соотношение сил не подвергается обсуждению» [\[13, с. 96\]](#) устанавливается при наличии определенной степени толерантности в вопросе связи идентичности говорящих и языка. Такая тенденция к деконфликтации через модификацию идентичности может проявляться в билингвизации говорящих в зоне конфликта в отсутствие дестабилизирующих факторов – условие, которое не исполняется в случае с Каталонией, в первую очередь, в силу политического противостояния автономии с центром, в том числе и в первую очередь, по вопросу языковой политики.

Как известно, в многоязычных государствах с федеративным устройством глобальная языковая политика может быть устроена двумя способами. Первый – это когда в Конституции одновременно признаются государственными несколько языков с равными правами, как в Канаде, Швейцарии или Бельгии. Второй способ заключается в конституционном признании государственным одного языка, в то время как все полномочия по определению и осуществлению региональной языковой политики

передаются субъектам федерации. Это случай Испании, где в Конституции [\[6\]](#) в качестве «официального языка Испанского государства (*la lengua oficial del Estado*) упоминается только испанский язык. В статье 3.2 документа сказано, что «другие языки Испании также являются официальными в автономных сообществах в соответствии с их статутами».

С одной стороны, это позволяет испанским автономным сообществам проводить независимую языковую политику, но с другой это же позволяет ее постоянно оспаривать в связи с недостаточной юридической ясностью в отношениях между Конституцией и законодательством субъектов в вопросе языка. Так, только в Конституционном суде Испании ожидают решения десятки связанных с употреблением языков в Каталонии дел, которые с каждым годом становятся все сложнее [\[21\]](#).

Если в 80-90х годах прошлого века, после принятия Конституции 1978 года, которая возродила конституционное признание языкового разнообразия Испании после десятилетий его преследований со стороны франкизма, Конституционный суд Испании (КСИ), в основном, поддерживал процессы языковой нормализации в автономных сообществах, то начиная с 2000 года, с приходом к власти Народной партии (*Partido Popular*), которая продвигала доктрины «конституционного патриотизма», а также призывала к сокращению автономии регионов [\[1\]](#), эти процессы встречают ожесточенное сопротивление центра.

Переломным юридическим событием в этой смене парадигмы стало решение КСИ 31/2010 о Статуте автономии Каталонии, которое, в частности, признало неконституционным «предпочтительное» использование каталанского языка «в работе органов общественного управления и средств массовой информации Каталонии», а также «в образовательной системе» [\[11\]](#). Иными словами, именно в тех сферах, в которых, согласно концепции лингвистической справедливости, сформулированной бельгийским философом Филиппом ван Парайсом [\[19, 20\]](#), может и должен осуществляться ее основной принцип - лингвистической территориальности. Суть его как раз заключается в том, что этот единственный принцип, способный обеспечить равные права разным языкам, предполагает наличие некоторой территории (в данном случае АСК), где один из языков будет доминирующим во всех сферах, в первую очередь в сфере образования и публичной коммуникации, то есть языка административных институций в широком смысле: от судов, государственных СМИ, законодательных актов и представительных органов до вывесок в общественных местах.

Ван Парайс отмечает, что если данные сферы не будут принудительно использовать язык, в сохранении которого заинтересованы те или иные группы, то на него будут действовать одновременно две коррозионные силы, противостоять которым тяжело, если не невозможно: одна – сверху, то есть давление со стороны сфер образования и государственного общения, а другая – снизу, со стороны самих носителей, которые склонны проявлять в таких ситуациях излишнюю «любезность», согласно тезису французского политолога Жана Лапонса - «чем любезнее люди, тем коварнее языки» [\[14\]](#). Лапонс имеет в виду, что когда выбор языка зависит от доброй воли говорящих, то не обслужить, например, на почте человека, который обратился не на том языке, значит поступить не любезно. Но проявляя любезность, говорящий еще сильнее ослабляет и так более слабый язык, поэтому в таких случаях удобнее сослаться на закон, который предписывает предоставлять определенные услуги или осуществлять определенную деятельность на определенном языке.

В этом смысле решение КСИ 31/2010, по мнению Жауме Вернета, специалиста по языковым правам, означало не только утрату «исторической возможности смягчить латентный конфликт в отношениях между Каталонией и Испанией», но, напротив, спровоцировало «новый, далеко идущий политический конфликт с непредсказуемыми политическими последствиями, по той причине, среди прочих, что Конституционный суд, забыв о своей роли нейтральной стороны, принял сторону доминирующего языка» [\[21, с. 87\]](#).

Особую роль в данном случае играет именно вопрос о языках в системе образования. Как отмечает Морено Кабрера [\[16\]](#), доминирование одного языка над другим имеет более одного измерения. Так, в случае с испанским в АСК, оно не только социальное, но и компетентностное (*competencial*), поскольку уровень владения грамматикой каталанского в Каталонии у значительной части населения ниже, чем грамматикой испанского. Эти измерения взаимосвязаны: для социального доминирования необходимо компетентностное, соответственно любые попытки изменить существующий баланс языковых компетенций – например, вводя изменения в систему образования, – воспринимается доминирующим языком как нападение, требующее защиты от его «дискриминации».

Именно поэтому благоприятная для каталанского образовательная модель языкового погружения (*immersió lingüística*), принятая в сфере образования АСК, стала объектом ожесточенных нападков со стороны центрального правительства Испании. Суть модели заключается в том, что каталанский язык используется как первый и единственный язык обучения (*lengua vehicular*) на всех ступенях, а испанский (и другие языки) преподается как дисциплина. Внедрение такого подхода юридически началось с Королевского указа 2092/1978, который сначала сделал обязательным изучение каталанского языка в качестве предмета, и продолжилось с принятием Закона 7/1983 о языковой нормализации, одобренного парламентом Каталонии всего лишь при двух голосах против (подробнее об этом: [\[15\]](#)).

Данная языковая политика в сфере образования сразу принесла положительные результаты: за пять лет с 1981 по 1986 гг. доля понимающих каталанский язык в АСК выросла с 79,8% до 90,3%, а за следующие 10 лет (1986–1996 гг.) она достигла 95,0%. За эти же годы доля говорящих на языке выросла с 64,0% до 75,3%, умеющих на нем читать – с 60,5% до 72,4%, писать – с 31,5% до 45,8%. В дальнейшем, несмотря на новые волны иммиграции в АСК, показатели устного владения сохранились, а письменного улучшились. По данным переписи населения 2011 г. понимают каталанский язык 95,1% населения, умеют говорить на нем 73,1%, читать – 78,7% и писать – 55,7%. [\[12\]](#)

При этом, согласно опросам, в том числе, проводящимся в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (*Programme for International Student Assessment, PISA*), которая предназначена для оценки функциональной грамотности школьников в разных странах мира и умения применять знания на практике, каталонские школьники показывают такие же результаты во владении испанским языком, что и школьники одноязычных автономных сообществ Испании [\[22\]](#). Таким образом, уровень владения испанским языком, получаемый школьниками в каталонской системе образования, не страдает от того, что обучение ведется на каталанском. Этот многократно подтвержденный международным научным сообществом факт [\[18, 8 и др.\]](#) не помешал Верховному суду Испании объявить 23 ноября

2021 года о вступлении в законную силу решения, согласно которому в школах должны проводиться не менее 25% занятий на испанском языке [\[10\]](#).

Политическое, юридическое и социальное обострение языкового конфликта ставит под вопрос не только будущее «программы погружения», которая является результатом языковой политики, проводимой правительством АСК, но и так называемых «низовых» процессов, которые спонтанно происходят в каталонском обществе на протяжении последних 30 лет и играют не менее значимую роль, чем языковые политики, проводимые правительством. Среди таких процессов наиболее значимым можно назвать те, которые происходят в среде молодежи, поскольку именно молодое поколение своим языковым поведением определяет, в конечном итоге, любой процесс ревитализации и/или нормализации миноритарных языков [\[2\]](#).

В Каталонии процесс нормализации каталанского с самого начала сопровождался явлением, которое в известном смысле противоречит ее глобальным задачам, а именно, повышение пассивных языковых компетенций школьников в каталанском языке приводило не к увеличению, а к сокращению сфер его использования [\[9\]](#). Этот процесс получил название «латинизации» или «ирландизации» каталанского по аналогии с гэльским в Ирландии, где из более полутора миллиона носителей, им пользуются не более 300 тысяч.

Ракель Казесновес Феррер подробно проанализировав [\[9\]](#) результаты социолингвистических исследований с 1986 по 2011 годы, делает однозначный вывод о том, что уровень владения каталанским среди молодежи не только неуклонно возрастал на протяжении 25 лет, но и всегда был выше среднего по сравнению с остальными группами населения, особенно в том, что касается формальных аспектов – чтения и письма на каталанском. Кроме того, на основании собственного исследования языкового поведения молодых (от 15 до 29 лет) образованных каталонцев – студентов Центрального университета Барселоны, проведенного в 2013-2014 гг., Казесновес продемонстрировала, что уровень владения каталанским не зависит от родного языка опрошенных. То есть, студенты, для которых родным языком и языком домашнего общения является испанский, владеют каталанским на том же уровне, что и изначально каталаноговорящие студенты, что, очевидно, является следствием получения ими школьного образования по модели языкового погружения.

Что касается предпочтительного использования каталанского (*«solo catalán o más catalán que castellano»*), показатели социолингвистических опросов с 2003 по 2013 год свидетельствуют, что оно снижалось во всех группах населения, но особенно активно именно среди молодежи. Примечательно, что это происходило не в формальных сферах общения, таких как поход в банк, ко врачу, в торговый центр, а, наоборот, в кругу семьи, со знакомыми и друзьями, то есть, в контекстах наименее подверженных влиянию государственной языковой политики. Исследование языкового поведения студентов показало при этом, что вне зависимости от того, какой язык для них является родным – испанский или каталанский, – все информанты следуют одинаковой модели при выборе языка общения в той или иной ситуации. Таким образом, Казесновес делает вывод, что за три десятилетия осуществления языковой политики по нормализации каталанского языка повышение языковой компетенции в каталанском среди молодежи не привело к его большему использованию. При этом, наблюдается более высокая степень билингвизации каталанской молодежи.

Как отмечает французская исследовательница Кристель Бюрбан [\[7\]](#), эта на первый

взгляд парадоксальная ситуация свидетельствует не столько о неудаче языковой политики в отношении каталанского, сколько о переходе языкового конфликта в другую ипостась, связанную как раз с расширением языковой идентичности каталаноговорящих жителей АСК. Во время франкистской диктатуры позиция каталаноговорящих в Каталонии была резко оппозиционной по отношению к любым языкам иммигрантов, в первую очередь, испаноговорящих. Доступ этих последних к каталанскому языку был ограничен как технически – отсутствием инструментов для обучения, так и языковым барьером, воздвигавшимся, сознательно или нет, каталаноговорящими. Это привело к ситуации резкой диглоссии между традиционно каталаноговорящей верхушкой каталанского общества и испаноговорящим населением региона. Граница между этими группами была практически непроницаемой, что способствовало сохранению языковой гомогенности внутри каждой из групп.

С приходом демократии смена курса на обеспечение доступа к каталанскому для всех должна была разрушить эту границу и способствовать интеграции испаноговорящего населения Каталонии в новую политико-социальную реальность региона. Чтобы снизить остроту именно языкового вопроса, связанную с тем, что самоидентичность каталонцев в колоссальной степени была ориентирована именно на язык, каталонские политики старались переориентировать свой дискурс на более широкое понимание каталонской идентичности. Примером этому может служить лозунг, сформулированный еще в 1960-х будущим президентом каталонского правительства Жорди Пужолом: «Каталонец – всякий, кто живет и работает в Каталонии» (*«Es catala tothom que viu i treballa a Catalunya»*) [23].

Как и ожидалось, вследствие интеграционной политики, направленной на снижении интенсивности языкового конфликта, граница между этнолингвистическими группами населения Каталонии стала более проницаемой. Это выразилось, в первую очередь в увеличении количества билингвальных семей, до того крайне немногочисленных, до 29% в 2008 году [17], а также процента детей от смешанных браков, которые в более чем 60% случаев сохраняют билингвизм, полученный в семье.

Кроме того, это выразилось, как уже было сказано выше, в повышении уровня владения каталанским среди молодых людей, в первую очередь тех, для которых испанский до школы был единственным языком общения. Таким образом, наиболее яркий процесс в языковом поведении каталонской молодежи – ее билингвизация, причем это не односторонний процесс среди каталаноязычных молодых людей, а обоюдный, хотя и не полностью симметричный. Иными словами, произошел частичный отказ от языковой модели, которую Лапонс [14, с. 107] охарактеризовал как «односторонний билингвизм», когда общество является двуязычным, но в действительности только одна из двух групп использует оба языка.

Билингвизация стала для каталонской молодежи новым инструментом самоидентификации и часто служит не столько для разведения языков по сферам общения, сколько средством стилистической игры в ситуации, когда монологическое общение – на любом из языков – представляется «устаревшим трендом». Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, испаноговорящие каталонцы не воспринимают враждебно каталанский язык, а, с другой стороны, каталаноговорящие не чувствуют необходимости сохранять языковой барьер в отсутствие угрозы для своей языковой идентичности.

Наблюдаемый среди каталонской молодежи стихийный отказ от необходимости выбирать

между языками является попыткой решения языкового конфликта на индивидуальном уровне. Грамотное использование этой спонтанной, нерегулируемой тенденции могло бы привести к усилению политики языковой «гибридизации», способной при правильном планировании закрепить определенные сферы общения за каталанским языком и обеспечить его выживаемость в многоязычном обществе. Однако актуальные социально-политические тенденции развития языкового конфликта в Каталонии указывают на то, что шаги обоих правительств (испанского и каталонского) продолжают быть направлены на консолидацию диглоссии, что в очередной раз ставит под вопрос не только перспективу социального доминирования, но и будущее каталанского языка.

Библиография

1. Алос и Фонт, Э. Языковая политика в Каталонии и националистический конфликт в Испании // Языковая политика, конфликты и согласие. Москва, 2017. С. 162-199.
2. Баранова, В.В. Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России. Москва, 2023.
3. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Киев, 1979.
4. Словарь социолингвистических терминов. / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. Москва, 2006.
5. Aracil, L.V. Conflicte lingüístic i normalització lingüística a l'Europa nova // Papers de sociolingüística, Barcelona, 1982.
6. BOE (Boletín Oficial del Estado) núm. 311 de 29/12/1978 [https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)/con)
7. Burban, C. El conflicto lingüístico de Cataluña ¿puede facilitar la continuidad del catalán? // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp.161-173.
8. Cagiao y Conde, J., Jiménez-Salcedo, J. Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015.
9. Casesnoves Ferrer, R. Los efectos de la política lingüística en educación: nivel de conocimiento y uso del catalán de los castellanohablantes catalanes, valencianos y baleares // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp. 131-160.
10. El País 21.01.2022 <https://elpais.com/espana/catalunya/2022-01-21/el-tsyc-declara-firme-la-sentencia-del-25-de-castellano-en-las-escuelas-catalanas-y-da-10-dias-al-govern-para-ejecutarla.html>
11. Estatut (Estatut d'autonomia de Catalunya), Llei orgànica 6/2006, de 19 de juliol, de reforma de l'Estatut d'autonomia de Catalunya <https://www.parlament.cat/document/cataleg/48089.pdf>
12. Idescat (Institut d'Estadística de Catalunya. <http://www.idescat.cat/pub/?id=censph&n=6446>.
13. Lagarde, C. ¿Se nutre el conflicto lingüístico de una base conceptual y de una política conflictivas? Reflexiones acerca del caso catalán // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp. 69-80.
14. Laponce, J. Langue et territoire. Quebec, 1984.
15. Marí, I. La política lingüística de la Generalitat de Catalunya // Processos de normalització lingüística: l'extensió d'ús social i la normativització. Barcelona 1991. Pp. 85-101.
16. Moreno Cabrera, J.C. El españolismo lingüístico como fuente de conflicto // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp.

20-36.

17. Sorolla, N. Famílies lingüísticament mixtes segons l'enquesta EULP08 // Les famílies multilingües en l'entorn català. Butlletí N°8 del Cercle XXI. Barcelona, 2008.
18. Strubell, M., Llorenç, A., Sintes, E. Resultats del model lingüístic escolar de Catalunya. L'evidència empírica. Barcelona, 2011.
19. Van Parijs, P. The Linguistic Territoriality Principle: Right Violation or Parity of Esteem? Bruselas, 2011
20. Van Parijs, P. Por una territorialidad lingüística // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp. 15-28.
21. Vernet i Llobet, J. Los conflictos lingüísticos abiertos en la jurisprudencia constitucional española // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp. 51-89.
22. Vila, I. Els alumnes castellanoparlants acaben l'educació obligatòria amb dèficits en els coneiximents escolars per culpa del fet d'estudiar en una llengua – la catalana – que no és la seva? // Resultats del model lingüístic escolar a Catalunya, l'evidència empírica. Barcelona, 2011. Pp. 11-14.
23. Woolard, K. Identitat i contacte de llengües a Barcelona. Barcelona, 1992.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Языковая ситуация по определению, онтологически, неоднородна. Система видоизменяется, принимает новые формы, вбирает актуальные веяния, синкретически дополняется. Собственно этот факт наблюдается в любом т.н. самостоятельном языке. Рецензируемая статья касается языкового конфликта в Каталонии, автор работы обращает внимание на тенденции развития данного процесса. Думается, что пример, выбранный в качестве анализа, достаточно убедительно иллюстрирует, что именно в Испании наблюдается явная языковая конфронтация, требующая оценки и систематизации. Работа, на мой взгляд, интересна именно актуализацией проблемы, материал нетривиален, он может потенциально быть расширен, уточнен далее. Суждения по ходу текста и оценка языкового конфликта объективны, отмечено в частности, что «языковым конфликтом принято считать столкновение между языковыми сообществами (общностями) людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком. В широком смысле термин «языковой конфликт» учитывает, помимо собственно языкового, его политическое, социальное и культурное измерение», или «латентная фаза конфликта, то есть, «поддержание статуса-кво, при котором сложившееся соотношение сил не подвергается обсуждению» устанавливается при наличии определенной степени толерантности в вопросе связи идентичности говорящих и языка. Такая тенденция к деконфликтизации через модификацию идентичности может проявляться в билингвизации говорящих в зоне конфликта в отсутствие дестабилизирующих факторов – условие, которое не исполняется в случае с Каталонией, в первую очередь, в силу политического противостояния автономии с центром, в том числе и в первую очередь, по вопросу языковой политики» и т.д. На мой взгляд, основная концепция данного сочинения автором выражена, исследователь заинтересован предметом разговора, ибо аргументация и примеры консолидируются в некое единое научное целое. Работу отличает включение статистических данных, которые верифицируют рассматриваемый вопрос: «данная языковая политика в сфере

образования сразу принесла положительные результаты: за пять лет с 1981 по 1986 гг. доля понимающих каталанский язык в АСК выросла с 79,8% до 90,3%, а за следующие 10 лет (1986–1996 гг.) она достигла 95,0%. За эти же годы доля говорящих на языке выросла с 64,0% до 75,3%, умеющих на нем читать – с 60,5% до 72,4%, писать – с 31,5% до 45,8%. В дальнейшем, несмотря на новые волны иммиграции в АСК, показатели устного владения сохранились, а письменного улучшились. По данным переписи населения 2011 г. понимают каталанский язык 95,1% населения, умеют говорить на нем 73,1%, читать – 78,7% и писать – 55,7%» и т.д. Оценка ситуации в Каталонии на уровне языковых трансформаций дана убедительно и точно: «с приходом демократии смена курса на обеспечение доступа к каталанскому для всех должна была разрушить эту границу и способствовать интеграции испаноговорящего населения Каталонии в новую политико-социальную реальность региона. Чтобы снизить остроту именно языкового вопроса, связанную с тем, что самоидентичность каталонцев в колоссальной степени была ориентирована именно на язык, каталонские политики старались переориентировать свой дискурс на более широкое понимание каталонской идентичности». В выводах автор отмечает, что «наблюдаемый среди каталонской молодежи стихийный отказ от необходимости выбирать между языками является попыткой решения языкового конфликта на индивидуальном уровне. Грамотное использование этой спонтанной, нерегулируемой тенденции могло бы привести к усилению политики языковой «гибридизации», способной при правильном планировании закрепить определенные сферы общения за каталанским языком и обеспечить его выживаемость в многоязычном обществе». Таким образом, подводится некий итог работы, однако, исследование языкового конфликта в указанных территориальных пределах может быть продолжено. Работа цельна, актуальна, диалогична, научно строга; тема раскрыта, поставленный ряд задач решен; ряд формальных требований издания учтен, текст не нуждается в правке и коррективе. Материал может быть использован в вузовской практике, при освоении дисциплин гуманитарного цикла. Рекомендую статью «Об актуальных тенденциях развития языкового конфликта в Каталонии» к открытой публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пушкарёва Ю.Г., Жарникова А.В., Щербакова А.А. — Дискурсивная функция анемонов в современном коммуникативном пространстве // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.38273 EDN: QHSZBL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38273

Дискурсивная функция анемонов в современном коммуникативном пространстве

Пушкарёва Юлия Геннадьевна

ORCID: 0000 0002 8444 5474

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Иностранные языки в профессиональной коммуникации, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

670013, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40 В, ауд. 15-236

✉ panouchkova@mail.ru

Жарникова Алена Васильевна

ORCID: 0000-0001-6178-9277

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Иностранные языки в профессиональной коммуникации, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в, оф. 15-236

✉ alena-vsgutu@yandex.ru

Щербакова Алина Андреевна

ORCID: 0000-0003-4372-2014

старший преподаватель, кафедра Иностранные языки в профессиональной коммуникации, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в, оф. 15-236

✉ alinayazykova@gmail.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.38273

EDN:

QHSZBL

Дата направления статьи в редакцию:

15-06-2022

Аннотация: В статье рассматриваются дискурсивная функция анемонов – наименований ветров. Авторы включают в понятие «анемоним» имена собственные ветров и их номенклатурные обозначения. Дискурсивная функция определяет роль языковых единиц как в процессе когниции, так и в процессе коммуникации. Полисемантизм слова ветер и его синонимов, с одной стороны, расширяет их функциональные возможности, а с другой – способствует дискурсивной реализации как в эмоциональных, так и рациональных контекстах. Цель статьи – характеристика дискурсивной функции анемонов. Предмет исследования – анемоны в современном коммуникативном пространстве. Основными методами исследования являются описательный, этимологический, сравнительно-исторический и дискурсивный. Актуальность: изучение анемонов в функциональном аспекте позволяет выявить особенности познания и восприятия человеком окружающей действительности, различных механизмов ментальной деятельности человека, а также разнообразных форм репрезентации знания. Выводы. Дискурсивный характер языка объясняет приобретение словами новых значений, а также их новые употребления в непривычном контексте. Язык тесно связан с социо-психологическими изменениями в коммуникативном пространстве конкретного языка. Интенсивная метафоризация синонимов слова ветер придает инновационность и креативность дискурсу, так как наличие в сознании носителя языка связи между означающим и означаемым, то есть психологическая мотивированность слова, подчеркивает его особое свойство – экспрессивность.

Ключевые слова:

теория номинации, когнитивная лингвистика, ономазиология, лингвокультурология, коммуникация, когниция, имя собственное, анемоны, дискурсивная функции анемонов, номенклатурные обозначения ветров

Введение

В число актуальных теоретических задач современных гуманитарных наук входит проблема взаимоотношений между феноменами «культура» – «этнос» – «язык», т. к. в условиях глобальной модернизационной интеграции все большее значение придается исследованию существующего разнообразия национальных культур и научному осмыслению этноязыковых фактов. Мы рассматриваем антропометрический подход как понимание человеком окружающей действительности, сохраненное в памяти носителя языка.

Мы считаем, что термин *анемоним* тесно связан с номенклатурными наименованиями ветров и придерживаемся точки зрения С.О. Горяева, что в большинстве случаев вполне допустимо рассматривать номенклатурные обозначения как особого рода имена собственные [\[1, с. 126\]](#).

Цель статьи – характеристика дискурсивной функции анемонов.

Основные пути в развитии номинации и типы имен собственных, несомненно, идентичны в культуре большинства народов, но следует отметить, существуют определенные дифференциации. Проблемами и вопросами номинации занимались многие отечественные и зарубежные учёные: А. В. Суперанская (1973, 2007), Н. Д. Арутюнова

(1977), В. Г. Гак (1977, 1998), В. Н. Телия (1977), М. В. Федорова (1979), В. И. Шаховский (1980, 1981), О. Т. Молчанова (1981), Р. А. Агеева (1985, 1990, 2012), М. В. Голомидова (1987), Е. Л. Березович (1988, 1991, 1999), Л. В. Шулунова (1995), Э. М. Мурзаев (2001), М. Э. Рут (2008), Dauzat A. (1946), Dorion H. (1975, 2008), Poirier J. (1975), Paul Fabre (1987) и др. Наше исследование анемонимов проведено на материале русского языка, что предоставило возможность теоретического осмысления как фактов и явлений национального характера и социокультурного порядка, так и специфики когнитивной деятельности данного лингвосоциума. Представленные в работе примеры демонстрируют и способность человеческого сознания неоднозначно воспринимать предметы окружающей действительности и возможность языка именовать один и тот же предмет по-разному, выделяя различные его свойства [\[2\]](#).

Однако ученые сходятся во мнении, что языковые общества редко бывают монолитными: обычно они бывают смешаны в этническом, лингвистическом, социальном отношении [\[3\]](#). [\[4\]](#). А. Дорион придерживается мнения, что в полиэтническом обществе должна быть многоязычная топонимия [\[5\]](#). Подтверждение этой мысли находим у П. Фабра, который считает, что ономастика - это наследие истории народа. Современная ономастика становится более прагматичной. Она понимает имя собственное как некую условность, при которой смысл становится вторичным, а наименование - первичным источником информации [\[6, с. 9\]](#).

Актуальность: изучение анемонимов в функциональном аспекте позволяет выявить особенности познания и восприятия человеком окружающей действительности, различных механизмов ментальной деятельности человека, а также разнообразных форм репрезентации знания.

Предмет исследования – анемонимы в современном коммуникативном пространстве.

Материалы и методы исследования

Основными методами исследования являются описательный, этимологический, сравнительно-исторический и дискурсивный. В качестве материала исследования послужили энциклопедические, толковые и этимологические словари; словари символов отдельных культур и народов; словари пословиц и поговорок, крылатых выражений, газетные статьи (исследуемый корпус составляет 18 единиц), интернет-источники (23 единицы).

Несмотря на активную разработку ономастических проблем в отечественной науке, анализ специальной литературы показывает, что мотивы номинации анемонимов в различных культурах, их этнолингвистический и функциональный аспекты требуют целенаправленного исследования.

По мнению французского философа и аналитика Мишеля Пеше, дискурс представляет собой тексты, "наделенные исторической, социальной и интеллектуальной направленностью". Иными словами, совокупность и влияние экстралингвистических факторов в составе дискурса, очевидны. Следует отметить, что преимущество такого понимания состоит в том, что "дискурс, нарушая интуитивные или лингвистические подходы к определению, не ограничивается рамками текста или диалога. Анализируя разговор, очевидно, что говорящий и слушающий, их личностные и социальные ситуации относятся к данному событию [\[7\]](#).

Г. С. Доржиева и А. А. Щербакова (Языкова) в статье «Мотивационные значения

байкальских анемонимов» (2016) исследуют семантику байкальских ветров, в другой работе «Психолингвистические мотивы номинации ветров» (2019) авторы акцентируют внимание на ассоциативности человеческого мышления, образности восприятия окружающего мира, на многовековом опыте познавательной деятельности предыдущих поколений языкового коллектива. Г. С. Доржиева в статье «Французские анемонимы в международной ономастической терминологии» отмечает, что одним из основных показателей климата Франции является ветровой режим, который отличается чрезвычайным разнообразием. В зависимости от того, откуда и с какими свойствами поступает воздушная масса на территорию Франции, сохраняется то или иное состояние погоды [\[8\]](#).

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской термин *анемоним* (греч. άνεμος 'ветер') обозначается как «вид онима, собственного имени стихийного бедствия, в том числе ветра, урагана, тайфуна» [\[9, с. 29\]](#).

Как известно, основная лексическая функция имени собственного – номинативная, включая грамматическую функцию подлежащего, дополнения, общую для абсолютно всех имен собственных [\[10, с. 272; 11, с. 95\]](#). У онимов можно выделить делимитативную или различительно-выделительную функции. Так, делимитативная функция свойственна всем разрядам онимов, например, ураганы: *Кейт 1985; Катрина 2005; Катя 2017*. Идентифицирующая функция иллюстрируется следующими примерами: *тайфун Ника 1975; ураган Святой Иуда 2013; тропический шторм Бхола 1970*. В данном исследовании термин *анемоним* включает в себя номенклатурные наименования ветров.

Дискурсивная функция определяет роль языковых единиц как в процессе когниции, так и в процессе коммуникации. В теории коммуникации под словом «медиа» понимаются каналы или средства передачи, трансляции и хранения информации разных типов [\[12\]](#). Медиадискурс XXI в. оказывает достаточно существенное влияние на сознание носителей языка, культивируя разные формы проявления борьбы и страхов в обществе. Все чаще фиксируются ситуации сознательного формирования определенных свойств языка с целью его дальнейшего воздействия на массовое и индивидуальное сознание и поведение.

Как считает В. И. Шаховский, поскольку все эмоции дискурсивны, то в результате благодаря именно им происходит, с одной стороны, развертывания, а с другой, – дискурсивные порождения. Это свидетельствует о динамическом статусе языка и указывает на его тесную связь с социо-психологическими изменениями и переменами в коммуникативном пространстве конкретного языка. Следует отметить, что существуют языковые комментарии как фактов и событий, так и самых переживаний и ощущений. От того, какие чувства и эмоции переживает в определенный момент комментирования человек, он использует те или иные языковые средства, соответствующие данной эмоциональной ситуации [\[13, с. 10, 12\]](#).

Полисемантизм слова *ветер* и его синонимов, с одной стороны, расширяет их функциональные возможности, а с другой – способствует дискурсивной реализации как в эмоциональных, так и рациональных контекстах. Использование выразительных средств языка в политическом дискурсе способствует идеологическому воздействию, прежде всего, на формирование и развитие эмоциональных, а также рациональных представлений, опосредующих критические отношения субъектов к предметам и явлениям, связанных в общественно-политической действительности [\[14\]](#).

В приведенных ниже метафорических образах ветра актуализированы ядерные семы «скорость» и «переменчивость направления», обозначающие его постоянные признаки:

– «Сказанное им со сцены, разлетается по социальным сетям и различным изданиям, со *скоростью ветра*» (Ботоев Юрий. Меня воспитали так, чтобы добиваться всего своим умом и трудом / ТВ программа в Улан-Удэ. № 46 (532). 20-26 ноября 2017 г. С. 4.)

– «Только эти представители старого «костяка» не подверглись рокировкам. Но если *«ветер перемен»* подует с новой силой, на своих местах не удержатся и они» (Уйти нельзя вернуться // МК в Бурятии. № 41 (996). 4-11.11.2017 г. С. 4 <https://www.gazetarb.ru>>Новости>Общество>detail-764269 (дата обращения: 21.02.2018 г.)).

– «Пока на пл. Советов бушуют *ветра политических перемен*, вот уже месяц как работает новый врио главы республики, в сельской глубинке время словно остановила свой ход» (<https://www.ulan.mk.ru>>Еженедельник>2017/3/15 (дата обращения: 21.02.2018 г.)).

Сравнения, относящиеся к существительному, выражают признак или комплекс признаков предмета или явления. Например, заголовок статьи о предстоящей осенней избирательной кампании в районах Бурятии: «*Локальные штормы* в Бурятии» (МК в Бурятии. № 11 (966). 7-14 июня 2017 г. С. 20). Нейтральное по своему словарному значению словосочетание «локальные штормы» получает из контекста заголовка потенциальную эмотивность, так как метафорическая нагрузка несет элемент оценки, выражая высокую степень интенсивности действия, качества и состояния, то есть обладает в разной степени ярко выраженной эмоциональной окраской.

Приведенные ниже примеры показывают, что эмоции – чувства, которые оцениваются как существенные для определенной культуры, – в дискурсе маркируются синтаксическими, семантическими, а также прагматическими средствами языка. Риторический вопрос, вовлекая в опосредованное общение, очерчивает рамки диалогичности коммуникации:

– «Многие из них политикой не интересуются. Для них новость – это *вчерашний ураган*, а не решение этого суда» (МК в Бурятии. № 11 (966). 7-14 июня 2017 г. С. 13).

– «Это всего лишь попытка согреться от *ветерка чужого внимания*. Но, помилуйте, разве может *согреть ветер*?» (МК в Бурятии. № 13 (968). 22-29 марта 2017 г. С. 12).

По справедливому замечанию А. А. Залевской, в критические периоды жизни любого общества обостряются процессы переосмысления значений слов, появления абсолютно новых значений и новых слов, а также имеют место сдвиги и изменения в увязываемых со словами эмоционально-оценочных переживаниях (вплоть до противоположного знака «+/-»). Устность расшатывает установленные стандарты, креативность позволяет тонко и четко выражать отношение к меняющемуся миру, полифония способствует более яркому проявлению эмоционально-оценочных переживаний [15, с. 72].

Интенсивная метафоризация синонимов слова *ветер* придает инновационность и креативность дискурсу, так как наличие в сознании носителя языка связи между означающим и означаемым, то есть психологическая мотивированность слова, придает ему особое свойство, а именно, экспрессивность. Ш. Балли выводил экспрессивность из «... ассоциаций, порожденных присутствием в памяти выражений, аналогичных данному, создающих своего рода бессознательную синонимию» [16, с. 338].

К. А. Долинин приводит мнение П. Гиро, согласно которому в речи экспрессивным может быть практически любое выражение, если оно непредвиденно, неожиданно, непредсказуемо. Экспрессивность определяет характер и интенсивность восприятия стилистической и предметно-логической информации, которая содержится в анализируемой лексеме [17, с. 120]. В повседневной речевой практике экспрессивность возникает в таких случаях, когда слово или какое-либо выражение с определенной социально-жанровой окраской употребляется в неподходящей, несоответствующей ей ситуации или контексте. Далее рассмотрим примеры из проанализированного материала.

Характеристика лица:

– Борис Ливанов о Марии Голубкиной: «Маша – ураган и тайфун вместе взятые» (Телевизионная программа "Секрет на миллион". НТВ. 06.10.2019 г.).

– «Я ураган, который сносит все на своем пути. На меня вообще ни один человек никогда и никак не влиял» (Чехова Анфиса: "По сути я семейный человек" / ТВ программа. № 25 (563). 25 июня-1 июля 2018 г. С. 4).

– «Мой дом – моя крепость». За надежными стенами этой крепости она скрылась от разрушительных ураганов неудачных отношений (Телевизионная программа "Моя правда. Ирина Аллегрова." 5 канал. Ч. 1. <http://www.5-tv.ru/go/1509783> (дата обращения: 28.08.2019 г.)).

– «Человек-костер, человек-вихрь Евгений Папунаишвили – блестящий танцор, хореограф и великолепный артист. ... Темпераментный – это слово лучше всего характеризует и его характер, и стиль его жизни. Позитивный, ироничный, искренний, он настоящий гедонист, эстет и гурман: наслаждается собой, наслаждается жизнью, наслаждается всем, что делает – танцует ли он, дает ли интервью или ест» (<https://www.ok-magazine.ru/stars/interview...i...papunaishvili...o> (дата обращения: 23.10.2019 г.)).

В последнем примере источником экспрессивности является необычная сочетаемость (человек-вихрь), насыщенность аксиологическими аттракторами (блестящий танцор, великолепный артист), градация (позитивный, ироничный, искренний), лексический повтор (наслаждается). Приведенные стилистические средства соответствуют дискурсивной стратегии автора, а именно привлечение и концентрация внимания к сообщению и управление медиакommunikацией.

Характеристика действий:

– Пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков признался, что порой «прокалывается». Об этом он упомянул в интервью «Аргументам и фактам». «Давайте не забывать, что я человек, который официально «несет пургу», – сказал он и рассмеялся. «Нести пургу» «официально» Песков начал в марте 2018 г., когда об этом публично, в интервью американскому каналу NBC, рассказал его начальник Владимир Путин. «Он несет иногда такую пургу. Я смотрю по телевизору и думаю: «Чего он там рассказывает?», – сказал президент весной. Несколько дней спустя Песков прокомментировал то высказывание Путина, отметив, что его работодатель очень требователен, а пресс-секретарь, которого не критикует начальник, вероятно, ничего не делает. В опубликованном сегодня интервью Песков высказался аналогичным образом, отметив, что молчаливый пресс-секретарь никому не нужен (<http://www.news.rambler.ru/...peskov...chelovek...ofitsialno...purgu> (дата обращения: 20.08.2019 г.)).

Спичрайтер и тренер навыков публичных выступлений О. Мисюк отмечает, что В. В. Путин – опытный спикер, обладающий статусом, что позволяет ему быть самим собой на любых публичных выступлениях. В качестве приема ораторского мастерства, которыми пользуется Президент, является разговорная лексика (<http://www.hubspeakers.ru>>...analiz...vladimira-putina...sammita(дата обращения: 20.08.2019 г.)). В приведенном контексте шутливая характеристика Президентом работы пресс-секретаря свидетельствует об их принадлежности к подобному кругу лиц. В. И. Карасик считает, что самой важной характеристикой языковых единиц разговорной речи является их конкретная денотативная направленность, то есть эти слова указательны по своему назначению в определенном узком кругу среди хорошо знакомых людей (<https://www.homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html> (дата обращения: 20.09.2020 г.)).

Б. Уорф призывает признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих законах и в его постоянной оценке им тех или иных явлений [18]. В современном мире, насыщенном динамичными и неоднозначными медиа-событиями, непрерывно происходит борьба дискурсов за формирование и наделение их смыслом. Любое новое событие открыто для разнообразных интерпретаций и трактуется в общественно-политическом контексте [19].

В примерах, приведенных ниже, анемоним *цунами* в переносном значении несет в себе элемент оценки, выражает высокую интенсивность действия, качества и состояния:

– Маргарита Симоньян, российская журналистка и медиаменеджер: «*Кеосаян ворвался, как цунами*, вместе со всеми» (Комсомольская правда. № 39. 3.10.2018 г. С. 6).

– «Французские профсоюзы бастуют уже две недели. Это *протестное цунами* накрыло не только столицу Франции. Больше миллиона французов на этой неделе вышли на улицы Лиона, Бордо, Монпелье, Тулузы, Нанта» (<https://www.ntv.ru>>novosti/2269949/ (дата обращения: 23.01.2020 г.)).

В числе важнейших источников экспрессивности в личностно-ориентированном дискурсе можно отметить семантическую мотивированность, или образность, которая противоречит узуальности: чем узуальнее знак или символ, тем слабее его образность. Образная экспрессивность в полном объеме характерна для окказиональных употреблений, которые не зафиксированы в словарях, так как не принадлежат языку. Это частное проявление общей закономерности: чем реже, тем экспрессивнее.

В нашем материале речевую информацию содержат отглагольные дериваты названий ветров: *поураганить*, *штормить*, к которым прибегают коммуниканты для придания высказыванию большей экспрессии:

– Роман Шилов Джексону: «Вымогательство, шантаж, угроза жизни, мы с тобой лет на восемь *поураганили!*» (Телесериал "Ментовские войны-7", серия 12, часть 4).

– «В алкогольном опьянении работа вестибулярного аппарата нарушена. Именно потому пьяного и *штормит*» (<http://www..ru>>questions...pjanogo...shtormit.html (дата обращения: 23.12.2019 г.)).

Мы поддерживаем точку зрения С. А. Крекнина [20], что в повседневной языковой практике экспрессивность проявляется в тех случаях, когда слово или выражение с социально-жанровой окраской употребляется в неподходящей ситуации или контексте.

Выводы

Дискурсивный характер языка объясняет приобретение словами новых значений, а также их новые употребления в непривычном контексте. Полисемантизм слова *ветер* и его синонимов, с одной стороны, расширяет их функциональные возможности, а с другой – способствует дискурсивной реализации как в эмоциональных, так и рациональных контекстах. Анализ эмпирического материала доказывает данное утверждение: «...разлетается ... со скоростью ветра», «... «ветер перемен» подует с новой силой ...», «Давайте не забывать, что я человек, который официально «несет пургу» и др.

Анализируя анемонымы в современном коммуникативном пространстве, очевидно, что интенсивная метафоризация синонимов слова *ветер* придает инновационность и креативность дискурсу, так как наличие в сознании носителя языка связи между означающим и означаемым, то есть психологическая мотивированность слова, подчеркивает его особое свойство – экспрессивность. В результате анализа анемонов в различных речевых ситуациях можно получить дополнительные сведения в описании лексического состава конкретного языка. К примеру, в отражении реалий, связанных с экстралингвистическими факторами, образности восприятия объектов окружающей действительности, и в этом смысле анемонымы могут играть своеобразную роль регистраторов определенных событий, действий.

Приведенное исследование показало, что функционирование анемонов как языковых единиц происходит под воздействием социальных, психологических, культурных изменений, которые происходят в обществе. Этим и следует объяснить тот факт, что анемонымы способны служить иллюстрацией воздействия культурно-исторического фона, на котором создавались анемонымы и на который они проецировались, и комплекса экстралингвистических знаний, изучение которых должно быть органической частью каждого лингвистического исследования.

Библиография

1. Горяев С. О. Номенклатурные единицы как факт ономастики / С.О. Горяев // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 4. С. 125-131.
2. Доржиева Г. С. Психолингвистические мотивы номинации ветров / Г. С. Доржиева, А. А. Щербакова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Москва, 2019. Вып. 4. С. 122-132.
3. Dauzat A. La toponymie française. Paris, 1946.
4. Dorion H., Poirier J. Lexique des termes utiles à l'étude des noms de lieux. Québec: Les presses de l'Université Laval, 1975. 162 p.
5. Dorion A. Introduction à la toponymie. Recueil de documents. Québec, 2008. 150 p.
6. Fabre P. Théorie du nom propre et recherche onomastique, Cahiers de praxématique. Théories et fonctionnements du nom propre, 1987, no. 8, p. 9-25.
7. Pêcheux M. Automatic discourse analysis; ed. by Tony Hak and Niels Helsloot; trans. by David Macey. Amsterdam-Atlanta GA 1995. С. 63-121.
8. Доржиева Г. С. Французские анемонымы в международной ономастической терминологии. / Г. С. Доржиева // Вопросы географии / Русское географическое общество. Москва. Вып. 146. Актуальные проблемы топонимики / В. М. Котляков, А. В. Барандеев, Р. А. Агеева, А. А. Герцен. Москва: Издательский дом "Кодекс", 2018. С. 119-127.
9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. Москва: Наука, 1978. 198 с.
10. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Издательство ЛКИ, 2007. 368 с.
11. Шулунова Л. В. Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2021. 216 с.

12. Константинова А. А. Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке: автореф. дис. ... доктор. филол. наук. Москва, 2012. 42 с.
13. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И. Л., 2016. 504 с.
14. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... доктор. филол. наук. Москва, 2004. 44 с.
15. Залевская А. А. Роль фактора человека в развитии языка / А. А. Залевская // Вопросы психолингвистики. № 2 (24). Москва, 2015. С. 64-76.
16. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. Москва: Изд-во иностр. лит., 1961. 393 с.
17. Долинин К. А. Стилистика французского языка. Ленинград: Просвещение, 1978. 344 с.
18. Worf B. The relation of habitual thought and behaviour to language / A review of general semantics, 1944, Vol. 1, №4. Pp. 197-215.
19. Якоба И. А. Власть дискурса при интерпретации событий-аттракторов медийного пространства / И. А. Якоба, Е. В. Лесниковская // Вестник ИрГТУ. № 10(93). 2014. С. 352-357.
20. Крекнин С. А. Методика обучения выражению эмоциональности и экспрессивности в иноязычной устной речи студентов, изучающих французский как второй иностранный язык : языковой вуз : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. Москва, 2012. 22 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Дискурсивная функция анемонов в современном коммуникативном пространстве», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, посвященной рассмотрению анемонов в функциональном аспекте, что позволяет выявить особенности познания и восприятия человеком окружающей действительности, различных механизмов ментальной деятельности человека, а также разнообразных форм репрезентации знания.

Цель, которую ставит автор, является характеристика дискурсивной функции анемонов.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Основными методами исследования являются описательный, этимологический, сравнительно-исторический и дискурсивный. В качестве материала исследования послужили энциклопедические, толковые и этимологические словари; словари символов отдельных культур и народов; словари пословиц и поговорок, крылатых выражений, газетные статьи, интернет-источники.

Представленные в работе примеры демонстрируют и способность человеческого сознания неоднозначно воспринимать предметы окружающей действительности, и возможность языка именовать один и тот же предмет по-разному, выделяя различные его свойства. Однако непонятен объем и принципы выборки языкового материала, на котором зиждется исследование.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из

введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Структурно статья состоит из нескольких смысловых частей, а именно: введение, обзор литературы, методология, ход исследования, выводы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору материала и его анализу.

Библиография статьи насчитывает 29 источников, среди которых представлены труды исключительно на русском языке. Однако, как и любая крупная работа, данная статья не лишена недостатков. Считаем, что игнорирование работ на иностранных языках не позволяет учесть в статье достижения зарубежных филологов, а также искусственно изолирует исследование от общемировой научной парадигмы.

Кроме того, были выявлены погрешности оформления библиографического списка, нарушающие общепринятые правила и действующий ГОСТ в части оформления интернет источников.

Автором не соблюден общепринятый алфавитный порядок расположения цитируемых работ.

Рассматривая выводы, отметим, что они не отражают содержание работы и поставленные автором задачи, а содержат общеизвестные факты, а не полученные умозаключения в ходе исследования.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является практикоориентированной, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Дискурсивная функция анемонов в современном коммуникативном пространстве» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после исправления технических ошибок, уточнения задач и корреляции их с выводами.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа ориентирована на объяснение дискурсивной природы анемонов. Подобных исследования в массе критических источников достаточно, собственно, на это и обращает внимание автора данной статьи, классифицируя уже имеющийся блок знаний. Отмечу, что работа имеет компилятивный характер, однако, это не так уж и плохо, потому что подобных типов сочинений не много, а попытка может стать неким образчиком для авторов пытающихся создать нечто подобное. Привлекает в работе библиографический блок, причем он не чисто теоретический, или практический, в него внесены основные исследовательские проекты, касающиеся номенклатурной ономастики. Отмечу, что предмет изучения примечателен, ибо коммуникативное пространство имеет неоднородный формат становления и многие факторы, условия, принципы высвечиваются только в ходе полновесного разрешения указанного событийного звена. Автор статьи внимателен к своим оппонентам, комплиментарный тон позволяет к финалу сочинения высказать / сформировать достаточно интересную точку зрения. Вот как об этом говорится в весьма научном ключе: «анализируя анемоны в современном коммуникативном пространстве, очевидно, что интенсивная метафоризация

синонимов слова ветер придает инновационность и креативность дискурсу, так как наличие в сознании носителя языка связи между означающим и означаемым, то есть психологическая мотивированность слова, подчеркивает его особое свойство – экспрессивность. В результате анализа анемонимов в различных речевых ситуациях можно получить дополнительные сведения в описании лексического состава конкретного языка. К примеру, в отражении реалий, связанных с экстралингвистическими факторами, образности восприятия объектов окружающей действительности, и в этом смысле анемонимы могут играть своеобразную роль регистраторов определенных событий, действий» и т.д. Желание продолжить изучение природы анемонимов налицо, и это не может не радовать! Отмечу, что стоит внести правку в ряде мест, ибо фактическая номинация введена неверно: например, «интеллектуальной», «очевидо», «объяснить», «создавались» и т.д. Думается, опечатки не снижают качества работы, однако, автору впредь нужно быть внимательнее. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом, язык нормативен, емко, объективен. Например, «в число актуальных теоретических задач современных гуманитарных наук входит проблема взаимоотношений между феноменами «культура» – «этнос» – «язык», т. к. в условиях глобальной модернизационной интеграции все большее значение придается исследованию существующего разнообразия национальных культур и научному осмыслению этноязыковых фактов. Мы рассматриваем антропометрический подход как понимание человеком окружающей действительности, сохраненное в памяти носителя языка», или «основные пути в развитии номинации и типы имен собственных, несомненно, идентичны в культуре большинства народов, но следует отметить, существуют определенные дифференциации. Проблемами и вопросами номинации занимались многие отечественные и зарубежные учёные: А. В. Суперанская (1973, 2007), Н. Д. Арутюнова (1977), В. Г. Гак (1977, 1998), В. Н. Телия (1977), М. В. Федорова (1979), В. И. Шаховский (1980, 1981), О. Т. Молчанова (1981), Р. А. Агеева (1985, 1990, 2012), М. В. Голомидова (1987), Е. Л. Березович (1988, 1991, 1999), Л. В. Шулунова (1995), Э. М. Мурзаев (2001), М. Э. Рут (2008), Dauzat A. (1946), Dorion H. (1975, 2008), Poirier J. (1975), Paul Fabre (1987) и др. Наше исследование анемонимов проведено на материале русского языка, что предоставило возможность теоретического осмысления как фактов и явлений национального характера и социокультурного порядка, так и специфики когнитивной деятельности данного лингвосоциума», или «несмотря на активную разработку ономастических проблем в отечественной науке, анализ специальной литературы показывает, что мотивы номинации анемонимов в различных культурах, их этнолингвистический и функциональный аспекты требуют целенаправленного исследования» и т.д. Весьма удачно в начале статьи прописаны цель, задачи исследования, методологическая база, новизна, это придает тексту особую научную фактурность. Нарушений в логики разверстки темы нет, текст органичен, целостен, самостоятелен. Цель работы достигнута, вопрос раскрыт с включением должного количества иллюстративного материала. Рекомендую статью «Дискурсивная функция анемонимов в современном коммуникативном пространстве» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гуань Ц. — Лингвистический анализ концепта КОРРУПЦИЯ в политическом дискурсе русского языка // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.40916 EDN: QHTUJG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40916

Лингвистический анализ концепта КОРРУПЦИЯ в политическом дискурсе русского языка

Гуань Ци

ORCID: 0000-0002-3759-8881

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ gguanqi@163.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.40916

EDN:

QHTUJG

Дата направления статьи в редакцию:

03-06-2023

Аннотация: Предметом исследования является концепт КОРРУПЦИЯ с точки зрения его реализации в тестах политического дискурса. Цель исследования – концептуализация концепта КОРРУПЦИЯ в семантическом пространстве современного русского языка (на материале текстов, содержащих понятие «коррупция» в электронной версии журнала «РБК»). В статье конкретизируется термин «коррупция», постулируется его юридическая оформленность. Понятие дискурса детализируется и формулируется принадлежность концепта КОРРУПЦИЯ к институциональным политическому и экономическому дискурсам. Анализируются конкретные примеры, размещенные в авторитетном российском деловом журнале и отражающие современное отношение общества к рассматриваемому явлению. В методологическую базу вошли концептуальный анализ, семантический анализ, контент-анализ, описание и систематизация. Научная новизна заключается в том, что в качестве предмета исследования выступает реализация общественного дискурса в форме опубликованных для широкой аудитории тестов СМИ, в которых раньше других письменных источников становятся заметными общественные, социальные, языковые трансформации. Это дает возможность актуализировать важное социальное явление. Полученные результаты дополняют систему научного знания по проблемам

концептуализации и вопросам трансформации концепта, а также могут быть использованы в преподавательской деятельности. Результаты исследования показали, что каждый текст с помощью определенных выражений создает особое лексико-понятийное ядро, куда входят в том числе слова и выражения «чистый», «преступление», «ущерб», «утрата доверия» и другие. Это ядро зависит от предмета обсуждения.

Ключевые слова:

русский язык, концепт, дискурс, средства массовой информации, коррупция, лингвистический анализ, концептуальный анализ, лексико-понятийное ядро, концептуализация, политика

Актуальность темы исследования: концепт КОРРУПЦИЯ имеет глубокие корни. При этом он может трансформироваться со временем под влиянием общественных процессов. Актуализация смыслового слоя концепта важна на каждом этапе исторического развития. Наиболее оперативно на изменения в общественном и политическом строе откликаются средства массовой информации, они же формируют новую реальность концептов в сознании широкой аудитории. Поэтому тексты масс-медиа должны периодически становиться предметом научных лингвистических исследований. Именно в них становятся явными трансформации как в смысловом, так и в языковом плане. Лингвистический анализ отдельных концептов способен воссоздать целостную картину миру, существующую в обществе. Это становится особенно важным в период крупных исторических событий, как это происходит сегодня в период обострения международных отношений. В статье фиксируется актуальное содержание концепта КОРРУПЦИЯ на примере существующих тестов СМИ и может быть использовано как для историко-лингвистических исследований в ряду теоретических источников, так и в ходе образовательного процесса для демонстрации понятийных и языковых особенностей концепта.

Достижение цели возможно посредством решения ряда исследовательских **задач**, в числе которых формирование понятийного аппарата исследования, систематизация разрозненных теоретических источников и семантический анализ языкового поля концепта КОРРУПЦИЯ в текстах СМИ.

В качестве **методологии** применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе концептуальный анализ, семантический анализ и контент-анализ. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные.

Теоретическая база опирается на работы, посвященные общим лингвистическим вопросам и узким проблемам, связанным с реализацией концепта КОРРУПЦИЯ, таких исследователей, как В.И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, О.В. Барабаш, М.П. Гуров и А.И. Примакин, Ю.Е. Прохоров. В качестве материала исследования выступают пять актуальных журналистских материалов, опубликованных в солидном экономическом журнале «РБК» и содержащих в тегах слово «коррупция»:

– Арестович призвал найти Украине способного победить коррупцию президента (07.04 / РБК – URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/04/2023/64304fac9a794759eaf56892>);

– Генпрокуратура раскрыла число уволенных за утрату доверия чиновников (06.04 / РБК

- URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/04/2023/642e97a79a79473c5e28e449>);
- Зеленский заявил о прозрачности «до каждого цента» в поставках оружия США (13.04 / РБК – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6437207e9a7947309a88692a>);
- Китай усилил антикоррупционные проверки после переизбрания Си Цзиньпина (10.04 / РБК – <https://www.rbc.ru/politics/10/04/2023/64339c6f9a79470f08cd84a2>);
- Экс-глава Нацбанка Украины предупредила о риске появления новых олигархов. (13.04 / РБК – URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/04/2023/642e75bc9a79472a081e892f>).

В теоретическую базу вошел также толковый словарь русского языка С.И. Ожегова.

Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Учитывая значимость явления коррупции и внимание со стороны аудитории к этой проблеме, научное осмысление его дискурсивной и концептуальной реализации становится актуальной задачей современных ученых. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания лингвистических дисциплин в русскоязычной аудитории на языковых факультетах, а также как дополнительный источник информации для иностранных студентов старших курсов, обучающихся на лингвистических направлениях.

Термин «коррупция» функционирует в рамках нескольких социальных институтов и активно обсуждается общественностью. В связи с этим существует необходимость рассмотреть особенности трактовки рассматриваемого понятия с точки зрения права, масс-медиа, экономики, науки и других сфер жизни.

Так, в словаре С.И. Ожегова дана такая трактовка: «КОРРУПЦИЯ, -и, ж. Подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей» [\[8, с. 255\]](#).

Говоря о важности регулярной оценки уровня коррупции И.А. Королев утверждает, что «коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершений указанных деяний от имени или в интересах юридического лица» [\[7, с. 150\]](#).

Существует и официальное, принятое законодательно и фигурирующее в официальных документах, определение. В Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» указывается, что коррупция – это «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте "а" настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» (Федеральный закон от 25.12.2008 № 273 «О противодействии коррупции» (редакция от 06.02.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c5!

Существование коррумпированных структур в обществе приводит к появлению серьезных экономических проблем. «Коррупция представляет собой опасное социальное явление, поскольку затрагивает все сферы общественной, политической и экономической деятельности. Кроме того, этот феномен влияет не только на внутригосударственные сферы, а непосредственно касается и международных связей и отношений» [\[10, с. 132\]](#).

На международном уровне существует определение, сформулированное в Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией — «это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях» (Справочный документ о международной борьбе с коррупцией, подготовленный Секретариатом ООН / Девятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Каир, 1995. – С. 78-83). При этом на международной арене существуют определенные рекомендации по противодействию коррупции, где важным становится сотрудничество «процесс взаимодействия государств в лице соответствующим образом уполномоченных на то государственных органов и организаций, международных правительственных и неправительственных объединений, межгосударственных и транснациональных организаций. Реализуется в рамках пяти приоритетов: профилактика и элиминация причин коррупции; криминализация коррупционных практик; возвращение активов; контроль; международное сотрудничество» [\[9, с. 8\]](#).

Термин, широко употребляющийся в обществе, существующий в границах определенных правил и содержащий образное и эмоциональное зерно, может считаться концептом. И.С. Шулятиков, изучив большой массив лингвистических трудов на эту тему, утверждает, что «концепт – это мысленное образование, замещающее нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода, не подлежащая изменениям в семантике словесного знака единица, направляющая мысль говорящих на данном языке, при этом определяя их выбор и создавая потенциальные возможности языка-речи, а также являющееся базовой единицей мыслительного кода человека» [\[12, с. 100\]](#).

В содержание концепта КОРРУПЦИЯ входит как процесс передачи материального вознаграждения должностным лицам, так и требование и прием данного вознаграждения заинтересованной в этом стороной, а также негативный оттенок такой деятельности. Следовательно, в лексическое ядро понятия входит и целостное понимание ситуации, и отдельные ее составляющие. «Многослойность структуры и содержания концепта КОРРУПЦИЯ обусловлена многовековой историей осмысления носителями языка самого феномена коррупции в правовой, политической и обыденной коммуникации, историей смысловых трансформаций вербализующих его в русском языке номинаций» [\[3, с. 229\]](#).

Современные исследователи М.П. Гуров и А.И. Примакин изучили большой срез теоретических источников и сформировали формулу существования коррупции с точки зрения социально-экономических отношений людей. Она выглядит так: «Коррупция = монополия + произвол — ответственность» [\[4, с. 111\]](#). Интересно также следующее умозаключение: «В политической коррупции выделяют следующие формы проявления: политический патронаж и клиентелизм – опека политиками избранных нижестоящих структур, создание для них наиболее благоприятных условий в обмен на личную преданность и политическую поддержку; покупка голосов – осуществляется в ходе избирательных кампаний, применяется в отношении фиксированных групп избирателей (подарки и иные материальные блага); общественная кормушка — деньги, выделяемые из бюджета местным властям для общественных нужд в целях завоевания симпатий

избирателей и т.д.» [\[4, с. 113\]](#). Явление коррупции, по мнению данных авторов, – опасное явление, способное привести к кризису в стране.

Именно эта особенность ложится в основу общественного внимания к данной проблеме и активному обсуждению ее в различных слоях социума. Так как проблема привлекает достаточно широкую аудиторию, она выносится на обсуждение на страницах средств массовой информации. Учитывая влияние СМИ на массовое сознание, а иногда и формирование его, следует рассматривать его именно на материале масс-медиа. Тогда концептуальный анализ будет наиболее полным и ценным с научной точки зрения.

Следует обратиться к определению дискурса для конкретизации задачи исследования. Единого определения этого явления в современной научной точке зрения не существует. Н.Д. Арутюнова, признанный эксперт в данной теме, предлагает считать, что «дискурс есть связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими – факторами» [\[2, с. 136\]](#). Также исследовательница предлагает рассматривать в качестве дискурса текст, взятый в событийном аспекте или речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. Подводя итог, она утверждает, что «дискурс» – это речь, «погруженная в жизнь»» [\[2, с. 137\]](#).

Ю.Е. Прохоров отмечает, что дискурс находится «между следующими границами: во-первых, дискурс есть текст (часть текста, тип текста, состояние текста и т.п.) – текст есть дискурс (часть дискурса, тип дискурса, состояние дискурса); во-вторых, дискурс есть произведение – дискурс есть употребление, деятельность» [\[11, с. 27-28\]](#). Таким образом исследователь подчеркивает дуальную природу дискурса, который диктует определенный способ построения текста и в то же время включает отдельный текст в общую систему обсуждения.

С этой точки зрения актуальным будет определение, данное В.И. Карасиком, который утверждает, что «дискурс – это текст, погруженный в ситуацию общения» [\[5, с. 147\]](#). Для структурирования довольно широкого понятия дискурса исследователь формирует систему, в рамках которой можно описать отдельные тексты. Так, дискурс может быть реализован на личностно-бытовом и институциональном уровнях. В рамках рассматриваемой проблемы актуально рассматривать второй вариант проявления дискурса, так как он «есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [\[6, с. 7\]](#).

Применительно к проводимому исследованию дискурс будет рассматриваться как совокупность текстов, реализованных в СМИ и так или иначе затрагивающих тему коррупции. В качестве эмпирического материала был выбран портал www.rbc.ru и совокупность материалов, содержащих интересующих нас термин в тегах (ключевых словах). Выборка осуществлена на основании содержания концепта.

Следует обратить внимание, что подавляющее количество материалов, связанных с коррупцией, размещается в рубрике «Политика», хотя они встречаются и в разделах «Экономика», «Общество» и ряде других.

В материале «Зеленский заявил о прозрачности «до каждого цента» в поставках оружия США» в понятийное ядро термина «коррупция» вошли также такие выражения, как «полностью прозрачные», «чистые финансовые отношения», «полное видение в

отношение каждого centa», «доверие», «партнеры», «закупки», «экономить несметные миллионы американских долларов», «предназначенные для оплаты дизельного топлива доллары», «забирал больше денег», «коррупцированные генералы», «руководители покинули должности», «обвинять в коррупции», «не будет никакой коррупции», «мы едины», «коррупционеры уехали вместе со своими деньгами». То есть с одной стороны формируется противопоставление «чистый», то есть не имеющий отношения к коррупции, и «грязный», осуществляющий коррупционную деятельность, а с другой – прослеживается отношение спикера материала к явлению коррупции, он причисляет себя к «чистой стороне» намеренно и открыто. Экспрессия говорящих подчеркивается словосочетаниями «каждый цент», «несметные миллионы». В тексте указывается причастность к коррупции тех лиц, которые идентифицируются как чужеродные: «генералы», «уехали», «мы едины» (то есть не принимаем тех, кто выделяется).

Материал «Китай усилил антикоррупционные проверки после переизбрания Си Цзиньпина» содержит в лексико-семантическом ядре следующие выражения: «регулятор», «антикоррупционная проверка», «расследование», «наказание», «громкое дело», «комиссия», «серьезные нарушения», «находится под стражей», «обвинили в получении взяток», «обвинить в коррупции», «регулирование сфер финансовой деятельности», «предупредить». Отметим, что здесь важнейшим посылом стало понятие «контроль», нет противопоставлений, и прослеживается четкая роль государства как регулятора финансовой деятельности.

В материале под названием «Арестович призвал найти Украине способного победить коррупцию президента» обнаружены следующие семантические поля: «не до конца поборол коррупцию», «хищение гуманитарной помощи», «человек, который не будет воровать», «экстраординарные меры по борьбе с коррупцией», «разговорано», «похищенные товары», «схемы хищения», «недобросовестные поставщики», «изъяли», «перепродажи», «бюджетные деньги», «выводить средства в тень», «понести ущерб», «возбуждение дела», «служебный подлог», «фиктивный договор», «незаконно перечислил», «скрыть от руководства», «противостояние коррупции». Отметим более жесткие формулировки по отношению к обсуждаемому явлению, появление лексики из сферы права. При этом в один ряд с понятием «коррупция» ставят термин «воровство», хотя это другой логический ряд и иное преступление, зафиксированное в законах.

Материал «Генпрокуратура раскрыла число уволенных за утрату доверия чиновников» содержит следующее ядро: «утрата доверия чиновников», «коррупционные нарушения», «коррупция нанесла ущерб», «взыскать в бюджет», «коррупционное преступление», «развитие антикоррупционного законодательства», «развитие экономики», «антикоррупционные обязанности», «дисциплинарная ответственность», «меры для урегулирования конфликта интересов», «преступления в сфере коррупции», «преступное сообщество», «коррупционные схемы», «возмещение ущерба от коррупции», «неподтвержденные доходы», «связанные с коррупцией претензии», «уровень коррупции», «усилить борьбу с коррупцией». Такой ряд подчеркивает внимание общества и государства к проблеме, описывает ряд решений, принятых по борьбе с явлением коррупции и позволяет читателю снизить обеспокоенность.

В материале «Экс-глава Нацбанка Украины предупредила о риске появления новых олигархов» в состав лексического ядра входят такие выражения, как «новые олигархи», «финансовая помощь», «риск для реформ», «внешнее финансирование», «страны-доноры», «кормиться», «кредит», «стабильность», «вваливание денег в черную дыру». Интересно, что прямого указания на это нет, но создается логический ряд, согласно

которому олигархия формируется только при условии взяточничества, и наоборот: коррупция порождает олигархию.

Представленные тексты созданы в достаточно сложный для всего мира исторический период, для которого характерны обострение конфликта между некоторыми странами – участниками международного экономического взаимодействия, эскалация конфликта со стороны некоторых участников событий, экономическое санкционное давление, проведение специальной военной операции. В таком контексте на первый план выходит взаимоотношение между странами, одни из которых оказывают материальную помощь, а другие становятся ее реципиентами. В примерах обсуждались как внутреннее регулирование коррупции (Китай, Украина, Россия), так и международный уровень коррупционных отношений (США – Украина). Описанные лексические поля позволяют сделать вывод о том, что в концепт КОРРУПЦИЯ сегодня входят международные отношения, он имеет негативную окраску, на страницах СМИ подается как явление с яркой негативной окраской. То есть сегодня коррупция не просто проблема, но преступление, воровство, хищение. При этом подчеркивается, что предпринимаются меры по борьбе с коррупцией и коррумпированными лицами. О международном аспекте коррупционной деятельности говорит и Л.И. Александрова: «Новое качество коррупции, проявляющееся в условиях глобализации, в частности, в ее транснациональных формах, представляет собой серьезную проблему интернационализации, являясь одним из вызовов мировому развитию» [\[1, с. 13\]](#).

Подведем итог: в условиях непростых международных отношений уделяется большое внимание коррупции, борьбу с ней ведут на разных уровнях и делают это одной из важнейших государственных задач. Трансформация концепта КОРРУПЦИЯ идет за счет расширения поля обсуждения этого явления, в том числе на мировом уровне.

В рамках исследования изучено пять актуальных материалов, опубликованных на интернет-странице популярного экономического журнала «РБК». В рассмотренных текстах по отношению к коррупции формируются различные семантические поля. Несмотря на совпадения ряда выражений, общий посыл текста и реализация в нем дискурсивного подхода, как правило, разнятся. Например, в одном из материалов главным стало противопоставление «свой/чужой», в другом – контролирующая роль государства, в третьем – формирование новой олигархии и так далее. При этом само явление во всех текстах оценивается как негативное даже теми лицами, которые могут быть связаны с коррупционными отношениями.

В результате проведенного исследования можно сделать ряд **выводов**:

1. Термин «коррупция» фигурирует в различных отраслях жизни общества, при этом существует четко зафиксированное в государственных документах определение, охватывающее максимально широкие возможности проявления.
2. Коррупция как явление активно обсуждается обществом, в том числе с помощью средств массовой информации. Это дает право определить множественную совокупность текстов связанной тематики как институциональный дискурс, существующий в рамках публицистического дискурса и ограниченный темой.
3. Чаще всего материалы, помеченные тегом «коррупция», размещаются в рубрике «Политика», хотя логично было бы предположить, что это экономическая тематика и должна быть размещена в соответствующей рубрике. Думается, что эта особенность связана с тем, что темой текста чаще становится анализ влияния на общество коррупции, а не описание возможных схем действий или экономических последствий.

4. Каждый текст с помощью определенных выражений создает лексико-понятийное ядро, используя нейтральные и экспрессивные слова. Частично они могут совпадать в разных текстах, но при этом подтекст и общий смысл будет разным.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы заключаются в возможности зафиксировать дискурсивные тексты и проанализировать их с различных точек зрения. Важность проблемы и внимание со стороны социума позволяет предположить широкие исследовательские возможности ученых-лингвистов.

Библиография

1. Александрова Л.И. Противодействие коррупции как актуальная проблема современной России. // Современная наука. 2021. №2. С. 13-17.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 136-137.
3. Барабаш О. В. Концепт "коррупция" и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка // Политическая лингвистика. 2017. №6. С. 223-229.
4. Гуров М. П., Примакин А. И. Коррупция в современной России как угроза безопасности государства: история и современность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4. С. 109-115.
5. Карасик В. И. Дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 3-4. С. 147-148.
6. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов. Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2000. 228 с.
7. Королев И. А. О необходимости постоянной оценки уровня коррупции // Государство и право. 2019. № 1. С. 150-152.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. Москва: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. 1375 с.
9. Охотский Е. В. Россия в системе международного антикоррупционного взаимодействия // Право и практика. 2018. №3. С. 5-18.
10. Панько Н.А. Характеристика факторов коррупции // Вестник Института экономических исследований. 2020. №2 (18). С. 132-141.
11. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учеб. пособ. 2-е изд., испр. М., 2006. 220 с.
12. Шулятиков И.С. Термин «Концепт» в современной лингвистике // Вестник ВятГУ. 2015. №12. С. 98-102.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лингвистический анализ концепта КОРРУПЦИЯ в политическом дискурсе русского языка», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики структуры концепта «коррупция» в языковой картине мира носителей русского языка. Исследования концепта и его реализации в языковой картине мира в рамках Российской

школы когнитологов являются ценными, так как данный концепт претерпевал некоторые изменения в плане содержания или системе ассоциативных связей, мотивируемых различными экстралингвистическими факторами. В статье фиксируется актуальное содержание концепта коррупция на примере существующих тестов СМИ и может быть использовано как для историко-лингвистических исследований в ряду теоретических источников, так и в ходе образовательного процесса для демонстрации понятийных и языковых особенностей концепта.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом. Практическим материалом исследования явились пять актуальных журналистских материалов, опубликованных в солидном экономическом журнале «РБК» и содержащих в тегах слово «коррупция».

В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе концептуальный анализ, семантический анализ и контент-анализ. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых теоретические работы только на русском языках. Считаю, что работы иностранных языках по смежным темам исследования, несомненно бы обогатили работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Учитывая значимость явления коррупции и внимание со стороны аудитории к этой проблеме, научное осмысление его дискурсивной и концептуальной реализации становится актуальной задачей современных ученых. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания лингвистических дисциплин в русскоязычной аудитории на языковых факультетах, а также как дополнительный источник информации для иностранных студентов старших курсов, обучающихся на лингвистических направлениях. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лингвистический анализ концепта КОРРУПЦИЯ в политическом дискурсе русского языка» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван И. — Концептуальный анализ лексемы «облако» в русской и китайской лингвокультурах // Litera. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.43432 EDN: QHWHEA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43432

Концептуальный анализ лексемы «облако» в русской и китайской лингвокультурах

Ван И

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10

✉ yi.wang@bk.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.6.43432

EDN:

QHWHEA

Дата направления статьи в редакцию:

25-06-2023

Аннотация: Предметом исследования является лексема «облако» в культурах, закрепленных в знаках русского и китайского языков. Цель работы – изучить особенности лексемы «облако» в русской и китайской лингвокультурах с применением концептуального анализа. В исследовании применяются методы концептуального лингвокультурологического анализа, сопоставительного анализа и сплошной выборки. В данной статье рассматривается понятие «облако» как одна из важнейших лексем для культур двух стран. Особое внимание уделяется выявлению интерпретаций данного слова в двух языках, исследованию материалов с компонентом «облако», представляемых в русских и китайских фразеологизмах, поговорках и стихах. Научная новизна исследования заключается в раскрытии символического значения лексемы «облако» с помощью метода концептуального анализа, а также в сопоставлении данного концепта на фоне разных лингвокультур. В результате выявлено культурное содержание концепта «облако», заключенное в русском и китайском языках, обобщены сходства и различия концепта «облако» на фоне двух лингвокультур. Сделан вывод о том, что в лексеме «облако» сохраняются богатые культурные традиции с этническими особенностями. В русской лингвокультуре «облако» часто ассоциируется с религией и

богом, обладая мистическим оттенком, в китайской лингвокультуре она отражает смешные чувства китайцев, включая романтизм, амбицию и стремление к карьере или жизни. Практическая значимость исследования заключается в том, что представляет возможность понять национальные специфики культуры двух стран, и оказывает положительное влияние на межкультурную коммуникацию.

Ключевые слова:

концептуальный анализ, лексема, облако, лингвокультура, символические значения, репрезентация концепта, русский язык, китайский язык, лексикографическая дефиниция, этнические особенности

Введение

В исследовании лингвокультурологии изучение концепта нельзя игнорировать, поскольку оно может раскрыть психологическое мышление, мировоззрение, миропонимание носителей разных языков. Сопоставительное изучение концепта в аспекте русской и китайской лингвокультур может выявить не только сходства и различия двух языков, но и более глубокие культурные коннотации двух стран. Будучи универсальным природным явлением, «облако» является значимым концептом в китайской и русской культурах, и за ними скрываются богатые культурные коды. Актуальность темы исследования посвящена выявлению особенностей концепта «облако» в русской и китайской картинах мира с помощью концептуального анализа, что способствует понять и изучать исторические и культурные традиции, образ мышления и языковые особенности народов России и Китая.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: проанализировать лексические дефиниции концепта «облако» в русском и китайском языках; выявить символические значения и культурное содержание, заключенные в фразеологизмах, поговорках и стихах двух языков; обобщить сходства и различия лексемы «облако» в русской и китайской лингвокультурах.

Для реализации задач применяются следующие методы исследования: метод концептуального лингвокультурологического анализа, сопоставительного анализа и сплошной выборки.

Теоретической базой исследования послужили научные труды учёных, посвящённые теории лингвокультурологии (Степанов. Ю. С., 2004; Маслова. В. А., 2005); изучению методологии концептуального анализа (Бабенко. Л. Г., 2000; Палеева. Е. В., 2010); анализу «облако» в симболе русской культуры (Абрамова. В. И., 2020; Архангельская. Ю. В., 2020); а также работам о метафорах и символических значениях «облако» в китайской культуре (杨小敏, 2002; 陈丹玉, 2015; 杨春明, 2015; 唐德宁, 2022).

Практическая значимость исследования заключается в том, что при проведении данного концептуального анализа можно определить символические значения и особенности концепта «облако» в русской и китайской лингвокультурах, что представляет возможность понять национальные специфики культуры двух стран, и оказывает положительное влияние на межкультурную коммуникацию.

Основная часть

С появлением антропоцентрической парадигмы и бурным развитием лингвокультурологии

концептуальный анализ стал актуальным вопросом в лингвистических исследованиях. Современное исследование концептуального анализа характеризуется своим разнообразием, основным объектом анализа является концепт абстрактных существительных. Прогрессивное развитие данного анализа помогает выявить взаимосвязь между языком и национальной культурой.

В конце 1980-х годов, с развитием когнитивной лингвистики на Западе, концепты постепенно вошли в сферу исследований лингвистов. Многие российские ученые, такие как А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачёв, Н.Д. Арутюнова и др. проявляли большой интерес к концептуальным исследованиям. Они интерпретировали семантическое значение концепта с различных точек зрения. В связи с большим объемом исследований стало очевидным, что изучение концепта в лингвистике ведется в основном в таких областях, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Ю. С. Степанов, Д. С. Лихачёв, В.А. Маслова, В.В. Красных и др. внесли большой вклад в развитие исследований о концепте. Ими был рассмотрен концепт как "культурная единица" с национальным характером и богатым культурным отпечатком. Степанов. Ю. С пишет, что «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [\[12, с. 43\]](#). По мнению Масловой В. А., концепт – это не любое понятие, а только важнейшее, на котором строится национальная культура. Это ментальное национальное образование, план содержательного наполнения которого представлен как совокупность знаний о конкретном объекте, а планом выражения является совокупность языковых средств [\[8, 9\]](#). Культурная специфичность языка отражена на лексическом уровне в описании концептов, заимствований и безэквивалентных слов. Данная область лингвистики основана на принципах когнитивной науки и фокусируется на взаимосвязи между языковым и культурным контекстами.

Концептуальный анализ занимает ключевое место исследования концептов. Его целью можно представить «выявление парадигмы культурно значимых концептов и описание их концептосферы» [\[3, с. 80\]](#). Рассмотрение работ разных исследователей показывает, что концептуальный анализ не является каким-то определенным методом изучения концептов. Было бы целесообразнее отметить, что рассматриваемые работы объединены некоторыми относительно общими целями, а по способам достижения цели они бывают разными [\[10, с. 61\]](#).

Согласно общепринятому мнению, изучение отдельных концептов или концептуальных областей осуществляется посредством анализа объективированных результатов когнитивной деятельности. Методика концептуального анализа зависит от понимания и умения структурировать. В связи с этим, концептуальный анализ – это конкретный подход к экспликации концептов [\[10, с. 62\]](#).

Концепт «облако» как один из древнейших космических символов, является важной частью для религии и культуры многих стран, особенно для России и Китая. Мы проведем концептуальный анализ «облако» в аспектах словарного толкования, метафорических значений во фразеологизмах, пословицах, поговорках и стихах на фоне русской и китайской лингвокультур.

Изучение лексикографической дефиниции играет немаловажную роль в исследовании языкового материала, поскольку именно толкование словарей помогает сформировать первоначальное понимание действительности и языковых средств ее выражения [\[10, с.](#)

[621](#).

В Этимологическом словаре русского языка понятие «облако» толкуется как: заимствование из церковнославянского [\[14, с. 102\]](#). По происхождению слова «облако» в русском языке, очевидно, оно тесно связано с божеством и религией. Согласно Словарю русского языка облако имеет такие значения: 1. Скопление взвешенных в атмосфере мелких капель воды или ледяных кристаллов. *Слоистые облака*. 2. Клуб мелких летучих частиц чего-л. *Два облака сизого дыма поднялись над двумя орудиями и потянулись вдоль балки. Л. Толстой, Хаджи-Мурат*. 3. Отражение какого-л. внутреннего состояния (печали, задумчивости и т. п.) на лице, в глазах человека. *Облако задумчивости прошло по его лицу. Пушкин, Повесть из римской жизни* [\[11, с. 537\]](#).

В китайском языке слово «облако» было впервые найдено в костяной письменности оракула, являясь пиктографическим иероглифом, его древняя форма напоминает облачный воздух и облака. В первом этимологическом словаре китайского языка «Шуо вэнь цзе цзи» даёт такую интерпретацию: 云 (облако), древняя пиктограмма с изображением облака. После добавления ключа иероглифа 雨 (дождь) наверх иероглиф 雲 (облако) становится идеограммой. Его первоначальное значение – видимая масса капли воды и кристаллов льда, взвешенных в воздухе. Облако – это также ци (气) гор и рек [\[21, с. 643\]](#). Древние китайцы считали, что облако состоит из ци (气), выдыхаемого горами и реками. Происхождение иероглифа 云 (облако) поясняет, что с древности в китайском языке облако приобретает ирреальное и фантастическое значение. В современном словаре китайского языка облако толкуется как 1. объект, образованный скоплением капель воды и кристаллов льда, взвешенных в воздухе. 2. служебное слово для акцентирования внимания 岁云暮矣 в конце года 3. говорить, гласить. 人云亦云 повторять то, что говорят другие; говорить с чужих слов. 4. провинция в Китае 云南 Юньнань [\[22, с. 1621\]](#).

По интерпретации лексемы «облако» в приведенных выше примерах показано, что в русском и китайском языках имеются похожие значения.

В русском языке концепт «облако» в основном выражает следующие символические значения:

1) аморфность, неопределенность, изменчивость

Облака свободно кружатся на небе, постоянно меняя свою форму и направление полета, хаотически и непредсказуемо. По мнению русских, облака символизируют аморфность, неоднозначность и изменчивость. В сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля в разделе «Верное – вестимое» есть такая поговорка *Переставом облака (тучи) не поймаешь* [\[7, с. 848\]](#). В русском языке *говорить, словно облако ловить* подразумевает того, кто говорит, скрывая свои мысли. *Облака над головами, туманы под ногами* [\[6\]](#). В этой поговорке облака и туманы являются символом неуловимой и неоформленной сущности, которые ассоциируются с неопределенностью положения человека, оказавшегося в такой ситуации, когда и над ним, и под ним что-то зыбкое, аморфное, непонятное [\[1, с. 3\]](#).

2) нереальные фантазии, платонические мечты

В русском языке облака также символизируют недостигаемые высоты и нереалистичные идеи. *До облаков – очень высоко; с облаков под облако не прыгнешь, в воду не уйдёшь*. Здесь говорится о том, что можно браться только за посильное дело. В этих выражениях облака символизируют крайние высоты и высшее достижение. *Уноситься в облака и*

витать в облаках – “предаваться несбыточным мечтам, не замечая окружающего” [4. с. 704]. Например: *в темной и тесной кухне в облаках дыма работают повара.* – А.П. Чехов. Сам фразеологизм активно используется в современной речи: «Надо спокойно работать. Не надо витать в облаках. Из ничего ничего не создашь» [1, с. 4]. *Упасть/ грянуть /спуститься с облаков* зафиксированы в значении неожиданно появиться. Например: *ну, выкинул ты штуку! Три года не писал двух слов! И грянул вдруг с облаков.* – Грибоедов

3) граница между мирами: верхним и нижним, божественным и дьявольским, святым и грешным, высоким и низменным [1, с. 3]. В сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» в разделе «Счастье – удача» найдена такая пословица “*Ходил черт за облаками да оборвался*” [6], который описывает библейские предания об изгнании с неба Сатаны, который прежде был ангелом. В переносном смысле значение пословицы можно сформулировать как “добиваясь удачи в каком-либо деле нечестным путем, не получишь ничего”. И в том, и в другом случае компонент облако символически обозначает границу дозволенного [1, с. 3].

4) божественное откровение и присутствие Бога

В словаре В.И. Даля к лексеме «облако» в качестве примера приведена пословица *Облака ходят, дела людские соглядают* [6], в составе которой интересующий нас компонент получает символическое прочтение: Бог, Иисус Христос, Ангел – т. е. Божественная сущность [1, с. 2]. В древних земледельческих цивилизациях люди предсказывали погоду по цвету и форме облаков. Облака часто предвещали приход дождя, который пропитывал все вокруг и способствовал росту урожая, а соответственно, символизировал изобилие и богатство. В христианстве облака – это невидимые боги, покрывающие небо. В раннем христианстве облака также олицетворяли пророков. Русский православный народ также придавал облакам мистическое религиозное измерение, считая, что они символизируют божественное откровение и присутствие Бога [2, 13].

В ходе лингвокультурологического анализа, выявлено, что концепт «облако» как важный фрагмент действительности, которая отражается в русской языковой картине мира, заключается в различных кодах культуры: метеорологических, природных, теоморфных, антропоморфных духовных, пространственных [1, с. 4].

На протяжении тысячи лет китайцы наблюдали и предсказывали погоду, следя за облаками на основе их формы, направления, скорости, толщины, цвета и других изменений, составляли поговорки, паремии, фразеологизмы и стихи, которые передаются из поколения в поколение. Представление природных образов в классических китайских стихотворениях, таких как птицы, животные, трава и деревья, а также солнце и луна, представляет собой уникальный культурный феномен, который отражает психологию и интересы китайского народа, и глубоко укоренен в психолингвистическом комплексе традиционной китайской культуры [15, с. 106].

При исследовании понятия «облако» в китайском языке, необходимо анализировать его в древних стихах и фразеологизмах. Стихи – это форма со смыслом. Форма часто выражается в виде предметного образа, а смысл – это обширный мир сознания поэта, где предметный образ художественной интуиции часто скрывает сложный и тонкий “умственный образ” [24, с. 24]. Будучи обычным природным явлением, облака часто появляются в древних китайских стихах в качестве красочного образа, и их

изображение представляет собой чистую форму стиха, богатую историческими коннотациями и эстетическими последствиями для народа Китая.

Образы облаков занимали важное место в развитии древнекитайской культуры и представляли огромную ценность в процессе ее становления. Впервые появились образы облаков в древней книге стихотворений «Ши цзин», которая является одним из древнейших памятников китайской литературы [20, с. 1]. Изображения облаков отражают раннее понимание древними народами, которые проецировали свои собственные идеи и чувства на природные «облака».

В древнем Китае «облако», как природное явление, наблюдаемое визуально, часто используется в качестве объекта описания поэтами, которые выражают свои эмоции и чувства с помощью изображения изменения формы и цвета облаков. Например, эти словосочетания часто встречаются в классических древних китайских стихах: 浮云 *плывущие облака* и 卧云 *лежащие облака*, которые связаны с формой и текстурой облака; 白云 *белые облака*, 青云 *зеленые облака*, 碧云 *лазоревые облака*, и 乌云 *темные тучи*, которые связываются с их цветом.

Уделим внимание этим выражениям с компонентом «облако»:

1) 浮云 *плывущие облака* обозначает то, что плавает. Будучи изначально обычным явлением в природе, плывущие облака использовались в классических китайских стихах как метафора уродливого политического явления клеветы на верующих. 总为浮云能蔽日,长安不见使人愁。– 李白 *Солнце покрывается плывущими облаками. (Все общество окутано тьмой)* – Ли Бай [18, с. 63]. Поэт сравнил всех вероломных людей при императорском дворе с "плывущими облаками", выражая негодование на вероломных людей, стремление реализовать свои амбиции и печаль о том, что у него нет возможности служить своей стране.

Помимо того, что плывущие облака загораживают солнце, самое очевидное впечатление от них – это мягкость, плавучесть и непредсказуемость. Поэтому оно используется как метафора для обозначения чего-то плавающего или незначительного. Облака парят в воздухе, поднимаясь и опускаясь вместе с ветром, их формы меняются, всегда находясь в состоянии потока и нестабильности. На взгляд поэтов это похоже на судьбу странника, бредущего без поддержки, и поэтому облака наделяются образом "странствующего странника". 浮云柳絮无根蒂,天地阔远随飞扬 – 韩愈 *Звук струнного музыкального инструмента подобен плывущим облакам и пухом от ивы, летают в бесконечном небе.* – Хань Юй 浮云终日行,游子久不至 – 杜甫 *Плывущие облака ходят весь день, а странник никогда не приходит.* – Ду Фу [17, с. 104].

2) 白云 *белые облака* и 卧云 *лежащие облака* употребляются отшельниками, чтобы выразить желание уйти в затворничество и отказаться от служебной карьеры. Белые облака ассоциируются с отшельниками, которые живут вдали от мира и являются свободными и необузданными [17, с. 105]. 不作卧云计,携手欲何之。– 白居易 *Жить на покое.* – Бай Цзюйи 山中何所有,岭上多白云。– 陶宏景 *О чиновниках, которые удалились от службы.* – Тао Хунцзин [19].

3) 青云 *зеленые облака* часто появляются в китайских древних стихотворениях, подразумевают высокопоставленного чиновника или высокое стремление. 老当益壮,宁知白首之心?穷且益坚,不坠青云之志。– 王勃 [19]. *Стремиться сделать блестящую карьеру.* – Ван Бо. В современном китайском языке фразеологизмы со словом 青云 *зеленые облака*, сохраняют символическое значение – блестящая карьера. 平步青云 *быстро вырасти в*

должности; 青云直上 сделать головокружительную карьеру [\[16\]](#);

4) 碧云 лазоревые облака обозначают удалённое место, использованы для выражения чувства разлуки. 愿以碧云思,方君怨别余。 – 韦应物 Когда я скучаю по тебе, я смотрю на лазоревые облака. – Вэй Иньву [\[19\]](#);

5) 乌云 темные тучи имеются в виду тёмные волосы женщины. 行当更向钗头见,病起乌云正作堆。 – 苏轼. Ей было так плохо, что она тащилась с длинными черными волосами. – Су Ши [\[19\]](#).

В отношении культурных коннотаций китайских древних стихий слово «облако» тесно связывается с далеким местом, служебной карьерой, жизненным стремлением и меняющимся состоянием. Знакомство с классическими стихотворениями показывает, что непредсказуемые облака также наполнены эмоциональным содержанием в произведениях поэтов. Облако представляет собой вещь бесчувственную, но в стихах отражает разнообразные ощущения, в которых содержатся не только романтика традиционных китайских поэтов, но и тяжесть общественной реальности.

Фразеологизм, как фиксированная языковая единица, является кристаллизацией мудрости народа и сущностью его языка, он создавался, развивался и передавался из поколения в поколение вместе с историей народа, в котором сохраняются и воплощаются богатые и разнообразные национальные особенности. Фразеологизмы являются наиболее доступным и кратким языковым материалом для изучения культуры других стран.

Понятие «облако» часто используется во фразеологизмах современного китайского языка. В этих примерах облако сочетается с ветром: 风云变幻 о быстрых кардинальных переменах; 风云突变 неожиданное изменение ситуации; 叱咤风云 обладать огромной властью, могуществом; 风云际会 благоприятное стечение обстоятельств; 风卷残云 бесследно исчезнуть; 风起云涌 быстрое и широкое развитие [\[16\]](#). Не трудно заметить, что в этих фразеологизмах посредством описания быстрой перемены погоды концепт «облако» с ветром подчеркивает стремительное изменение или развитие.

Кроме этого, облако ещё используется с другими природными элементами, например: 烟消云散 развеяться как дым, пройти как сон; 过眼烟云 проплывающие перед глазами облака и дым; 行云流水 подвижный, живой, свободный (о стиле литературы, рисования и пения); скоропреходящий, быстротечный; 响彻云霄 звуки достигают до облаков, оглашать небеса; 云蒸霞蔚 заря, встающая меж клубящихся облаков, красочный (меняющийся) пейзаж. 腾云驾雾 унести в заоблачные дали, чувствовать себя дурно. И фразеологизм с понятием «облако» означает стремление к карьере или идеалу. 壮志凌云 имеющий великие цели и терзания. 闲云野鹤 не связанный никакими обстоятельствами [\[26\]](#).

Изучая стихи, фразеологизмы, в которых фигурирует концепт «облако», легко заметить, что как в древнем, так и в современном Китае поэты предпочитают наблюдать за изменчивыми формами облаков, выражать свои истинные чувства и идеальные стремления. Следовательно, концепт «облако» в китайских стихах приобретает такие символические значения: странничество и одиночество; социальные потрясения и предательство; отказ от служебной карьеры и уход в затворничество; стремление к карьере или идеалу; и непостоянность и изменчивость. Таким образом, становится ясно, что облако является важным и неотъемлемым образом в исследовании глубокой и многогранной русской и китайской культуры.

Слово – самый активный из трех элементов языка, и любое новое понятие, концепт или явление находит отражение в этом элементе. В нынешние времена популярность Интернета и стремительное развитие компьютерных технологий порождают большое количество новых слов и выражений. Появились такие неологизмы, которые подразумевают виртуальное хранилище информации или вычислительных ресурсов в сети Интернет *云计算 облачные вычисления, 云服务 облачные сервисы, 云盘 облачный диск, 云备份 облачное резервное копирование 云业务 облачный бизнес, 云应用程序 облачное приложение, 云端储存 облачное хранилище данных* и т. д. [23, с. 37]. Они тесно связаны с неопределенностью и нереальностью облака, которое символизирует невидимый, неосязаемый сетевой мир. Данное символическое значение облака доступно в русском и в китайском языках.

Такие слова с компонентом «облако» постепенно становятся популярными, их значения начали расширяться в области интернет-технологий и вошли в жизнь широкой общественности, например, облачный класс и облачная конференция. Эти неологизмы в основном являются результатом применения технологии облачных вычислений в повседневной жизни, а «облако» в структуре можно понимать как метафору «интернета», который обычно требует определенной сетевой платформы и сетевой технологии [25, с. 11].

Приведенное выше исследование поясняет, что облака – часто используемый образ в литературе, пропитан богатыми эмоциями и наделен значительным смыслом, как в русской, так и в китайской лингвокультурах. В данной таблице показаны сходства и различия символических значений в русском и китайском языках.

Символические значения «облако»/云	в русском языке	в китайском языке
сходство	аморфность,	неопределенность,
	изменчивость	
	нереальные фантазии, плотнические мечты	
	виртуальное хранилище информации или вычислительных ресурсов в сети Интернет	
различия	божество	странничество и одиночество
	граница между мирами: божественным и дьявольским, святым и грешным	социальные потрясения и предательство
	–	отказ от служебной карьеры и уход в затворничество
	–	стремление к карьере или идеалу

Заключение

Очевидно, что символические значения концепта «облако» относятся к его естественным

характеристикам. В обоих языках облако воплощает неопределенность, изменение, нереальную фантазию и виртуальное пространство для хранения информации.

В русском языке лексема «облако» часто ассоциируется с религией и богом, представляя волю Бога отделить мир греха от мира света, что наделяется мистическим оттенком. «Облако» часто используется как проявление воли Бога или даже олицетворение пророка. Меняющаяся форма, цвет могут предвещать изменение погоды. В китайском языке «облако» как фантастический и ирреальный образ, часто используется поэтами и писателями как средство выражения их настроения и чувства, даже их амбиций и стремлений к карьере или жизни. «Облако» отражает смешанные чувства, не только романтизма традиционных китайских поэтов, но и их осуждение, беспомощность перед социальной действительностью. Это является демонстративным свидетельством того, что по сравнению с русским народом китайцы более сдержанны при выражении своих желаний и идеалов, выражают свои утонченные чувства более деликатным и эвфемистическим способом.

Примечательно, что концепт «облако» является важным и незаменимым образом в русской и китайской лингвокультурах. Сравнивая лексему «облако» в двух языках, мы видим, что семантические варианты образуются за счет различных переносных значений и метафор, которые репрезентируют понимание концепта в русской и китайской картинах мира. В общем, лексема «облако», как наиболее распространенное и широко изображаемое природное явление, заслуживает большого внимания и в русском языке, и в китайском. Помимо тех чувств и значений, которыми «облако» наделяется в традиционном понимании, его иллюзорный символизм также широко используется в неологизмах. Концепт «облако» является неотъемлемой частью китайской и русской культуры, приобретает разнообразные национальные специфики, в которых сохраняются различные коды культуры.

Библиография

1. Абрамова, В. И. Облако в символатрии русской культуры / В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 4(29). – С. 1–6.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1995. – 804 с.
3. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. – 80 с.
4. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 704 с.
5. Большой Китайско-Русский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info>. Дата обращения: 09.06.2023.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Четвертое исправленное и значительно дополненное издание под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ: В 4 т. Т. 2. СПб – М.: Издательство М. О. Вольф, 1914.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Гос. изд. худ. лит., 1957. – 848 с.
8. Клевцова, В. М. Некоторые Вопросы теоретической градации концептов / В. М. Клевцова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 1. С. 20–25.
9. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] : учеб. пособие /В. А. Маслова. –

- Минск: Тетра Системс, 2005. – 51 с.
10. Палеева, Е. В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований / Е. В. Палеева // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2010. № 2(8). С. 61–65.
  11. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К–О. – 537 с.
  12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 43 с.
  13. Тресиддер Дж Словарь символов [Z]. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1990. – 244 с.
  14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1987. – 102 с.
  15. 陈丹玉. 从唐诗中的“云”意象看中国人的自然审美意识. 鸡西大学学报, 2015, 15(09), 106–110页. (Чэнь Даныюй. Эстетическое осознание природы в Китае на основе изображения облаков в стихах эпохи Тан. Журнал университета Цзиси, 2015, 15(09), С. 106–110.)
  16. 汉大成语大词典. 北京: 汉语大词典出版, 2006. (Большой Фразеологический словарь. Пекин: Издательство китайских словарей, 2006.)
  17. 沙曼. 中日古典诗歌中“云意象”之比较. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), 2016(01), 104–106页. (Ша ман. Сравнение "облачной образности" в китайских и японских классических стихотворениях. Журнал Цицикарского университета (издание по философии и социальным наукам), 2016(01). С. 104–106.)
  18. 唐德宁. 诗歌群文阅读教学中“云”意象的情感内涵. 语文教学与研究, 2022(05), 62–64页. (Тань Дэнин. Эмоциональный подтекст образа "облака" в обучении групповому чтению стихий. Преподавание языка и исследования, 2022(05), С. 62–64.)
  19. 唐宋诗词. 南京大学出版社. 2020.06. (Сборник стихов династий Тан и Сун. Издательство Нанкинского университета. 2020.06.)
  20. 王廷法. 魏晋南北朝诗歌中的云意象研究. 福建师范大学, 2017. (Ван Тинфа. Исследование образа облаков в стихах династий Вэй, Цзинь. Фуцзяньский нормальный университет, 2017.)
  21. 说文解字(现代版) / 汉•许慎撰, 宋•徐铉校定, 王宏源新勘. 北京: 社会科学文献出版社, 2005. – 643页. (Шуовэнь цзеци (современное издание) / написано Сюй Шэнем при династии Хань, вычитано Сюй Сюанем при династии Сун и вновь сверено Ван Хунъюанем. Пекин : Издательство научной литературы Духуй, 2005 г. – 643 с.)
  22. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2016. 1621–1622 页. (Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2016. С. 1621–1622.)
  23. 杨春明. 从认知角度分析“云”族新词的生成. 成都师范学院学报. 2015, 31(08), 37–40页. (Ян Чуньмин. Анализ порождения новых слов семейства "облако" с когнитивной точки зрения. Журнал Чэндуского педагогического университета, 2015, 31(08), С. 37–40.)
  24. 杨小敏. 古诗中云意象探微. 温州师范学院学报(哲学社会科学版), 2002(02), 24–27页. (Ян Сяомин. Исследование образов облаков в древних стихах. Журнал Вэньчжоуского нормального колледжа (издание по философии и социальным наукам) 2002(02), С. 24–27.)
  25. 由越.“云XX”型新词研究. 汉字文, 2021(06), 10–11页. (Ю Юэ. Исследование новых слов типа "облако XX". Китайские иероглифы, 2021(06), С. 10–11.)
  26. 新华成语大词典. 商务印书馆辞书研究中心编. 北京: 商务印书馆, 2013. (Фразеологического словаря китайского языка Синьхуа. Исследовательского центра лексикографии коммерческого издательства. Пекин: Коммерческое издательство, 2013.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Лингвокультурология – это отрасль языкознания, которая изучает отношения между языком и культурными концептами. Синкретический характер данного подхода позволяет достичь в формате исследований хороших результатов. Предметом изучения рецензируемой статьи является лексема «ОБЛАКО» в русской и китайской лингвокультурах. Считаю, что намеченный языковой вариант вполне удачно может быть рассмотрен с указанных методологических позиций. Работа явно имеет нетривиальный характер разверстки темы, она нова, самостоятельна, позиция автора представлена объективно и точно. Тексту присуща интонация комментирующего характера; например, это проявляется в следующих фрагментах: «будучи универсальным природным явлением, «облако» является значимым концептом в китайской и русской культурах, и за ними скрываются богатые культурные коды. Актуальность темы исследования посвящена выявлению особенностей концепта «облако» в русской и китайской картинах мира с помощью концептуального анализа, что способствует понять и изучать исторические и культурные традиции, образ мышления и языковые особенности народов России и Китая», или «концепт «облако» как один из древнейших космических символов, является важной частью для религии и культуры многих стран, особенно для России и Китая. Мы проведем концептуальный анализ «облако» в аспектах словарного толкования, метафорических значений во фразеологизмах, пословицах, поговорках и стихах на фоне русской и китайской лингвокультур. Изучение лексикографической дефиниции играет немаловажную роль в исследовании языкового материала, поскольку именно толкование словарей помогает сформировать первоначальное понимание действительности и языковых средств ее выражения» и т.д. Автор отмечает, что «теоретической базой исследования послужили научные труды учёных, посвящённые теории лингвокультурологии; изучению методологии концептуального анализа; анализу «облако» в символической русской культуры; а также работам о метафорах и символических значениях «облако» в китайской культуре». Ориентир на исследования А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, Д.С. Лихачёва, Н.Д. Арутюновой, В.А. Масловой, В.В. Красных и др. говорит о системной черте исследования. Стиль работы соотносится с собственно научным стилем: «в отношении культурных коннотаций китайских древних стихов слово «облако» тесно связывается с далеким местом, служебной карьерой, жизненным стремлением и меняющимся состоянием. Знакомство с классическими стихотворениями показывает, что непредсказуемые облака также наполнены эмоциональным содержанием в произведениях поэтов. Облако представляет собой вещь бесчувственную, но в стихах отражает разнообразные ощущения, в которых содержатся не только романтика традиционных китайских поэтов, но и тяжесть общественной реальности». Примеры, которые вводятся в текст в связи с концептом «ОБЛАКО» интересны, многообразны: «в китайском языке слово «облако» было впервые найдено в костяной письменности оракула, являясь пиктографическим иероглифом, его древняя форма напоминает облачный воздух и облака. В первом этимологическом словаре китайского языка «Шуо вэнь цзе цзи» даёт такую интерпретацию: 云 (облако), древняя пиктограмма с изображением облака. После добавления ключа иероглифа 雨 (дождь) вверх иероглиф 雲 (облако) становится идеограммой. Его первоначальное значение – видимая масса капли воды и кристаллов льда, взвешенных в воздухе. Облако – это также ци (气) гор и рек [21, с. 643]. Древние китайцы считали, что облако состоит из ци (气), выдыхаемого горами и реками. Происхождение иероглифа 云 (облако) поясняет,

что с древности в китайском языке облако приобретает ирреальное и фантастическое значение. В современном словаре китайского языка облако толкуется как 1. объект, образованный скоплением капель воды и кристаллов льда, взвешенных в воздухе. 2. служебное слово для акцентирования внимания 岁云暮矣 в конце года 3. говорить, гласить. 人云亦云 повторять то, что говорят другие; говорить с чужих слов. 4. провинция в Китае 云南 Юньнань», или «в словаре В.И. Даля к лексеме «облако» в качестве примера приведена пословица Облака ходят, дела людские соглядают, в составе которой интересующий нас компонент получает символическое прочтение: Бог, Иисус Христос, Ангел – т. е. Божественная сущность. В древних земледельческих цивилизациях люди предсказывали погоду по цвету и форме облаков. Облака часто предвещали приход дождя, который пропитывал все вокруг и способствовал росту урожая, а соответственно, символизировал изобилие и богатство. В христианстве облака – это невидимые боги, покрывающие небо. В раннем христианстве облака также олицетворяли пророков. Русский православный народ также придавал облакам мистическое религиозное измерение, считая, что они символизируют божественное откровение и присутствие Бога» и т.д. Обобщение полученных данных зафиксировано в табличном виде, это наглядно, визуально, общо. Считаю, что тема данного исследования раскрыта, ряд задач, который был представлен в начале труда – решен. Вывод по работе полновесен: «концепт «облако» является важным и незаменимым образом в русской и китайской лингвокультурах. Сравнивая лексему «облако» в двух языках, мы видим, что семантические варианты образуются за счет различных переносных значений и метафор, которые репрезентируют понимание концепта в русской и китайской картинах мира. В общем, лексема «облако», как наиболее распространенное и широко изображаемое природное явление, заслуживает большого внимания и в русском языке, и в китайском. Помимо тех чувств и значений, которыми «облако» наделяется в традиционном понимании, его иллюзорный символизм также широко используется в неологизмах. Концепт «облако» является неотъемлемой частью китайской и русской культуры, приобретает разнообразные национальные специфики, в которых сохраняются различные коды культуры». Данный материал можно использовать в режиме освоения лингвистических дисциплин; он также может стать неким подспорьем для написания тематически смежных работ. Основные требования издания учтены, серьезная правка излишня. Рекомендую статью «Концептуальный анализ лексемы «облако» в русской и китайской лингвокультурах» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Semantic parameters of the plot of a literary work

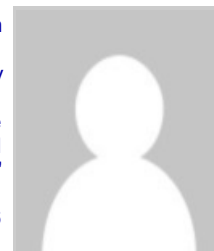
Podkovyrin Yuri Vladimirovich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University for the Humanities; Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

141446, Russia, Moscow, Mususkaya Square, 6

✉ mail1981@list.ru

Abstract. The subject of research in this article is the plot organization of a literary work, considered from a hermeneutic perspective, namely as one of the aspects of actualizing the meaning of a literary work. In the work, based on the material of a number of works related to the epic kind of literature, the semantic parameters of the plot-event organization of the work are investigated. The article identifies and describes the differences between the vital ethical way of understanding the plot, associated with the value position of the characters, and the aesthetic way of understanding the plot, associated with the values of the author and recipient. In the latter case, the plot is understood as a dynamic aspect of the incarnation (embodiment) of artistic meaning. The scientific novelty of the article is determined by the fact that for the first time the plot-event organization of a literary work is considered in connection with a specific way of actualizing the artistic meaning, defined in this work as an incarnation. The incarnation of meaning in the article is understood as its "transformation" into the being (life) of the hero as a whole. If in the life context of comprehension, the sequence of events (the "plot" of life) is correlated by the character with the private and incomplete horizon of the semantic future, then in the aesthetic context of comprehension, the plot acts as an articulation of the integral meaning of the hero's being, as his "fate". As a result of the interpretation of the text of the Grimm brothers' fairy tale "Hansel and Gretel", as well as E. A. Poe's novella "The Mask of the Red Death", the author of the article shows that through plot articulation in the aesthetic semantic "dimension" of the work, heterogeneous moments of meaning are collected, linked into a consistent unity.

Keywords: incarnation, hermeneutics, artistry, epic, author, character, event, plot, meaning, interpretation

References (transliterated)

1. Aristotel'. Ob iskusstve poezii / Per. V. G. Appel'rota. M.: Goslitizdat, 1957. 183 s.
2. Bakhtin M. M. Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i / Sost. I.V. Peshkov. M.: Labirint, 2000. 640 s.
3. Freidenberg O.M. Poetika syuzheta i zhanra. M.: Labirint, 1997. 445 s.
4. Bal M. Narratology: introduction to the theory of narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2017. 205 r.
5. Silant'ev I. V. Syuzhet i smysl. M.: Izd. dom YaSK: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2018. 142 s.
6. Riker P. Vremya i rasskaz. T. 1-2. Per. s frants. T. V. Slavko. M.: Universitetskaya kniga, 1998-2000.
7. Lyapushkina E. I. Literaturnaya germenevtika: teoriya i praktika. SPb.: Rostok, 2020.

- S. 222-230.
8. Bakhtin M. M. Avtor i geroi v esteticheskoi deyatelnosti // Bakhtin M. M. Sobranie sochinenii. T. 1. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. S. 69-263.
  9. Tyupa V. I. Inkarnatsiya smysla ("Rozhdestvo" Nabokova) // Proizvodstvo smysla. Sbornik statei i materialov pamyati Igorya Vladimirovicha Fomenko. Tver', 2018. S. 333-342.
  10. Fukson L. Yu. K voprosu o spetsifike smysla khudozhestvennogo proizvedeniya // Fukson L. Yu. Tolkovaniya: sbornik nauchnykh statei. Kemerovo: KemGU, 2018. S. 22-26.
  11. Podkovyrin Yu. V. Fenomen khudozhestvennoi inkarnatsii smysla (na materiale rasskaza A. P. Chekhova «Akterskaya gibel'») // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2011. № 16. S. 137-144.
  12. Podkovyrin Yu. V. Vizual'nye aspekty raskrytiya smysla v literaturnom proizvedenii (na materiale rasskaza A. S. Grina "Beznogii") // Litera. 2021. № 6. S. 9-15. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.6.35762.
  13. Podkovyrin Yu. V. Inkarnatsiya smysla literaturnogo proizvedeniya. Monografiya. M.: Editus, 2022. 201 s.
  14. Sobytie i sobytiinost': sbornik statei. Pod red. V. Markovicha i V. Shmida. M.: Izdatel'stvo Kulaginoi-Intrada, 2010. 296 s.
  15. Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russkoi literatury): eksperimental'nyi slovar'. Pod red. V. I. Tyupy. M.: Editus, 2022. 316 s.
  16. Schmid W. Mental Events.Changes of Mind in European Narratives from the Middle Ages to Postrealism. Hamburg: Hamburg University Press, 2021. 440 r.
  17. Broitman S.N. Teoriya literatury / Broitman S.N., Tamarchenko N.D., Tyupa V.I. T.2. Istoricheskaya poetika. M., 2004. 368 s.
  18. Podkovyrin Yu. V. Prostranstvennost' i vremennost' khudozhestvennogo smysla // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2022. № 6-2. S. 172-181. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-172-181.
  19. Fukson L. Yu. Tolkovaniya: sbornik statei. Kemerovo: KemGU, 2018. 199 s.
  20. Fukson L. Yu. Tsennostnaya struktura (literaturnogo) proizvedeniya // Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii. M.: Izd-vo Kulaginoi; Intrada, 2008. S. 290-292.

Media management of corporate university media in the USA as a public relations tool of a university (using the example of Ivy League University media)

Shuiskaya Yuliya Viktorovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Theory and Practice of Journalism and Modern Media Communications, Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboyedov

111024, Russia, g. Moscow, ul. Shosse Entuziastov, 21, of. 322

✉ shuiskaya@yandex.ru

Aref'ev Nikita Alekseevich

Master, Department of the History of Journalism and Literature, Moscow University named after A.S. Griboyedov

66a Zeleny Prospekt str., Moscow, 111396, Russia

✉ nikar99@yandex.ru

Vlasova Mariya Vladimirovna

Master, Department of the History of Journalism and Literature, Moscow University named after A.S. Griboyedov

66a Zeleny Prospekt str., Moscow, 111396, Russia

✉ maxaw@yandex.ru

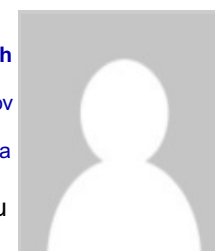

Shestov Nikita Aleksandrovich

Master, Department of the History of Journalism and Literature, Moscow University named after A.S. Griboyedov

66a Zeleny Prospekt str., Moscow, 111396, Russia

✉ badpolitik@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the university press of US universities that are part of the so-called "Ivy League" - an informal association of the oldest higher education institutions in the country. The object of the research is the media management of corporate media of universities as a tool of public relations among students, graduates and potential applicants. The authors consider in detail such aspects of the topic as ways of forming an individual profile of a particular media outlet, as well as its contribution to the image of a particular university. Particular attention is paid to the formation of the content of university media and their interaction with the traditional media system, as well as options for their development in a broader media profile. The main conclusions of the study are the data obtained during the comparison of Ivy League university press samples on the patterns of formation of the image of a typical student and a graduate of a university. A special contribution of the authors to the research of the topic is the development of specific recommendations on the media management of corporate publications on the example of the university press, which can be applied in domestic practice. The novelty of the research lies in the generalization of the media practices of the university press of the USA and the formulation of recommendations for creating the image of a student, graduate and teacher on the pages of the university press. Also of particular interest is the practice of creating a modern convergent media based on the traditional format of the press that has existed since the XIX century.

Keywords: public relations, convergent edition, convergent mass media, student mass media, Ivy League, USA press, mediamanagement, image, corporate press, university press

References (transliterated)

1. Columbia Magazine // URL: <https://magazine.columbia.edu/> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
2. Harvard Business Review // URL: <https://hbr.org/> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
3. Penn Today // URL: <https://penntoday.upenn.edu/> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
4. The Cornell Daily Sun // URL: <https://cornellsun.com/> (data obrashcheniya: 10.05.2023)

5. The Daily Princetonian // URL: <https://www.dailyprincetonian.com/> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
6. Yale News // URL: <https://news.yale.edu/> (data obrashcheniya: 10.05.2023)
7. Bitton Dzh. Gid po universitetam Ligi Plyushcha // RobbReport. № 11, 2017. // URL: <https://robb.report/stil-zhizni/24282-gid-po-universitetam-ligi-plyushcha/>
8. Bolkunov A.N. Tipologiya studencheskoi pressy Rossii XXI veka // Izvestiya Saratovskogo universiteta. T. 9. Ser. Sotsiologiya. Politologiya, vyp. 4. Saratov, 2009. S. 83-87.
9. Vinogradova K.E., Kashchuk A.A. Rol' korporativnykh studencheskikh SMI v podderzhanii brenda vuza // Brending kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI veka. Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod redaktsiei A. D. Krivonosova. 2018. S. 68-71.
10. Golovacheva A.L. Obraz studenta v universitetskikh pechatnykh izdaniyakh. istoriya i sovremennost' // Istoricheskaya pamyat' v teorii i sotsiokul'turnoi praktike: grani transformatsii i potentsial osmysleniya. Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pod obshchei redaktsiei A.V. Baranova i E.N. Mnogoletnei. Saratov, 2021. S. 374-381.
11. Grebennikova N.D. Studencheskaya pressa SShA kak obrazovatel'nyi i tipologicheskii fenomen. Diss. ... k.f.n. Rostov-na-Donu, 2013. 176 s.
12. Zinin R.V. Spetsializirovannye izdaniya v sfere kul'tury: «Dialog zhurnalistiki i reklamy» // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki, 2016. № 21 (242). S. 98-102.
13. Korkonosenko S.G. Osnovy zhurnalistiki. M.: Aspekt Press, 2001. 332 s.
14. Krasnova T.V., Prudnikova E. V. Informatsionnoe napolnenie studencheskoi gazety kak sredstvo formirovaniya imidzha instituta // Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik. 2015. № 4-2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13482> (data obrashcheniya: 10.05.2023).
15. Maksimov V.V., Naiden E.V., Serebrennikova A.N. Diskursivnye osobennosti sovremennoi universitetskoi gazety // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. № 4. Tomsk, 2012. S. 131-134.
16. Mir v dushe: kak spravit'sya so stressom i nachat' deistvovat' // https://hbr-russia.ru/paid_mixes/mix_27672/ Data obrashcheniya 09.05.2023
17. Rovina A.S. Dizain korporativnogo pechatnogo izdaniya (na primere studencheskoi gazety «Zhurfakty») // Korporativnye media v protsesse realizatsii gosudarstvennoi politiki Respubliki Belarus'. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Minsk, 2022. S. 197-200.
18. Salakhova A.O. Molodezhnyi zhargon v studencheskikh SMI // Filologicheskie etyudy. sbornik nauchnykh statei molodykh uchenykh Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. V 3-kh chastyakh. Saratov, 2020. S. 165-169.
19. Stetsenko N.M. Vuzovskie media kak prakticheskaya realizatsiya znaniy po kursu «Russkii yazyk i kul'tura rechi» // Lingvisticheskie issledovaniya i ikh ispol'zovanie v praktike prepodavaniya russkogo i inostrannykh yazykov. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii v ramkakh VIII Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma DNR «Innovatsionnye perspektivy Donbassa: infrastruktornoie i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye». Donetsk, 2022. S. 165-170.

Linguoculturological and lexical analysis by article of A.N.

Tolstoy "Motherland"

Chichina Marina Olegovna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Russian Language, Moscow State Institute of International Relations (University)

76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia, Moscow region

✉ m.chichina@my.mgimo.ru

Grigorieva Natalia Antonovna

Senior Lecturer of the Department of Russian Language, Moscow State Institute of International Relations (University)

✉ n.grigorieva@my.mgimo.ru

Abstract. The purpose of the research is a linguocultural and lexical analysis of the article "Homeland" by the famous Russian Soviet writer A.N. Tolstoy. The method of complex analysis of the literary text allowed the authors of the scientific work to identify words, phrases, sentences, the semantics of which are most significant for understanding the essence of Alexey Tolstoy's article. To designate these ideological and semantic "staples" of any fiction or journalistic text, the authors of this study introduce a scientific definition of "lexico-semantic milestones" for the first time in linguoculturology. The authors determined the structure of the article "Homeland", revealed the genre originality of each of the three parts of the text. The results of the work on the study of the writer's idiosyncrasy allowed us to conclude that Alexey Nikolaevich Tolstoy, a master of the word, skillfully combined several styles of speech in one text at once: laconic newspaper-journalistic and fiction, including elements of colloquial style of speech, – all this allowed him to achieve the greatest expressiveness of the text. This scientific research may be of interest not only to linguists, linguoculturologists, literary critics, researchers of the artistic style of A.N. Tolstoy, but also to the teachers of Russian as a foreign language.

Keywords: good conquers evil, Do it, Let's do it, ottich and dedich, Motherland, Alexey Nikolaevich Tolstoy, lexico-semantic milestones, structural analysis of the text, artistic analysis, linguoculturological

References (transliterated)

1. Aleksandrova A. L. Tvorchestvo A.N. Tolstogo v sovremennykh issledovaniyakh // Vestnik TeGU. Seriya Filologiya. – TeGU, 2015. – N 1, 361 s. – c. 283 – 289. – C. 288.
2. Borozdina P.A. A.N. Tolstoi v sovremennom prochtenii: polemicheskie zametki // Bereginia 777. Sova, 2013. – N 1 (16). – c. 69 – 84. – C. 28.
3. Vorkachev S.G. Bezrazlichie kak etnosemanticheskaya kharakteristika lichnosti: opyt sopostavitel'noi paremiologii // VYa. 1997. – N 4, 159 c. – S. 115-124.
4. Gachev G. Natsional'nye obrazy mira: kurs lektsii / Georgii Gachev; «Akademiya». – Moskva: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 1998. – 429 s.
5. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenii v shesti tomakh. T. 5. Roman-epopeya «Mertvye dushi» / N.V. Gogol' – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Khudozhestvennoi literatury, 1959. – 576 s. – S. 575.

6. Dal' Vladimir. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka / Vladimir Dal'; «Russkii yazyk». – Moskva: «Russkii yazyk» T. 1-4. – 1978–1980. – Tom IV. R – V. – 1980, 683 s. – S. 168.
7. Il'in I.A. Sobranie sochinenii v desyati tomakh. T.10. Natsional'naya Rossiya Glava 15. Lyubov' k Rodine / I.A. Il'in – Moskva: izdatel'stvo «Russkaya kniga», 1999. – 503 c. – C. 363.
8. Karasik, V. I. O kategoriakh lingvokul'turologii // Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoi deyatel'nosti. – Volgograd, 2001. – S. 3–16.
9. Ozhegov, S.I. Slovar' russkogo yazyka. Pod red. chlena-korrespondenta AN SSSR N.Yu. Shvedovoi; «Russkii yazyk». – Moskva: Izd-vo «Russkii yazyk», 1987, 796 s. – S. 499.
10. Petrovtseva N.Yu., Evsetsova E.A. Orientatsiya kontseptsii natsional'noi identichnosti v tvorchestve A.N. Tolstogo na grazhdansko-patrioticheskie tsennosti // «Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya». – 2019. – N 6 (79) – s. 691-693 – S. 691.
11. Pushkin, A.S. Evgenii Onegin. Stikhotvoreniya i poem. Proza. Dramaturgiya – Azbuka. Sankt-Peterburg, 2013. – 1354 s. – S. 222.
12. Rasputin, V.G. Posluzhit' Rossii // «Mir zhenshchiny». – 1992. – N 1, 68 s. – S. 2.
13. Cemenova, A.V. Lingvospetsificheskie kontsepty kak faktor obrazovaniya angliiskogo yazyka // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – M., MGU. – 2018 – S. 81.
14. Clovar' russkogo yazyka: v 4-kh tomakh. (MAS) T. 3 (P – R) / pod red. A.P. Evgen'evoi. – Moskva: AN SSSR, Institut russkogo yazyka, izd-vo Russkii yazyk, 1985 – 1988. – S. 750.
15. Stepanov, Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya. – M., izd-vo «Yazyki slavyanskoi kul'tury». – 1997. – 825 s. – S. 40-43.
16. Tolstoi, A.N. Sobranie sochinenii. V 8 t. T. 6. – Moskva: Biblioteka «Ogonek». Izdatel'stvo «Pravda», 1972. – 462 s.
17. Tolstoi, A.N. Polnoe sobranie sochinenii. V 10 t. T. 10. Publitsistika. Kak ya rabotayu – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1961. – 710 s. – C. 131.
18. Tolstoi, A.N. Polnoe sobranie sochinenii. V 10 t. T. 1. Kratkaya biografiya – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1961. – 710 s. – C. 89–90.

From the experience of using media texts in RFL classes in a group of 4th-year philology students of Shenzhen MSU-BIT University

Danilina Olga

Russian Language Centre, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Guangdong Province, Shenzhen, Guojidasueyuan str., 1

✉ olgadanilina@mail.ru

Abstract. Recently, the concept of a language environment has acquired particular importance in the methodology and practice of teaching RFL, the key component of which is a textbook accompanied by culturological materials, including media texts, understood as "dynamic complex units of the highest level through which speech communication is carried out in the field of mass communications" (N. A. Kuzmina). Being the main unit of the media stream

division, it unites various types of media products.

Taking into account the current stage of technology development, the use of media texts at the B2-C1 language proficiency levels, characterized by broad communicative competence, understanding of the nuances of intercultural communication, seems appropriate and desirable. Although some authentic Internet texts require the formation of communicative competence in foreign recipient students close to the capabilities of native speakers, they are necessary for solving certain methodological tasks. In this regard, the work with an authentic post on the topic of intelligence from the site "Pikabu" in a group of 4th-year philology students of the Shenzhen MSU-BIT University preceded the discussion of the topic based on the material of reviews of the book by D. S. Likhachev "Letters about good and beautiful". The chosen media text allowed students to analyze, interpret the statement, and evaluate it. The discussion of the semantic side of the text activated their critical thinking, the development of communicative abilities. The discussion of the language side made it possible to attract the attention of students to its stylistic and genre features. The motivation of students while discussing the topic on the material of the post increased, so the subsequent study of the text of Likhachev's letter took place in an atmosphere of interest.

Thus, the work with authentic material that is minimal in volume, but as representative as possible for the modern Russian media space, has proved its motivating and cognitive value. The use of media products of the considered type in Russian language classes at an advanced stage is a way to increase the motivation of students while discussing complex socio-cultural and linguistic problems.

Keywords: review, motivation, intellectuality, post, communicative competence, language competence, authentic materials, media text, RFL methodology, stylistics

References (transliterated)

1. Zhuravleva N. A. Yazykovaya sreda kak obuchayushchii faktor i rezerv povysheniya effektivnosti kratkosrochnogo obucheniya russkomu yazyku [Tekst]: dis. ... kand. ped. nauk. 13.00.02. / N. A. Zhuravleva. — Khar'kov, 1981. — 223 s.
2. Bogomolov A. N., Dunaeva L. A. Autentichnyi tekst i autentichnaya yazykovaya sreda v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [Tekst] / A. N. Bogomolov, L. A. Dunaeva // Russkii yazyk za rubezhom. — 2018. — № 5. — S. 94–100.
3. Vyatyutnev M. N. Teoriya uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo (metodicheskie osnovy) / M. N. Vyatyutnev. — M.: Rus. yaz., 1984. — 144 s.
4. Sovremennyy mediatekst [Elektronnyi resurs]: ucheb. posobie / otv. red. N. A. Kuz'mina. — 3-e izd., ster. — M.: FLINTA, 2014. — 416 s.
5. Kuz'mina N. A. Intertekstual'nost' sovremennykh SMI: tendentsii razvitiya [Tekst] / N. A. Kuz'mina // Mediadiskurs: novye yavleniya i novye podkhody: kollektiv. monogr. / pod red. N. A. Kuz'minoy. — Omsk, 2010. — S. 446.
6. Yazyk sredstv massovoi informatsii: uchebnoe posobie dlya vuzov / pod red. M. I. Volodinoi. — M.: Akademicheskii Proekt, Al'ma Mater, 2008. — 760 s.
7. Shmeleva T. V. Avtorskoe nachalo mediinogo teksta: udel'nyi ves // Yazyk. Diskurs. Tekst: V Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya yubileyu prof. G.F. Gavrilovoi : Trudy i materialy. Ch. I / Pedagogicheskii institut Yuzhnogo federal'nogo universiteta. — Rostov-na-Donu: AkademLit. 2010. — S. 325–327.
8. Krasnykh V. V. Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya) [Tekst] / V. V. Krasnykh; MGU im. M. V. Lomonosova, Filol. fak. — M.: Dialog-MGU, 1998. — 350 s.

9. Azimov E. G. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v obuchenii RKI: sostoyanie i perspektivy [Tekst] / E. G. Azimov // Russkii yazyk za rubezhom. — 2011. — № 6(229). — S. 45–55.
10. Mikhailov S. N. Ispol'zovanie setevykh dnevnikov v protsesse ovladeniya RKI [Tekst] / S. N. Mikhailov // Russkii yazyk za rubezhom. — 2006. — № 3(197). — S. 76–79.
11. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo na nachal'nom etape (uroven' A1, A2) / S. S. Khromov, N. A. Gulyaeva, V. G. Apal'kov, N. K. Nikonova // Otkrytoe obrazovanie. — 2015. — № 2(109). — S. 75–81.
12. Chubarova O. E. Tvorcheskii podkhod k sozdaniyu uchebnykh tekstov: lingvometodicheskii aspekt (nachal'nyi etap obucheniya) [Tekst]: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02. / O. E. Chubarova. — M., 2007. — 265 s.
13. Bogomolov A. N. Metodika obucheniya russkomu yazyku i kul'ture rechi inofonov srednego i prodvnutogo etapa obucheniya po materialam autentichnykh mediatekstov / A. N. Bogomolov // Problemy prepodavaniya kursa Russkii yazyk i kul'tura rechi v vuzakh: Kruglyi stol (Mezhdunarodnaya nauchno— prakticheskaya konferentsiya). M., MGU imeni M.V. Lomonosova, 21 oktyabrya 2016 g. — M.: Nauchnyi konsul'tant, 2016. — S. 153–157.
14. Dunaeva L. A. Informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii v obuchenii inostrannykh uchashchikhsya gumanitarnykh spetsial'nostei nauchnomu obshcheniyu [Tekst]: Monografiya / L. A. Dunaeva; MGU im. M. V. Lomonosova, Filol. f-t. — M. : MAKS Press, 2006. — 292 s.
15. Nosonovich E. V. Metodicheskaya autentichnost' v obuchenii inostrannym yazykam [Tekst] / E. V. Nosonovich // Inostrannye yazyki v shkole. — 2000. — № 1. — S. 11–16.
16. Nosonovich E. V., Mil'rud R. P. Parametry autentichnogo uchebnogo teksta [Tekst] / E. V. Nosonovich, R. P. Mil'rud // Inostrannye yazyki v shkole. — 1999. — № 1. — S. 18–23.
17. Russkii yazyk v tekstakh o filologii: posobie dlya inostrannykh uchashchikhsya [Tekst] / Velichko A. V., Yudina L. P. — M.: Rus. yaz. Kursy, 2008. — 254 s.
18. Likhachev D. S. Pis'mo dvenadtsatoe «Chelovek dolzhen byt' intelligenten!» // Pis'ma o dobrom i prekrasnom [Elektronnyi resurs]. URL: <https://pub.wikireading.ru/13972> (data obrashcheniya: 05.04.2021).
19. Sait «Pikabu» [Elektronnyi resurs]. URL: https://pikabu.ru/story/mnogo_sredi_nas_intelligentov_4001908 (data obrashcheniya: 07.04.2021).

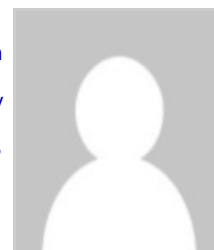
Specifics of V. K. Kuchelbecker's artistic historiosophic views (based on the materials of his European Letters)

Gofshtein Oleg Georgievich

Postgraduate student, Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin str., 38

✉ zavuch@magpedcol.ru

Rudakova Svetlana Viktorovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin str., 38

✉ rudakovamasu@mail.ru

Abstract. The question of artistic historiosophy is a problem that has been actively discussed in recent decades. Historiosophy is an area of interest for historians, philosophers and sociologists. Artistic historiosophy is directly related to the aesthetic side of works, this is the sphere of interests of literary critics; studying it, they comprehend the text, its images and plots in a new way, including them in various social, historical, moral and philosophical processes, revealing the peculiarities of the author's view of the phenomena of life - present, past and future. One of the insufficiently studied works of the Russian romanticist, representative of the Decembrist movement V.K. Kuchelbecker is examined in this aspect. The research material is the novel by Kuchelbecker "European Letters". The proposed work is based on the methods of historiosophical analysis of literary works and the historical-typological method. Scientific novelty of the proposed study is due to the fact that the issues of historiosophy in Kuchelbecker's "European Letters" have not been considered in the scientific literature. In the process of analyzing the "European Letters", the author's unusual view of the categories of the past, present, and future is revealed, which allows modeling the image of an ideal social world, on the one hand, and on the other hand, to give a detailed description of the socio-historical processes taking place in European and Russian life, the modern Kuchelbecker period, emphasizing the special Messianic path of Russia.

Keywords: Messianism, Russia, Europe, utopia, journey, epistolary form, European letters, artistic historiosophy, Kuchelbecker, ideal

References (transliterated)

1. Aksenova M. V. «Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Frantsii» N. I. Grecha v kontekste russkoi literatury puteshestvii XIX veka // Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal. 2020. № 3(7). S. 7-21.
2. Beresneva Zh. A. Kul'turologicheskaya mysl' v Rossii v kontekste zhanra literaturnogo puteshestviya. M.: FGBOU VO "Rossiiskii gosudarstvennyi universitet imeni A.N. Kosygina ", 2022. 167 s.
3. Golubkov S. A. Literatura kak khudozhestvennaya istoriosofiya // Nauka i kul'tura Rossii. 2014. T. 1. S. 168-169.
4. Darenskii V. Yu. Khudozhestvennaya istoriosofiya Pushkina kak fenomen russkogo natsional'nogo samosoznaniya // Gumanitarnyi vektor. 2018. T. 13, № 1. S. 71-79.
5. Zaitseva, N. V. Istorijsofiia kak sotsiokul'turnyi i kognitivnyi fenomen // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2-2(93). S. 165-169.
6. Kapustin N. V. Istorijsofiia Chaadaeva i russkoe slovo // Russkaya rech'. 2022. № 2. S. 110-117.
7. Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika. Moskva: Pravda, 1980. 607 s.
8. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Nabrosok Lermontova «U Rossii net proshedshego...» v kontekste «vostochnogo voprosa»: k probleme khudozhestvennoi istoriosofii poeta // Nauchnyi dialog. 2022. T. 11, № 3. S. 265-283.
9. Kyukhel'beker V. K. Sochineniya. / Sost., podgot. teksta, komment. V. D. Raka, N. M.

- Romanovoi. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 576 s.
10. Logunova N. V. Khudozhestvennyi epistolyarnyi diskurs i inye raznovidnosti literaturnogo narrativa: k probleme sopostavleniya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 2009. № 5(153). S. 128-133.
  11. Matevosyan A. A. Vektor issledovaniya komponentov khudozhestvennoi istoriosofii v istoricheskikh romanakh A. F. Vel'tmana // Khudozhestvennaya slovesnost': teoriya, metodologiya issledovaniya, istoriya. T.2. Moskva: Litera, 2019. S. 64-71.
  12. Nikol'skii S. A. K kritike konservativnoi interpretatsii istorii i obosnovaniyu znachimosti khudozhestvennoi literatury v stanovlenii otechestvennoi istoriosofii // Voprosy filosofii. 2020. № 10. S. 110-121.
  13. Pogadai E. V. Zhanr literaturnogo traveloga kak sotsiokul'turnyi fenomen // Yazyk i kommunikatsiya v kontekste kul'tury: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii, Rostov-na-Donu, 20 aprelya 2022 goda. Rostov-na-Donu: Rostovskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet "RINKh", 2022. S. 339-344.
  14. Roginskaya O. O. Roman v pis'makh kak tip khudozhestvennogo teksta // Tekst. Intertekst. Kul'tura: Materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 4-7 apr. 2001 g.). M., 2001. S. 41-45.
  15. Rusakova O. F. Istoriosofiya: tolkovaniya predmeta i tipologiya // Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. 2002. № 3. S. 3-28.
  16. Russkii proekt ispravleniya mira i khudozhestvennoe tvorchestvo XIX–XX vekov. Otvetstvennyi redaktor N. V. Kovtun. Moskva: Flinta, 2014. 404 s.
  17. Russkii travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy / pod red. T. I. Pecherskoi, N. V. Konstantinovoi. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2016. 462 s.
  18. Sorokina T. E. Khudozhestvennaya istoriosofiya kak teoreticheskaya problema. Rostov-na-Donu: IPO PI YuFU, 2009. 155 s.
  19. Stafeeva N. A. Svoeobrazie «Evropeiskikh pisem» V. K. Kyukhel'bekera // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 8 (50): v 3-kh ch. Ch. III. C. 182–184.
  20. Faizrahmanova A. A. Tipologiya zhanra literaturnoi utopii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 13 (194). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 43. S. 136–145.
  21. Khrolikova V. A. Epistolyarnyi roman v istoriko-teoreticheskom osveshchenii // Litteraterra : materialy V Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh: elektronnyi resurs, Ekaterinburg, 02–03 dekabrya 2016 goda / Glavnyi redaktor I.A. Semukhina. Vypusk 11. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2016. S. 7-18.
  22. Shevyrev S. P. Vzgl'yad na sovremennoe napravlenie russkoi literatury / S. P. Shevyrev // Moskovityanin. 1842. №1. S. 1-32.

Online cinemas as new media

Murzina Olga Viktorovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Journalism and TV Technologies, Russian State University named after A. N. Kosygin

117997, Russia, Moscow, Sadovnicheskaya str., 33/1, office 214a

✉ 210978@list.ru

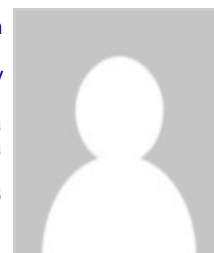
Grabel'nikov Aleksandr Anatol'evich

Doctor of History

Professor, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia
named after V.I. Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ grab@mail.ru

Tsitsinov Andrei Yur'evich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Journalism, Media Communications and Advertising, Moscow University
named after A.S. Griboyedov

66a Zeleny Prospekt str., Moscow, 111396, Russia

✉ wanderer999@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is online cinemas (streaming services, streaming platforms), understood by the authors of this study as new media. The object of the study is a set of features of new media, considered on the basis of streaming services on the Russian market. The authors consider in detail such aspects of the topic as the features of the content of online cinemas, their correlation with new media and format television, building a user trajectory of content and the possibility of posting user reviews. Particular attention is paid to the transformation of format television into neotelevision using the tools of modern technologies and the capabilities of convergent online platforms with content diversification. The main conclusions of the study are the classification of online cinemas as an intermediate variant of new media: the renovation of the features of traditional media on a new platform. Unlike traditional cinemas, which do not position themselves as media platforms, online cinemas allow viewing news content, promptly tracking events in the world and at the same time viewing entertainment and educational content in a user-friendly mode. A special contribution of the authors to the study of the topic is an appeal to online cinemas from the perspective of journalism and media, which was not previously presented in Russian science. The novelty of the research lies in the consideration of streaming services as part of the media and as part of a modern media system that includes both fundamentally new media and the renovation of existing formats.

Keywords: media, television, neotelevision, youth media, user content, streaming platforms, online cinema, new media, convergent mass media, mass media

References (transliterated)

1. Gegelova N.S., Grabel'nikov A.A. Rossiiskoe televidenie: gody reform. M.: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2022. 225 s.
2. Lobanova S. N. Aktual'nye instrumenty prodvizheniya dlya strimingovykh ploshchadok // Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy. 2023. № 2. S. 37-42.
3. Lobanova S.N. Prodvizhenie onlain-servisov s pomoshch'yu podpisnykh prodazh // Prikladnye ekonomicheskie issledovaniya. 2023. № 1. S. 94-100.
4. Lytkin S.O., Cherkasov R.Sh. Osobennosti potrebleniya kino molodezh'yu Arkhangel'ska // Aktual'nye problemy sotsial'nogo razvitiya. filosofskie i sotsiologicheskie

- issledovaniya. Materialy V Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh. Arkhangel'sk, 2022. S. 495-500.
5. Mel'nikova V.A. Voprosy pravovogo regulirovaniya onlain-kinoprokata // Tsifrovaya transformatsiya upravleniya: problemy i resheniya – 2022. Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 2022. S. 90-93.
  6. Moiseenko A.M., Grineva N.V. Opredelenie optimal'noi tsenovoi strategii dlya onlain-kinoteatrov s pomoshch'yu agentnoi modeli na primere Ivi i Kinopoiska // Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki. 2023. T. 19. № 2. S. 197-208.
  7. Onlain-kinoteatry v Rossii: bol'shoi obzor servisov ot TelecomTimes // <https://vc.ru/media/502331-onlayn-kinoteatry-v-rossii-bolshoy-obzor-servisov-ot-telecomtimes>
  8. Poludina V.P. Informatsionnyi shum v Internetе kak problema potrebleniya kommunikatsii // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2011. № 5. S. 386-394.
  9. Pukhlyakov A.A. Rost populyarnosti onlain-kinoteatrov v svyazi s pandemiei virusa Covid-19 // Bukhgalterskii uchet, analiz i audit: proshloe, nastoyashchee, budushchee. sbornik nauchnykh statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem). Novosibirskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i upravleniya «NINKh». Novosibirsk, 2022. S. 219-222.
  10. Sizikova Yu. Putevoi ocherk XXI veka: novye osobennosti starogo zhanra // Media: demokratiya: rynok: Ch. 2: funktsionirovanie sredstv massovoi informatsii v sfere dosuga: mater. mezhdunar. nauch.-praktik. konf. / Pod. red. L. R. Duskaevoi. SPb.: Asterion, 2010. S. 199-205.
  11. Soshnikova I.V. Sovremennye tendentsii kinodistrib'yutsii. novye tekhnologii prodvizheniya i prokata audiovizual'noi produktsii // Reklama i PR v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Materialy XIX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 2022. S. 164-167.
  12. Totarkulova A.A. Nekotorye aspekty nyneshnego polozheniya informatsionnoi i razvlekatel'noi industrii na territorii RF posle vvedeniya sanktsii // Tsenovoi i kreditno-finansovoi mekhanizm stimulirovaniya ekonomicheskogo razvitiya Rossii v sovremennykh usloviyakh (mirovoy opyt i otechestvennaya praktika). Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Karachaevesk, 2022. S. 331-336.
  13. Khadasevich V.A., Shostak V.V. Aktual'nye problemy pravogo regulirovaniya onlain-kinoteatrov v RF // Aktual'nye problemy chastnogo prava. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi studencheskoi konferentsii pamyati dotsenta S.V. Nikolyukina. Moskva, 2022. S. 896-900.
  14. Shomova S.A. Novye media i «novaya etika»: k voprosu o tsennostnykh transformatsiyakh zhurnalistskoi professii // Medi@l'manakh. 2016. № 4 (75). S. 12-20.

Translation ethics in the light of the Chinese ecological model of translation

Li Tszyasin

Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University

119415, Russia, Moscow region, Moscow, Udaltsova str., 16, sq. 90

✉ dljx999@gmail.com

Abstract. Translation is a kind of cross-cultural interaction of people, and ethical relations have existed since the emergence of human relations. The main task of the translator is to coordinate relations between different cultures, languages and subjects of translation, therefore, the role of the translator is closely linked to ethics from the very beginning of the translation activity, and the activities and duties of the translator are carried out ethically consciously. The purpose of the study is to describe the study of translation ethics in China and a detailed study of translation ethics from the point of view of the ecological model of translation. The author shows how erroneous translations can be caused by the irresponsible behavior of translators due to their incorrect ethical views and values. In this process, the author uses an analytical method and a comparative method. According to the results of the study, it was concluded that, theoretically, it is necessary to continue improving the value and ethical aspects of the ecological model of translation; as for the existing problem of incorrect translation, according to the author, efforts should be made to create a beneficial cycle of translation ecology. Against the background of numerous research perspectives, the science of translation attaches importance to translators, returns to ethics and focuses on relationships and behavior in the system of moral values. The results of the study are important for the improvement of the Chinese translation, the development of translation theory and the training of translators.

Keywords: translation process, translation value, translation ecology, translation community, responsibility, interpreter, translation ecomodel, translation ecology theory, translation ethics, selection and adaptation

References (transliterated)

1. Garbovskii N.K. Teoriya perevoda: uchebnik. 2-e izd. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007. – 544 s.
2. Garbovskii N.K., Kostikova O.I. Perevod i obshchestvo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda, izdatel'stvo Izd-vo Mosk. un-ta (M.), 2018, № 1, S. 17-40.
3. Li Tszyasin'. Skhodstva i razlichiya mezhdru ekoperevodovedeniem i zapadnymi teoriyami perevoda // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda, izdatel'stvo Izd-vo Mosk. un-ta (M.), 2022, № 2, S. 26-43.
4. 胡庚申, 译论研究的一种尝试——翻译适应选择论的实证调查[J]. 外语与外语教学, 2004(4) : 40-44. (Khu Gen'shen'. Eksperiment v perevodovedenii – empiricheskoe issledovanie teorii vybora adaptatsii pri perevode // Inostrannye yazyki i prepodavanie inostrannykh yazykov, 2004(4). – S. 40-44)
5. 胡庚申. 生态翻译学—建构与诠释(M). 商务印书馆, 2013: 512. (Khu Genshen'. Ekomodel' perevoda — postroenie i interpretatsiya (M). Kommercheskaya pressa, 2013. – 512 s)
6. 胡陈尧, 论贝尔曼翻译伦理思想的哲学蕴含[J]. 外国语(上海外国语大学学报), 2022, 45(01): 79-85. (Khu Chen'yao, O filosofskikh posledstviyakh eticheskoi mysli Bellmana dlya perevoda // Inostrannye yazyki (zhurnal Shankhaiskogo universiteta mezhdunarodnykh issledovaniy), 2022, 45(01). – S. 79-85.)
7. 黄晓珊, 生态翻译学视阈下译者的职责——以《契诃夫短篇小说选》汝龙译本中的注释为例[J]. 广东技术师范学院学报, 2014, 35(9): 96-102. (Khuan syaoshan'. Obyazannosti perevodchikov v kontekste ekologicheskogo perevodovedeniya: primer annotatsii v perevode Zhuluna «Izbrannye rasskazy Chekhova» // Vestnik Guandunskogo tekhnicheskogo pedagogicheskogo kollidzha, 2014, 35(9). – S. 96-102.)
8. 刘云虹, 译者伦理: 身份、选择、责任——皮姆《论译者的伦理》解读[J]. 中国翻译, 2014, 35(05): 18-23

- (Lyu Yun'khun, Etika perevodchika: identichnost', vybor, otvetstvennost' – interpretatsiya stat'i Pima «Ob etike perevodchikov» // kitaiskii perevod, 2014,35(05). – S. 18-23)
9. 罗迪江. 翻译研究中的价值理性与人文精神[J]. 外语学刊, 2022(02):42-47 (Lo Ditszyan. Tsennostnaya ratsional'nost' i gumanizm v perevodovedenii // Zhurnal inostrannykh yazykov, 2022(02). – S. 42-47)
  10. 吕俊. 共识性真理与建构主义翻译学——论建构的翻译学之真理观[J]. 外语学刊, 2005(06):59-65 (Lyu Tszyun'. Konsensual'naya istina i konstruktivistskii perevod – O konstruktivnom vzglyade na istinu v perevode // Zhurnal inostrannykh yazykov, 2005(06) S. 59-65)
  11. 欧阳东峰. 翻译伦理研究的跨学科反思[J]. 社会工作与管理, 2017, 17(2): 88-92. (Ouyan Dunfen. Mezhdistsiplinarnye razmyshleniya ob issledovaniyakh perevodcheskoi etiki // Sotsial'naya rabota i upravlenie, 2017, 17(2). – S. 88-92)
  12. 汝宜陵, 史永利. 爸爸汝龙教我们搞文学翻译[J]. 中国翻译, 1996(4):29-32. (Zhu Ilin, Shi Yunli. Papa Rulong učit nas literaturnomu perevodu // Kitaiskii perevod, 1996(4). – S. 29-32)
  13. 陶源. 翻译伦理研究述评[J]. 外语教育研究, 2020(2):54-60. (Tao Yuan'. Obzor issledovaniy po etike perevoda // Issledovaniya v oblasti obucheniya inostrannym yazykam, 2020(2). – S. 54-60.)
  14. 王大智. 关于展开翻译伦理研究的思考[J]. 外语与外语教学, 2005(12): 44-47. (Van Dachzhi. Razmyshleniya o razvitii issledovaniy perevodcheskoi etiki // Inostrannyi yazyk i prepodavanie inostrannykh yazykov, 2005(12). – S. 44-47.)
  15. 王大智. “翻译伦理”概念试析[J]. 外语与外语教学, 2009(12):61-63. (Van Dachzhi. Analiz ponyatiya «perevodcheskaya etika» // Inostrannyi yazyk i prepodavanie inostrannykh yazykov, 2009(12). – S. 61-63.)
  16. 许建忠. 翻译生态学. 北京:中国三峡出版社, 2009. 348 (Syui Tszyan'chzhun, Ekologiya perevoda. Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskie tri ushel'ya, 2009. – S. 348)
  17. 杨镇源. 翻译伦理研究. 上海:上海译文出版社. 2013. 289 (Yan Chzhen'yuan', Issledovaniya po etike perevoda. Shankhai: Shankhaiskaya perevodcheskaya pressa. 2013. – S. 289)

Didactic potential of intellectual games in teaching scanning

Shirlina Elena Nikolaevna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Foreign and Russian Languages at the Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

308007, Russia, Belgorod region, Belgorod, Sadovaya str., 13, sq. 6

✉ shirl2005@yandex.ru

Kostina Natalya Ivanovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor at the Second Foreign Language Department, Belgorod State National Research University

308007, Russia, Belgorod region, Belgorod, Studentskaya str., 14

✉ kostina@bsu.edu.ru

Kostina Darya Mikhailovna

PhD in Philology

Associate Professor at the Second Foreign Language Department, Belgorod State National Research University

308007, Russia, Belgorod region, Belgorod, Studentskaya str., 14

✉ kostina_d@bsu.edu.ru

Abstract. The authors consider the role of scanning in the formation of linguistic and general academic competences, the skills needed to find the necessary information in the text, the stages of work on the text, as well as the difficulties associated with the teaching of scanning. The focus is on the role of active reading and gamification elements in overcoming these difficulties. The aim of the paper is to establish the extent to which active pre-reading and teamwork in a competitive environment will affect students' motivation to learn scanning and the quality of the acquisition of information. The article gives recommendations on how to organize the learning of exploratory reading in the format of an intellectual game and gives an example of an intellectual game "What? Where? When?" on the basis of a country study text. The novelty of the research consists in the authors' proposed approach to intellectual games as a tool not only for assessing students' knowledge, but also for shaping students' scanning competence. The intellectual game which was held with the students of non-language specialties allowed to reveal the main advantages and difficulties of using such a format, to find ways of overcoming them, to work out the recommendations for conducting intellectual games based on the work with the text. The results allowed us to confirm the hypothesis about the increase of motivation to reading through intellectual game activity, the ability to concentrate on the content of the text and not only on the language aspect, as well as increasing the level of cognitive activity.

Keywords: active reading, interdisciplinary competence, after-reading, reading stage, pre-reading stage, brain game, motivation, heuristic competence, gamification, scanning

References (transliterated)

1. Evpilova E.V. Geimifikatsiya kak sredstvo povysheniya motivatsii k obucheniyu // Odintsovskie chteniya. M., 2013. URL: <http://evplova.ru/nauchnye-i-metodicheskie-statii/53-gejmifi> (data obrashcheniya: 17.06.2019).
2. Ivanova L.A. Lukomskaya E.L. Tekhnologiya obucheniya raznym vidam kursornogo chteniya inoyazychnykh tekstov studentov nefilologicheskikh spetsial'nostei // Novyi mir. Novyi yazyk. Novoe myshlenie. M.: MII, 2023. S. 188-193.
3. Silaev P.V. Geimifikatsiya knig-igr i razvitie navykov oznakomitel'nogo i poiskovogo chteniya na inostrannom yazyke // Problemy sovremennoi lingvodidaktiki. Smolensk, 2019. S. 7-18.
4. Folomkina S.K. Obuchenie chteniyu na inostrannom yazyke v neyazykovom vuze. M.: Vysshaya shkola, 2005. 255 s.
5. Brink A. Anfertigung wissenschaftlicher Arbeiten: ein prozessorientierter Leitfaden zur Erstellung von Bachelor-, Master-und Diplomarbeiten. Wiesbaden: Springer Gabler, 2013. 288 S.
6. Kovalenko I.V., Skvortsova T.P. Game technologies and gamification techniques in teaching English: an analysis of pedagogical experience // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics, 2022. Pp. 382-392.
7. Lee J. Gamification in education: what, how, why bother? In Academic Exchange Quarterly. 2011. № 15 (2). Pp. 2-10.

8. OECD: Ein Profil der Schülerleistungen in Lesekompetenz. PISA 2012 Ergebnisse: Was Schülerinnen und Schüler wissen und können (Band I, Überarbeitete Ausgabe, Februar 2014) Schülerleistungen in Lesekompetenz, Mathematik und Naturwissenschaften. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264208858-de> (data obrashcheniya: 10.06.2023).
9. Schoenbach R., Greenleaf C., Cziko C., Hurwitz L. Lesen macht schlau: Neue Lesepraxis für weiterführende Schulen. Berlin: Cornelsen Scriptor, 2007. 232 S.
10. Sheerin S., Seath S., White G. Spotlight on Britain: second edition. Oxford University Press, 1990. 140 p.
11. Texte gezielt(er) lesen. URL: https://www.vwl.uni-mannheim.de/media/Fakultaeten/vwl/Dokumente/Leitfaden_Lesen.pdf (data obrashcheniya: 12.06.2023).
12. Tsitavets T.Y. Gamification in higher education: contemporary issues: Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennyi 80-letiyu GrGU im. Yanki Kupaly. Grodno: Grodnenskiy gosudarstvennyi universitet imeni Yanki Kupaly, 2020. S. 256-257.

Conceptual analysis of the narrative strategy of the text of the propaganda speech from the position of the post-Romanov psychoanalytic approach

Ivanova Victoria

Postgraduate Student at the Department of History of Journalism and Literature, A.S. Griboyedov Moscow University. A.S. Griboyedov Moscow University

124482, Russia, Moscow, Zelenograd str., -, of. -

✉ ivanovamglu@gmail.com

Abstract. The article presents the author's version of narrative analysis based on the methodology of post-Romanov political psychoanalysis and discourse analysis of the text of a propaganda speech. The concepts of the master signifier, the points of attachment, the double movement of signifiers in the structure of the narrative as the basis for the internalization of the ideas and values of the narrative by the addressee of communication are actualized. The matrix of the university's discourse is considered as a constructive basis that ensures the promotion and functioning of the narrative. The analysis of the case of the speech of the US Secretary of State Colin Powell at the UN Security Council on February 5, 2003 is given. The initial theoretical positions and conclusions are correlated with the data of public opinion polls conducted by the Gallup Institute. The author's main contribution to the theory of narrative analysis is the approbation of the conceptual apparatus of political psychoanalysis to propaganda texts. The study of the phenomenon of internalization of the narrative of war in the mass consciousness requires a deep understanding of the driving forces underlying the processes under study. For the first time, the media text is analyzed from the perspective of a psychoanalytic approach, with the possibility of defining and describing specific reference points of a speech that determine its structure and final result. The proposed study lays the prerequisites for the further development of the concept of the narrative life cycle and the formulation of the concept of the counter-narrative, the definition of the inherent limitations and opportunities of this life cycle.

Keywords: The narrative of war, Military journalism, The post - Lacanian paradigm, The Master signifier, Quilting points, The life cycle of a narrative, University discourse, Narrative

analysis, Propaganda, Political psychoanalysis

References (transliterated)

1. Kudryavtseva Z.G. Strukturirovanie narrativa konflikta v mediinoi kommunikatsii// Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika. 2021. №3.
2. Marchenko G. V., Chimarov S. Yu., Igoshin N. A. Narrativy informatsionnykh voyn: istoriya i sovremennost'// Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2021. №4 (148).
3. Ageenkova E.K. K voprosu o probleme narrativov i kontrnarrativov v deyatel'nosti mezhdunarodnogo islamistskogo dvizheniya Khizb ut-Takhrir// Islamovedenie. 2022. №3 (53).
4. Poroshkov M.M. Konstruirovanie politicheskikh narrativov kak instrument politicheskogo diskursa dlya razvitiya ideologicheskikh kontseptov i ideologii: problemy teorii i praktiki// Sotsiodinamika. 2022. №4.
5. Bronner E. A foreign correspondent who does more than report // The New York Times. - 2005. - 19.11. - 5.
6. Fisk R. The great war for civilization: the conquest of the Middle East. - New York: Vintage Books , 2007. - 956 s.
7. Lacan J. The four fundamentals of psychoanalysis. - London: Penguin, 2007.
8. Žižek S. The sublime object of ideology. - London; New York: Verso, 1989.
9. Stavrakakis Y. Lacanian and the Political.. - London; New York: Routledge, 1999.
10. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and social strategy. - London: Verso, 1985.
11. Hook D., Vanheule S. Revisiting the master-signifier, or, Mandela and repression // Frontiers in psychology . - 2016. - №6. - S. 25-30.
12. Uzlauer D. Zhak Lakan: vvedenie. - M.: RIPOL klassik, 2022. - 288 s.
13. Nazio Kh.-D. Pyat' urokov po teorii Zhaka Lakana. - M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2015. - 176 s.
14. Berning N. Narrative means to journalistic ends. - Hamburg: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2011. - 158 s.
15. Žižek S. Iraq: the borrowed kettle. - London: Verso, 2004. - 188 s.
16. Lassuell G. Tekhnika propagandy v mirovoi voine. - M.: «Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2021. - 237 s.
17. Operation Iraqi Freedom (OIF) History Brief // National Security Archive URL: <https://nsarchive.files.wordpress.com/2010/10/oif-history.pdf> (data obrashcheniya: 20.06.2023).
18. Powell's U.N. Appearance important to public. Secretary of State enjoys more credibility on Iraq than Bush // GALLUP URL: <https://news.gallup.com/poll/7720/powells-un-appearance-important-public.aspx> (data obrashcheniya: 04.06.2023).
19. Nine key questions about public opinion on Iraq // GALLUP URL: <https://news.gallup.com/poll/6919/Nine-Key-Questions-About-Public-Opinion-Iraq.aspx> (data obrashcheniya: 16.06.2023).
20. Powell remains most popular political figure in America // GALLUP URL: <https://news.gallup.com/poll/6886/Powell-Remains-Most-Popular-Political-Figure-America.aspx> (data obrashcheniya: 16.06.2023).
21. Secretary Powell at the UN: Iraq's failure to disarm // U.S. Department of State Archive URL: <https://2001-2009.state.gov/p/nea/disarm/index.htm> (data

obrashcheniya: 16.06.2023).

22. Public support for Iraq invasion inches upward // GALLUP URL:

<https://news.gallup.com/poll/7990/Public-Support-Iraq-Invasion-Inches-Upward.aspx>
(data obrashcheniya: 16.06.2023).

23. Seventy-two percent of Americans support war against Iraq // GALLUP URL:

<https://news.gallup.com/poll/8038/seventytwo-percent-americans-support-war-against-iraq.aspx> (data obrashcheniya: 16.06.2023).

"Emotion" in the Russian and English language pictures of the world

Shagbanova Khabiba Sadyrovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanities, Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia

625049, Russia, Tyumen region, Tyumen, Amurskaya str., 75

✉ khabiba_shagbanova@list.ru

Abstract. The article describes the functioning of the concepts "emotion" in Russian and English. Emotion as a phenomenon of reality has a multifaceted logical nature, is culturally, lexically and axiologically conditioned. The structure of concepts that can be evaluated as equivalents formalizes the categorization and conceptualization of reality, shows a predisposition to interact with cross-cultural concepts. The existing reality is reflected by a set of nuclear and peripheral meanings of the concept "emotion". The meanings of words illustrate the presence of main and secondary signs, monocentricity and predisposition to the formation of diverse associative connections, which determines the boundaries of semantic variation of the word. In the English language picture of the world, the verbalization of the concept of "emotion" shows signs of a behavior marker, properties of a liquid substance, assessments of cultural life events, a space with a depth characteristic. In the Russian corpus of texts, based on the conducted sampling, the following cases of values were recorded: an attribute of behavior, someone's belonging, an obstacle, a device that can be turned off, an indicator of strong arousal. The author states that the theoretical provisions of the cognitive approach allow us to confidently speak about the correlation of the concept under consideration not only with feelings, but also with reason. In the course of the structural and semantic analysis of the presented constructions, a number of meanings of the polysemantic structure of this formation are revealed in the English-speaking and Russian-speaking semantic space.

Keywords: emotion, comparative historical linguistics, abstract name, mental image, polysemy, semantics, ambiguity, derivation, concept sphere, semantic structure

References (transliterated)

1. Aksenov V. Tainstvennaya strast' [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/63408-vasilij-aksenov-tainstvennaya-strast-roman-o-shestidesyatnikah-avtorskaya-versiya.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
2. Belousova V. Vtoroi vystrel [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.livelib.ru/book/1000741061-vtoroj-vystrel-sbornik-vera-belousova?ysclid=1j0mxghpc9102170650> (data obrashcheniya: 15.06.2023).

3. Glebkin V.V. Leksicheskaya semantika: kul'turno-istoricheskii podkhod. – M.: Tsentr humanitarnykh initsiativ, 2012. – 256 s.
4. Dobrokhoto A.L. Filosofiya kul'tury. – M.: ID VShE, 2016. – 560 s.
5. Kasevich V.B. Kognitivnaya lingvistika: v poiskakh identichnosti. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. – 185 s.
6. Kelle V.Zh. Intellektual'noe i dukhovnoe nachala v kul'ture. – M.: IFRAN, 2011. – 218 s.
7. Kudishina A.A. Gumanizm – fenomen sovremennoi kul'tury. – M.: Akademicheskii Proekt, 2005. – 504 s.
8. Kustova G.I. Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. – 472 s.
9. Linchevskii D. Vrag [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://litbook.ru/article/2206/?ysclid=lj0yv3elb7591478139> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
10. Mikhailova O.A. Ogranicheniya v leksicheskoi semantike: Semasiologicheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1998. – 240 s.
11. Neretina S.S., Ogurtsov A.P., Murzin N.N., Pavlov-Pinus K.A. Aporii diskursa. – M.: IFRAN, 2017. – 119 s.
12. Nikitin M.V. Leksicheskoe znachenie v slove i slovosochetanii: Spetskurs po obshchei i angl. Leksikologii. – Vladimir: Vladimir. gos. ped. in-t im. P.I. Lebedeva-Polyanskogo, 1974. – 222 s.
13. Novikova O. Kazhdyi ubival [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libking.ru/books/detective/1123541-olga-novikova-kazhdyj-ubival.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
14. Romanov R. Vom caminho, ili Piligrimushi na Puti Svyatogo Iakova [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/priklyucheniya/puteshestviya-i-geografiya/444327-roman-romanov-bom-caminho-ili-piligrimushi-na-puti-svyatogo-iakova.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
15. Rubina D. Belaya golubka Kordovy [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/124715-dina-rubina-belaya-golubka-kordovy.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
16. Shalamov V.T. Tetya Polya [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://shalamov.ru/library/2/21.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
17. Shilyaev K.S. Osnovnye kontseptsii kognitivnoi semantiki. – Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2018. – 45 s.
18. Evans V. Kontseptual'naya i mezhslownaya polisemiya: analiz v terminakh teorii leksicheskikh kontseptov i kognitivnykh modelei (LKKM) // Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 2015. – S. 350-387.
19. American Heritage Dictionary [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://ahdictionary.com/word/search.html?q=emotion> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
20. Balzac H. The magic skin [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://genius.com/Honore-de-balzac-the-magic-skin-1-the-talisman-annotated> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
21. Brown D. The da Vinci code [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://davincicode.bib.bz/chapter-41> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
22. Brown D.. Angels & Demons [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/triller/321683-den-braun-angels-demons.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).

23. Chekhov A. The Chameleon [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://www.pushkins-poems.com/Chekhov09.htm> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
24. Christie A. Evil Under the Sun [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/detektiv-i-trillery/klassicheskij-detektiv/274829-agatha-christie-evil-under-the-sun.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
25. Hašek J. The good soldier Švejk [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://books.openedition.org/ceup/1078> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
26. Hemingway E. For whom the bell tolls [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/304002-ernest-heminguej-for-whom-the-bell-tolls.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
27. McCullough C. The thorn birds [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/lyubovnye-romany/sovremennye-lyubovnye-romany/261542-colleen-mccullough-the-thorn-birds.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
28. Priest C. The space machine [Elektronnyi resurs]. – URL: https://royallib.com/book/Priest_Christopher/The_Space_Machine.html?ysclid=lj0mm22gu9649773240 (data obrashcheniya: 15.06.2023).
29. Rowling J. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban [Elektronnyi resurs]. URL: <https://libcat.ru/knigi/priklyucheniya/detskie-priklyucheniya/4251-j-rowling-harry-potter-and-the-prisoner-of-azkaban.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
30. Sheldon S. If tomorrow comes [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/322783-sidney-sheldon-if-tomorrow-comes.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
31. Sheldon S. Master of the Game [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/detektiv-i-trillery/klassicheskij-detektiv/40577-sidney-sheldon-master-of-the-game.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
32. Wilde O. The picture of Dorian Gray [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/14838-oscar-wilde-the-picture-of-dorian-gray.html> (data obrashcheniya: 15.06.2023).

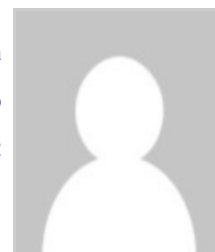
Lexical indicators of exaggeration and understatement of the time of the English language (based on the material of literary texts)

Gurkova Anastasiia Vladimirovna

Teacher, Department of English, State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo

142600, Russia, Moscow region, Orekhovo-Zuyevo, Zelenaya str., 22

✉ avgurkova@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the exaggeration and understatement of the phenomenon in the modern English art text. The object of the study are nouns that act as a means of depicting an exaggerated and understated time continuum. The author examines in detail the semantics of such lexemes as second, minute, moment, year, hour, day, age and their changes within the framework of combinations with other lexical units, during which time intervals are stretched or narrowed. Special attention is paid to the presence of dictionary and author's phrases in the fiction text of the fiction genre, their quantitative calculation and analysis of the frequency of use.

The novelty of the research lies in the search for new non-dictionary and author's phrases that are able to reflect time in terms of its exaggeration and understatement. Such an image of time affects the description of the hero, their actions, the characteristics of not only places, but also specific characters. A special flow of time in the context of a fiction genre literary text is caused by a different flow of the time continuum. The main conclusions of the study are the identification of a high frequency of the use of non-dictionary phrases for exaggeration and understatement of time, as well as a change in the meaning of dictionary phrases that are enclosed in the context of a diceme that allows to expand the semantics of the proposed vocabulary combination of lexemes.

Keywords: continuum, hyperbolization, context, dicema, noun, lexeme, understatement of time, exaggeration of time, non-dictionary phrases, dictionary phrases

References (transliterated)

1. Barkhudarov L. S. Ocherki po morfologii sovremennogo angliiskogo yazyka. M.: LIBROKOM, 2009. 160 s.
2. Blokh M.Ya. Voprosy izucheniya grammaticheskogo stroya yazyka. – M., 1976.
3. Blokh M.Ya. Diktema v urovnevoi strukture yazyka // Voprosy yazykoznaniya. 2000. – №4. S. 56–67.
4. Brunner K. Istoriya angliiskogo yazyka. M.: Izd. LKI, 2010. 720 s.
5. Vorontsova G. N. Ocherki po grammatike angliiskogo yazyka. M.: Izd-vo liter. na inostr. yaz., 1960. 399 s.
6. Gaidenko P.P. Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropeiskoi filosofii i nauke. – M.: Progress-Traditsiya, 2006. – 464 s.
7. Gak V.G. Prostranstvo vremeni // Logicheskii analiz yazyka: Yazyk i vremya / Otv. red. N.D. Arutyunova, T.E. Yanko. M.: Indrik, 1997. S. 122–130.
8. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury. Ch. I. M.: Iskusstvo, 1972. 318 s.
9. Gurkova A.V. Kategoriya khudozhestvennogo vremeni // Kazanskaya nauka. – 2021. – № 5. – S. 63–65. – EDN ZEJFV.
10. Zhigadlo V. N. Sovremennyy angliiskii yazyk: teoreticheskii kurs grammatiki. M.: Literatura na inostr. yaz., 1956. 349 s.
11. Ivanova I. P. Vid i vremya v sovremennom angliiskom yazyke. L., 1961. 199 s.
12. Il'ish B. A. Istoriya angliiskogo yazyka. M.: Izd-vo literatury na inostr. yazykakh, 1958. 418 s.
13. Koshevaya I. G. Problemy yazykoznaniya i teorii angliiskogo yazyka. Grammaticheskii stroi sovremennogo angliiskogo yazyka: teoreticheskii kurs. M.: Knizhnyi dom «Librokom», 2012. 178 s.
14. Koshevaya I. G., Sviridova L. K. Grammaticheskie struktury i kategorii angliiskogo yazyka: teoreticheskii kurs. M.: LIBROKOM, 2010. 192 s.
15. Popova, L. G. O sushchnosti i vozmozhnostyakh ustanovleniya kul'turnoi pamyati slov (sopostavitel'nyi aspekt) / L. G. Popova, V. O. Egorova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 9-1(51). – S. 143–145. – EDN UCNFLX.
16. Rastorgueva T. A. Ocherki po istoricheskoi grammatike angliiskogo yazyka. M.: LIBROKOM, 2008. 168 s.
17. Smirnitskii A. I. Morfologiya angliiskogo yazyka. M.: MGU im. Lomonosova, 1959. 350 s.
18. Yartseva V. N. Istoriya morfologii angliiskogo yazyka. M.: Izd-vo akademii nauk SSSR,

1960. 250 s.

19. Oxford dictionary [Elektronnyi resurs] – URL:

<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (data obrashcheniya: 20.06.2023).

20. Pratchett T., (2017). I shall wear a midnight. London, England: Transworl.

From Transition to Transformation: Liminality, Mask, and Identity in R. J. Palacio «Wonder»

Aouati Somia

Postgraduate Student, Faculty of Philology, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ aouati.somia@gmail.com

Boulberhane Mouna

Postgraduate Student, Faculty of Philology, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia

117190, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ mounaboulberhane9@gmail.com

Saad Haider Luaibi

Postgraduate Student, Faculty of Philology, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia

117190, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ halzamily@uowasit.edu.iq

Ahmad Mahmood Mahmood

Postgraduate Student, Faculty of Philology, Peoples Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ ab.mahmood55@gmail.com

Hezla Lokmane

Postgraduate student, Department of Technosphere Safety, Peoples Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ lokmanehzla@gmail.com

Abstract. The article investigates the separation of the protagonist August Pullman in the novel Wonder written by R. J. Palacio from his previous world that is his home, and the reintegration in his society. This study is made in the lence of literary criticism. It is devoted to trace functions of liminality and the psychological development in the fictional postmodern novel Wonder. As almost all the postmodern children's novels, Wonder mainly revolves and sheds light on the protagonist's change of identity. Using the psychoanalysis approach and the theory by Carl Jung of introversion and extroversion, the article analysis how August manages to figure out how to bridge the gap between the sorts of person he feels, and the kind of person the rest of the world sees him. It depicts his journey of looking for his real identity. The article aims at depicting the journey of the hero crossing the threshold seeking for social acceptance. Furthermore, it depicts the development of the hero's identity from an introvert to an extrovert kid. The novelty lies in employing the concept of liminality

interrelated with psychoanalytic theory in the study of the novel. The result shows that the novel is an instance of liminality and introversion/extroversion through the application of anthropological concept of the Rites de Passage and liminality in parallel with the use of the theoretical approach of C. G. Jung's psychoanalysis of introversion and extroversion. Eventually, the protagonist's personality is developed through out the story in parallel with his reintegration in his society.

Keywords: Van Gennep, Turner, Carl Jung, mask, identity, introvert, extrovert, threshold, rites of passage, liminality

References (transliterated)

1. Eldiasty, A. A.. Towards extraversion: A psychoanalytical reading of the disabled in R. J. Palacio's wonder. CDELT Occasional Papers in the Development of English Education, 69(1), 2020. pp. 31-51. <https://doi.org/10.21608/opde.2020.145607>
2. May P. Jill. Theory and Textual Interpretation: Children's Literature and Literary Criticism. The Journal of the Midwest Modern Language Association, Vol. 30, No. 1/2, Borders 1997, pp. 81-96.
3. Horvath, Agnes, et al., editors. Breaking Boundaries: Varieties of Liminality. 1st ed., Berghahn Books, 2018, pp. 1. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qcxbg>.
4. Jaskulska, S. The liminality of adolescence. becoming an adult from the point of view of the theory of the rite of passage. Intcess 15, 2nd International Conference on Education and Social Sciences Abstracts & Proceedings; Ed. Ferit USLU. 2015, pp. 95. https://www.academia.edu/12161466/THE_LIMINALITY_OF_ADOLESCENCE_BECOMING_AN_ADULT_FROM_THE_POINT_OF_VIEW_OF_THE_THEORY_OF_THE_RITE_OF_PASSAGE
5. Van Gennep A. The Rites of Passage // M. B. Vizedom, G. L. Caffee; Chicago: The University of Chicago Press, 1960, pp. 208.
6. Turner V. Ritual Process: Structure and Anti-Structure. New York, Cornell University Press, 1966, pp. 55-159.
7. Downey D., Kinane I., Parker E. In Landscapes of liminality: Between space and place. Essay, Rowman & Littlefield International, Ltd., 2018, pp. 273.
8. Quinn E. A dictionary of literary & thematic terms. USA: infobase Publishing, 2nd edition, 2006, pp. 53.
9. Sammons J. L. The Bildungsroman for Nonspecialists: An attempt at a clarification // J. N. Hardin, Reflection and Action: Essays On the Bildungsroman. Columbia, South Carolina: University of South Carolina Press, 1991, pp. 26-45.
10. McCallum R. Ideologies of Identity in Adolescent Fiction. The Dialogic Construction of Subjectivity. New York and London: Garland Publishing, 1999, pp. 53.
11. Palacio R. J. Wonder. UK, Penguin Random House, 2014, pp. 273.
12. Ferguson P. Mapping the family: disability studies and the exploration of parental response to disability // G. L. Albrecht, K. M. Seelman, Bury Handbook of disability studies. SAGE Publications, 2001. pp. 373-395. URL: <https://www.doi.org/10.4135/9781412976251.n15>
13. Tzanelli R. Rite of Passage // University of Leeds. 2014, pp. 381. URL: <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosr070.pub2>
14. Armstrong T. Rites of Passage: Marking Our Movement from One Stage of Life to the Next // American Institute for Learning and Human Development. 2012, pp. 7. URL: <https://www.institute4learning.com/2012/08/15/rites-of-passage-marking-our->

movement-from-one-stage-of-life-to-the-next/

15. Letourneau S. Who Am I?: Identity as a Theme in YA Literature // Published in Writing. 2017, pp. 2-42. URL: <https://diymfa.com/writing/identity-theme-ya-literature>
16. Jung C. G. Psychological types / Translation by H. Godwyn Baynes // Classics in the History of Psychology. 1921, pp. 84-524 URL: <https://psychclassics.yorku.ca/Jung/types.htm>
17. Murphy R., Scheer J., Murphy Y., Mack R. Physical disability and social liminality: a study in the rituals of adversity // Soc. Sci. Med. 1988. Vol. 26, pp. 235.
18. Biesta G. Education, Not Initiation Utrecht University // Philosophy Of Education. 1996, pp.92. URL: <https://educationjournal.web.illinois.edu/archive/index.php/pes/article/view/2247.pdf>
19. Giroux H. Theory & resistance in education: A pedagogy for the opposition. Granby, MA: Bergin & Garvey Publishers, 1983, pp. 133.
20. Grimes R. Beginnings in ritual studies. Washington, DC, University Press of America, 1982, pp. 67-149.
21. Miron L., Lauria M. Identity politics and student resistance to inner-city public schooling // Working Paper No. 30. 1994, pp. 4.
22. Johanningmeier E. The foundations of contemporary American education. Scottsdale, AZ: Gorsuch Scarisbrick, Publishers, 1987, pp. 198.
23. Sergiovanni T. Leadership for the schoolhouse. San Francisco, CA: Jossey-Bass Publishers, 1996, pp. 12.
24. Anfara Jr. V. A. Urban Schools and Liminality // University of New Orleans. 2015, pp. 2-7. URL: <http://www.nationalforum.com/Electronic%20Journal%20Volumes/Anafara,%20Jr.%20Vincent%20A%20Urban%20Schools%20and%20Liminality.pdf>
25. Stern T. Nietzsche, the Mask and the Problem of the Actor // The Philosophy of Theatre, Drama and Acting Rowman and Littlefield International. 2017, pp. 16-20 URL: <http://sterntom.com/wp-content/uploads/2018/01/Chapter-4-Nietzsche-the-mask-and-the-problem-of-the-actor-PDF-for-website.pdf>
26. Kain P. J. Nietzsche, Truth, and the Horror of Existence // Journal of History of Philosophy Quarterly. 2006. Vol. 23, pp. 3.
27. Langley T. Batman and psychology // A dark and stormy knight. John Wiley & Sons, Hoboken. 2012. P. 62-63.
28. Segnini E. The Mask as a Literary Trope between Decadence and Modernism. Ph.D dissertation. University of Toronto, TSpace, 2012, pp. 24. URL: <https://tspace.library.utoronto.ca/handle/1807/33828>.
29. Cain S. Quiet: The Power of Introverts in a World That Can't Stop Talking, New York, Crown Publishing, 2012, pp. 17.

Structural and semantic features of abbreviation in Russian educational discourse

Chen Xi

Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Methods of its Teaching, Faculty of Philology,

Abstract. The object of this research is abbreviation as a way of creating terminological nominations of educational discourse. The subject of the study is the structural and semantic specificity of the terms–abbreviations used in the field of educational activity. In the first part of this article, the author characterizes the process of abbreviation, clarifies the content of the term "abbreviation", differentiating it from the concept of "abbreviation", after which such an area of discourse theory as educational discourse is touched upon. Having determined the spheres of influence and interaction of this type of discourse, the author of the article gives a structural and semantic classification of terms-abbreviations, after which, using various terminological and explanatory dictionaries, identifies abbreviated linguistic units of educational discourse. The second part of this study is devoted to the description of abbreviations in the field of education. Having divided the abbreviated nominations into six semantic groups, the author of the article describes them in accordance with the structural classification. The author of the article comes to the conclusion that the majority of abbreviations are acronyms (forty-five units out of the identified sixty abbreviated nominations). The scientific novelty of the research lies in the application of structural and semantic analysis to the abbreviated nominations of the field of education. But, having studied the terms-abbreviations in the context of the relationship between structure and semantics, the author of the article comes to the conclusion that only a small part of the abbreviations of educational activities are familiar to consumers of educational services, and therefore he believes that the broad abbreviation affecting the field of education does not justify itself.

Keywords: syllabic abbreviation, acronym, initial abbreviation, reduction, abbreviation, normative document, educational service, educational product, educational process, educational discourse

References (transliterated)

1. Matveeva N.V. Leksicheskie sokrashcheniya v angloyazychnykh tekstakh internet-prostranstva // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. – 2021. – № 7 (1). – S. 116-132.
2. Maruzo Zh. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M.: URSS, 2004. – 440 s.
3. Sergeeva T.S. Abbreviatura v sisteme leksicheskikh sokrashchenii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota. – 2013. – № 6. – C. 174-179.
4. Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-Formation. A Synchronic-Diachronic Approach // Alabama Linguistic and Philological Series. – Alabama: University of Alabama Press, 1966. – Vol. 13. – 379 p.
5. Nelyubin L.L. Tolkovy perevodovedcheskii slovar' – M.: Flinta: Nauka, 2003. – 320 s.
6. Shevchuk V.N. Otnositel'no statusa abbreviatur v angliiskom yazyke i ikh perevoda na russkii yazyk // Sistema yazyka i perevod. M.: MGU. 1983. S. 14-48.
7. Ozhogin E.N. Abbreviatury v voennom pod'yazyke: diss. ... kand. fil. nauk. – M.: Voennyi universitet, 1999. – 194 s.

8. Yakovleva V.V. Diskurs v obrazovatel'noi deyatel'nosti (terminologicheskii aspekt) // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. – 2021. – Vyp. 11 (853). – S. 191-203.
9. Asadullin R. Obrazovatel'nyi diskurs i ego sistemoobrazuyushchie priznaki. // URL: <https://pandia.ru/text/80/138/41612.php>
10. Dobren'kova E. V. Sotsial'naya morfologiya obrazovatel'nogo diskursa. – M.: Al'fa-M, 2006. – 335 s.
11. Polonskii V.M. Ponyatiino-terminologicheskii apparat pedagogiki i obrazovaniya // Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya. – 2017. – T. 3. – № 2. – S. 54-60.
12. Chechet V.V., Punchik V.N. Pedagogicheskaya terminologiya: granitsy primeneniya // Obrazovanie i vospitanie. – 2018. – № 4. – S. 57-63.
13. Sklyarevskaya G.N. Slovar' sokrashchenii sovremennogo russkogo yazyka. – M.: Eksmo, 2004. – 448 s.
14. Professional'no-pedagogicheskie ponyatiya: Slovar' / Pod red. G.M. Romantseva. – Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2005. – 456 s.
15. Novikov A.M. Pedagogika: slovar' sistemy osnovnykh ponyatii. – M.: Izdatel'skii tsentr IET, 2013. – 268 s.
16. Zhuravleva L.V. Obrazovatel'nyi produkt: ponyatie i tsennost' // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 326. – S. 159-163.
17. Makar'ev I.S. Kratkii slovar' sistemy ponyatii inklyuzivnogo obrazovaniya: terminologicheskii slovar'. – SPb. : SPb GB POU «Okhtinskii kolledzh», 2015. – 84 s.
18. Lolaeva A.S. Tsifrovye prava v strukture ob'ektov grazhdanskikh prav // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2019. – № 6. – S. 47-49.
19. Tolkovyi slovar' terminov ponyatiinogo apparata informatizatsii obrazovaniya. – M.: Binom. Lab. znaniy, 2013. – 69 s.
20. Bogdanova V. Gid po abbreviaturam v obrazovanii. Rezhim dostupa: URL: <https://gazeta-pedagogov.ru/gid-po-abbreviaturam-v-obrazovanii>

Ethnophaulisms in the Chinese language as a reflection of racial and ethnic Identity: Issues of political Correctness

Kozhemyakina Valeriya Alekseevna

Senior Lecturer, Intercultural Communication and Translation Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University

27 Lenin Ave., Volgograd, 400005, Russia

✉ kozhemyakinavaleria@vspu.ru

Abstract. The article, written from the standpoint of sociolinguistics and communication theory, examines the concept of ethnophaulisms in relation to the concept of political correctness, and a comparative analysis of ethnophaulisms in Chinese against the background of Russian and English. The object of the study is racial and ethnic identity as the basis of political correctness. The subject of the study is ethnophaulisms in Chinese, English and Russian. The author examines in detail expressive ethnonyms in Chinese against the background of Russian and English. Special attention is paid to expressive ethnonyms in the Chinese language, due to active cultural and historical contacts between the countries. The main conclusions of this study include the following: ethnonyms in different cultures are formed on the basis of signs due to different degrees of historical, social, cultural,

geographical contacts; the associative field arising in connection with the use of one or another ethnophaulism is used as a mechanism regulating the manipulative potential of political correctness, which is realized through the substitution of a true communicative intention false. The novelty of the scientific research lies in the fact that ethnophaulisms in Chinese, Russian and English are considered in connection with the problem of political correctness, which was not previously the object of a comprehensive comparative analysis.

Keywords: ethnic group, race, Russian language, English language, Chinese language, expressive ethnonyms, ethnophaulism, discrimination, political correctness, identity

References (transliterated)

1. D'yachenko I.A. Simulyativnye znaki politicheskoi korrektnosti v anglo-amerikanskom manipulyatsionnom diskurse: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. Irkutsk: Irkut. gos. lingvistich. un-t, 2009. 18 s.
2. Kozhemyakina V.A. Ot politicheskoi korrektnosti k yazykovoi inklyuzivnosti: evolyutsiya ponyatii v kontekste russkoi i kitaiskoi lingvokul'tur // Izvestiya VGPU. 2022. №2 (165). S. 220–227.
3. Leontovich O.A. Politicheskaya korrektnost', inklyuzivnyi yazyk i svoboda slova: dinamika ponyatii. Russian Journal of Linguistics. 2021. T. 25. № 1. S. 194–220.
4. Leontovich O.A. Sensitivnost', politicheskaya korrektnost' i novye kommunikativnye praktiki. Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. Vyp. 6 (848). 2021. S 83–92.
5. Hughes G. Political correctness: a history of semantics and culture. Wiley-Blackwell, 2010. 334 p.
6. Lind W.S. "Political Correctness": A Short History of an Ideology. USA: Free Congress Foundation, 2004. 50 p.
7. Borisova I.Z. Dinamika regional'noi identichnosti v usloviyakh polikul'turnogo gosudarstva: na primere yakutov (Rossiya) i bretontsev (Frantsiya): avtoreferat dis. ... doktora kul'turologicheskikh nauk. Moskva: MGU im. M.V. Lomonosova, 2022. 55 s.
8. Buryakovskaya V.A. Kommunikativnye kharakteristiki massovoi kul'tury v mediinom diskurse (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov): avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. – Volgograd: VGSPU, 2015. 42 s.
9. Butakov P. A. Ispol'zovanie etnofolizmov v tekstakh kitaiskikh SMI Dialog kul'tur – dialog o mire i vo imya mira: Materialy IX Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Komsomol'sk-na-Amure, 09 aprelya 2018 goda. Komsomol'sk-na-Amure: Amurskii humanitarno-pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2018. S. 272–275.
10. Komarova V. V. Etnofolizm kak element yazyka vrazhdy // Yazyki i kul'tury stran Severnoi Evropy: issledovanie, prepodavanie, perevod : tezisy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 02–04 aprelya 2019 goda. Moskva: Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 2019. S. 36–37.
11. Noskova S.A., Vlavatskaya M.V. Etnofolizmy kak edinitsy ritoriki nenavisti v kontekste proyavleniya «Cancel Culture» // Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. 2023. T. 17, № 1. S. 83–90.
12. Smirnov I.B., Lyu D. Ekzotizmy i etnofolizmy v kitaiskom yazyke // Perevod. Yazyk. Kul'tura: V Mezhdunarodnaya zaochnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 28 fevralya 2014 goda. SPb: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A.S. Pushkina, 2014. S. 57–83.
13. Titlova A.S. Mikroblog kak vid internet-teksta: aspekt ponimaniya: avtoreferat dis. ...

- kandidata filologicheskikh nauk. Ufa: Bashkir. gos. un-t, 2017. 23 s.
14. Mullen B., Leader T. Linguistic Factors: Antilocutions, Ethnonyms, Ethnophaulisms, and Other Varieties of Hate Speech // On the nature of prejudice: Fifty years after Allport. Blackwell Publishing, 2005. pp. 192–207.
  15. Rice D.R., Abrams D., Badea C., Bohner G., Carnaghi A., Dementi L.I., Durkin K., Ehmann B. What did you just call me? European and American ratings of the valence of ethnophaulisms // Journal of Language and Social Psychology. 2010. 29 (1). pp. 117–131.
  16. 辛全民 (Sin' Tsyuanmin) 传教士与民族歧视用语[J] (Terminy missionerskoi i etnicheskoi diskriminatsii). 兰台世界(Mir Lantai):上旬(iyun'), 2007.
  17. Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' (BKRS) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://bkrs.info/> (data obrashcheniya: 24.05.2023)
  18. Cambridge Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  19. 知书词典 (Slovar' Chzhishu) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://kegood.com/> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  20. Kunilova K. Istoriya diskriminatsii // Obrazovatel'nyi portal «Spravochnik» [Elektronnyi resurs]. URL: https://spravochnik.ru/sociologiya/ponyatie_diskriminatsii/istoriya_diskriminatsii/ (data obrashcheniya: 17.05.2023).
  21. Discrimination [Elektronnyi resurs] // Etymology Dictionary. URL: <https://etymology.en-academic.com/12720/discrimination> (data obrashcheniya: 17.05.2023).
  22. Vashanova O.V. Printsip nediskriminatsii lichnosti v mezhdunarodnom prave: avtoref. dis.... kandidata yuridicheskikh nauk. Moskva: MGYuA, 2004. 26 s.
  23. Buryakovskaya V.A. Priznak etnichnosti v semantike yazyka (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd, 2000. 209 s.
  24. Tontoeva T.V. Etnofolizmy kak indikatory dinamiki etnicheskoi identichnosti [Elektronnyi resurs] // Juvenis scientia. 2016. №2. C.97-100.
  25. Komarova V.V., Os'mak N.A. Etnofolizm kak element yazyka vrazhdy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2020. №5 (834). C. 117-127.
  26. Grishchenko A.I. Istochniki vozniknoveniya ekspressivnykh etnonimov (etnofolizmov) v sovremennom russkom i angliiskom yazykakh: etimologicheskii, motivatsionnyi i derivatsionnyi aspekty // Aktivnye protsessy v sovremennoi leksike i frazeologii: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 08–09 iyunya 2007 goda. Moskva: Remder, 2007. S. 40-52.
  27. “老外”是贬义词吗(望海楼)(Yavlyaetsya li “老外” unichizhitel'nyim terminom) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://news.sohu.com/20071221/n254214163.shtml> (data obrashcheniya: 30.05 2023).
  28. 中国人称外国人为“老外”，是不是有歧视的意思？该怎么向外国学生解释呢？(Yavlyaetsya li diskriminatsiei so storony kitaitsev nazyvat' inostrantsev “老外”？Kak ya mogu ob"yasnit' eto inostrannym studentam?) [Elektronnyi resurs] URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/577908196> (data obrashcheniya: 30.05 2023).
  29. Ozhegov S.I. Tolkovyi slovar' [Elektronnyi resurs]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14800> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  30. 曾属中国统治的蒙古国，称呼国人为“胡扎”？听完你还想去吗？(Mongoliyu, kotoraya kogda-to

- nakhodilas' pod vlast'yu Kitaya, kitaitsy nazyvali "Khuza"? Posle vsego ty vse eshche khochesh' poekhat'?) // 百家好 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759402684091634986&wfr=spider&for=pc> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
31. Zabiyako A.A. Laomaotszy, khodya, fazan, tir'da: obrazy vzaimovospriyatiya kitaitsev i russkikh // Problemy Dal'nego Vostoka. 2020. № 5. S. 135-151.
  32. 骚达子 (Durnoi mongol) [Elektronnyi resurs]. URL: https://baike.baidu.com/item/骚达子?fromModule=lemma_search-box (data obrashcheniya: 30.05 2023).
  33. Down J.L.H. Observations on an Ethnic Classification of Idiots [Elektronnyi resurs]. London Hospital Reports, 3 1866. URL: <http://th-hoffmann.eu/archiv/down/down.1866b.pdf> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  34. Slovar' russkogo argo (materialy 1980–1990 gg.) [Elektronnyi resurs] / pod red. V.S. Elistratova // GRAMOTA.RU, 2002. URL: <https://rus-russian-argo.slovaronline.com> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  35. Slovar'-tezaurus sinonimov russkoi rechi [Elektronnyi resurs] / pod obshch. red. prof. L.G. Babenko. URL: <https://udarenieru.ru/index.php?word=on&sinonim=yaposhka> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  36. 支那 (Kitai) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://baike.baidu.com/item/支那/1056357> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  37. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (NKRYa) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  38. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: V 4 t. M.: Gos in-t «Sov. entsikl.»; OGIZ, 1935. T. 1. Stb. 855.
  39. Gook [Elektronnyi resurs]. URL: <https://web.archive.org/web/20080927152608/http://dictionary.reference.com/browse/gook> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  40. 印度阿三 (Indus) [Elektronnyi resurs]. URL: https://baike.baidu.com/item/印度阿三/1880950?fromModule=lemma_search-box&fromtitle=阿三&fromid=3464889 (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  41. Center of Chinese Linguistics PKU (CCL) (Onlain korpus Pekinskogo universiteta) [Elektronnyi resurs]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search?q=老毛子&q1=毛子&LastQuery=毛子&start=0&num=50&index=FullIndex&outputFormat=HTML&encoding=UTF-8&isForReading=no&dir=xiandai&maxLeftLength=30&maxRightLength=30&neighborSortLength=0&orderStyle=score&scopestr=&search=搜索# (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  42. 战斗民族 (Boevoi narod) [Elektronnyi resurs]. URL: https://baike.baidu.com/item/战斗民族/15815792?fromModule=lemma_search-box#reference-1-15728553-wrap (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  43. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] / pod red. S.A. Kuznetsova. SPb: Norint, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (data obrashcheniya: 24.05.2023).
  44. Ashkinazi L.A., Gainer M.L., Kuznetsova A. Issledovanie obshchestva posredstvom Interneta // Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii: nauchnyi zhurnal. 2009. T. 101. Vyp. 3. S. 34-43.

Literary Expression Elements in P.G. Wodehouse's Literature (based on the novel "The Code of Woosters")

Mitrovich Kristina Zoranovna

Postgraduate student, Humanities Institute, I. Kant Baltic Federal University

236041, Russia, Kaliningradskaya oblast', g. Kaliningrad, ul. Aleksandra Nevskogo, 14

✉ 765chrismi@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the novel by P. G. Wodehouse "The Code of Woosters" ("The Woosters' Family Honor"). The object of the study is the forms and methods of manifestation of play-elements literature used to create a comic effect. The author examines the nonverbal means in detail that, alongside with the verbal ones, are able to create and increase the comic in the work. The article pays attention to such aspects of the topic as the manifestation of the game principle through the theatre features demonstrated in the behavior of the protagonist, allusions to the characters of other works as well as references to some historical figures a combination of poetological, verbal features, and other means of intertextuality and intermediality. The main conclusion of the conducted research is the use by P. G. Wodehouse in the novel "The Code of Woosters" of a combination of the English humorous tradition elements: the place of action, the main characters with a literary game to create a comic effect. Such an unusual technique distinguishes the writer in the comedy genre. A special contribution of the author to the study of the topic is studying of specific techniques and forms of literary play-elements used by the writer. The question of intertextuality and intermediality as game elements that enhance the comicality of characters and their images, situations is raised, and the game behavior of the protagonist is also considered as a form of expression of intertextuality.

Keywords: characterology, references, allusions, game poetics, intermediality, intertextuality, intertext, comic discourse, literary play-element, english humorous tradition

References (transliterated)

1. Huizinga J. Homo Ludens: A Study of the Play-Element in Culture. Connecticut: Martino Fine Books, 2021. 243 p.
2. Lotman Yu. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. 2002. 543 s.
3. Lotman Yu. M. Dekabrist v povsednevnoi zhizni / Yu. M. Lotman // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/DECLLOT.HTM> (data obrashcheniya: 11.05.2022).
4. Svetasheva T.A. Literaturnaya igra, ee fenomenologicheskoe osmyslenie i tipologiya v russkoi poezii vtoroi poloviny KhKh v. // Chelovek v sotsiokul'turnom izmerenii. 2021. №1. S. 50–59.
5. Bakhtin M. M. Sobranie sochinenii. T. 6: Problemy poetiki Dostoevskogo. Raboty 1960-kh-1970-x gg. Ch.III. 2002. 800 s.
6. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog, roman // Vestnik MGU: filologiya, 1995. — № 1. S. 97–124.
7. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1986. 445 c.
8. P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti. M.: LKI, 2008. 240 s.
9. Vladimirova N. G. Intertekstual'nost'. Intermedial'nost'. Interdiskursivnost': ucheb. posobie. Velikii Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2016. 170 s.
10. Wodehouse P.G. The Jeeves Omnibus. L.: Hutchinson, 2006. 592 p.
11. Shabunina E. V. Angliiskii yumor kak lingvokul'turnoe yavlenie (na materiale

tvorchestva P. G. Vudkhauza) // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2012. T. 1. № 1. S. 196–203.

The peculiarity of the vision of the present and the future in V. K. Kuchelbecker' "Diary"

Gofshtein Oleg Georgievich

Postgraduate student, Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin str., 38

✉ zavuch@magpedcol.ru

Rudakova Svetlana Viktorovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin str., 38

✉ rudakovamasu@mail.ru

Abstract. The article deals with the peculiarity of the diary genre (gaining popularity since the era of sentimentalism), which belongs to the world of ego-literature. The main features of this genre are summarized, the specifics of the writer's diary are emphasized. The main attention in the work is focused on the phenomenon of V. K. Kuchelbecker's "Diary", a bright representative of Russian Romanticism, connected with the Decembrist movement. Accordingly, the research material is "Diary" by V. K. Kuchelbecker, over which the author worked while in solitary confinement, and later in Siberian exile, from 1831 to 1846. The main issues that Kuchelbecker contemplates in his "Diary" are considered. The novelty of the research lies in the new perspective of consideration of Kuchelbecker's little-studied work, the research interest in this text first appeared only in the late 20s of the 20th century). The author demonstrates an unusual attitude and perception of time - present, past and future, shows a complex relationship between the private (personal) and the general (in social and historical aspects), considers the interlacing of micro and macro history, personal life circumstances and the macro-historical narrative in this work. The narrator of the Diary is shown as a representative of the world of the Decembrists, as a kind of their "voice". The work uses the methods of the historiosophic analysis of artistic works and implements the principles of the historical-typological method. Behind the seeming kaleidoscope of plots and images of the Diary is the subordination of the text to the general idea - to convey a sense of the post-December era.

Keywords: cultural world, poetry, Decembrism, poet-prisoner, Kuchelbecker, writer's diary, ego-literature, Diary, education, modeling of the world

References (transliterated)

1. Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Frantsii. Sbornik statei pod red. K. V'olle i E. Grechanoi. M.: IMLI RAN, 2006. 278 c.
2. Alekseev A. N. Pis'mo, dnevnik, avtobiografiya: mnogoobrazie form i sopryazhenie smyslov (teoretiko-metodologicheskie zametki) // Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy. 2007. № 4. S. 46–56.

3. Aloe S. Rekonstruktsiya literaturnoi sredy: Dnevnik V. K. Kyukhel'bekera v gody zatocheniya i ssylki // *AvtobiografiYa*. 2013. № 2. S. 129–169.
4. Arkhipova M. V. Psikhologicheskie svoistva i predstavleniya, svyazannye s praktikoi vedeniya lichnogo dnevnika // *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 2012. T. 13. № 3. S. 197–207.
5. Voznesenskaya I. M. Dnevnik: osobennosti semanticheskoi struktury i rechevoi organizatsii // *Mir russkogo slova*. 2006. № 3. S. 41–48.
6. Gofshtein O. G., Rudakova S. V. Grazhdanskie idei i obraz poeta v lirike V. K. Kyukhel'bekera // *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya: Tezisy dokladov 79-i mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii*. T. 2. Magnitogorsk: Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G. I. Nosova, 2021. S. 334.
7. Egorov O. G. Dnevniky russkikh pisatelei XIX veka: Issledovanie. M.: Flinta; Nauka, 2002. 285 s.
8. Egorov O. G. Russkii literaturnyi dnevnik XIX veka: Istoriya i teoriya zhanra. M.: Flinta; Nauka, 2003. 280 s.
9. Zaliznyak A. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2010. № 6 (106). S. 162–181.
10. Kalutskov V. N. «Pis'ma Russkogo puteshestvennika» N. M. Karamzina: literaturno-geograficheskie aspekty // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2021. № 4. S. 26–37.
11. Kobrin K. R. Dnevniky: mezhdru tekstem i zhiznetvorchestvom. Pokhvala dnevniku // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003. № 61. S. 288–295.
12. Kyukhel'beker V. K. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i / otv. red. B. F. Egorov (Primech. N. V. Korolevoi, V. D. Raka). Leningrad: Nauka, 1979. 790 s.
13. Lazaresku O. G. Khudozhestvennoe i publitsisticheskoe v amerikanskom dnevnike P. P. Svin'ina // *Libri Magistri*. 2018. № 5. S. 8–14.
14. Literaturnoe nasledstvo. T. 59: Dekabristy-literatory. Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1954. 805 s.
15. Lotman Yu. M. Avtokommunikatsiya: «Ya» i «Drugoi» kak adresaty (O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury) // Lotman Yu. *Semiosfera*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 2000. S. 164.
16. Lunin M. S. Pis'ma iz Sibiri / izd. podgotovili I. A. Zhelvakova, N. Ya. Eidel'man. Moskva: Nauka, 1987. 492 s.
17. Mikheev M. Dnevnik kak ego-tekst. Moskva: Vodolei, 2007. 264 s.
18. Petrov A. V., Skvortsova M. L. Peterburgskaya svadebno-prazdnichnaya kul'tura 1720-kh gg. glazami nemtsa (na materiale «Dnevnika kamer-yunkera F. V. Berkhgol'tsa») // *Libri Magistri*. 2017. № 4. S. 92–111.
19. Platone Rosana. Dnevnik Kyukhel'bekera kak intellektual'naya biografiya. Contribiti Italiani Al X Congresso Internazionali Degli Slavisti (Sofia, 1988) // *Europa Orientalies*. 1988. № 7. S. 51–70.
20. Priimak N. I., Vlegina, K. O. Memuary, dnevniki, pis'ma kak istoricheskii istochnik: uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg: «Izdatel'stvo «LEMA», 2018. 72 s.
21. Rudzievskaya S. V. Khudozhestvennye vozmozhnosti i istoki zhanra dnevnika pisatelya // *Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo*. 2002. №1. S. 85–92.
22. Tokarev G. V. Diskursivnye osobennosti lichnogo dnevnika kak kamernogo dokumenta // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*.

2019. T. 18, № 2. S. 48-56.

23. Yanke G. Dnevnik v istoricheskikh issledovaniyakh: teksty i konteksty rannego Novogo vremeni (per. s angl. Eleny Karpenko, Yuriya Zaretskogo) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 3(157). S. 89–106.

Narrative features of A. P. Chekhov's play "The Seagull"

Krasnikov Yaroslav Evgen'yevich

Lecturer, Department of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University for the Humanities; Lecturer, Department of Humanity Disciplines, Institute of Theatre Art named after People's Artist of USSR I.D. Kobzon

141446, Russia, Moscow, Musskaya Ploshchad str., 6

✉ yar-krasnikov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the debatable and little studied at the moment issue of the presence of narrative in drama and its special nature. The paper describes the existing approaches to the possibility of analyzing the narrative in the dramaturgical kind of literature, the specifics of Chekhov's dramaturgy, and also presents the results of practical analysis. The subject of the study is the narrative replicas of the heroes and characters of Chekhov's play "The Seagull", containing references to events and stories from the past, referred to by the author as "staged narratives". The purpose of the work is to classify these retrospective statements of the actors of the drama by the type of their connection with the main plot of the work. The key research methods are discourse analysis and narratological analysis (as its specific variety), descriptive method (used in the collection and systematization of observations on a literary text), as well as hermeneutic approach (necessary in the process of research interpretation of the analysis results). Thus, as a result of the analysis, staged narratives representing the background of the hero, off-stage and on-stage events, as well as stage narratives belonging to the category of autonomous are distinguished. The relevance and novelty of this research consists in the introduction into scientific circulation of the concept of "staged narrative" and its approbation within the framework of the analysis of a specific dramaturgical text.

Keywords: discourse, narrativity of drama, plot, event, staged narrative, narrative, narratology, dramaturgy of Chekhov, poetics of drama, communication

References (transliterated)

1. Aristotel'. Poetika / per. M. Gasparova // Aristotel'. Sochineniya : v 4 t. – T. 4 – Moskva : Mysl', 1983. – S. 645–681.
2. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 s.
3. Tyupa V. I. Gorizonty istoricheskoi narratologii. – Sankt-Peterburg : Aleteiya, 2021. – 270 s.
4. Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta. – Moskva : Iskusstvo, 1970. – 385 s.
5. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. – 2-e izd. – Moskva : Iskusstvo, 1986. – 445 s.
6. Booth W. The Rhetoric of Fiction. – Chicago: University of Chicago Press, 1961. – 485 p.
7. Tyupa V. I. Vvedenie v sravnitel'nuyu narratologiyu. – Moskva : Intrada, 2016. – 145 s.

8. Huhn P. Narration in poetry and drama / P. Huhn, R. Sommer // Handbook of narratology / Ed. by Huhn P., Pier J., Schmid W., Schonert J. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2009. – P. 228–241.
9. Tyupa V. I. Diskurs / Zhanr. – Moskva : Intrada, 2013. – 211 c.
10. Freidenberg O. M. Proiskhozhdenie narratsii // Mif i literatura drevnosti/ Freidenberg O. M. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva : Vostochnaya literatura, 1998. – S. 262–285.
11. Krasnikov Ya. E. Stsenicheskaya narratsiya // Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russkoi literatury) / pod red. V. I. Tyupy. – Moskva : Editus, 2022. – S. 115–118.
12. Pavi P. Slovar' teatra / per. s fr. – Moskva : Progress, 1991. – 504 s.
13. Domanskii Yu. V. «Oba ulybnulis'» : (o vozmozhnostyakh narrativa v dramaturgicheskom rode literatury) // Narratorium. – 2011. – № 1-2. – S. 16.
14. Pavlov A. M. Sobytie rasskazyvaniya v sovremennoi otechestvennoi monodrame (na materiale p'esy E. Isaevoy «Pro moyu mamu i pro menya») // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 3(51). – S. 197–202.
15. Krasnikov Ya. E. Narrativnost' dramaturgii // Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russkoi literatury) / pod red. V. I. Tyupy. – Moskva : Editus, 2022. – S. 22–26.
16. Kovshova L. V. Ne sovsem slova v dramaticheskom tekste Chekhova // Kritika i semiotika. – 2012. – №
17. – S. 280–295. 17. Bentli E. Zhizn' dramy / perevod s angl. V. Voronina. – Moskva : Airis-press, 2004. – 416 s.
18. Chekhov A. P. Chaika : komediya v 4-kh deistviyakh // Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem : v 30 tomakh. Sochineniya : v 18 t. – T. 13. P'esy, 1895–1904. – Moskva : Nauka, 1978. – S. 3–60.
19. Dotsenko E.G. «Vybyvshii iz igry»: sochiniteli istorii v p'esakh A. P. Chekhova, G. Pintera i M. Ravenkhilla // Filologicheskii klass. – 2010. – №24. – S. 29–33.

Legal Metaphors and Figurative Comparisons as a stylistic way of characterizing the Society of Guermantes in M. Proust's novel

Savina Elena

PhD in Philology

Associate Professor, the department of Foreign Languages, the faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, g. Moscow, GSP-1, Leninskie Gory, 1, stroenie 13 (4-i uchebnyi korpus), aud. 503 A

✉ savinaelena2006@yandex.ru

Abstract. The article examines legal metaphors and figurative comparisons that allow us to imagine the world of the French aristocracy of the period of the Third Republic in M. Proust's novel. The terms of constitutional, administrative, international public and civil law, as well as banking law as part of business law are identified. The author examines Marcel's imaginative understanding of high society through legal concepts. The subject of the study is the specific legal terms of the text. The purpose of this work is to analyze the layers of the artwork, allowing us to present the features of the world of French aristocrats in a republican environment. The article uses methods of semantic, linguistic-stylistic analysis and linguistic

commenting. It is shown that the aristocrats' rejection of the Republic is expressed, among other things, through their rejection of the new legal system, and through an ironic attitude towards its institutions. On the contrary, reverence for the cultural stratum of the irrevocably departed period of absolute monarchy is one of the distinctive characteristics of the Guermantes, people of their close social circle and even their servants. Legal terms contrasting these two epochs also introduce a complex and ambiguous antithesis, important for M. Proust's texts as a whole, between what is and what seems. The distrust of the aristocrats of the period of the Third Republic to the new legal reality turns out to be one of the distinctive features that allow them to maintain their clannishness, despite the apparent democracy in choosing a circle of communication and openness to change.

Keywords: legal terms, legal terminology, legal metaphors, legal vocabulary, stylistic techniques, vocabulary of public law, stylistic figures, figurative comparisons, At the Guermantes, Proust 's language

References (transliterated)

1. Bezuglova O. A., Kuznetsova A. A. Yuridicheskaya leksika na zanyatiyakh po angliiskomu yazyku v yazykovom vuze // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 2016. № 4 (58). V 3 ch. Ch. 1. S. 177-179.
2. Gak V. G., Ganshina K. A. Novyi frantsuzsko-russkii slovar'. M: Russkii yazyk, 2002. – 1195 s.
3. Galinskaya I. L. Marsel' Prust. Vestnik kul'turologii. 2014. № 3 (70). S. 197-198.
4. Keyun' D. Yuridicheskaya leksika v sudebnoi rechi // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii». 2012. Tom 25 (64) № 1. Chast' № 2. S. 27-30.
5. Machkovskii G. I. Frantsuzsko-russkii yuridicheskii slovar'. M: Russo, 2004. – 437 s.
6. Nikolaeva T. M. O chem na samom dele napisal Marsel' Prust? M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012. – 128 s.
7. Yudina E. N. (2005) Frantsuzskaya yuridicheskaya terminologiya kak chast' leksicheskoi sistemy sovremennogo frantsuzskogo yazyka: strukturno-semanticheskii analiz. Diss. kand. filologicheskikh nauk – 133 s.
8. Cornu G. Linguistique juridique. P.: Montchrestien, 2005. – 443 p.
9. Cornu G. Vocabulaire juridique. P.: PUF, 2016. – 1101 p.
10. Fromilhague C. Les figures de style. P.: Armand Colin, 2010. – 148 p.
11. Gardes-Tamine J. Pour une nouvelle théorie des figures. P.: PUF, 2011. – 224 p.
12. Halba E.–M. Le vocabulaire juridique dans les Fables de La Fontaine. Le Fablier. Revue des Amis de Jean de La Fontaine. 2006. № 17. P. 48-54.
13. Hughes E. J. Marcel Proust: A Study in the Quality of Awareness. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. – 211 p.
14. Jarrety M. Lexique des termes littéraires. P.: Le Livre de Poche, 2010. - 475 p.
15. Kurata K. George Eliot, Marcel Proust, and the Logic of Desire. The George Eliot Review. 2013. № 44. P. 48-58.
16. Molinié G. Éléments de stylistique française. P.: PUF, 2005. – 213 p.
17. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. P.: Dictionnaires Le Robert, 1994. – 2467 p.
18. Proust M. Le Côté de Guermantes. P.: Folio, 1988. – 765 p.
19. Schauwecker Y. À propos du lexique juridique en ancien français avant le 13e siècle :

la Règle de saint Benoît et le Perceval de Chrétien de Troyes. [Elektronnyi resurs] URL: https://www.researchgate.net/publication/307757339_A_propos_du_lexique_juridique_en_ancien_francais_avant_le_13e_siecle_la_Regle_de_saint_Benoit_et_le_Perceval_de_Chretien_de_Troyes (Data obrashcheniya: 06.07.2022).

20. Le Trésor de la langue française [Elektronnyi resurs] URL: atilf.atilf.fr (Data obrashcheniya: 06.07.2022).

21. Van Gorp H., Delabastita D., Legros G. et al., Dictionnaire des termes littéraires. P.: Honoré Champion, 2005. – 533 p.

22. Watt A. Marcel Proust. London, Reaktion Books, 2013. – 207 p.

Transcreation Strategies in Video Game Localisation (based on "Team Fortress 2")

Timokhov Alexey Dmitrievich

Student, Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow City University

105064, Russia, g. Moscow, ul. Mal'yi Kazenn'yi Pereulok, 5B

✉ timokhovad@mgpu.ru

Abstract. The article studies transcreation in video game localisation within the modern discursive paradigm, with its focus on Team Fortress 2. The subjects studied are the original (i.e. English) and Russian localisations of the game. The objects of analysis are cases of transcreation, the specifics of transcreation as a phenomenon as well as its patterns with regard to English-Russian localisation. The article analyses and describes examples of cultural adaptation via transcreation, defines and describes the strategies of transcreation, and also seeks to determine the relevance of transcreation regarding video game localisation. As of today, there is a great number of localisation specialists, yet both phenomena of localisation (as whole) and transcreation (in particular, as one of the methods for game content adaptation) lack comprehensive linguistic research. In this respect, the study is novel since it addresses the emerging phenomenon of localisation, thus appealing to new content and introducing new discourse into translation studies. Specifically, the article addresses transcreation as one of the localisation techniques that offers unique requirements to translation both as a process and as a result that differ from the conventional ones in the practice.

Keywords: cultural adaptation, translation strategies, globalisation, language localisation, transcreation, translation studies, translation, video game localisation, internationalisation, video games

References (transliterated)

1. Anisimova A. T. Fenomen komp'yuternoi igry v perevodovedcheskom diskurse // Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta. 2018. №2. S. 82-86.
2. Zinkevich O. V. Lokalizatsiya kak protsess lingvisticheskoi transformatsii struktury i sodержaniya dinamicheskogo teksta // Izvestiya SPbGEU. 2018. №3 (111). S. 135-137.
3. Znamerovskaya A. O., Ageeva A. V. Mezhdistsiplinarnost' kak klyuchevaya kharakteristika protsessa lokalizatsii komp'yuternykh igr // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. №1. S. 218-222.

4. Chistova E. V. Teoreticheskii status mezh'yazykovoi lokalizatsii kak osobogo vida perevodcheskoi deyatel'nosti // Kul'tura i tekst. 2020. №2 (42). S. 161-175.
5. Bolotina M. A., Kuz'mina E. V. Leksicheskie problemy perevoda komp'yuternykh igr // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2019. №1. S. 43-50.
6. Bricheva M. M., Sasina S. A, Mugu M. S. Problemy yazykovoi lokalizatsii komp'yuternykh igr // The Scientific Heritage. 2021. №61-3. S. 40-42.
7. Zaporozhets Yu. G. Problemy lokalizatsii komp'yuternoi videoigry «Uncharted: Drake's Fortune» na russkii yazyk // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. №62-2. C. 55-58.
8. Costales A. F. Exploring Translation Strategies in Video Game Localization // Monografías de Traducción e Interpretación. 2012. №4. Pp. 385-408.
9. Mangiron C. Game on! Burning issues in game localisation // Journal of Audiovisual Translation. 2018. №1 (1). Pp. 122-138.
10. Mangiron C. Games Without Borders: The Cultural Dimension Of Game Localisation // Hermeneus. Revista de la Facultad de Traducción e Interpretación de Soria. 2016. №18. Pp. 187-208.
11. Suleimanova O. A., Vishnevskaya E. M., Nersesova E. V. Tekhnologicheskii aspekt podgotovki sovremennogo perevodchika // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. №7. S. 313-318.
12. Zelen'ko K. R. Perevod antroponimov v komp'yuternykh igrakh na primere "World of Warcraft" // Nauchnyi zhurnal. 2017. №4 (17). C. 88-90.
13. Fomin A. G., Chobotar V. I. Osobennosti perevoda antroponimov v literature i komp'yuternykh igrakh zhanra fentezi // Vestnik KemGU. 2019. №2 (78). S. 558-564

Animacy and Referential Status as Factors of Asymmetric Object Marking in Modern Hebrew (based on Interrogative and Relative Pronouns)

Alexeeva Maria

Senior Lecturer, Department of Semitic and Hebrew Studies, St Petersburg University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Nab., 7-9

✉ maria-alexeeva@inbox.ru

Abstract. The goal of this study is to confirm a correlation between the asymmetric object marking in Modern Hebrew and two factors that license the marking of the referential expression its encoding, namely "referential status" and "animation". To achieve this goal, interrogative and relative pronouns that encode the O-participant in a transitive clause in the Hebrew language, are considered. They constitute the subject of the study and justify its scientific novelty, since this type of referential expressions encoding the patient participant of the situation in Modern Hebrew has not been the subject of research until now. To conduct a quantitative and comparative analysis, the author formed an experimental Hebrew Objects Targeted Corpus, with a volume of about 49,000 words. As a result of the study, it was concluded that there is a correlation between the asymmetric object marking, referential status and animation in Modern Hebrew. The study showed that the asymmetric object marking of referents encoded by interrogative pronouns in the vast majority of cases (98%) is

regulated by the animacy of the referent, while the variability of the marking of referents encoded by relative pronouns is licensed both by the animacy and the referential status of the object. A hypothesis was also put forward about the existence of an additional factor that licenses the asymmetric object marking of interrogative and relative pronouns, which lies in the area of pragmatic characteristics of the statement, in particular, the degree of topicality of the referent encoding the patient participant in the situation.

Keywords: accusative, corpus analysis, interrogative pronouns, relative pronouns, animacy, referential status, Modern Hebrew, object marking, pronouns, referent

References (transliterated)

1. Arkad'ev P. M. Teoriya padezhnogo markirovaniya v svete dannykh dvukhpadezhnykh sistem // Voprosy yazykoznaniya. 2008. № 5. С. 34-62.
2. Lyutikova E. A., Tsimmerling A. V., Ron'ko R. V. Differentsirovannoe markirovanie argumentov: morfologiya, semantika, sintaksis // Voprosy yazykoznaniya. 2016, № 6. S. 113-127.
3. Lyutikova E. A. Differentsirovannoe markirovanie argumentov v formal'nykh modelyakh padezha // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy, 2017. Tom XIII. №3. С. 11-40.
4. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu. M.: Nauka, 1985. 293 s.
5. Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v finno-ugorskikh yazykakh // Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. S. 59-142.
6. Shmelev A. D. Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'. M.: YaSK. 2002. 496 s.
7. Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy // Natural Language & Linguistic Theory 21(3), 2003. Pp. 435-483.
8. Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. PhD thesis, Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion, 2012. 287 p.
9. Bossong G. Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in neuiranischen Sprachen. Tübingen: Narr, 1985. 185 p.
10. Dalrymple, M., Nikolaeva I. Objects and information structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 247 p.
11. De Hoop H., Malchukov A. Case-marking strategies // Linguistic Inquiry 39, 2008. Pp. 565-587.
12. Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 608 p.
13. Halevy R. Modern Hebrew syntax // Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics, General editor G. Khan, vol. 3. Brill: Leiden, 2013. Pp. 707-722.
14. Haspelmath M. Differential place marking and differential object marking // STUF- Language Typology and Universals. Vol. 72. No. 3. 2019. Pp. 313-334.
15. Haspelmath M. Role-reference associations and the explanation of argument coding splits // Linguistics. Vol. 59. No. 1. 2021. Pp. 123-174.
16. Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse // Language, 56. 1980. Pp. 251-299.

17. Heusinger K., Kornfilt J. Partitivity and case marking in Turkish and related languages // *Glossa: a journal of general linguistics* 2(1): 20. 2017. Pp. 1-40.
doi:10.5334/gjgl.112
18. Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* Vol. 47. No. 3. 1984. Pp. 468-500.
19. Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 339-355.
20. Sinnemäki K. A typological perspective on Differential Object Marking // *Linguistics*. 52(2). 2014. Pp. 281-313. doi:10.1515/ling-2013-0063.
21. Wintner S. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase // *Journal of Linguistics* 36(2), 2000. Pp. 319-363.
22. SketchEngine [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.sketchengine.eu/>

Structural types of secondary anthroponyms in English and Russian journalistic texts.

Sotnikova Elena Evgenjevna

Teacher of the Department of Jurisprudence of Moscow Metropolitan Governance University named after Yury Luzhkov

107045, Russia, Moscow, Sretenka str., 28

✉ sotnik.e@gmail.com

Popova Larisa Georgievna

Doctor of Philology

Doctor of Philology, professor, Institute of Foreign Languages, Moscow City Teacher Training University

105064, Russia, Moscow, lane. Small State-owned, 56

✉ larageorg5@gmail.com

Abstract. The object of this study is the secondary anthroponyms of the Russian and English languages. The subject of the proposed work is the structural design of anthroponyms in the Russian and American press. The relevance of the research topic is due to the increasing interest of modern linguists in studying the specifics of the functioning of secondary anthroponyms in journalistic texts as an actual source reflecting the main properties and specifics of the use of these lexical units, as well as the lack of a sufficient number of works currently studying secondary anthroponyms from the proposed position. In their research, the authors used the following research methods: semantic analysis, structural analysis, comparative method, quantitative method, modeling method. The scientific novelty of the work lies in the fact that it reveals for the first time the structural types of secondary anthroponyms used in journalistic texts of Russian and American media in a comparative aspect. As a result of the work carried out, information was obtained that, both in Russian and American journalistic texts, the most common form of secondary anthroponyms are anthroponyms-phrases. In addition, it was found that in the publications of the American media, secondary anthroponyms– abbreviations in comparison with the Russian press do not find their application. The practical value of the work consists in the possibility of applying the results of the study in the practice of teaching English as a foreign language when working with journalistic texts at a university.

Keywords: abbreviation, derivative word, simple non-derivative word, compound word, cryptonym, nickname, word combination, publicistic text, second anthroponym, structural model

References (transliterated)

1. Boiko L.B. O strukture antroponima i ego funktsionirovanii v russkom i angliiskom yazykakh // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. – Kaliningrad, 2015. Vyp. 2. S. 14–22.
2. Vikulova L.G. Formirovanie negativnogo obraza politika v massmediinom diskurse: predmetnaya sfera sport / L.G. Vikulova, N.V. Novikov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». – 2015. – № 3 (19) – S. 42–49.
3. Gromykhina A.A. Vtorichnye naimenovaniya v sisteme nominativnykh edinits yazyka // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. – Vladikavkaz, 2009. – № 11. – S. 226–230.
4. Syuichzhun L. Nazvaniya zhivotnykh v sovremennykh russkikh antroponimakh. – Penza, 2021.
5. Teliya V. N. Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy // Yazykovaya nominatsiya: vidy naimenovaniy / Otv. red. B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva. – Moskva, 1977. – S. 221.
6. Tomashevskaya L.A. Struktura znacheniya antroponimov v sovremennom angliiskom yazyke: leksematicheskii i leksikosemanticheskii analiz: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04. – Moskva, 1985. – S. 207.
7. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii / N. V. Podol'skaya; Otv. red. A. V. Superanskaya; AN SSSR, In-t yazykoznaniya. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva, 1988. – S. 187.
8. https://aif.ru/culture/art/etu_pension_ne_zadushish_kak_izmenilas_nasha_kultura_za_god_svo Data dostupa: 23.02.2023
9. https://aif.ru/culture/person/takaya_se_lya_vi_meladze_kak_i_vaykule_v_izraile_ne_s_obral_zal?from_inject=1 Data dostupa: 18.03.2023
10. https://aif.ru/sport/person/a_sasha_ovechkin_ne_ispugalsya_v_seti_ne_poverili_v_bol_ezn_tutberidze Data dostupa: 10.03.2023
11. <https://www.kp.ru/daily/27461.5/4716492/> Data dostupa: 21.02.2023
12. <https://www.kp.ru/daily/27476.5/4732281/> Data dostupa: 15.03.2023
13. <https://www.mk.ru/politics/2023/02/02/vpityvayu-kak-gubka-dobrovoлец-tadzhik-obyasnil-svoy-pokhod-na-svo.html> Data dostupa: 21.02.2023
14. <https://www.mk.ru/politics/2023/02/21/v-poslanii-putina-usmotreli-vstavlennuyu-v-posledniy-moment-chast.html> Data dostupa: 24.02.2023
15. <https://www.mk.ru/social/2023/02/23/mama-yulya-syna-s-fronta-zhdesh-zhitelnica-ulyanovska-usynovila-shesterykh-soldat.html> Data dostupa: 24.02.2023
16. <https://www.nytimes.com/2023/02/06/world/europe/ukraine-russia-offensive.html> Data dostupa: 21.02.2023
17. https://www.nytimes.com/2023/02/24/us/politics/biden-zelensky-ukraine-russia.html?action=click&pgtype=Article&state=default&module=styleIn-russia-ukraine&variant=show&region=BELOW_MAIN_CONTENT&block=storyline_flex_guide_re_circ Data dostupa: 26.02.2023

18. <https://www.nytimes.com/2023/03/20/opinion/donald-trump-friendship-with-robert-morgenthau.html?action=click&module=RelatedLinks&pgtype=Article> Data dostupa: 21.03.2023
19. <https://www.nytimes.com/2023/03/26/sports/baseball/steve-cohen-mets-new-york.html> Data dostupa: 30.03.2023
20. <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/02/23/trump-support-declining-2024-election/> Data dostupa: 24.02.2023
21. https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/02/27/fake-it-phrase-american-con-man/?itid=hp_opinions_p001_f004 Data dostupa: 03.03.2023

Structural and semantic features and national specificity of English and Russian proverbs with the meaning "foresight", "caution".

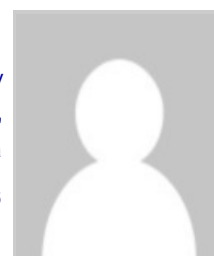
Orlova Tatiana

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ rudn1964fev@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is the structural and semantic features of English and Russian proverbs with the meanings of "foresight", "caution". Proverbs with the meanings "foresight", "caution" have not been sufficiently studied in terms of revealing their meaning and describing their structural and semantic characteristics. The scientific novelty lies in the fact that for the first time the general and unique meanings of English and Russian proverbs of this thematic group were considered in a comparative aspect, as well as an analysis of syntactic structures and a semantic analysis of the lexical components of proverbs and an analysis of figurative and expressive means reflecting their national and cultural identity were made. The results of the study can be used in the process of teaching English, as well as the basis for a deeper comparative study of the proverbs of the two languages of this thematic group. The study used descriptive and comparative methods, functional-stylistic analysis, structural and syntactic analysis. In the course of the analysis, we revealed the following pattern: in most of the presented thematic groups there are proverbs close in meaning that are not equivalents. They use the same syntactic structures (imperative sentences, complex sentences with subordinate conditions, time clause, subordinate concessions and subordinate attributive clauses, syntactic compression: ellipsis, incompleteness of sentences, non-conjunction, as well as complex sentences with an adversative meaning) and similar expressive techniques (antithesis, comparison, oxymoron, tautology, allegory, metaphor, including personifying metaphor), while differing in lexical content (emotional and expressive, evaluative vocabulary, vocabulary associated with the realities of everyday life, zoonyms, somatisms, archaisms). These differences are due to the peculiarities of climate, life, traditions, as well as the environment of their occurrence, which, on the one hand, indicates the universality of human experience, and on the other hand, indicates the national specificity of the thinking of the two peoples.

Keywords: structural and semantic analysis, comparative analysis, figurative and expressive means, Russian proverbs, English proverbs, figurative meaning, lexical components, syntactic structure, stylistic colouring, national and cultural specificity

References (transliterated)

1. Voropaeva V.A. Sopostavitel'naya kharakteristika angliiskikh, nemetskikh i russkikh paremii, vyrazhayushchikh tolerantnost': Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Moskva, 2007. 23 s.
2. Teliya V.N. Kul'turno-natsional'nye konnotatsii frazeologizmov (Ot mirovideniya k miroponimaniyu) / V.N. Teliya // Slavyanskoe yazykoznanie. Doklady rossiiskoi delegatsii. M., 1993. S. 30–69.
3. Mieder W. «Proverbs Speak Louder Than Words»: Folklore Wisdom in Art, Culture, Folklore, History, Literature and Mass Media. Peter Lang Publishing, Inc., NY, 2008, p. 357.
4. Degener A. Family relationships in proverbs from Northern Pakistan // Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship. Vol. 39, 2022. S. 1–28.
5. Mokienko V.M. Sovremennaya paremiologiya (lingvisticheskie aspekty) // Mir russkogo slova. 2010. №3. S. 6–20.
6. Levin Yu.I. Proverbial'noe prostranstvo // Paremiologicheskie issledovaniya: Sb. statei. M., 1984. S. 108–126.
7. Permyakov G.L. Osnovy strukturnoi paremiologii. M.: Nauka, 1988. 236 s.
8. Semenenko N.N. Tematicheskii printsip paremiografii v svete sovremennoi lingvokognitivistiki // Problemy istorii, filologii, kul'tury: nauch. zhurnal RAN / Pod red. M.G. Abramzona. Vyp. 2 (24). M. – Magnitogorsk – Novosibirsk: Izd-vo OOO «Analitik»; tip. MGPK, 2009. S. 23–27.
9. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda. M.: Russkii yazyk Media, 2009. 814 s.
10. Zhukov V.P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok. M.: Russkii yazyk, 1991. 534 s.
11. Modestov V.S. Angliiskie poslovitsy i pogovorki i ikh russkie sootvetstviya. M.: Rus.yaz. – Media, 2005, 467 s.
12. Longman Contemporary English Dictionary. Harlow (GB): Longman, 2001. 1668 s.
13. Smith W.G. The Oxford dictionary of English proverbs. Oxford, 2008. 625 s.
14. Grzybek P. Semiotic and Semantic Aspects of the Proverb // Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship. Vol. 38, 2021. p. 67–124.
15. Sergeeva A.V. Russkie stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'. M.: Flinta: Nauka, 2010. 320 s.
16. Mustafina A.R. Struktury sintaksicheskogo szhatiya v angliiskikh poslovitsakh // Vestnik Bashkirskogo un-ta. 2009. T. 14. № 3. S. 801–805.
17. Alekseeva T.E. Angliiskie poslovitsy s komponentami-chislitel'nymi: strukturno-semanticeskii analiz // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2022. № 4. S. 6–17.
18. Saidasheva E.A., Nurgalieva L.A. Sopostavitel'nyi analiz peredachi gendernogo priznaka femininnosti v angliiskikh i russkikh poslovitsakh i pogovorkakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 10(64). Ch. 3. Tambov: Gramota, 2016. S. 144–150.
19. Orlova T.G. The Implementation of the Conception of Friendship on the Basis of Comparative Structural-semantic Analysis of English and Russian Proverbs. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11, 2. S. 301–318.
20. Gorshunov Yu.V. Zoomorfnye metafory, obygyvayushchie kovarstvo, dvulichie i litsemerie cheloveka, v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh // Vestnik Bashkirskogo un-ta. 2021. T. 26. № 1. S. 144–150.

Current trends in the development of the language conflict in Catalonia

Papchenko Anna Yurievna

PhD in Philology

Lecturer, Department of Ibero-Romance Linguistics, Philological Faculty Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Moscow, Leninskie Gory, 1st building of Humanities Faculties (1st GUM), Faculty of Philology

✉ aanxen@yandex.ru

Abstract. The difficult coexistence of Catalan and Spanish languages on the territory of the Autonomous Community of Catalonia (ASC) in Spain, which can be characterized as a conflict, has taken new forms in recent decades, which is especially noticeable on the example of the younger generation born after the "democratic transit". The systematization of sociological survey data shows that, being a product of the Catalan-oriented education system in the ASC (since 1978), the current Catalan youth is characterized by a high degree of Spanish-Catalan bilingualism, and this is not a one-sided process among Catalan-speaking young people, but mutual, although not completely symmetrical. This "bilingualization" has become a new tool for solving the language conflict at the individual level (refusal to choose one of the languages in favor of another), which reduces its tension, but once again calls into question social dominance.

Keywords: diglossia, catalan education system, language contact, language identity, bilingualization of youth, language behavior, language policy, Catalan language, language conflict, bilingualism

References (transliterated)

1. Alos i Font, E. Yazykovaya politika v Katalonii i natsionalisticheskii konflikt v Ispanii // Yazykovaya politika, konflikty i soglasie. Moskva, 2017. S. 162-199.
2. Baranova, V.V. Yazykovaya politika bez politikov: yazykovoi aktivizm i minoritarnye yazyki v Rossii. Moskva, 2023.
3. Vainraikh, U. Yazykovye kontakty. Kiev, 1979.
4. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. / Otv. red. V.Yu. Mikhail'chenko. Moskva, 2006.
5. Aracil, L.V. Conflicte lingüístic i normalització lingüística a l'Europa nova // Papers de sociolingüística, Barcelona, 1982.
6. BOE (Boletín Oficial del Estado) núm. 311 de 29/12/1978 [https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)/con)
7. Burban, C. El conflicto lingüístico de Cataluña ¿puede facilitar la continuidad del catalán? // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp.161-173.
8. Cagiao y Conde, J., Jiménez-Salcedo, J. Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015.
9. Casesnoves Ferrer, R. Los efectos de la política lingüística en educación: nivel de conocimiento y uso del catalán de los castellanohablantes catalanes, valencianos y baleares // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp. 131-160.

10. El País 21.01.2022 <https://elpais.com/espana/catalunya/2022-01-21/el-tsjc-declara-firme-la-sentencia-del-25-de-castellano-en-las-escuelas-catalanas-y-da-10-dias-al-govern-para-ejecutarla.html>
11. Estatut (Estatut d'autonomia de Catalunya), Llei orgànica 6/2006, de 19 de juliol, de reforma de l'Estatut d'autonomia de Catalunya <https://www.parlament.cat/document/cataleg/48089.pdf>
12. Idescat (Institut d'Estadística de Catalunya). <http://www.idescat.cat/pub/?id=censph&n=6446>.
13. Lagarde, C. ¿Se nutre el conflicto lingüístico de una base conceptual y de una política conflictivas? Reflexiones acerca del caso catalán // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp. 69-80.
14. Laponce, J. Langue et territoire. Quebec, 1984.
15. Marí, I. La política lingüística de la Generalitat de Catalunya // Processos de normalització lingüística: l'extensió d'ús social i la normativització. Barcelona 1991. Pp. 85-101.
16. Moreno Cabrera, J.C. El españolismo lingüístico como fuente de conflicto // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp. 20-36.
17. Sorolla, N. Famílies lingüísticament mixtes segons l'enquesta EULP08 // Les famílies multilingües en l'entorn català. Butlletí N°8 del Cercle XXI. Barcelona, 2008.
18. Strubell, M., Llorenç, A., Sintès, E. Resultats del model lingüístic escolar de Catalunya. L'evidència empírica. Barcelona, 2011.
19. Van Parijs, P. The Linguistic Territoriality Principle: Right Violation or Parity of Esteem? Bruselas, 2011
20. Van Parijs, P. Por una territorialidad lingüística // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp. 15-28.
21. Vernet i Llobet, J. Los conflictos lingüísticos abiertos en la jurisprudencia constitucional española // Políticas lingüísticas en democracias multilingües: ¿es evitable el conflicto? Madrid, 2015. Pp. 51-89.
22. Vila, I. Els alumnes castellanoparlants acaben l'educació obligatòria amb dèficits en els coneixements escolars per culpa del fet d'estudiar en una llengua – la catalana – que no és la seva? // Resultats del model lingüístic escolar a Catalunya, l'evidència empírica. Barcelona, 2011. Pp. 11-14.
23. Woolard, K. Identitat i contacte de llengües a Barcelona. Barcelona, 1992.

The discursive function of anonyms in the modern communicative space

Pushkareva Yuliya Gennadevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, East Siberian State University of Technology and Management

670013, Russia, respublika Buryatiya, g. Ulan-Ude, ul. Klyucheskaya, 40 V, aud. 15-236

✉ panouchkova@mail.ru

Zharnikova Alena Vasil'evna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, East Siberian State University of Technology and Management

670013, Russia, g. Ulan-Ude, ul. Klyuchevskaya, 40v, of. 15-236

✉ alena-vsgutu@yandex.ru

Shcherbakova Alina Andreevna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages in Professional Communication, East Siberian State University of Technology and Management

670013, Russia, g. Ulan-Ude, ul. Klyuchevskaya, 40v, of. 15-236

✉ alinazykova@gmail.com

Abstract. The article discusses the discursive function of anonyms – names of winds. The authors include names of winds and their nomenclature designations in the concept of "anonym". The discursive function determines the role of linguistic units both in the process of cognition and in the process of communication. The polysemanticism of the word wind and its synonyms, on the one hand, expands their functionality, and on the other hand, promotes discursive realization in both emotional and rational contexts. The purpose of the article is to characterize the discursive function of anonyms.

The subject of the study is anonyms in the modern communicative space.

The main research methods are descriptive, etymological, comparative-historical and discursive. Relevance: the study of anonyms in the functional aspect allows us to identify the features of human cognition and perception of the surrounding reality, various mechanisms of human mental activity, as well as various forms of knowledge representation.

Conclusions. The discursive nature of language explains the acquisition of new meanings by words, as well as their new uses in an unusual context. Language is closely related to socio-psychological changes in the communicative space of a particular language.

Intensive metaphorization of synonyms of the word wind gives innovation and creativity to the discourse, since the presence in the mind of a native speaker of the connection between the signifier and the signified, that is, the psychological motivation of the word, emphasizes its special property – expressiveness.

Keywords: nomenclature designations of winds, discursive functions of anonyms, anonyms, proper name, cognition, communication, linguoculturology, onomasiology, cognitive linguistics, nomination theory

References (transliterated)

1. Goryaev S. O. Nomenklturnye editsy kak fakt onomastiki / S.O. Goryaev // Onomastika i dialektnaya leksika: sb. nauch. trudov. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2003. Vyp. 4. S. 125-131.
2. Dorzhieva G. S. Psikholingvisticheskie motivy nominatsii vetrov / G. S. Dorzhieva, A. A. Shcherbakova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Moskva, 2019. Vyp. 4. S. 122-132.
3. Dauzat A. La toponymie française. Paris, 1946.
4. Dorion H., Poirier J. Lexique des termes utiles à l'étude des noms de lieux. Québec: Les presses de l'Université Laval, 1975. 162 p.
5. Dorion A. Introduction à la toponymie. Recueil de documents. Québec, 2008. 150 r.

6. Fabre R. Théorie du nom propre et recherche onomastique, Cahiers de praxématique. Théories et fonctionnements du nom propre, 1987, no. 8, p. 9-25.
7. Pêcheux M. Automatic discourse analysis; ed. by Tony Hak and Niels Helsloot; trans. by David Macey. Amsterdam-Atlanta GA 1995. C. 63-121.
8. Dorzhieva G. S. Frantsuzskie anemonimy v mezhdunarodnoi onomasticheskoi terminologii. / G. S. Dorzhieva // Voprosy geografii / Russkoe geograficheskoe obshchestvo. Moskva. Vyp. 146. Aktual'nye problemy toponimiki / V. M. Kotlyakov, A. V. Barandeev, R. A. Ageeva, A. A. Gertsen. Moskva: Izdatel'skii dom "Kodeks", 2018. S. 119-127.
9. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii / N. V. Podol'skaya. Moskva: Nauka, 1978. 198 s.
10. Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. Moskva: Izdatel'stvo LKI, 2007. 368 s.
11. Shulunova L. V. Onomastika Pribaikal'ya. Ulan-Ude: Buryatskii gosudarstvennyi universitet, 2021. 216 s.
12. Konstantinova A. A. Kognitivno-diskursivnye funktsii poslovits i pogovorok v raznykh tipakh diskursa na angliiskom yazyke: avtoref. dis. ... doktor. filol. nauk. Moskva, 2012. 42 s.
13. Shakhovskii V. I. Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krughe: chelovek, yazyk, emotsii (monografiya). Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov I. L., 2016. 504 s.
14. Zheltukhina M. R. Spetsifika rechevogo vozdeistviya tropov v yazyke SMI: avtoref. dis. ... doktor. filol. nauk. Moskva, 2004. 44 s.
15. Zalevskaya A. A. Rol' faktora cheloveka v razvitii yazyka / A. A. Zalevskaya // Voprosy psikholingvistiki. № 2 (24). Moskva, 2015. S. 64-76.
16. Balli Sh. Frantsuzskaya stilistika / Sh. Balli. Moskva: Izd-vo inostr. lit., 1961. 393 s.
17. Dolinin K. A. Stilistika frantsuzskogo yazyka. Leningrad: Prosveshchenie, 1978. 344 s.
18. Worf B. The relation of habitual thought and behaviour to language / A review of general semantics, 1944, Vol. 1, №4. Pp. 197-215.
19. Yakoba I. A. Vlast' diskursa pri interpretatsii sobytii-attraktorov mediinogo prostranstva / I. A. Yakoba, E. V. Lesnikovskaya // Vestnik IrGTU. № 10(93). 2014. S. 352-357.
20. Kreknin S. A. Metodika obucheniya vyrazheniyu emotsional'nosti i ekspressivnosti v inoyazychnoi ustnoi rechi studentov, izuchayushchikh frantsuzskii kak vtoroi inostrannyi yazyk : yazykovoi vuz : avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk. Moskva, 2012. 22 s.

Linguistic Analysis of the Concept of CORRUPTION in the Russian Political Discourse

Guan Qi

Postgraduate student, Department of Russian Language and Methods of its Teaching, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, g. Moscow, ul. Miklukho-Maklaya, 6

✉ gguanqi@163.com

Abstract. The subject of the study is the concept of CORRUPTION from the point of view of its implementation in the tests of political discourse. The purpose of the study is to

conceptualize the concept of CORRUPTION in the semantic space of the modern Russian language (based on the material of texts containing the concept of "corruption" in the electronic version of the journal "RBC"). The article concretizes the term "corruption", postulates its legal formality. The concept of discourse is detailed and the affiliation of the concept of CORRUPTION to institutional political and economic discourses is formulated. The specific examples published in an authoritative Russian business magazine and reflecting the current attitude of society to the phenomenon under consideration are analyzed. The methodological base includes conceptual analysis, semantic analysis, content analysis, description and systematization. The scientific novelty lies in the fact that the subject of the study is the implementation of public discourse in the form of media tests published for a wide audience, in which social, and linguistic transformations become noticeable before other written sources. This makes it possible to actualize an important social phenomenon. The results obtained complement the system of scientific knowledge on the problems of conceptualization and transformation of the concept, and can also be used in teaching. The results of the study showed that each text with the help of certain expressions creates a special lexical and conceptual core, which includes, among others, the words and expressions "clean", "crime", "damage", "loss of trust" and others. This core depends on the subject of the discussion.

Keywords: lexical-conceptual core, conceptual analysis, linguistic analysis, corruption, mass media, discourse, concept, Russian language, conceptualization, policy

References (transliterated)

1. Aleksandrova L.I. Protivodeistvie korruptsii kak aktual'naya problema sovremennoi Rossii. // *Sovremennaya nauka*. 2021. №2. S. 13-17.
2. Arutyunova N. D. Diskurs. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. M.: Sov. entsiklopediya, 1989. S. 136-137.
3. Barabash O. V. Kontsept "korruptsiya" i ego reprezentatsii v semanticheskom prostranstve russkogo yazyka // *Politicheskaya lingvistika*. 2017. №6. S. 223-229.
4. Gurov M. P., Primakin A. I. Korruptsiya v sovremennoi Rossii kak ugroza bezopasnosti gosudarstva: istoriya i sovremennost' // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2011. № 4. S. 109-115.
5. Karasik V. I. Diskurs // *Diskurs-Pi*. 2015. № 3-4. S. 147-148.
6. Karasik V. I. O tipakh diskursa // *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs. Sbornik nauchnykh trudov*. Pod red. V.I. Karasika, G.G. Slyshkina. Volgograd: Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 2000. 228 s.
7. Korolev I. A. O neobkhodimosti postoyannoi otsenki urovnya korruptsii // *Gosudarstvo i pravo*. 2019. № 1. S. 150-152.
8. Ozhegov S. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii / Pod red. prof. L.I. Skvortsova. Moskva: Izdatel'stvo AST: Mir i Obrazovanie, 2018. 1375 s.
9. Okhotskii E. V. Rossiya v sisteme mezhdunarodnogo antikorrupcionnogo vzaimodeistviya // *Pravo i praktika*. 2018. №3. S. 5-18.
10. Pan'ko N.A. Kharakteristika faktorov korruptsii // *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy*. 2020. №2 (18). S. 132-141.
11. Prokhorov Yu. E. Deistvitel'nost'. Tekst. Diskurs: Ucheb. posob. 2-e izd., ispr. M., 2006. 220 s.
12. Shulyatikov I.S. Termin «Kontsept» v sovremennoi lingvistike // *Vestnik VyatGU*. 2015.

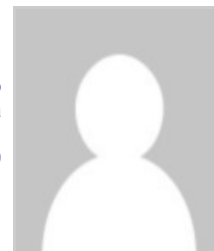
Conceptual analysis of the lexeme "cloud" in Russian and Chinese linguocultures

Wang Yi

Postgraduate student, Department of Russian Language and its Teaching Methodology, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 10

✉ yi.wang@bk.ru

Abstract. The subject of the study is the lexeme "cloud" in cultures fixed in the signs of the Russian and Chinese languages. The purpose of the work is to study the features of the lexeme "cloud" in Russian and Chinese linguocultures using conceptual analysis. The research uses the methods of conceptual linguistic and cultural analysis, comparative analysis and continuous sampling. This article discusses the concept of "cloud" as one of the most important lexemes for the cultures of the two countries. Special attention is paid to identifying dictionary interpretations of this word in two languages, to the study of materials with the "cloud" component, presented in Russian and Chinese phraseological units, paroemias and poems. The scientific novelty of the research lies in the disclosure of the symbolic meaning of the lexeme "cloud" using the method of conceptual analysis, as well as in the comparison of this concept against the background of different linguistic cultures. As a result, the cultural content of the concept "cloud", contained in the Russian and Chinese languages, is revealed, the similarities and differences of the concept "cloud" against the background of two linguistic cultures are generalized. It is concluded that the lexeme "cloud" preserves rich cultural traditions with ethnic characteristics. In Russian linguoculture, the "cloud" is often associated with religion and God, having a mystical connotation, in Chinese linguoculture it reflects the funny feelings of the Chinese, including romanticism, ambition and the desire for a career or life. The practical significance of the study lies in the fact that it provides an opportunity to understand the national specifics of the culture of the two countries, and has a positive impact on intercultural communication.

Keywords: ethnic features, lexicographic definition, Chinese language, Russian language, concept representation, symbolic significations, linguoculture, lexeme, cloud, Conceptual analysis

References (transliterated)

1. Abramova, V. I. Oblako v simbolarii russkoi kul'tury / V. I. Abramova, Yu. V. Arkhangel'skaya // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 4(29). – S. 1–6.
2. Afanas'ev A.N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanii i verovanii v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov: V 3 t. T. 1. M.: Sovremennyyi pisatel', 1995. – 804 s.
3. Babenko L.G., Vasil'ev I.E., Kazarin Yu.V. Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. – Ekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000. – 80 s.
4. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Slovar' russkoi frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik. SPb.: Folio-Press, 1999. – 704 s.

5. Bol'shoi Kitaisko-Russkii slovar'. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://bkrs.info>. Data obrashcheniya: 09.06.2023.
6. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Chetvertoe ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe izdanie pod red. I. A. Boduena-de-Kurtene: V 4 t. T. 2. SPb – M.: Izdatel'stvo M. O. Vol'f, 1914.
7. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda. M.: Gos. izd. khud. lit., 1957. – 848 c.
8. Klevtsova, V. M. Nekotorye Voprosy teoreticheskoi gradatsii kontseptov / V. M. Klevtsova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2009. № 1. S. 20–25.
9. Maslova, V. A. Kognitivnaya lingvistika [Tekst] : ucheb. posobie /V. A. Maslova. – Minsk: Tetra Sistems, 2005. – 51 s.
10. Paleeva, E. V. Kontseptual'nyi analiz kak metod lingvisticheskikh issledovaniy / E. V. Paleeva // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2010. № 2(8). S. 61–65.
11. Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy. – 4-e izd., ster. – M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. T. 2. K–O. – 537 s.
12. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury. – M.: Akademicheskii Proekt, 2004. – 43 s.
13. Tresidder Dzh Slovar' simvolov [Z]. M.: FAIR-PRESS, 1990. – 244 c.
14. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3 / per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. – M.: Progress, 1987. – 102 s.
15. 陈丹玉. 从唐诗中的“云”意象看中国人的自然审美意识. 鸡西大学学报, 2015, 15(09), 106–110页. (Chen' Dan'yui. Esteticheskoe osoznanie prirody v Kitae na osnove izobrazheniya oblakov v stikhakh epokhi Tan. Zhurnal universiteta Tszisi, 2015, 15(09), S. 106–110.)
16. 汉大成语大词典. 北京: 汉语大词典出版, 2006. (Bol'shoi Frazeologicheskii slovar'. Pekin: Izdatel'stvo kitaiskikh slovarei, 2006.)
17. 沙曼. 中日古典诗歌中“云意象”之比较. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), 2016(01), 104–106页. (Sha man. Sravnenie "oblachnoi obraznosti" v kitaiskikh i yaponskikh klassicheskikh stikhotvoreniyakh. Zhurnal Tsitsikarskogo universiteta (izdanie po filosofii i sotsial'nym naukam), 2016(01). S. 104–106.)
18. 唐德宁. 诗歌群文阅读教学中“云”意象的情感内涵. 语文教学与研究, 2022(05), 62–64页. (Tan' Denin. Emotsional'nyi podtekst obraza "oblaka" v obuchenii gruppovomu chteniyu stikhii. Prepodavanie yazyka i issledovaniya, 2022(05), C. 62–64.)
19. 唐宋诗词. 南京大学出版社. 2020.06. (Sbornik stikhov dinastii Tan i Sun. Izdatel'stvo Nankinskogo universiteta. 2020.06.)
20. 王廷法. 魏晋南北朝诗歌中的云意象研究. 福建师范大学, 2017. (Van Tinfa. Issledovanie obraza oblakov v stikhakh dinastii Vei, Tszin'. Futszyan'skii normal'nyi universitet, 2017.)
21. 说文解字(现代版) / 汉•许慎撰, 宋•徐铉校定, 王宏源新勘. 北京: 社会科学文献出版社, 2005. – 643页. (Shuoven' tszetsi (sovremennoe izdanie) / napisano Syui Shenem pri dinastii Khan', vychitano Syui Syuanem pri dinastii Sun i vnov' svereno Van Khun''yuanem. Pekin : Izdatel'stvo nauchnoi literatury Dukhui, 2005 g. – 643 s.)
22. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2016. 1621–1622 页. (Slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2016. S. 1621–1622.)
23. 杨春明. 从认知角度分析“云”族新词的生成. 成都师范学院学报. 2015, 31(08), 37–40页. (Yan Chun'min. Analiz porozhdeniya novykh slov semeistva "oblako" s kognitivnoi tochki zreniya. Zhurnal Chenduskogo pedagogicheskogo universiteta, 2015, 31(08), S. 37–40.)
24. 杨小敏. 古诗中云意象探微. 温州师范学院学报(哲学社会科学版), 2002(02), 24–27页. (Yan Syaomin. Issledovanie obrazov oblakov v drevnikh stikhakh. Zhurnal Ven'chzhouskogo

- normal'nogo kolledzha (izdanie po filosofii i sotsial'nym naukam) 2002(02), S. 24–27.)
25. 由越.“云XX”型新词研究. 汉字文, 2021(06), 10–11页. (Yu Yue. Issledovanie novykh slov tipa "oblako XX". Kitaiskie ieroglify, 2021(06), S. 10–11.)
26. 新华成语大词典. 商务印书馆辞书研究中心编. 北京: 商务印书馆, 2013. (Frazelogicheskogo slovarya kitaiskogo yazyka Sin'khua. Issledovatel'skogo tsentra leksikografii kommercheskogo izdatel'stva. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2013.)